TARTU ÜLIKOOL
1632
UNIVERSITAS TARTUENSIS

1909. Годъ 17.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

***

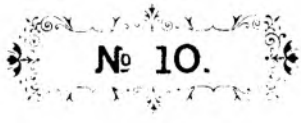
ACTA

ET

COMMENTATIONES

IMP. UNIVERSITATIS JURIEVENSIS

(OLIM DORPATENSIS).



ЮРЬЕВЪ.

Типография К. Маттисена.

1909.

Отъ редакціи.

Редакція „Ученыхъ Записокъ ИМПЕРАТОРСКАГО Юрьевскаго Университета" взамѣнъ особыхъ извѣщеній симъ имѣетъ честь предложить всѣмъ учрежденіямъ, редакціямъ и лицамъ, съ коими она состоитъ въ обмѣнѣ изданіями въ текущемъ 1909 году, продолжать этотъ обмѣнъ и въ будущемъ 1910 году.

Редакторъ Д. Кудрявскій.

1909. Годъ 17.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Маттисена.

1909

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Юрьевъ, 16 ноября 1909 г.

№ 2089. И. д. Ректора Проректоръ **В. Алексѣевъ.**

СОДЕРЖАНІЕ.

Оффиціальный отдѣлъ.

Стр.

Г. П. Михайловскій и П. И. Курскій. Геологическо-ботаническій экскурсія студентовъ Имп. Юрьевскаго Универс. въ Ревель и Нарву весной 1908 г. . . . . 1— 26

Приложенія.

П. А. Поляковъ. Основы гистологіи съ элементами эмбріологіи человѣка и позвоночныхъ . . . . . 1169—1248

А. Н. Миклашевскій. Исторія политической экономіи. . 273— 400

Karl Konrad Grass. Die russischen Sekten II . . . . . 113— 160

Г. П. Михайловскій и П. И. Курскій.

Геологическо-ботаническая экскурсія

студентовъ Императорскаго Юрьевскаго Университета

въ Ревель и Нарву

весной 1908 года.

Г. П. Михайловскій и П. И. Курскій.

Геологическо-ботаническая экскурсія

студентовъ Императорскаго Юрьевскаго университета

въ Ревель и Нарву.

Никто изъ людей, знакомыхъ съ техникой преподаванія естественныхъ наукъ въ высшей школѣ, не станетъ оспаривать того положенія, что практическія занятія и демонстраціонная часть преподаванія этихъ наукъ играютъ столь же важную роль, какъ и лекціи. Въ Юрьевскомъ университетѣ, какъ и въ другихъ, ведутся практическія упражненія по зоологіи, ботаникѣ и геологіи (съ палеонтологіей). Однако послѣдняя наука находится по сравненію съ зоологіей и ботаникой въ нѣсколько невыгодномъ положеніи потому, что на практическихъ занятіяхъ, какъ бы руководители не старались ихъ разнообразить, дѣло сводится къ препаровкѣ окаменѣлостей и опредѣленію ихъ, къ разбору профилей и картъ, къ ознакомленію съ моделями и рисунками. Въ результатѣ подобныя практическія занятія въ стѣнахъ университета даютъ слишкомъ мало. Даже такой простой пріемъ, какъ опредѣленіе компасомъ паденія и простиранія пластовъ нельзя показать на лекціи или на практическихъ занятіяхъ. Самые лучшіе рисунки, чертежи и модели не замѣняютъ при этомъ живой природы.

Для того, чтобы заинтересовать геологіей, необходимо научить людей наблюдать — въ противномъ случаѣ слу-

шатель, ознакомившійся на лекціяхъ напр. съ явленіями сдвиговъ и сбросовъ, не узнаетъ этихъ явленій въ полѣ. Необходимо научить оріентироваться по топографической картѣ, записывать свои наблюденія, собирать, какъ слѣдуетъ, палеонтологическій матеріалъ, связывать въ одно отдѣльныя части геологич. профиля, подмѣчать связь тектоники съ рельефомъ и т. д.

Съ этой точки зрѣнія ясно, насколько важными и необходимыми для будущихъ натуралистовъ являются экскурсіи по геологіи и, наоборотъ, насколько неправильнымъ и, въ сущности, мертвымъ явится преподаваніе геологіи безъ экскурсій.

По иниціативѣ студентовъ Юрьевскаго университета, вопросъ о студенческихъ экскурсіяхъ пріобрѣлъ значительный интересъ и Совѣтъ университета, пойдя на встрѣчу сознанной учащимися потребности, рѣшилъ придать студенческимъ экскурсіямъ не случайный, а вполнѣ опредѣленный характеръ, ассигновавъ на этотъ предметъ ежегодно опредѣленную сумму денегъ. Нельзя не сознаться, что Совѣтъ Юрьевскаго университета принялъ на себя иниціативу въ весьма серьезномъ и важномъ для цѣлей преподаванія дѣлѣ, т. к. сколько мнѣ извѣстно, въ другихъ университетахъ подобныя экскурсіи являются явленіемъ случайнымъ и не особенно часто повторяющимся.

Разъ Совѣтъ университета серьезно взглянулъ на это дѣло, на насъ — руководителей экскурсій этимъ самымъ была возложена нравственная обязанность стараться организовать эти экскурсіи такъ, чтобы при экономной затратѣ времени и отпущенныхъ средствъ, придать каждой экскурсіи серьезный характеръ и достигнуть при этомъ по возможности лучшихъ результатовъ.

На засѣданіяхъ экскурсіонной комиссіи я указывалъ, что однодневныя экскурсіи въ ближайшія окрестности Юрьева дѣло сравнительно простое и легкое, не требующее особыхъ денежныхъ ассигнованій. Подобныя экскурсіи практикуются

вездѣ, и слѣдовательно въ организаціи ихъ я особой заслуги не вижу. Вводить ихъ въ планъ преподаванія и дѣлать обязательными я тоже не считаю нужнымъ, такъ какъ подобная регламентація ихъ грозитъ живое, интересное дѣло превратить въ нѣчто обременительное и для руководителей и для студентовъ.

По сравненію съ зоологіей и ботаникой геологія находится въ Юрьевѣ въ невыгодномъ положеніи потому, что ближайшія окрестности города представляютъ мало интереса. Кромѣ нѣсколькихъ выходовъ девонскихъ песчаниковъ (Аррокюль, усадьба г-на фонъ Цур-Мюлена etc.) и валунныхъ глинъ учащимся показывать нечего. Поэтому однодневныя экскурсіи въ окрестностяхъ Юрьева, доставляя очень мало матеріала для наблюденій, никогда не будутъ играть серьезной роли въ преподаваніи геологіи.

Другое дѣло экскурсіи въ предѣлахъ вообще Прибалтійскаго края. Здѣсь на небольшомъ сравнительно пространствѣ можно участниковъ экскурсій ознакомить съ кембріемъ, съ полнымъ разрѣзомъ силура, заключающимъ множество окаменѣлостей, съ девономъ и даже, на границѣ края въ Попилянахъ, съ юрой. Любопытенъ весьма въ предѣлахъ края составъ ледниковыхъ отложеній и ихъ внѣшній рельефъ. Озы, конечныя морены, друммлины, береговые валы анцилусоваго моря — всѣ эти образованія весьма типичны и разнообразны въ Прибалтійскомъ краѣ Наконецъ, въ предѣлахъ его можно показать многое и по динамической геологіи — разрушающее дѣйствіе моря па глинтъ, явленія поднятія береговъ, карстовыя области, дюны и пирамидальные валуны на нихъ, водопады — все это можетъ быть осмотрѣно въ короткое время и съ незначительной, сравнительно, затратой средствъ.

Исходя изъ подобныхъ соображеній, мною предложено было нѣсколько плановъ экскурсій въ различныя мѣста края. Между прочимъ я предполагалъ посѣтить Нарву и Везенбергъ. Въ окрестностяхъ послѣдняго города можно

показать богатые окаменѣлостями везенбергскіе слои, затѣмъ большой, весьма типичный озъ и, наконецъ, возлѣ Везенберга находится извѣстная Кунда, любопытные разрѣзы которой доставили коллекцію, описанную проф. Гревингкомъ (кости животныхъ и издѣлія изъ нихъ, принадлежавшія неолитическому человѣку).

Однако на засѣданіяхъ экскурсіонной комиссіи проф. Кузнецовъ убѣдилъ меня отказаться отъ экскурсіи въ Везенбергъ, предложивъ сдѣлать экскурсію смѣшаннаго — геологическо-ботаническаго характера въ Ревель, заявивъ при этомъ, что окрестности этого города весьма интересны въ ботаническомъ отношеніи.

Такъ какъ Ревель и для геолога представляетъ также значительный интересъ, я охотно согласился устроить экскурсію совмѣстно съ проф. Кузнецовымъ въ Ревель.

Планъ экскурсіи былъ слѣдующій. Предполагалось сначала посѣтить Ревель съ геолого-ботаническими цѣлями. Затѣмъ проф. Кузнецовъ предполагалъ вернуться въ Юрьевъ, а съ нимъ могли возвратиться тѣ изъ экскурсантовъ, которые менѣе интересуются геологіей. Оставшіеся геологи подъ руководствомъ моимъ и В. В. Богачева ѣдутъ на водопадъ Ягговаль, возвращаются затѣмъ въ Ревель, и изъ Ревеля ѣдутъ въ Нарву; послѣ осмотра Нарвскаго водопада и классическаго разрѣза ниже его, возвращаются обратно въ Юрьевъ.

Ко дню выѣзда экскурсіи однако выяснилось, что проф. Н. И. Кузнецовъ принять участіе въ экскурсіи не можетъ, а вмѣсто него руководителемъ ботаниковъ явится приватъ-доцентъ Болеславъ Болеславовичъ Гриневецкій.

Сборы и приготовленія по экскурсіи производились слѣд. образомъ. Прежде всего было установлено число желающихъ и ихъ составъ. Съ этой цѣлью было вывѣшено объявленіе, подъ которымъ на листѣ велась запись желающихъ до опредѣленнаго срока. Желающихъ оказалось нѣсколько больше, чѣмъ предполагалось и выборъ изъ

нихъ былъ произведенъ самими студентами, причемъ соблюдалось условіе, поставленное проф. Михайловскимъ — отдавать предпочтеніе студентамъ старшихъ курсовъ, прослушавшимъ или слушающимъ курсъ геологіи. Когда выяснился составъ ѣдущихъ въ экскурсію, былъ организованъ рядъ собесѣдованій. На этихъ бесѣдахъ съ одной стороны проф. Михайловскимъ былъ данъ краткій очеркъ геологическаго строенія тѣхъ мѣстностей, которыя предполагалось посѣтить, причемъ руководителями экскурсіи были показаны многія изъ окаменѣлостей, которыя характеризуютъ кембрій и нижній силуръ Прибалтійскаго края. Съ другой стороны была выяснена хозяйственная сторона дѣла. Университетъ взялъ на свой счетъ перевозку экскурсантовъ и ихъ багажа, наемъ помѣщеній въ гостинницахъ и нѣкоторые мелкіе расходы (храненіе багажа, вознагражденіе прислуги etc.). Что же касается расходовъ на продовольствіе, то былъ установленъ слѣд. принципъ: студентъ на свое содержаніе тратитъ изъ своихъ средствъ 50 коп., а добавочные расходы по продовольствію беретъ на себя университетъ. Для завѣдыванія хозяйственною стороной дѣла была выбрана комиссія изъ 8 лицъ.

Изъ прилагаемаго счета видно, насколько экономно велось студентами расходованіе казенныхъ денегъ. Къ чести экскурсіонной комиссіи вообще нужно замѣтить, что при соблюденіи самой строгой экономіи, она весьма умѣло выполнила свои обязанности, не заставляя экскурсантовъ терпѣть въ чемъ-либо существенную нужду.

Ниже помѣщаемое описаніе экскурсіи составлено студентомъ-ботаникомъ П. И. Курскимъ, который интересуется также и геологіей. Описаніе это пополнено въ нѣсколькихъ мѣстахъ В. В. Богачевымъ и мною. Окаменѣлости, собранныя во время экскурсіи, опредѣлены студентомъ-геологомъ Н. И. Василевскимъ.

Такимъ образомъ описаніе экскурсіи и результаты ея представлены самими учащимися, что является интереснымъ

въ педагогическомъ отношеніи, свидѣтельствуя о томъ, насколько сознательно отнеслись къ экскурсіи сами студенты.

Хотя авторами статьи являются студенты, на ней поставлена моя фамилія, такъ какъ это требуется для напечатанія этого описанія въ нашемъ университетскомъ органѣ.

Отъѣздъ изъ Юрьева былъ назначенъ 14/V въ 1 ч. 40 м. ночи. Къ этому времени собрались всѣ экскурсанты подходящимъ образомъ одѣтые и, помѣстившись въ отдѣльномъ вагонѣ, отправились. Въ 8 ч. утра прибыли въ Ревель. На вокзалѣ насъ встрѣтили предсѣдатель мѣстнаго общества естествоиспытателей г. Petersohn и аптекарь г. Lebert, любитель-ботаникъ и знатокъ злаковъ. Вмѣстѣ съ ними, воспользовавшись любезнымъ приглашеніемъ г. Lebert'a, мы прошли къ нему на квартиру, гдѣ намъ былъ предложенъ любезными хозяевами чай и закуска. Въ 10 ч. утра, вооружившись молотками, ботанизирками и прочими принадлежностями, экскурсанты отправились къ морю. Путь былъ избранъ черезъ Katharinenthal — одно изъ наиболѣе красивыхъ мѣстностей въ Ревелѣ. Городъ видѣли только мелькомъ, по пути, хотя большая часть участниковъ экскурсіи видѣла его впервые и невольно интересовалась его узкими, средневѣковыми улицами, площадями, оригинальною архитектурою; терять, однако, время на осмотръ города никому не хотѣлось : всѣхъ тянуло за городъ, на морской берегъ, на кембрійскія обнаженія. На наше счастье погода была великолѣпная : съ синяго неба свѣтило яркое весеннее солнце, легкій вѣтерокъ, набѣгавшій съ моря, умѣряя жаръ, вносилъ все больше и больше оживленія въ толпу экскурсантовъ ; отъ плохо проведенной въ вагонѣ ночи не осталось и слѣда.

На берегу моря, у памятника „Русалкѣ“ мы остановились, любуясь зеленоватымъ, затянутымъ легкой дымкой тумана моремъ, тамъ и здѣсь бѣлѣвшими какъ одинокія чайки парусными судами, черными полосками паровыхъ судовъ, показавшихся на горизонтѣ . . . Долго не хотѣлось уходить

отъ подножія гранитнаго памятника туда — на виднѣвшійся вправо обрывъ глинта.

Осмотрѣвъ гранитъ памятника и особенно рѣзко выдѣлявшуюся разновидность „рапакиви“, мы спустились къ морю. Здѣсь прежде всего обратили на себя вниманіе разбросанные во множествѣ валуны — отголоски давно минувшаго ледниковаго періода; но нѣкоторые изъ нихъ, достигавшіе особенно почтенной величины, рѣзко отличались отъ другихъ своими мало обтертыми поверхностями, почти кубическою формою: видно было, что ледникъ или ихъ вовсе не касался или только слабо, не оставивъ замѣтныхъ слѣдовъ; весьма возможно, что они перенесены уже послѣ ледниковаго періода на морскомъ льдѣ отъ береговъ Скандинавіи, или Финляндіи, аналогичное явленіе, по словамъ проф. Михайловскаго, было уже констатировано нѣкоторыми наблюдателями для Ревельской бухты. Отлогій берегъ усыпанный пескомъ, былъ покрытъ множествомъ раковинъ Tellina baltica, перемѣшанныхъ съ остатками и обрывками водорослей: Fucus, Ulva и др.; здѣсь же не мало и городской грязи, въ видѣ всевозможныхъ отбросовъ, смѣшанныхъ съ отбросами моря. И насколько красивъ берегъ издали, настолько же онъ непріятенъ вблизи, гдѣ вся эта грязь безпрерывно смачиваемая водой, сильно разлагается и отравляетъ воздухъ. Поиски раковинъ современныхъ моллюсковъ увѣнчались незначительнымъ успѣхомъ, кромѣ упомянутой Tellina baltica, наидены въ незначительномъ количествѣ Mya arenaria, Mytilus edulis, Cardium edule, карликовыя формы, не достигающія въ Балтійскомъ морѣ нормальной величины, вслѣдствіе чрезмѣрнаго его опрѣсненія. Кромѣ раковинъ, находимы были также довольно многочисленные остатки ракообразнаго Idothea entomon.

Водорослей, вѣрнѣе ихъ обрывковъ, встрѣчается здѣсь мало, онѣ показываются въ большемъ количествѣ дальше, къ имѣнію Marienberg, образуя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ

сплошную прибережную полосу, отчасти обсохшую, отчасти еще лежащую въ водѣ.

Подходимъ къ глинту; берегъ дѣлается замѣтно выше, обрывистѣе, мѣстами онъ заросъ, особенно у названнаго имѣнія; здѣсь встрѣчены: Alnus incana L., Anemone nemorosa L., Chelidonium majus L., Sesleria coerulea Ard., Tussilago Farfara L., Ficaria ranunculoides Roth. Послѣдніе два обратили на себя большее вниманіе первые — какъ примѣръ измѣненія геліотропизма въ цвѣточныхъ стрѣлкахъ до, во время и послѣ цвѣтенія. Дѣйствительно сравнивая отдѣльные экземпляры, взятые въ подходящихъ стадіяхъ развитія, мы могли ясно убѣдиться, что у Tussilago Farfara цвѣточныя стрѣлки до раскрытія цвѣтовъ сильно согнутыя, съ свѣшивающейся внизъ верхушкою — геліотропизмъ положительный, — по мѣрѣ готовности цвѣтка начинаютъ выпрямляться, геліотропизмъ дѣлается отрицательнымъ, послѣ же цвѣтенія стрѣлка снова сгибается, возвращаясь въ стадію геліотропизма отрицательнаго. У Ficaria ranunculoides Roth были собраны клубеньки, развивающіеся въ пазухахъ листьевъ и подъ основаніемъ ихъ черешковъ; эти клубеньки падая на землю, прорастаютъ, даютъ так. обр. этому виду возможность продолжать свое существованіе. Способъ размноженія клубеньками для Ficaria является настолько удобнымъ и примѣнимымъ, что далеко оставляетъ за собою размноженіе сѣменами, которыя у него почти никогда и не развиваются.

Дальше начались оползни береговой террасы; глинтъ обнажился; къ сожалѣнію только, смѣстившіеся сверху слои, смѣшавшись съ ниже лежащими, значительно замаскировали геологическое строеніе обрыва и только счастливо сохранившіяся мѣста дали возможность нѣкоторой оріентировки.

Проф. Михайловскій, подробно разсказавъ строеніе глинта, показалъ, что въ нижнихъ слояхъ залегала голубая глина съ поліэдрической отдѣльностью, — слой особенно плохо замѣтный, — на немъ лежитъ песчаникъ, съ

частыми узловатыми стяженіями, затѣмъ выше жирныя глины съ частыми прослойками песчаника. Слой слѣдующій, характеризующійся раковинками плеченогаго Mickwitzia monilifera и предполагаемыми отливами внутренней полости медузъ, описанными подъ названіемъ Medusites Lindströmii, выдѣлить ясно не удалось, т. к. руководящаго ископаемаго, Mickwitzia, мы не нашли, а залегающіе ниже песчаники по цвѣту и отдѣльности отъ этого слоя ничѣмъ не разнятся. Выше песчаника лежитъ глина, прикрытая охристымъ песчаникомъ и лежащимъ на немъ растительнымъ слоемъ. Охристый песчаникъ несравненно лучше выступаетъ дальше, по тому-же берегу, гдѣ на него налегаетъ силурійскій известнякъ. На одномъ изъ выступовъ песчаника было показано примѣненіе горнаго компаса.

Берегъ здѣсь какъ и раньше заваленъ валунами, обломками фукоиднаго песчаника, съ ясными отпечатками Eophyton, давшаго названіе этому слою. Истинная природа этихъ отпечатковъ еще не выяснена. Ихъ разсматривали то за отпечатки водорослей, то за слѣды червей, то, наконецъ, за слѣды струй.

Осмотрѣвъ обнаженія кембрійскихъ слоевъ, составляющихъ первую береговую террасу, выяснили отчасти отношеніе ихъ къ вышезалегающимъ пластамъ силура, причемъ не безъ труда и послѣ долгихъ поисковъ нашли лишь незначительные выходы темнаго глинистаго сланца съ граптолитомъ Dictyonema flabelliformis, представляющаго самый верхній горизонтъ кембрійскихъ отложеній. Впрочемъ, въ настоящее время нѣкоторые геологи относятъ диктіонемовые сланцы къ низамъ силурійской системы (изъ русскихъ — В. В. Ламанскій); — тутъ мы поднялись на верхъ террасы, представляющей собою послѣднюю ступень къ морю. Верхъ ея былъ совершенно ровный, слегка только поднимавшійся у подножія второй террасы, болѣе высокой, чѣмъ первая, вверху которой свѣтлѣли силурійскіе извест-

няки. Терраса покрыта луговою растительностью; сзади имѣнія Маріенбергъ, расположеннаго на ней, начинаются кустарники и рѣдкій лѣсокъ, поднимающійся вверхъ по склону. Растительность силено запоздала и не представляла собою особаго интереса; на лугу виднѣлись нераспустившіеся Trollius europaeus L., Sesleria coerulea, другихъ травъ въ цвѣтахъ не замѣчено. Пройдя Marienberg, мы начали подниматься по склону второй террасы, пробираясь между обломковъ плитъ известняка, обильно ссыпавшихся сверху. Въ самомъ верху шла сплошная стѣна известняка, почти совершенно обнаженная, ниже склонъ былъ отлогій и здѣсь раскинулась жидкая рощица изъ Fralinus excelsior L., смѣшаннаго съ Sorbus aucuparia L., Prunus Padus L.; среди подлѣска замѣчены Lonicera Xylosteum L., Valeriane officinalis L., Polemonium coeruleum L., Vicia (sp.), Fragaria vesca L., Ranunculus acer L., Geranium silvaticum L., Equisetum pratense Ehrh., Primula officinalis L. Все это размѣщалось между обломковъ известняка, большею частью затянутыхъ покровомъ мховъ Brachythecium (sp.), Hylocomium triquetrum L. и др. Вверху въ щеляхъ известковой стѣны пріютились Cystopteris fragilis Bernh., Ceratodon purpureus и др. Преодолѣвъ не безъ труда эту природную стѣну, мы вошли въ поле обломковъ; вся поверхность почвы была изрыта, насыпаны кучи известняка, естественные выходы пластовъ были засыпаны, только мѣстами можно было установить ихъ послѣдовательность на незначительную глубину. Массы битаго известняка дали богатый матеріалъ; собрано значительное количество окаменѣлостей, характерныхъ для нижняго отдѣла силура. Ортоцератиты, ядра гастероподъ, брахіопода — Orthisina squamata и Monticulipora petropolitana.

Изъ ботаническихъ находокъ особый интересъ представляла собою Cerastium alpinum, реликтовая форма, замѣченная здѣсь въ значительныхъ количествахъ. Оно позволяетъ сдѣлать предположеніе, что въ періодъ оледенѣнія

ледникъ не лежалъ здѣсь сплошнымъ покровомъ, или что немногіе каменистые холмы раньше окружающаго ихъ пространства освободились отъ льда и какъ послѣднее воспоминаніе о томъ суровомъ климатѣ, который здѣсь тогда царствовалъ, осталось это альпійское растеніе, сохранившееся здѣсь, благодаря тѣмъ въ высшей степени неблагопріятнымъ условіямъ, какія представляетъ собою сплошной известнякъ, куда вслѣдствіе этого другая растительность проникаетъ и уживается съ большимъ трудомъ и не представляетъ, так. об., серьезной конкуренціи для Cerastium alpinum въ борьбѣ за жизнь. Дѣйствительно мы здѣсь видимъ только разрозненныхъ вообще рѣдкихъ обитателей въ видѣ Potentilla verna (P. alpestris), Senecio campestris, Saxifraga tridactylites, а затѣмъ сорняки и то немногочисленные: Draba verna L., D. nemorosa L., Androsace septentrionalis L. и Cerastina triviale Link.

По дорогѣ къ маяку, гдѣ предположено было сдѣлать остановку, интересовались каждымъ встрѣчающимся обломкомъ известняка, осматривали сложенныя изъ нихъ изгороди, особенно интересными находками являлись куски эхиносферитоваго известняка, пронизанные вертикальными трубками съ охрою и куски вагинатоваго съ красиво выдѣлившимися кристаллами кальцита и сѣрнаго колчедана. Даже самый голубой цвѣтъ известняковъ, по мнѣнію В. Б—ва, зависитъ отъ весьма мелко распыленнаго сѣрнаго колчедана.

Въ каменоломняхъ Лааксберга намъ впервые представился чистый, хорошій разрѣзъ нижняго отдѣла силурійскихъ отложеній. Здѣсь, пользуясь схемою акад. Schmidt'a, возможно было бы установить послѣдовательно и мелкія подраздѣленія составляющихъ пластовъ, но проф. Михайловскій, во избѣжаніе излишней путаницы въ частностяхъ, выдѣлилъ только основные ярусы B и C, по Schmidt'y: нижній ярусъ — глауконитовый известнякъ, до 1 m. мощности, довольно плотнаго сложенія, выше залегаетъ эхиносферитовый, получившій свое названіе отъ нахожденія въ немъ

Echinosphaerites aurantium особенно рѣзко характеризующійся указанными выше вертикальными трубками съ охрой. Верхніе слои голубовато-бѣлаго цвѣта, по мѣрѣ поднятія все чаще и сильнѣе разбиты трещинами.

Осмотрѣвъ разрѣзъ, экскурсанты разсыпались среди массъ обломковъ известняка и значительно пополнили свои коллекціи. День клонился къ вечеру — пора было возвращаться въ городъ.

Ночевать предполагалось сначала всѣмъ въ „Московской гостинницѣ," но мѣста для 25 ч. было мало. Выручила чрезвычайная любезность директора и инспектора городского училища имени Екатерины II, предложившихъ воспользоваться одной изъ свободныхъ комнатъ училища, здѣсь и размѣстились не имѣвшіе мѣста въ гостинницѣ и оказались въ общемъ въ несравненно лучшихъ условіяхъ, чѣмъ остальные товарищи.

16 Мая были осмотрѣны исчезающій ручей Jegelecht и водопадъ Jaggowal, въ 30 в. отъ города. Изъ Ревеля мы выѣхали въ 7 ч. утра на лошадяхъ, направляясь по пути, описанному акад. Schmidt'омъ. Дорога идетъ вдоль второй береговой террасы, на лѣво море, на право моренная равнина, затянутая сѣтью изгородей изъ плитъ известняка. Нижняя терраса мѣстами ширится, на ней раскидываются березовые и еловые лѣса, виднѣются изрѣдка дачи, на верху второй террасы около дороги — небольшіе кустарники Alnus incana L., желтѣютъ Primula officinalis L. и Taraxacum officinale Wigg. На 14 верстѣ у моста была сдѣлана остановка. Въ этомъ мѣстѣ ручей прорѣзываетъ и валъ верха террасы и самую террасу, обнаруживая ихъ сложеніе. По почвѣ разбросаны среднихъ размѣровъ валуны, грунтъ песчаный, покрытый жидкою растительностью: Alnus incana L., Pulsatilla pratensis Mill., роскошно развитые экземпляры Androsace septentrionalis L., Potentilla verna, Viola arenaria DC., Botrychium lunaria Sw. и др. Валъ края террасы, какъ видно въ разрѣзѣ, сложенъ въ верхнихъ слояхъ изъ гладко

обточенныхъ, прочно сцементированныхъ пескомъ галекъ известняка, гранитовъ, охристаго, ярко-желтаго песчаника. Слой этотъ достигаетъ мощности до 2 m. Ниже лежатъ явственно слоистые рыхлые пески, спускающіеся къ низу. Это — несомнѣнный древній морской береговой валъ. До настоящаго времени, однако, морскихъ раковинъ здѣсь не было находимо. Высота этого вала надъ поверхностью современнаго Балтійскаго моря достигаетъ, приблизительно 7—8 mtr. Можно предполагать послѣтретичное (и даже послѣледниковое) поднятіе южнаго побережья Балтійскаго моря. Пройдя ущелье, ручей круто повертываетъ на лѣво и сильно размываетъ правый берегъ: вѣроятно прежде ручей шелъ прямо, но, по мѣрѣ размыванія берегового вала съ его сравнительно легко передвигаемымъ матерьяломъ изъ галекъ и песка, прежнее русло настолько засорилось, что вода вынуждена была искать себѣ другого выхода и повернула налѣво. Противъ выхода мы, дѣйствительно, и наблюдаемъ довольно широкую площадь сплошь усыпанную гальками, еще не покрытыми ни почвеннымъ слоемъ, ни растеніями. Дальнѣйшая дорога до р. Jegelecht ничего особеннаго не представляла: равнина чаще распаханная, съ кой-гдѣ виднѣвшимися на горизонтѣ набольшими лѣсами. У моста чрезъ р. Jegelecht экскурсанты вновь покинули лошадей и пѣшкомъ направились по теченію этого ручья.

Ниже деревни ручей нѣкоторое время продолжаетъ спокойно течь, не отличаясь ничѣмъ отъ тысячи себѣ подобныхъ. Однако нѣсколько ниже по теченію ручья растилается обширное поле, на которомъ чрезвычайно ясно выступаютъ т. наз. карстовыя явленія, столь свойственныя странамъ, въ которыхъ легко растворимыя породы подходятъ близко къ поверхности земли. Карстовыя явленія состоятъ здѣсь въ слѣдующемъ. По сторонамъ, вблизи береговъ ручья начинаютъ попадаться какія-то странныя ямы глубиною до 1 $^1/_2$ аршинъ, то сухія, то съ незначительнымъ количествомъ воды на самомъ днѣ. Въ самомъ

ручьѣ тоже начинаются измѣненія: его русло то расширяется, то внезапно съуживается; по его теченію все чаще встрѣчаются широкія, внезапно выступающія, съ рѣзкими краями ямы и зіяющія трещины, глубиною до 4 саж., сообщающіяся между собою узкимъ русломъ ручья. Профессоромъ Михайловскимъ было обращено вниманіе на то обстоятельство, что эти трещины, въ общемъ совпадая съ направленіемъ простиранія известняковъ, являются параллельными другъ-другу. Наличность этихъ трещинъ, по мнѣнію проф. Михайловскаго, вѣроятно обусловливаетъ первую стадію возникновенія водопадовъ, столь нерѣдкихъ въ этой части Эстляндіи. Въ этихъ перемычкахъ русло, по мѣрѣ удаленія отъ деревни, становится все бѣднѣе и бѣднѣе водою, на днѣ показывается обычная луговая трава, — видно, что вода течетъ здѣсь недолго, только въ періоды незначительно удаленные отъ половодья, а затѣмъ сообщеніе между ямами прекращается. Немного дальше, и мѣстами вода уже не проходитъ на поверхности изъ одной ямы въ другую; ручей какъ-бы вливается въ эти водовмѣстилища со спокойною темною водою, но дальше онъ вновь выступаетъ, вновь течетъ, чтобы опять исчезнуть черезъ нѣсколько сажень . . . Еще немного дальше, и ручей, разбившись на нѣсколько рукавовъ, прячется подъ навѣсы плитъ известняка уже совсѣмъ и не показывается почти до самаго имѣнія Kostifer, пролагая себѣ путь гдѣ-то подъ землею. Съ мѣста исчезновенія ручья почти до выхода его на поверхность мѣстность представляетъ странную картину. На широкомъ пространствѣ она вся изрыта какъ будто-бы здѣсь работала какая-то гигантская кирка, пробившая глубокія щели и скважины въ крѣпкихъ пластахъ известняковъ; мѣстами встрѣчаются глубокіе колодцы съ чернѣющею внизу водою, до 7 аршинъ. Ложе ручья разбито, извивается, дѣлится на рукава, уходитъ въ тупики, по бокамъ нависаютъ подмытыя плиты известняка, здѣсь онѣ обвалились, тамъ образовали каменный столъ, а дальше

виднѣются тѣ же исковерканные, разбитые, поставленные часто на голову пласты. Видно, что внутри, подъ покровомъ известняковъ, вода проложила себѣ тысячи дорогъ, размыла нижніе слои, образовала пещеры, и верхніе слои, лишенные основанія, не выдержавъ тяжести, упали, сдвинулись, а она вновь прокладываетъ чрезъ нихъ дорогу, вновь ихъ размываетъ и разрушаетъ.

Между выступами вагинатоваго известняка встрѣчаются каналы, выполненные темнымъ иломъ съ современными рѣчными моллюсками: Limnaea ovata, Limnaea auricularis, Limnophysa palustris, Planorbis marginatus, Planorbis corneus, Bythinia tentaculata, Sphaerium corneum, Anodonta sp? Это — слѣды прежняго надземнаго теченія ручья, или весеннихъ его разливовъ, когда часть воды, не умѣщаясь въ подземномъ руслѣ, стекаетъ по дневной поверхности.

Ближе къ д. Jeglecht мѣстность носитъ болѣе спокойный характеръ, нѣтъ той хаотической картины, которую мы видѣли раньше. Сухое ложе ручья и окружающая мѣстность покрыта тощею растительностью: Tuideum abietinum, Funaria hydrometrica L., Sedum acre L., S. album, S. maximum, Anemone silvestris L., Allium Schoenoprasum, Rubus caesius L., и рѣдкіе злаки.

Jaggowal небольшая неглубокая рѣчка съ низкими берегами, вода въ ней течетъ довольно быстро, но спокойно. По мѣрѣ приближенія къ мѣсту паденія, скорость быстро возростаетъ, рѣчка разливается довольно широко по поверхности пластовъ вагинатоваго известняка, переполненнаго огромнѣйшими ядрами Endoceras vaginatum (1 mtr. и болѣе длиной), содрогается, пѣнится у встрѣчныхъ камней, и шумно срывается съ крутого обрыва, 3 саж. 1 футъ высотой (6.4 mtr); грязноватая вода ея прорѣзывается свѣтлыми полосами, вверху золотится, ниже пѣнится, съ силой ударяется въ подножіе водопада, поднимая тонкое бѣлое или радужное облако водяныхъ брызгъ и пыли. Внизу,

у лѣваго берега, гдѣ падаетъ наибольшая часть воды, образуется сильный водоворотъ; вырвавшись изъ него, рѣчка, клубясь и пѣнясь, наискось несется къ правому берегу; водоворотъ праваго берега почти незамѣтенъ, вслѣдствіе чего онъ не можетъ оказывать на несущуюся отъ лѣваго берега воду замѣтнаго вліянія и сдерживать ея размывающее дѣйствіе относительно этого берега. Результатомъ этого явленія является подмываніе праваго берега, его постоянные обвалы, тогда какъ лѣвый берегъ отлогъ, заросъ кустарниками и травою. Здѣсь на этомъ берегу можно видѣть Salix driandra L., S. nigricans Sm., Alnus incana L., Digraphis arundinacea Trin., Phragmites communis Trin., Melandryum rubrum, а повыше Saxifraga granulosa, Primula officinalis L. и др. Разрѣзъ праваго берега даетъ слѣдующую картину строенія мѣстности: вверху подъ тонкимъ растительнымъ слоемъ залегаютъ прочные эхиносферитовый и ортоцератитовый известняки, подъ ними толстый слой песчано-мергелистой глины, породы красиваго голубого цвѣта, съ прослойками глауконитоваго мергеля, уже не столь устойчивой при дѣйствіи воды, низъ занимаетъ диктіонемовый сланецъ, достигающій поверхности воды. Характеръ сложенія изъ крѣпкихъ известняковъ въ верхнихъ слояхъ и слабыхъ глинъ въ нижнихъ и обусловливаетъ собою существованіе водопада, когда падающая вода, скатываясь со слоевъ известняковъ, встрѣчая внизу слабую породу, размываетъ ее, верхніе слои лишенные опоры, отрываются и безпрерывно поддерживаютъ крутизну обрыва. 2 участника экскурсіи проникли подъ струи водопада и прошли подъ этимъ уступомъ, подъ рѣкой, на противоположный берегъ. Ширина падающей струи воды была 15—20 саженей. Подъ струею водопада оказался узкій проходъ, мѣстами — не шире $^3/_4$ аршина, загроможденный камнями, обросшими зелеными водорослями. Вагинатовый известнякъ образовалъ какъ бы навѣсъ, разсѣченный многочисленными трещинами, изъ которыхъ бѣжали струи воды. Нижняя часть прохода, образовавшагося отъ вымыванія мягкихъ

мергелей, была наполнена мельчайшей водяною пылью. Высота его была очень непостоянна. Стѣна воды водопада, желтаго цвѣта, отдѣляла вполнѣ проходъ отъ внѣшняго міра. Шумъ водопада, кажется, былъ здѣсь не особенно оглушителенъ.

Въ мергелѣ здѣсь найдены плохія окаменѣлости, изъ которыхъ упомянемъ Siphonotreta af. unguiculata Eichw.

Пробѣжавъ около 100 с., рѣчка круто поворачиваетъ на право. Берега здѣсь слабо подмываются и покрыты растительностью, хотя рѣчка и здѣсь все еще носитъ горный характеръ: шумя и пѣнясь несется среди обломковъ известняковъ. Очевидно, пространство русла, загроможденное камнями, представляетъ путь отступанія водопада вверхъ по теченію рѣки. Благодаря постепенному обрушенію плотныхъ известняковъ и вымыванію мягкихъ мергелей, водопадъ рѣки Jaggowal отступалъ до мѣста сліянія съ ручьемъ Jeglecht; отсюда, слѣдуя направленію наиболѣе мощнаго, сильнаго потока, водопадъ отступаетъ вверхъ по теченію р. Jaggowal, т. е. уходитъ въ направленіи почти подъ прямымъ угломъ къ прежнему. Именно обрушившимися кусками вагинатоваго известняка уступа и загромождено его русло. Заросли лѣваго берега образованы кустарниками съ рѣдкими деревьями: Alnus incana L., Betula verrucosa Ehrh., Juniperus communis L., злаки Hylocomium triquetrum, Hypnum Schreberi Willd. Растительный покровъ опускается только до половины склона, ниже — выходы кембрійскихъ пластовъ. У воды, по разсыпавшимся песчаникамъ наблюдаются Marschantia polymorpha, Trichostomum rubellum, Bryum argenteum, Ceratodon purpureus, Pottia и др. мхи. Выступающіе здѣсь внизу слои песчаника принадлежатъ къ верхнему кембрію. Въ самомъ низу залегаетъ унгулитовый песчаникъ очень мощнымъ слоемъ, въ верхнихъ слояхъ его количество Obolus Apollinis Pand. сильно возрастаетъ и порода принимаетъ черный цвѣтъ, являясь почти всецѣло составленной изъ обломковъ раковинъ этого плеченогаго. Слѣдующій выше

слой диктіонемоваго сланца разбитъ на нѣсколько мелкихъ слоевъ довольно широкими прослойками того-же унгулитоваго песчаника, но въ самомъ верху лежитъ, однако, сланецъ, весьма богатый линзообразными включеніями и неровными прослойками сѣрнаго колчедана, и онъ уже прикрывается силурійскими известняками. Здѣсь проф. Г. П. Михайловскимъ было указано, что перерывъ между этими кембрійскими и налегающими силурійскими слоями столь неясенъ, что нѣкоторые ученые (въ послѣднее время — Ламанскій) причисляютъ оболовый песчаникъ, вмѣстѣ съ диктіонемовымъ сланцемъ, къ самымъ нижнимъ горизонтамъ силурійской системы, что врядъ ли правильно.

Осмотромъ этого мѣста экскурсія 16/V была окончена, и къ 10 ч. вечера мы вернулись въ городъ.

Слѣдующій день былъ посвященъ осмотру самого города и въ особенности мѣстнаго музея, гдѣ хранится прекрасная коллекція мѣстныхъ отложеній силурійской и кембрійской системы. Въ этотъ-же день, вечеромъ мы покинули Ревель, направляясь къ послѣднему намѣченному для осмотра пункту — окрестностямъ Нарвы.

Въ Нарву мы пріѣхали въ 5 ч. утра, напились чаю и закусивъ оставшимися припасами, около 7 часовъ утра тронулись въ путь. День выдался жаркій: не смотря на ранній часъ, чувствовалась духота, утомленіе, сказывающееся еще въ прошлые сутки, выступило сильнѣе. Не послѣднюю роль сыграла въ данномъ случаѣ только что проведенная не совсѣмъ удобно ночь, т. к. въ Ревелѣ намъ былъ данъ вагонъ старой системы и спать пришлось половинѣ участниковъ на полкахъ для вещей, а двое вынуждены были даже помѣститься на полу. Рѣка Нарова передъ водопадомъ дѣлится островомъ Кренгольмомъ на два рукава, образуя по обѣимъ его сторонамъ по водопаду. Берега и островъ кругомъ водопада застроены фабриками, и въ предупрежденіе размыванія, обложены тесаными плитами известняка. Доступнымъ для публики является только

лѣвый водопадъ, а на правый, плотно застроенный фабриками, посторонніе не допускаются. На лѣвомъ рукавѣ противъ водопада устроена спеціальная площадка, откуда открывается боковой видъ на водопадъ. Масса воды, скользящая по верху водопада какъ то спокойно, точно сознавая свою силу, вдругъ сбрасывается съ каменнаго уступа внизъ и здѣсь поднимается цѣлый ураганъ: бѣлые клубы пѣны извиваются, подпрыгиваютъ вверхъ, клокочутъ, поднимая тонкую водяную пыль, и вдругъ стремительно бросаются впередъ.

Главная масса воды падаетъ ближе къ правому берегу, образуя сильный водоворотъ, отбрасывающій воду къ лѣвому берегу. Послѣдній сильно размытъ, особенно у кладбища, и защищается теперь сваями и плотиною отъ дѣйствія обратного тока воды вдоль этого берега.

Ниже водопада, поперекъ рѣки, видны стремнины, замѣченныя еще Венюковымъ. Въ этихъ мѣстахъ поперекъ рѣки идутъ рвы, вода падаетъ внизъ и затѣмъ съ силой выбрасываясь даетъ поперечный гребень, съ перваго взгляда напоминающій пороги. По объясненію Венюкова, въ этихъ мѣстахъ водопадъ почему-то задерживался дольше на одномъ мѣстѣ и низвергающаяся сверху вода выбила у его основанія ровъ, а когда водопадъ отступилъ дальше, рвы остались и служатъ причиною указаннаго явленія. По предположенію проф. Михайловскаго эти рвы происходятъ вслѣдствіе большихъ трещинъ въ породахъ, идущихъ поперекъ ложа рѣки. Вода, падая въ эти трещины, углубляетъ эти рвы. Осмотрѣвъ водопадъ лѣваго рукава рѣки, мы захотѣли взглянуть и на другой правый, болѣе мощный, чѣмъ первый, но оказалось, что безъ разрѣшенія директора туда пройти невозможно. Послѣ нѣкоторыхъ стараній проф. Михайловскому всетаки удалось испросить намъ разрѣшеніе на проходъ.

Картина паденія воды въ правомъ водопадѣ въ общемъ та же, только большая мощь паденія, и болѣе рѣзко

выступаютъ стремнины. Обойдя островъ, мы прежнею дорогою возвратились къ желѣзнодорожному мосту и перешли на правый берегъ рѣки. Сильно обрывитый берегъ почти до самаго водопада отъ моста представляетъ собою дивный разрѣзъ верхне-кембрійскихъ и нижнесилурійскихъ отложеній, хорошо иллюстрируя отношеніе между тѣми и другими пластами. Въ самомъ верху подъ почвеннымъ покровомъ лежатъ толщи силурійскихъ известниковъ, образующихъ ложе рѣки выше водопада; эхиносферитовый, отчасти доломитизированный, до 3 m. мощности (по Шмидту), ниже его вагинатовый (3 m.) и глауконитовый 3,3 m. Дальше начинаются рыхлыя породы: послѣдній слой силура глауконитовый песчаникъ, зеленоватаго цвѣта, во многихъ мѣстахъ выраженный очень рѣзко, незначительной толщины, 0,2 m. и, какъ удалось наблюдать, переходящій въ рыхлый глауконитовый песокъ, содержащій до 65%, по счету, зеренъ темнозеленаго глауконита. Глубже залегаетъ унгулитовый песчаникъ, сѣроватый на поверхности и красный при разрываніи, съ значительнымъ количествомъ Obolus. Раковинки Obolus Apollinis и Orthisina въ особенно хорошей сохранности найдены здѣсь, на верхней сторонѣ выступовъ этой породы, гдѣ она подвергается медленному и осторожному размыванію дождевой водою. Затѣмъ слѣдуетъ слой фукоиднаго песчаника съ загадочными изогнутыми, частію — вѣтвистыми рельефными или вогнутыми отпечатками, а самое подножіе обрыва занимаетъ голубая глина, обнаруживающаяся, правда, только близъ желѣзно-дорожнаго моста.

Площадка въ нѣсколько саженъ ширины завалена обломками известняка съ крупными ортоцератитами, трилобитами, ближе къ мосту она съуживается и у моста берегъ опускается прямо въ воду. Долго мы бродили здѣсь, выбивая окаменѣлости, разсматривая породы, ихъ залеганіе и отношеніе другъ къ другу. Около 2 часовъ пополудни возратились на вокзалъ и утромъ 19 мая

нѣсколько усталые, но богатые воспоминаніями вернулись въ Юрьевъ.

Эта экскурсія съ особенной яркостью подчеркнула еще разъ всѣми уже признанную необходимость вообще экскурсій для студентовъ-естественниковъ, она показала, что какъ бы ни были хороши описанія какой-либо мѣстности въ томъ или другомъ научномъ смыслѣ, всетаки непосредственный ихъ осмотръ, и особенно при опытныхъ руководителяхъ, даетъ больше свѣдѣній, большую яркость представленій, чѣмъ даже самое лучшее описаніе въ книгѣ. Во время экскурсіи ея участниками собранъ былъ порядочный палеонтологическій матеріалъ, который былъ опредѣленъ студентомъ Н. И. Василевскимъ.

На Лаксбергѣ, напримѣръ, были найдены слѣд. формы:

Лаксбергъ.

Мшанки и Кораллы:

1) Monticulipora petropolitana Edwards.
2) Chetetes sp.?
3) Dianulites sp.?
4) Mastopora Odini Stolley?
5) Monticulipora Panderi Eichw.
6) Callopora sp.?
7) Receptaculites orbis Eichw.

Cystoidea:

1) Echinosphaerites balticus Eichw.
2) Echinosphaerites aurantium Wahlb.
3) Glyptosphaerites Leuchtenbergi Vollborth.

Nautiloidea:

1) Ortoceras regulare Schloth.
2) Ortoceras laeve Fr. Schmidt.
3) Endoceras vaginatum Schloth.
4) Endoceras duplex Wahlb.

Brachiopoda:

1) Ortisina squamata Pahl.
2) Strophomena imbex Pand.
3) Porambonites pentagoni Pand.
4) Meristina?
5) Lycophoria nucella Dalm.
6) Porambonites turgida Pand.?
7) Pseudocrania planissima Eichw.
8) Leptaena transversa Pand.
9) Leptaena lata Pand.
10) Leptaena (Plectambonites) triangularis Pand.

Gastropoda:

1) Pleurotomaria sp.?
2) Ecculiomphalus alatus Roemer.
3) Euomphalus qualteriatus Schloth.
4) Subulites elongata Cenv.
5) Bellerophon?

Trilobiten.

1) Chasmops Odini Eichw.
2) Illaenus Schmidti Niezsk.?
3) Illaenus angustifrons Holm.?

Счетъ расходовъ по экскурсіи студентовъ Императорскаго Юрьевскаго университета въ Ревель, на водопадъ Яговалль и въ Нарву.

Участниками были: 3 руководителя, 21 студентъ и служитель, всего 25 человѣкъ.

Асигновано было 300 рублей.

Израсходовано:

Билеты изъ Юрьева въ Ревель для 25 чел. по 62 к.	15 р.	50 к.
Билеты изъ Ревеля въ Нарву для 22 чел. по 66 „	14 „	52 „
Билеты изъ Нарвы въ Юрьевъ для 22 чел. по 74 „	16 „	28 „
Выдано студентамъ добавочныхъ на продовольствіе	20 „	21 „

Расходы 15-го мая.

На чай служителю маяка (кипятокъ, услуги) .	1 р. — к.
Извозчику съ вещами съ вокзала къ Леберту .	— „ 50 „
Конка (билеты) на Лаксбергъ.	2 „ 20 „
Извозчику съ вещами на маякъ	1 „ — „
„ за перевозку вещей отъ Леберта въ гостинницу	— „ 50 „
Извозчику за перевозку вещей съ маяка въ гостиницу	1 „ — „
	6 р. 20 к.

Расходы 16-го мая.

Г. содержателю омнибусовъ Цигнеру за 2 десятимѣстныя линейки и экипажъ отъ Ревеля до Яговалля (30 верстъ туда и 30 обратно за 12 лошадей)	30 р. — к.
На чай кучерамъ	1 „ 50 „
Хозяину усадьбы за услуги	— „ 50 „
	32 р. — к.

Расходы 17-го мая.

Стоимость помѣщенія въ Московской гостинницѣ г. Ревеля за 2 сутокъ 4 номера	6 р. 60 к.
Прислугѣ въ гостинницѣ	2 „ — „
Служителямъ въ училищѣ Екатерины. . . .	3 „ — „
Извозчикамъ со школы и гостинницы на вокзалъ	1 „ 50 „
Носильщику.	— „ 25 „
	13 р. 35 к.

Расходы 18-го и 19-го мая.

Храненіе вещей на вокзалѣ въ Нарвѣ. . . .	1 р. 10 к.
Сторожу фабрики въ Нарвѣ	— „ 35 „
Извозчикамъ съ вещами съ вокзала въ Юрьевѣ	— „ 55 „
Служителю геологическаго кабинета Тирману вознагражденіе	3 „ — „
	5 р. — к.

Расходы Б. Б. Гриневецкаго.

Билетъ 3-го класса отъ Ревеля до Юрьева . .	3 р. 76 к.
Извозчикамъ	— „ 90 „
	4 р. 66 к.
Перевозка коллекцій въ Ревелѣ и Юрьевѣ . .	1 р. 55 к.

Счетъ Г. П. Михайловскаго и В. В. Богачева.

Номеръ въ гостинницѣ (3-е сутокъ)	5 р. 05 к.
Извозчикамъ	1 „ 50 „
Храненіе вещей въ Нарвѣ	— „ 10 „
Содержаніе (ѣда) Г. П. Михайловскаго (4 сутокъ)	4 „ — „
„ „ В. В. Богачева (4 сутокъ) .	4 „ — „
Прислугѣ въ гостинницѣ	1 „ — „
Носильщикамъ	— „ 45 „
	16 р. — к.
Итого	147 р. 27 к.
Осталось неизрасходованными	152 р. 73 к.

Рис. 1671.

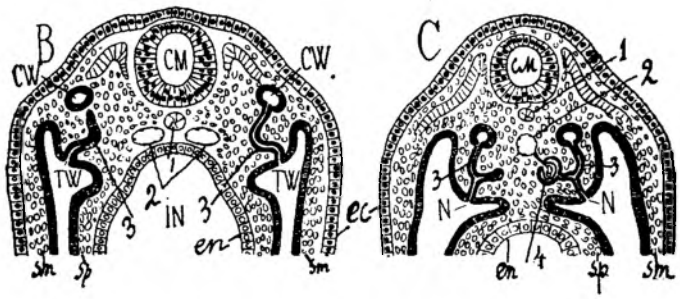


Рис. 1671. Образованіе промежуточной почки: B — начальная стадія образованія: на лѣвой сторонѣ воронкообразное выпячиваніе (Tw) стѣнки полости тѣла, продолжаясь въ каналецъ — 3, еще не достигло до выводного протока (CW), а на правой сторонѣ каналецъ уже соединился съ выводнымъ протокомъ — CW: 1 — спинная струна; 2 — аорта; 3 — сегментный каналецъ; TW — почечное устьице; CW — протокъ Wolff'a; CM — мозговая трубка; IN — полость кишечной бороздки; ec — эктодерма; en — энтодерма; sm — соматоплевра; sp — спланхноплевра. C — вторая стадія развитія: образованіе почечныхъ тѣлецъ: клубочковъ и оболочекъ: N — nephrostoma; 4 — почечное тѣльце; остальныя знаки тѣ же (Duval).

Рис. 1672.

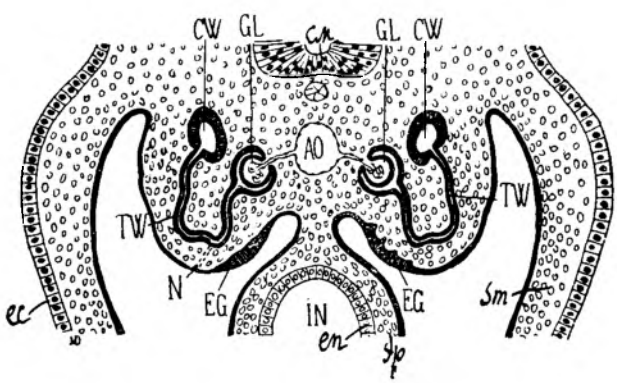


Рис. 1672. Промежуточная почка сформировалась: ec — эктодерма; en — энтодерма; IN — кишка; sp — спланхноплевра; sm — соматоплевра; CM — мозговая трубка; AO — аорта; CW — протокъ Wolff'a; TW — сегментный каналецъ; GL — почечное тѣльце; N — мѣсто закрывшагося почечнаго устьица; EG — зародышевый эпителій (Duval).

держивающей связкой (mesogastrium posterius). Эта связка состоитъ изъ двухъ листковъ спланхноплевры, которые потомъ расходясь, одѣваютъ желудокъ и далѣе впередъ опять сходятся вмѣстѣ и образуютъ желудочно-печеночную связку (lig. hepato-gastricum). (Рис. 1674.) Послѣ того листки спланхноплевры опять расходятся и одѣваютъ своими элементами

Рис. 1673.

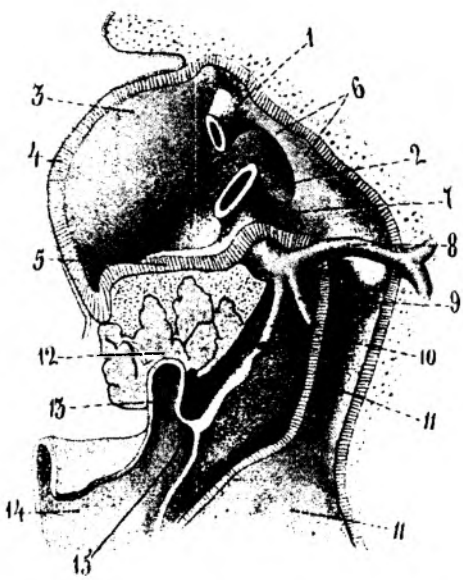


Рис. 1673. Полость тѣла (Coelom), образованіе поперечной перегородки (septum transversum — diaphragma), зачатокъ печени и ея протока на продольномъ сѣченіи зародыша человѣка длиною въ 3 миллиметра; сердце срѣзано и удалено: 1 — стволъ аорты; 2 — венный стволъ; 3 — околосердечная полость тѣла (Coelom); 4 — передняя стѣнка околосердечной полости (pericardium); 5 — нижняя стѣнка той же полости или поперечная перегородка полости тѣла (septum transversum); 6 — задняя поддерживающая сердце связка (mesocardium posterius); 7 — боковая связка сердца (mesocardium laterale); 8 — венный протокъ Cuvier (ductus Cuvieri); 9 — пупочная вена; 10 — желточная вена; 11 — брюшная часть полости тѣла (Coelom); 12 — зачатокъ печени; 13 — выпячиваніе кишки — зачатокъ печеночнаго желчнаго протока; 14 — желточный протокъ; 15 — первичная кишка. Увеличеніе 16 (W. His).

печень; но далѣе впередъ они опять сходятся для образованія полулунной связки печени (lig. falciforme hepatis), прикрѣпляющей послѣднюю къ передней или брюшной стѣнкѣ полости тѣла и къ діафрагмѣ.

Въ дальнѣйшемъ развитіи кишка удлиняется и образуетъ петли, подраздѣляясь на тонкую, толстую кишки. Всѣ эти петли могутъ возникать только вмѣстѣ съ разращеніемъ поддерживающей кишку связки (mesenterium), которая въ

Рис. 1673а.

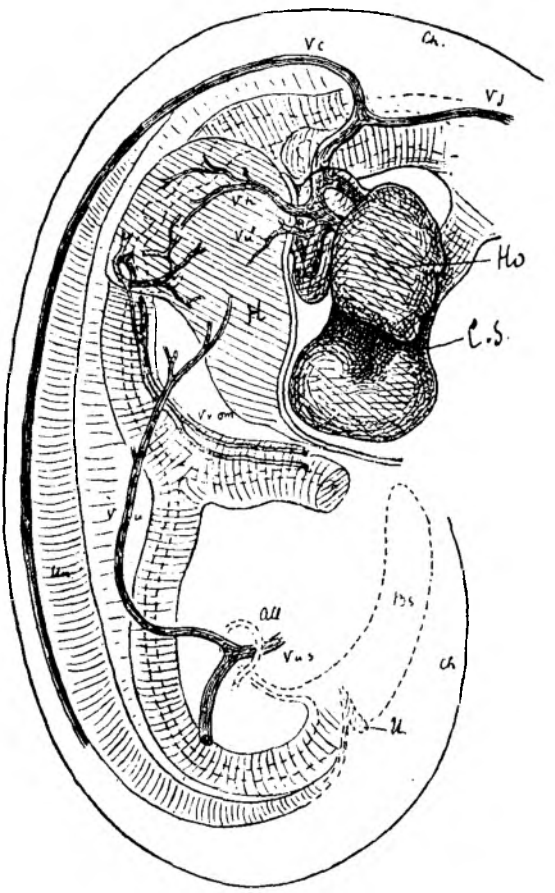


Рис. 1673а. Продольное срединное спереди назадъ сѣченіе зародыша человѣка длиною въ 4,25 миллиметра: Ch — спинная струна; Un — промежуточная почка; U — зачатокъ постоянной почки; Vc. — нижняя полая вена; V.j. — яремная вена; Vv. om. — желточно-брыжжеечныя вены; V.u — пупочная вена; V.h — печеночная вена; V.u′ — конецъ пупочной вены; H — печень; Ho — предсердіе; C.s. — аортное расширеніе; all — аллантоисъ; Bs — пупочный канатикъ. Увеличеніе 27 (W. His).

Рис. 1674.

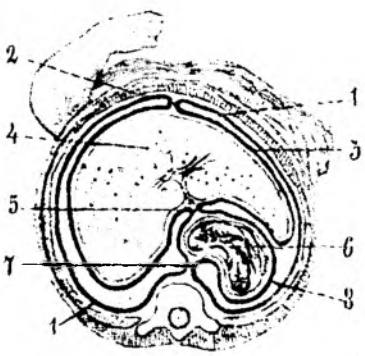


Рис. 1674. Поперечное сѣченіе зародыша человѣка длиною въ 3 сантиметра для показанія соотношенія *серозной оболочки* (брюшины) желудка, печени и стѣнокъ брюшной полости (peritoneum viscerale et peritoneum parietale); 1 — peritoneum parietale; 2 — ligamentum falciforme hepatis; 3 — peritoneum viscerale hepatis; 4 — печень; 5 — ligamentum hepato gastricum; 6 — желудокъ; 7 — mesogastrium posterius; 8 — peritoneum viscerale ventriculi (Kollmann).

области тонкой кишки сохраняетъ названіе — mesenterium, а въ области толстой кишки называется mesocolon. (Рис. 1674а).

Послѣ того, когда желудокъ и часть толстой кишки принимаютъ поперечное положеніе, то листки спланхно-

Рис. 1674а.

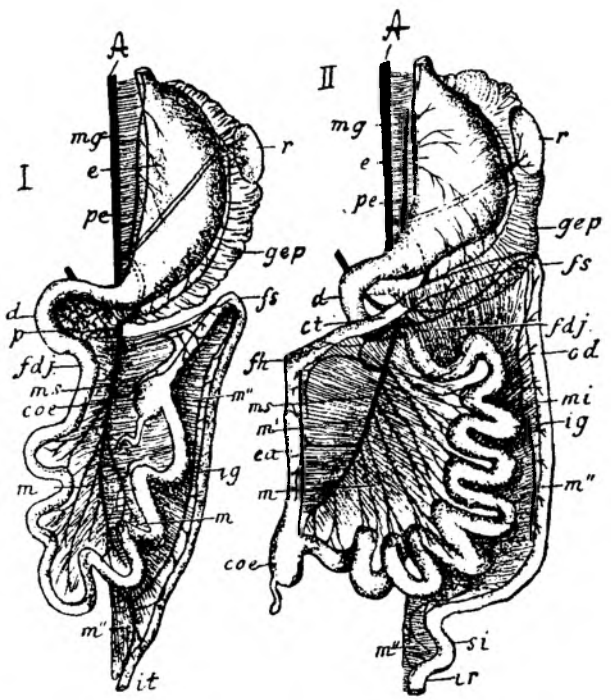


Рис. 1674а. Схема развитія кишки и ея брыжжейки I — у 4-мѣсячнаго, II — у 9-мѣсячнаго зародыша человѣка: e — желудокъ; pc — малая кривизна его; r — селезенка; gep — большой сальникъ; d — двѣнадцатиперстная кишка; p — поджелудочная железа; ig — тонкая кишка; fdj — двѣнадцатиперстно-тонкокишечный изгибъ; coe — слѣпая кишка съ червеобразнымъ отросткомъ; ca — восходящая часть толстой кишки; ct — поперечная ея часть; fs — селезеночный ея изгибъ; fh — печеночный ея изгибъ; cd — нисходящая ея часть; it — задняя часть кишки; si — S-образное искривленіе; ir — прямая кишка; m — общая брыжжейка; ms — верхняя брыжжеечная артерія; m′ — часть общей брыжжейки, удерживающая толстую кишку; m″ — часть общей брыжжейки, удерживающая нисходящую часть толстой кишки; mi — нижняя брыжжеечная артерія; A — аорта (Broesike).

плевры, одѣвъ желудокъ, сходятся вмѣстѣ и въ видѣ двухлистковой пластинки прикрѣпляются къ задней стѣнкѣ брюшной полости; послѣ того эта двухлистковая пластинка сильно разрастается сверху внизъ и свѣшивается съ желудка внизъ впереди толстой кишки и петель тонкой кишки въ видѣ большого сальника (omentum majus), такъ называемаго потому, что въ волокнистой соединительной ткани его составляющей развиваются во множествѣ жировыя клѣтки. (Рис. 1675—1677.)

Рис. 1675.

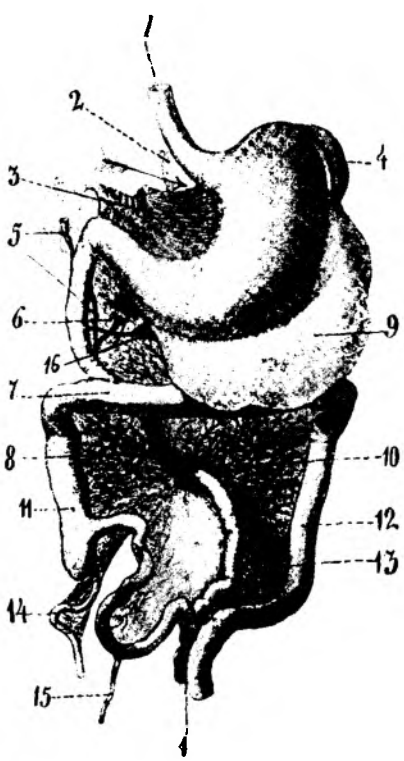


Рис. 1675. Брюшина и ея образованія въ связи съ органами брюшной полости у зародыша человѣка: 1 — продольная ось тѣла; 2 — mesogastrium posterius — задняя поддерживающая желудокъ связка; 3 — печеночножелудочная связка (ligamentum hepato-gastricum); 4 — селезенка; 5 — желчный протокъ; 6 — mesoduodenum; 7 — colon transversum; 8 — mesocolon; 9 — задняя поддерживающая желудокъ связка (mesogastrium posterius s. omentum majus) или большой сальникъ; 10 — изгибъ двѣнадцатиперстно-тонкокишечный (flexura duodenojejunalis); 11 — colon ascendens; 12 — colon descendens; 13 — mesocolon descendens; 14 — processus vermicularis; 15 — желточный протокъ; 16 — зачатки поджелудочной железы (Kollmann).

Рис. 1676. Рис. 1677.

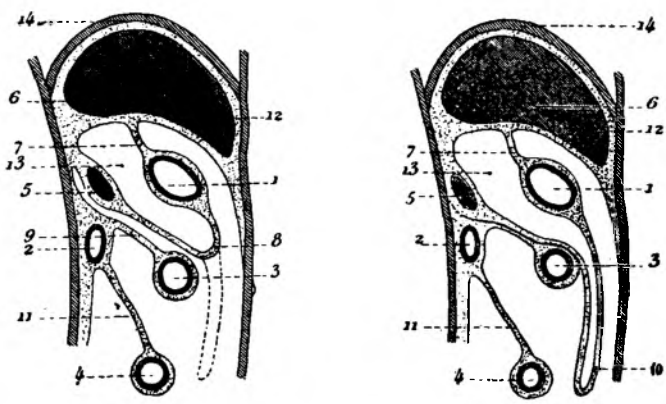


Рис. 1676, 1677. Двѣ послѣдовательныя стадіи развитія сальника (omentum) и вообще брюшныхъ серозныхъ покрововъ на продольныхъ сѣченіяхъ зародыша человѣка (схема): 1 — желудокъ; 2 — двѣнадцатиперстная кишка; 3 — поперечная часть толстой кишки; 4 — тонкая кишка; 5 — поджелудочная железа; 6 — печень; 7 — малый сальникъ; 8 — желудочно-толстокишечная складка брюшины или большой сальникъ; 9 — поддерживающая поперечную часть толстой кишки связка (mesocolon transversum); 10 — складка большого сальника, покрывающая сверху и спереди поперечную часть толстой кишки и петли тонкихъ кишекъ; 11 — брыжжейка; 12 — поддерживающая связка печени; 13 — задняя полость сальниковъ: большого и малаго; 14 — поперечная перегородка тѣла — diaphragma (Gegenbaur, O. Hertwig).

Отдѣлъ XIII.

Замкнутыя железы.

Существуютъ два небольшихъ органа, которые по своему строенію и физіологическому отправленію совершенно самостоятельны и не похожи на выше разсмотрѣнные. Это — щитовидная и надпочечная железы. Всѣ до сихъ поръ изученныя железы, какъ необходимые признаки, имѣли отдѣлительные мѣшки или трубочки и выводные протоки. Щитовидная и надпочечная железы имѣютъ только отдѣлительные мѣшки, а выводныхъ протоковъ у нихъ нѣтъ. Поэтому эти железы называютъ замкнутыми. За неимѣніемъ выводныхъ протоковъ онѣ выдѣляютъ свое отдѣляемое чрезъ посредство кровеносныхъ и лимфеносныхъ сосудовъ. (Рис. 1678.)

А. Щитовидная железа.

Щитовидная железа (glandula thyreoidea) не имѣетъ выводного протока и состоитъ только изъ отдѣлительныхъ трубокъ. Мѣстами трубки растягиваются отдѣляемымъ и превращаются въ пузырьки.

Всѣ эти отдѣлительные пузырьки окружены рыхлой волокнистой соединительной тканью, по которой къ нимъ подходятъ кровеносные сосуды. Группы пузырьковъ объединяются тканью въ дольки, а эти — въ доли. Соединительная ткань вокругъ нихъ становится болѣе плотною и изобильною, особенно та, которая окружаетъ всѣ дольки, соединяя ихъ въ одинъ органъ.

Отдѣлительные мѣшки железы представляются въ видѣ округленныхъ или удлиненныхъ тѣлъ, иногда дающихъ выпячиванія въ видѣ придаточныхъ мѣшечковъ. Всѣ они самостоятельны и не сообщаются одинъ съ другимъ. Величина ихъ 25—300 μ въ поперечникѣ. У женщинъ и дѣтей вообще отдѣлительные мѣшки болѣе широки, чѣмъ у мужчинъ, и могутъ достигать 1000 μ въ поперечникѣ. Размѣръ ихъ увеличивается во время мѣсячныхъ у женщинъ.

Рис. 1678.

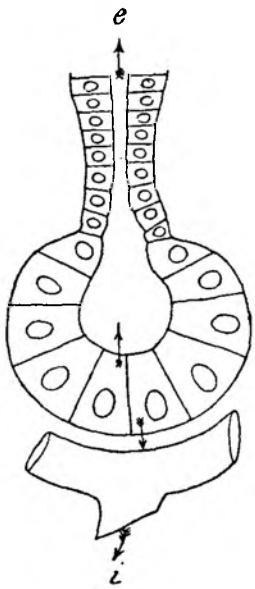


Рис. 1678. Схема наружнаго и внутренняго выдѣленія отдѣляемаго железъ: представленъ отдѣлительный мѣшечекъ и его выводной протокъ; выдѣляемое отдѣлительныхъ клѣтокъ мѣшечка выходитъ изъ послѣдняго по направленію стрѣлокъ: i — внутреннее выдѣленіе, совершающееся посредствомъ кровеносныхъ и лимфеносныхъ сосудовъ и e — наружное выдѣленіе, совершающееся при посредствѣ выводного протока железы (Prenant).

Форма отдѣлительныхъ мѣшковъ образуется тонкой (1—2 μ) основной перепонкой, которая вообще въ железахъ называется собственной перепонкой (membrana propria). Снаружи послѣднюю облегаютъ элементы рыхлой волокнистой соединительной ткани. Извнутри она выстлана кубическими эпительными клѣтками высотою въ 6—12 μ, расположенными въ одинъ слой. Въ клѣточномъ тѣлѣ иногда замѣчается исчерченность, идущая параллельно его высотѣ. Клѣточное ядро шаровидной или яйцевидной формы занимаютъ середину клѣточнаго тѣла. Клѣточное тѣло бываетъ то свѣтлымъ прозрачнымъ беззернистымъ, то

содержитъ значительное количество зеренъ, особенно во внутренней его части, ограничивающей полость отдѣлительнаго мѣшка. Это повело раньше къ признанію двухъ видовъ клѣтокъ; но потомъ было выяснено, что различіе вида клѣточнаго тѣла находится въ зависимости отъ состоянія покоя или дѣятельности клѣтки. (Рис. 1679, 1680.)

Рис. 1679.

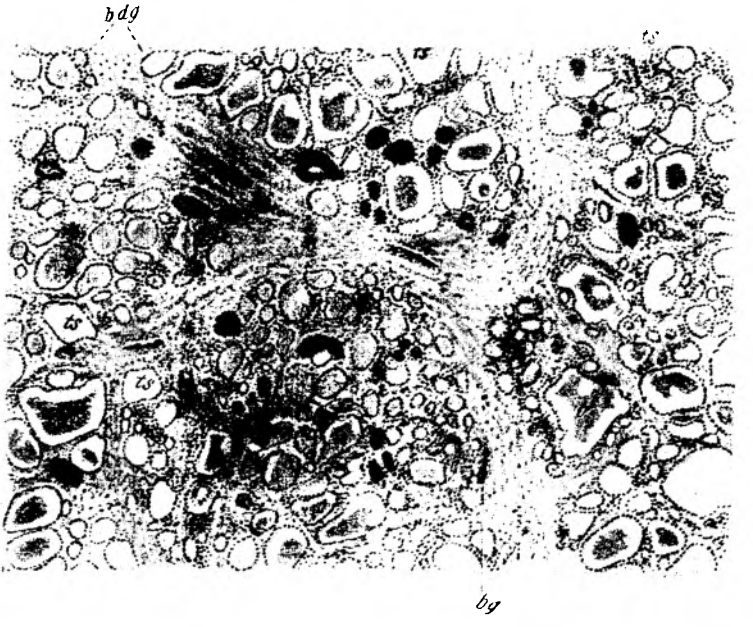


Рис. 1679. Щитовидная железа казненнаго человѣка: ts — поперечное сѣченіе отдѣлительныхъ трубочекъ, наполненныхъ въ большей или меньшей степени коллоиднымъ веществомъ — c; bg — кровеносные сосуды; bdg — промежуточная волокнистая соединительная ткань. Увеличеніе 30 (Sobotta).

Отдѣлительные мѣшки выполнены слегка желтоватымъ прозрачнымъ тягучимъ жидкимъ содержимымъ, свертывающимся отъ спирта; это вещество окрашивается карминомъ въ розовый цвѣтъ, эозиномъ въ красный, гематоксилиномъ въ фіолетовый цвѣтъ; этимъ оно отличается отъ слизистаго вещества, на которое похоже по своимъ физическимъ свойствамъ. Процессъ образованія этого коллоиднаго вещества

въ клѣткѣ отчасти подобенъ процессу образованія слизи слизистой клѣткой.

Въ долькахъ ближе къ поверхности железы встрѣчаются менѣе растянутые отдѣлительные мѣшки и даже совершенно не содержащіе въ себѣ полости шнуры эпителиальныхъ клѣтокъ, подобные тѣмъ, которые встрѣчаются у зародышей.

Рис. 1680.

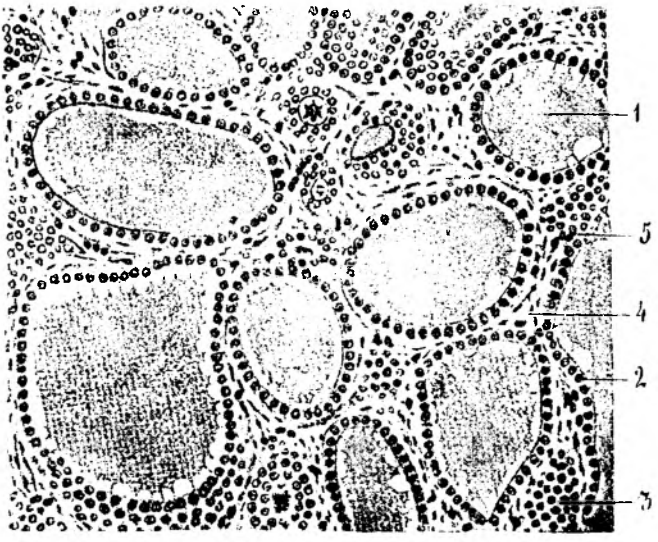


Рис. 1680. Щитовидная железа человѣка: 1 — коллоидное вещество въ отдѣлительной трубкѣ или мѣшечкѣ; 2 — эпителій отдѣлительной трубки; 3 — касательное сѣченіе стѣнки отдѣлительнаго мѣшечка чрезъ отдѣлительныя клѣтки; 5 — кровеносный сосудъ. Увеличеніе 180 (Szymonowicz).

Щитовидная железа содержитъ весьма много кровеносныхъ и лимфеносныхъ сосудовъ и нервовъ.

Артеріи въ числѣ двухъ, трехъ образуютъ весьма густую капилларную сѣть вокругъ каждаго отдѣлительнаго мѣшка тотчасъ кнаружи отъ основной перепонки. Эта сѣть даетъ начало венѣ, изливающейся тотчасъ въ болѣе широкую вену.

Лимфеносные сосуды берутъ начало въ промежуточной рыхлой волокнистой ткани и образуютъ въ ней

густыя капилларныя сѣти. Чрезъ посредство ихъ коллоидное вещество удаляется изъ отдѣлительныхъ мѣшковъ (Biondi, 1892; Renaut, 1897).

Нервы щитовидной железы состоятъ главнымъ образомъ изъ безмякотныхъ волоконъ. Одни изъ волоконъ оплетаютъ густыми сплетеніями кровеносные сосуды, а другіе образуютъ сплетенія вокругъ отдѣлительныхъ мѣшковъ, волоконца которыхъ, отходя къ основной перепонкѣ и прободая ее, заканчиваются свободно кустиками подъ основаніями отдѣлительныхъ клѣтокъ.

О развитіи щитовидной железы было сказано выше (см. стр. 873).

Б. Надпочечная железа.

Надпочечная железа (glandula suprarenalis), какъ и щитовидная железа, не имѣетъ выводного протока. На разрѣзѣ даже невооруженному глазу надпочечная железа представляется въ видѣ двухъ различныхъ частей: наружной или корковой желтоватаго и даже буроватаго цвѣта болѣе плотной и внутренней или сердцевинной бѣловатаго или сѣроватаго цвѣта болѣе мягкой. (Рис. 1681.)

Снаружи вся надпочечная железа одѣта тонкой (40 μ) оболочкой изъ плотной волокнистой соединительной ткани. Среди элементовъ ея **Fusari** нашелъ нѣкоторое количество гладкихъ мышечныхъ волоконъ-клѣтокъ; отъ внутренней поверхности оболочки ея составныя элементы отходятъ вглубь ткани железы, сопровождая кровеносные сосуды и нервы и разгораживая группы клѣтокъ железы.

Наружная или корковая часть железы состоитъ изъ трехъ слоевъ, идущихъ снаружи внутрь въ слѣдующемъ порядкѣ: въ первомъ изъ нихъ эпительныя клѣтки расположены въ округленныя группы, вытянутыя въ продолговатые мѣшки перпендикулярно къ поверхности слоя; это клубочковый слой (zona glomerulosa); поперечникъ ихъ равенъ 40—80 μ.

Квнутри отъ этого слоя идутъ радіально снаружи внутрь тяжи эпительныхъ клѣтокъ, разгороженные волокнистой соединительной тканью: это шнурковый слой (zona

fasciculata). Во внутренней части эти тяжи или шнурки переплетаются въ сѣть, образуя сѣтчатый слой (zona reticularis) на границѣ съ сердцевинной частью.

Отдѣлительные клѣточные элементы наружнаго слоя многогранной формы большей (15—20 μ) величины, чѣмъ въ другихъ слояхъ; ихъ клѣточное тѣло свѣтлое, блестящее

Рис. 1681.

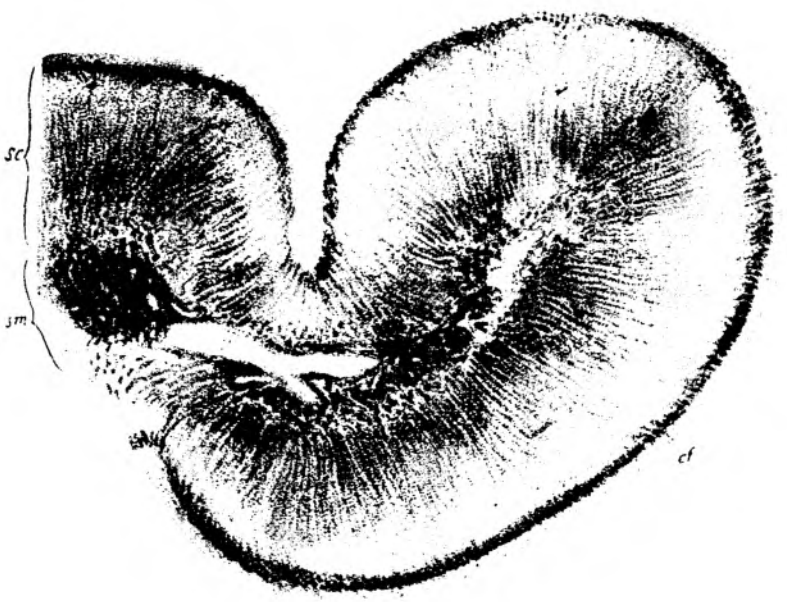


Рис. 1681. Надпочечникъ казненнаго человѣка въ продольномъ сѣченіи: sc — корковое вещество; sm — сердцевинное или мозговое вещество; cf — волокнистая соединительнотканная оболочка, v — вена. Увеличеніе 15 (Sobotta).

имѣетъ мелкозернистое строеніе и шаровидное или яйцевидное ядро. Въ среднемъ слоѣ клѣтки содержатъ много жировыхъ зеренъ, а во внутреннемъ слоѣ въ клѣточномъ тѣлѣ имѣется буроватая пигментная зернистость. (Рис. 1682—1684.)

Въ сердцевинной части железы клѣточные элементы не имѣютъ правильнаго расположенія; величина ихъ больше (25—30 μ), чѣмъ въ корковой части; форма ихъ весьма различна: звѣздчатая, многогранная, веретенообразная, безъ от-

ростковъ и съ разной величины и формы отростками. Всѣ эти клѣтки, собранныя въ отдѣльныя группы, разграничены элементами рыхлой волокнистой соединительной ткани, содержащей въ себѣ много кровеносныхъ сосудовъ и нервовъ съ узловыми нервными клѣтками при нихъ. (Рис. 1685.) Клѣточное тѣло эпительныхъ клѣтокъ мелкозернистое, окрашивается въ растворахъ хромовыхъ солей въ желтобурый цвѣтъ.

Рис. 1682.

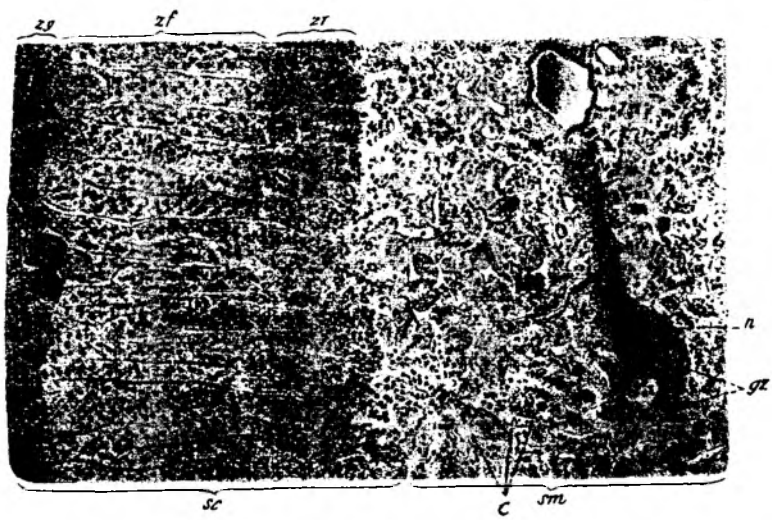


Рис. 1682. Часть сѣченія надпочечника, изображеннаго на рис. 1681: sc — корковое вещество, состоящее изъ: zg — клубочковаго пояса (zona glomerulosa); zf — пучковиднаго пояса (zona fasciculata); zr — сѣтчатаго пояса (zona reticularis); .sm — сердцевинное или мозговое вещество; gz — узловыя нервныя клѣтки; n — безмякотныя нервныя волокна; c — кровеносные капиллары; v — вена. Увеличеніе 60 (Sobotta).

Кровеносные сосуды образуютъ густыя капиллярныя сѣти какъ въ корковомъ, такъ и въ сердцевинномъ веществѣ; начинающіяся отъ нихъ вены образуютъ въ сердцевинномъ веществѣ венную сѣть, сообщающуюся съ широкой надпочечной веной.

Нервы даютъ многочисленныя волокна въ сердцевинное вещество, гдѣ они образуютъ сплетеніе, въ которомъ имѣются также узловыя нервныя клѣтки. (См. рис. 1685.)

Рис. 1683.

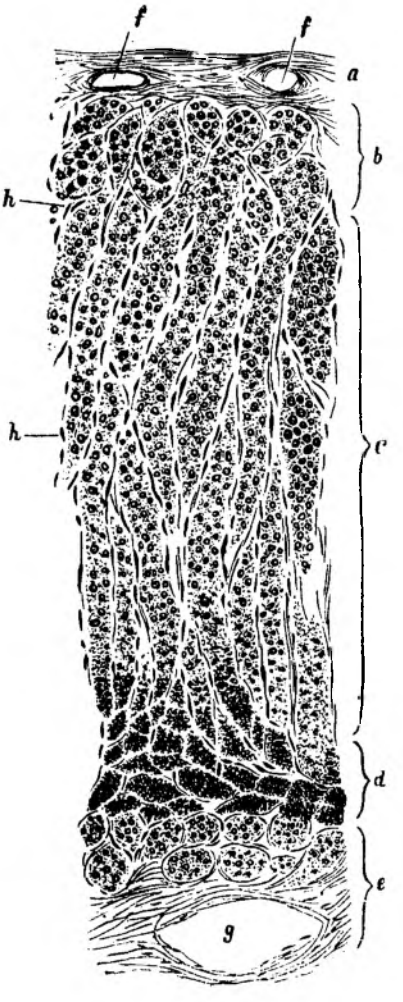


Рис. 1683. Перпендикулярное къ поверхности сѣченіе надпочечника: a — оболочка изъ волокнистой соединительной ткани; b — клубочковый поясъ; c — шнурковый поясъ (zona fasciculata); d — сѣтчатый поясъ; всѣ они составляютъ корковое вещество надпочечника; e — сердцевинное или мозговое вещество его; f — кровеносные сосуды; g — вена; h — промежуточная волокнистая соединительная ткань. Увеличеніе 100 (Mayer).

Рис. 1684.

Рис. 1684. Сѣченіе надпочечника кролика: a — клѣтки клубочковаго пояса; b — клѣтки шнурковаго пояса. Увеличеніе 400 (Комоцкій).

Основы гистологіи

съ

элементами эмбріологіи человѣка и позвоночныхъ.

Д-ра **П. А. Полякова**

Профессора гистологіи, эмбріологіи и сравнительной анатоміи, директора института сравнительной анатоміи въ Юрьевѣ.

Часть вторая. — Выпускъ II.

Микроскопическая анатомія и эмбріологія органовъ и системъ.

Оттискъ изъ „Ученыхъ Записокъ“ Императорскаго Юрьевскаго Университета 1909 г.

Отдѣлъ XIV.

Органы, развивающіеся изъ мезодермы. Мочеполовое устройство.

A. Мочеотдѣлительное устройство.

Мочеотдѣлительное устройство состоитъ изъ мочеотдѣлительной железы въ видѣ 1) парнаго органа — почекъ (renes), 2) мочеотводныхъ протоковъ — мочеточниковъ (uretheres), 3) мочепріемника — мочевого пузыря (vesica urinaria) и 4) мочеиспускательнаго канала (urethra) съ его наружнымъ отверстіемъ (orificium cutaneum). (Рис. 1686, 1687.)

Рис. 1686.

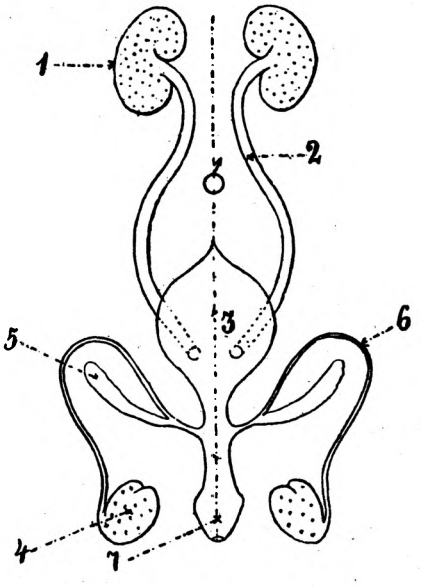


Рис. 1686. Мужскіе мочеполовые органы высшихъ млекопитающихъ (схема): 1 — почка; 2 — мочеточникъ; 3 — мочевой пузырь; 4 — сѣменникъ; 5 — сѣменной пузырекъ; 6 — сѣменопроводъ; 7 — наружный половой членъ (penis) (Roule).

Рис. 1687.

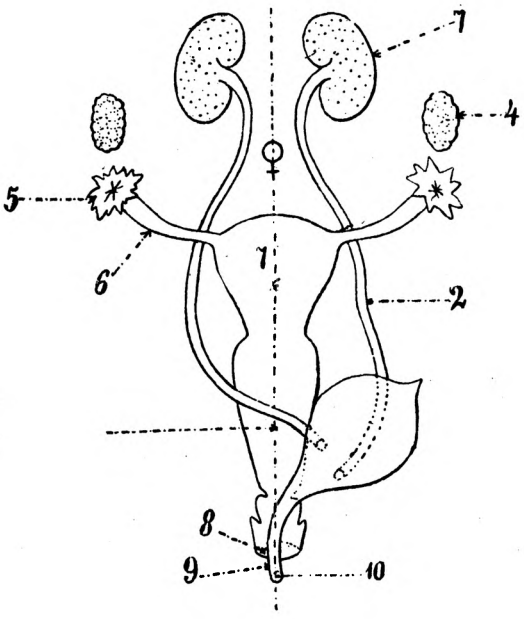


Рис. 1687. Женскіе мочеполовые органы (схема): 1 — почка (неправильно поставлено — 7); 2 — мочеточникъ, впадающій въ мочевой пузырь — 3 (не проставлено); 4 — яичникъ; 5 — воронкообразное съ бахромками расширеніе передняго конца яйцевода — 6; 7 — матка, переходящая кзади во влагалище (не проставленъ знакъ, а лишь черта); 8 — преддверіе влагалища; 9 — мочеиспускательный каналъ; 10 — его отверстіе (Roule).

1. Почка.

Въ почкѣ различаютъ: а) оболочку, б) корковый слой и в) сердцевину. (Рис. 1688.)

а. Оболочка.

Почка снаружи покрыта оболочкой изъ плотной волокнистой соединительной ткани (tunica fibrosa), элементы которой въ области почечныхъ воротъ (hilus renalis) обхватываютъ кровеносные и лимфеносные сосуды, нервы, мочеотводныя трубочки и вмѣстѣ съ ними проникаютъ внутрь органа до ихъ тончайшихъ развѣтвленій, образуя промежуточную рыхлую волокнистую соединительную ткань, облекающую разныя его составныя части. Толщина оболочки равна 100—200 μ. Клей дающія и тонкія эластинныя волокна, входящія въ составъ оболочки, отдѣляются отъ ея внутренней поверхности и внѣдряются внутрь органа, гдѣ входятъ въ составъ промежуточной рыхлой волокнистой соединительной ткани.

б. Корковая и сердцевинная части почки.

На продольномъ разрѣзѣ въ плоскости, проходящей чрезъ большую кривизну и ворота почки, уже невооруженному глазу представляются двѣ рѣзко обособленныя части

Рис. 1688.

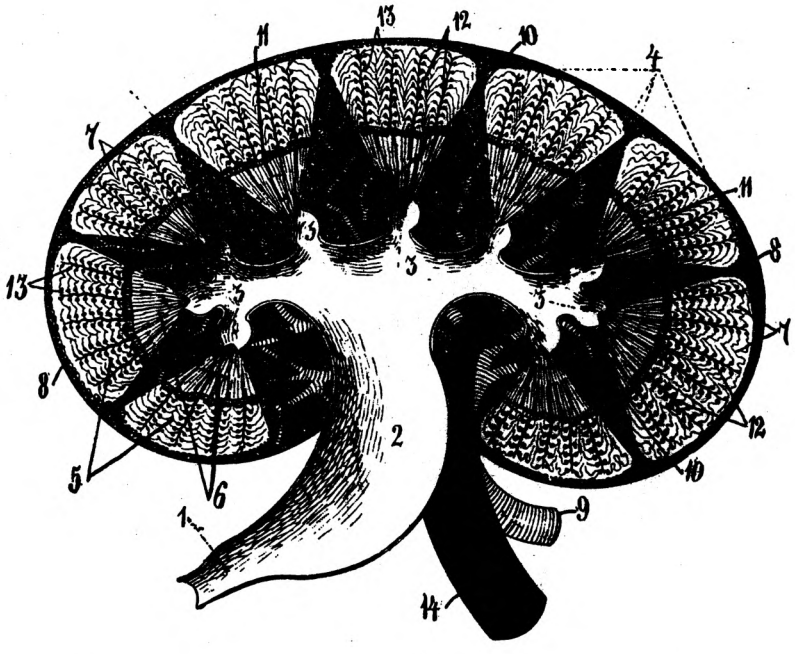


Рис. 1688. Продольное сѣченіе почки человѣка чрезъ мочеточникъ и большую кривизну (полусхематично): 1 — мочеточникъ; 2 — почечный тазъ; 3 — почечныя чашки; 4 — почечныя пирамиды, соотвѣтствующія почечнымъ долямъ; 5 — корковый слой почки; 6 — сердцевинный слой; 7 — почечныя пирамидки; 8 — оболочка почки изъ плотной волокнистой соединительной ткани; 9 — почечная артерія; 10 — междолевыя артеріи; 11 — дугообразныя артеріи; 12 — междольковыя артеріи; 13 — почечныя тѣльца, въ которыхъ помѣщаются сосудистыя клубочки; 14 — почечная вена; кромѣ того видны междолевыя вены и дугообразныя вены (Roule).

наружная или корковая часть (pars corticalis) и внутренняя или сердцевинная часть (pars medullaris). Мѣстами корковая часть посылаетъ вглубь сердцевиннаго

отростки, называемые почечными колоннами (columnae renales s. Bertini), разгораживающіе его на нѣкоторое число (7—13) пирамидной формы отдѣловъ, почечныя пирамиды (pyramides renales s. Malpighii. (Рис. 1689.)

Рис. 1689.

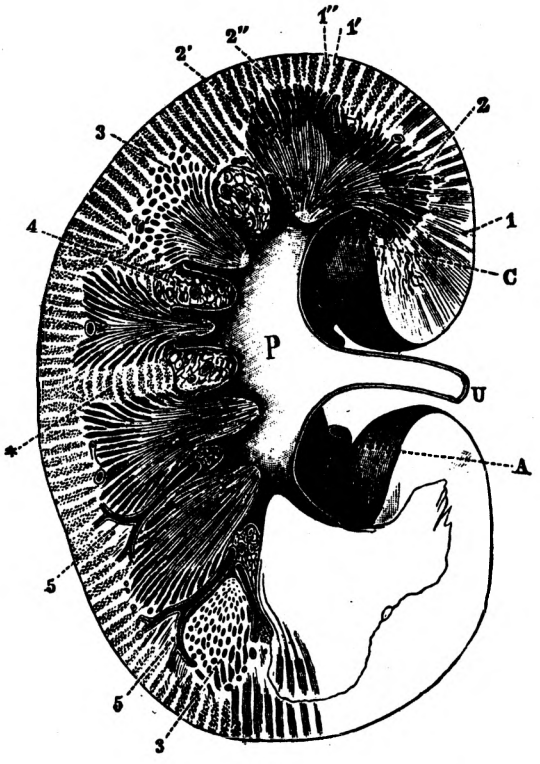


Рис. 1689. Сѣченіе почки человѣка чрезъ ея ворота и большую кривизну: A — вѣтвь почечной артеріи; U — мочеточникъ; P — почечный тазъ; C — почечная чашка; 1 — корковый слой; 1′ — лучъ почечной пирамиды или почечная пирамидка коркового слоя; 1″ — собственно корковый слой; 2 — сердцевинный слой; 2′ — собственно сердцевинный слой или почечная пирамида; 2″ — внѣшняя часть сердцевиннаго слоя; 3 — такая же внѣшняя часть разрѣзанная поперечно лучамъ; 4 — скопленіе жировыхъ клѣтокъ въ междолевой волокнистой соединительной ткани; 5 — междолевыя артеріи, развѣтвляющіяся на дугообразныя артеріи; * — поперечное сѣченіе пирамидныхъ лучей (Henle, Merkel).

Каждая почечная пирамида соотвѣтствуетъ самостоятельному отдѣлу почки, ея долѣ (lobus renalis) имѣющей свой отдѣльный выводной протокъ и почечную чашку (calix renalis). Самостоятельность этихъ долей настолько значительна, что напр. у рептилій и птицъ онѣ являются совершенно обособленными одна отъ другой. (Рис. 1690, 1691.) Корковая часть, облегая свою пирамиду, отчасти внѣдряется между ней и сосѣдней. То же самое проис-

ходитъ и въ каждомъ сосѣднемъ участкѣ почки. На продольномъ разрѣзѣ пограничные отдѣлы корковой части двухъ сосѣднихъ долей даютъ форму почечной колонны (Bertin, 1744), а въ сущности эти границы имѣютъ форму стѣнокъ воронки, своимъ широкимъ отверстіемъ обращенной къ поверхности почки, а узкимъ концемъ — въ почечную чашку (calix renalis).

Рис. 1690.

Рис. 1690. Схема почки, дольчатость которой скрыта разрастшимся корковымъ слоемъ (Nuhn).

Рис. 1691.

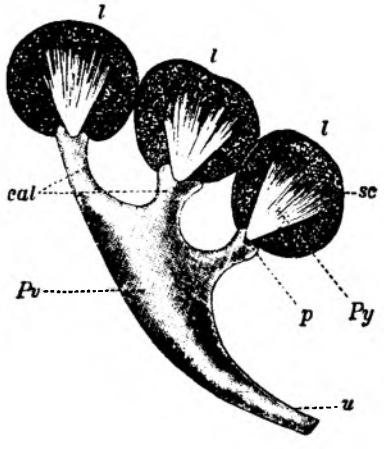


Рис. 1691. Схема дольчатой почки млекопитающихъ: l — дольки; sc — корковое вещество; Py — пирамидки мозгового вещества; p — почечный сосочекъ открывающійся въ почечную чашку — cal; Pv — почечный тазъ; u — мочеточникъ (Nuhn).

в. Почечная доля.

Почечная доля состоитъ изъ сердцевинной части грушевидной формы, покрытой снаружи слоемъ коркового слоя. Узкій конецъ грушевидной формы сердцевиннаго слоя или почечный сосочекъ (papilla renalis) окруженъ расширен-

ной частью выводного протока — почечной чашкой (calyx renalis).

Корковая и сердцевинная части не рѣзко разграничены и на продольномъ разрѣзѣ, проходящемъ перпендикуларно къ наружной поверхности доли, всегда видны пирамидной формы отростки сердцевинной части, въ радіальномъ направленіи въ разныхъ мѣстахъ внѣдряющіяся въ корковую часть. (Рис. 1692.) Эти пирамидной формы отростки назы-

Рис. 1692.

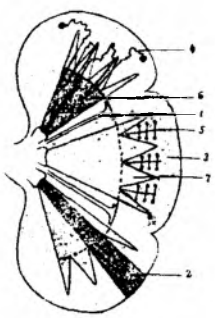


Рис. 1692. Сѣченіе почки чрезъ ея ворота и большую кривизну (схема): 1 — междолевая артерія, проходящая на границѣ двухъ долей почки; 2 — почечная долька; 3 — корковый слой; 4 — мочеотдѣлительный извитый каналецъ, начинающійся отъ почечнаго клубочка; 5 — междольковая артерія (arteria recta), идущая на границѣ между двумя дольками въ корковомъ слоѣ и отдающая вѣтви съ клубочками капилляровъ, входящими въ капсулы Bowman'a; 6 — сердцевинный слой, образующій въ каждой почечной долѣ почечную пирамиду; 7 — часть лучей почечной пирамиды, вдающихся въ корковый слой и образующихъ почечныя пирамидки (Launois).

ваются отростками Ferrein'a (processus Ferreini). Широкія основанія этихъ отростковъ находятся на поверхности сердцевиннаго слоя, а вершины около наружной поверхности коркового слоя. Въ одной долѣ почки человѣка насчитываютъ 400—560 отростковъ Ferrein'a. (Рис. 1693.) Всѣ они въ совокупности образуютъ лучистую часть (pars radiata) сердцевиннаго слоя.

Если мысленно разграничить корковый слой на маленькіе отдѣлы съ однимъ отросткомъ Ferrein'a въ центрально-осевой части, то каждый изъ нихъ будетъ соотвѣтствовать тому, что извѣстно подъ именемъ долекъ коркового слоя (lobuli corticales). Но въ сущности границы этихъ долекъ ничемъ не очерчены, такъ какъ элементы сосѣднихъ долекъ коркового слоя переплетаются между собой и продолжаются изъ одной въ другую. (Рис. 1694.)

Почка представляетъ собою весьма сложную трубчатую железу, корковый и сердцевинный слои которой

состоятъ изъ множества мочеотдѣлительныхъ и мочеотводныхъ трубочекъ. Кромѣ того здѣсь же между тѣми и другими находятся кровеносные и лимфеносные

Рис. 1693.

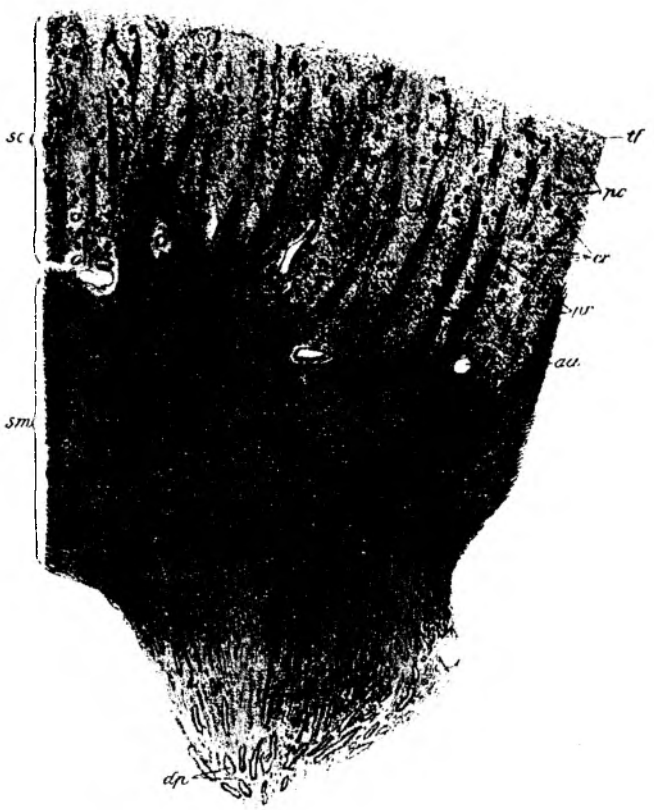


Рис. 1693. Сѣченіе почки казненнаго человѣка чрезъ ворота и большую кривизну; sc — корковый слой; sm — сердцевинный слой; dp — сосочекъ почечной пирамиды; tf — оболочка почки изъ плотной волокнистой соединительной ткани; pc — извитые мочеотдѣлительные канальцы; cr — почечныя тѣльца; pr — почечныя пирамидки; aa — поперечное сѣченіе дугообразной артеріи. Увеличеніе 6 (Sobotta).

сосуды и нервы. Все же это заложено въ очень тонкихъ элементахъ рыхлой волокнистой соединительной ткани.

Мочеотдѣлительныя трубочки берутъ начало въ корковомъ слоѣ, имѣютъ весьма сложный извитой ходъ,

потомъ переходятъ въ мочеотводныя трубочки сердцевиннаго слоя, которыя, сливаясь между собой, образуютъ болѣе толстые собирательные канальцы. (Рис. 1695.) Эти въ

Рис. 1694.

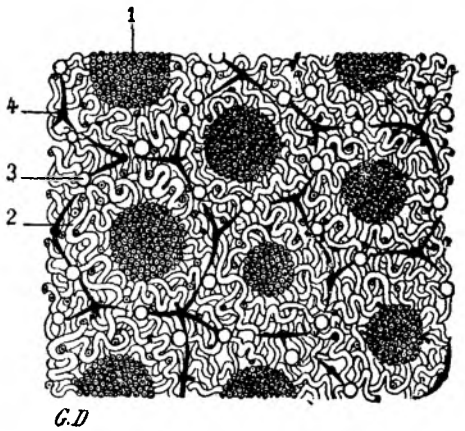


Рис. 1694. Сѣченіе коркового вещества почки, параллельное къ касательной; почечныя дольки; 1 — поперечное сѣченіе почечной пирамидки и въ ней прямыхъ трубочекъ; 2 — извитыя мочеотдѣлительныя трубочки; 3 — почечныя тѣльца (Malpighi); 4 — пограничные междольковые кровеносные сосуды (Testut).

Рис. 1695.

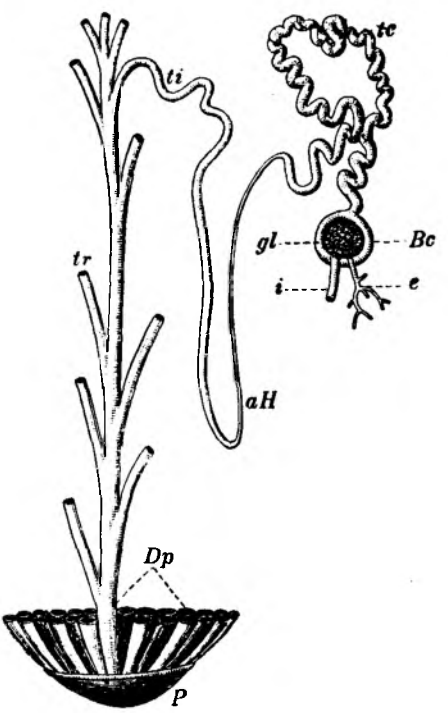


Рис. 1695. Схема почечныхъ канальцевъ млекопитающихъ и человѣка: Почечное тѣльце составлено изъ Bc — оболочки (Böwman) и gl — клубочка кровеносныхъ капилларовъ, которые составляютъ продолженіе приносящей кровь артеріи — i и сами продолжаются въ относящую кровь артерію — e; tc — извитые канальцы 1-го порядка; aH — петля Henle; ti — извитые канальцы 2-го порядка; tr — собирательные прямые канальцы; Dp — сосочковыя трубочки; P — почечный сосочекъ (Nuhn).

свою очередь соединяются между собой и дают начало сосочковым выводным протокам (tubuli uriniferi papillares), которые открываются на сосочке отверстиями (foramina papillaria) въ числѣ 10—24 въ каждой долѣ почки человѣка, и въ общемъ образуютъ на концѣ сосочка дырчатую площадку (area cribrosa). (Рис. 1696, 1697.)

Рис. 1696.

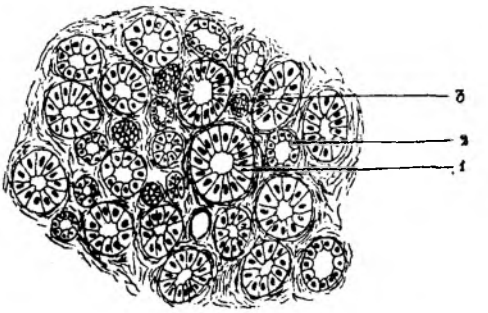


Рис. 1696. Поперечное сѣченіе почечной пирамиды надъ сосочкомъ: 1 — собирательная трубка; 2 — меньшей толщины собирательная трубочка; кровеносный сосудъ въ поперечномъ сѣченіи (Launois).

Рис. 1697.

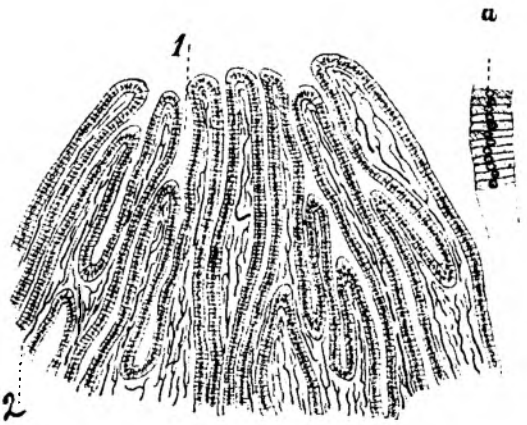


Рис. 1697. Продольное сѣченіе сосочка почечной пирамиды съ налитыми массой кровеносными сосудами: 1 — сосочковыя собирательныя трубки; 2 — кровеносный сосудъ; a — высокій цилиндрическій эпителій, выстилающій сосочковыя собирательныя трубки. Увеличеніе 40 (Böhm und Davidoff).

Слѣдовательно какъ корковый, такъ и сердцевинный слои пирамидки одинаково состоятъ изъ трубочекъ. Разница же заключается въ томъ, что въ корковомъ слоѣ трубочки имѣютъ очень извитой ходъ (tubuli contorti), тогда какъ въ сердцевинномъ слоѣ онѣ идутъ болѣе или менѣе прямо (tubuli recti).

Извитыя мочеотдѣлительныя трубочки начинаются въ корковомъ слоѣ (pars convoluta), заложенномъ между радіальными пирамидными отростками Ferrein'a (pars radiata), шаровидными расширеніями, называемыми почечными тѣльцами (corpuscula renis s. Malpighi). (Рис. 1698.)

Каждое шаровидное почечное тѣльце имѣетъ 130—220 μ въ поперечникѣ. Отходя отъ тѣльца, каждая мочеотдѣлительная трубочка суживается, образуя шейку; послѣ того,

Рис. 1698.

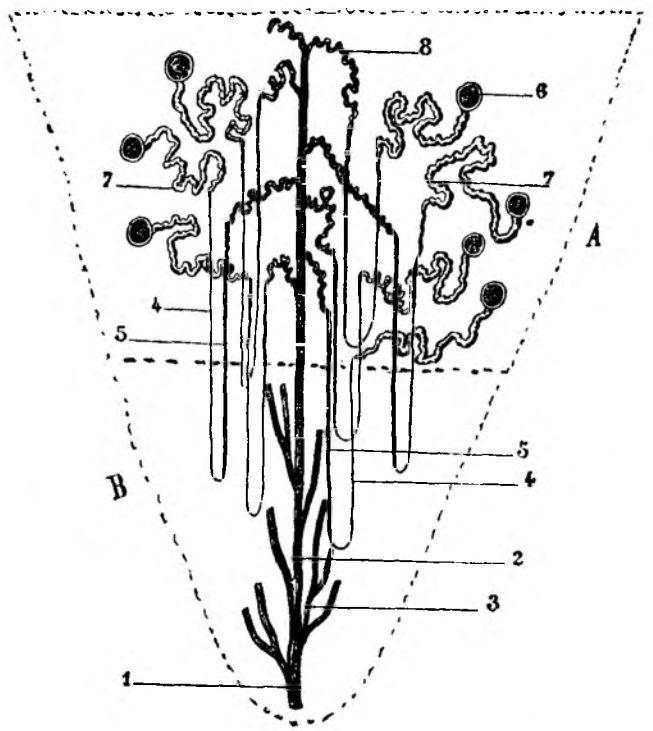


Рис. 1698. Схема расположенія въ почечной долѣ, имѣющей пирамидную форму, обозначенную точками, мочеотдѣлительныхъ и мочеотводныхъ трубочекъ: A — корковый слой; B — сердцевинный слой, заканчивающійся сосочкомъ: 1, 2 — собирательная трубочка; 3 — собирательныя трубочки, впадающія въ первыя; 4 — нисходящее колѣно петли Henle; 5 — восходящее колѣно петли Henle; 6 — клубочекъ кровеносныхъ сосудовъ въ расширенной части мочеотдѣлительной трубочки — въ капсулѣ Bowman'a; 7 — извитыя мочеотдѣлительныя трубочки перваго порядка: 8 — такія же трубочки второго порядка (Berdal).

имѣя 40—70 μ въ поперечникѣ, она образуетъ многочисленные извивы съ очень короткими колѣнцами, которые составляютъ вмѣстѣ съ подобными же извивами другихъ трубочекъ весь корковый слой (pars convoluta), между пирамидными отростками Ferrein'a.

Сдѣлавъ большое количество извивовъ (tubuli contorti primi ordinis), мочеотдѣлительная трубочка внѣдряется въ пирамидный отростокъ Ferrein'a, суживается и прямолинейно направляется къ вершинѣ почечной пирамиды; но, не доходя до нея, опять круто поворачиваетъ въ обратную сторону и идетъ параллельно прежнему своему направленію, опять расширяясь.

Эту петлю, состоящую изъ двухъ прямолинейныхъ параллельныхъ колѣнъ — нисходящаго и восходящаго, **Kölliker** назвалъ петлей Henle (1862), который впервые описалъ ее. Нисходящее колѣно петли имѣетъ 9—15 μ въ поперечникѣ а восходящее — 23—28 μ. Восходящее колѣно почти

Рис. 1699.

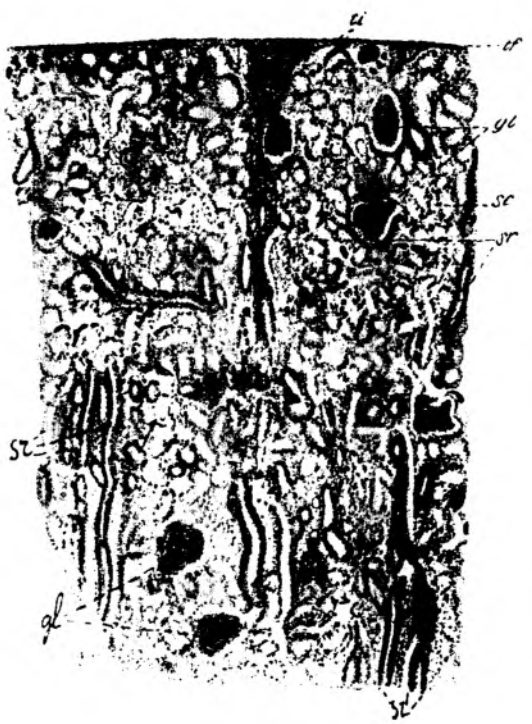


Рис. 1699. Корковый слой почки казненнаго человѣка; показывающій соотношеніе извитыхъ трубочекъ, прямыхъ и клубочковъ Malpighi: tf — оболочка почки изъ плотной волокнистой соединительной ткани; ti — промежуточная волокнистая соединительная ткань съ кровеносными сосудами; gl — клубочекъ; sc — сѣченіе извитыхъ трубочекъ; sr — прямыя трубочки почечныхъ пирамидокъ. Увеличеніе 6 (Sobotta).

всегда поднимается до уровня соотвѣтственнаго почечнаго тѣльца или выше мѣста вступленія извитаго канальца въ пирамидный отростокъ Ferrein'a. Здѣсь восходящее колѣно опять выступаетъ изъ отростка Ferrein'a, опять значительно расширяется (40—46 μ) и производитъ опять большее или меньшее количество короткоколѣнныхъ извивовъ второго порядка (tubuli contorti secundi ordinis). (Рис. 1699).

Послѣ того мочеотдѣлительная трубочка суживается (25 μ) опять входитъ въ пирамидный отростокъ и, сливаясь съ другими подобными, прямолинейно направляется къ вершинѣ почечной пирамиды въ видѣ собирательной трубки (Bellini 1662), имѣющей въ поперечникѣ 65—100 μ.

Рис. 1700.

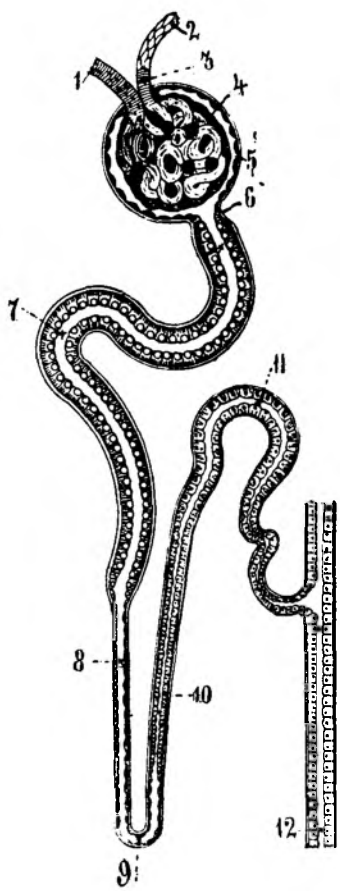


Рис. 1700. Схема продольнаго сѣченія почечнаго тѣльца и отходящихъ отъ него почечныхъ трубочекъ или канальцевъ: 1 — приносящій кровь сосудъ; 2 — выносящій сосудъ; 3 — мѣсто обхватыванія сосудовъ оболочкой; 4 — внутренній листокъ оболочки, облегающій непосредственно сосудистый клубочекъ и выстланный снаружи плоскими эпительными клѣтками; 5 — наружный листокъ оболочки почечнаго тѣльца, выстланный извнутри уплощенными почти кубическими эпительными клѣтками и ограничивающій щелевидную полость тѣльца, заключенную между названными двумя листками оболочки клубочка, и продолжающуюся непосредственно въ шейку — 6 извитой мочеотдѣлительной трубочки — 7, продолженіемъ которой является нисходящее колѣно — 8 петли Henle — 9, а далѣе идетъ ея восходящее колѣно — 10, переходящее въ извитыя трубочки второго порядка — 11, сообщающіяся съ прямой собирательной трубочкой — 12 (Roule).

Собирательныя трубки переходятъ въ почечную пирамиду въ радіальномъ направленіи къ ея вершинѣ и при своемъ ходѣ постепенно сливаются между собой, образуя сосочковые мочеотводные протоки (ductuli papillares), открывающіеся на вершинѣ почечнаго сосочка сосочковыми отверстіями (foramina papillaria), имѣющими въ поперечникѣ 80—400 μ.

Шаровидное почечное тѣльце (Malpighi), представляющее собою начальную часть мочеотдѣлительной трубки, состоитъ изъ двухъ частей: сосудистаго клубочка (glomerulus) и его оболочки (capsula glomeruli). (Рис. 1700.)

Клубочекъ состоитъ изъ многочисленныхъ кровеносныхъ капиллярныхъ сосудовъ, составляющихъ развѣтвленіе приносящей кровь артеріи (vas afferens). (Рис. 1701.) Эти капилляры образуютъ извивы и петли, сплетаясь въ клубочекъ, и, сливаясь опять, даютъ одну выносящую кровь артерію (vas efferens). Въ дальнѣйшемъ ходѣ эта артерія

Рис. 1701.

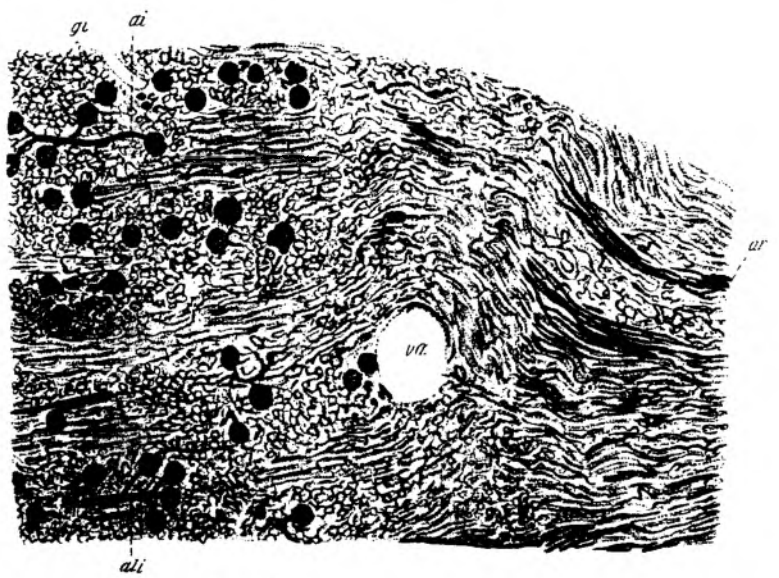


Рис. 1701. Сѣченіе почки человѣка, проходящее чрезъ ея ворота и большую кривизну въ области границы коркового и сердцевиннаго слоевъ съ налитыми массой кровеносными сосудами: ar — прямыя артеріи; ali, ai — междольковыя артеріи; gl — клубочки кровеносныхъ сосудовъ; va — дугообразная вена (vena arciformis). Увеличеніе 15 (Sobotta).

распадается въ сосѣдней области на капилларную сѣть, дающую начало соотвѣтственной венѣ. (Рис. 1702.)

Оболочка клубочка, которую впервые описали **J. Müller** (1830) и **Bowman** (1842), состоитъ изъ основной перепонки, которая здѣсь называется собственной перепонкой (membrana propria) толщиною въ 1—2 μ, выстланной снаружи плоскими эпителными клѣтками, расположенными въ одинъ слой. (Рис. 1703.) Эта оболочка клубочка, обхвативъ его а также приносящій и выносящій кровеносные сосуды, принимаетъ обратный ходъ, уже со-

Рис. 1702.

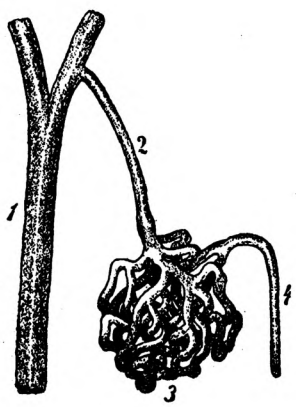


Рис. 1702. Клубочекъ кровеносныхъ сосудовъ почечнаго тѣльца изъ почки кошки: 1 — междольковая артерія; 2 — приносящая кровь артерія (a. afferens); 3 — клубочекъ; 4 — выносящая кровь артерія (a. efferens) (Ludwig).

Рис. 1703.

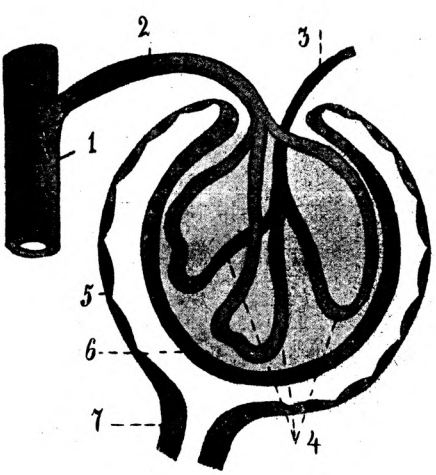


Рис. 1703. Схема строенія почечнаго тѣльца (Malpighi): 1 — междольковая артерія (arteria recta); 2 — приносящій сосудъ; 3 — выносящій сосудъ; 4 — клубочекъ кровеносныхъ капилляровъ; 5 — внѣшная пластинка оболочки клубочка (capsula Bowmani); 6 — внутренняя пластинка оболочки клубочка; 7 — шейка начинающейся извитой мочеотдѣлительной трубочки перваго порядка (Stöhr).

ставляя, собственно говоря, расширенную начальную часть мочеотдѣлительной трубочки и какъ бы вторичную наружную оболочку клубочка. Она состоитъ изъ основной перепонки, составляющей продолженіе такой же перепонки мочеотдѣлительной трубочки, и выстилающаго ее извнутри одного слоя уплощенныхъ эпителныхъ клѣтокъ. (Рис. 1704, 1705.)

Рис. 1704.

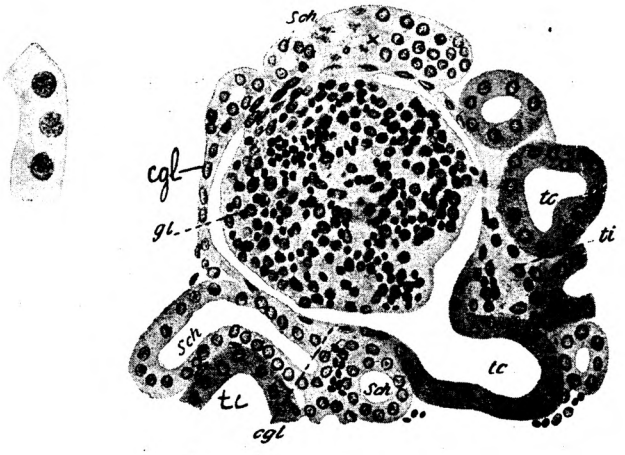


Рис. 1704. Сѣченіе почечнаго клубочка изъ почки казненнаго человѣка, показывающее непосредственный переходъ оболочки клубочка въ извитую трубочку: gl — почечный клубочекъ кровеносныхъ капилляровъ; cgl — наружная пластинка оболочки почечнаго клубочка (capsula Bowmani), выстланная извнутри кубическими и уплощенными эпительными клѣтками; tc — извитая мочеотдѣлительная трубочка, выстланная цилиндрическимъ палочковымъ эпителіемъ, границы отдѣльныхъ клѣтокъ котораго не различимы, а наружная часть клѣтокъ является продольно исчерченной, состоящей какъ бы изъ палочекъ; палочки эти составляются изъ ряда мельчайшихъ зернышекъ; sch — сѣченіе извитой трубочки второго порядка или вставочной, которая при — $\times$ — срѣзана чрезъ ея стѣнку параллельно ея поверхности. Увеличеніе 280 (Sobotta).

Мочеотдѣлительная трубочка состоитъ изъ основной перепонки и выстилающаго ее извнутри одного слоя эпительныхъ отдѣлительныхъ клѣтокъ.

Основная перепонка и здѣсь имѣетъ тѣ же свойства, какія она имѣетъ въ другихъ органахъ; толщина ея здѣсь 1—2 μ.

Эпителныя отдѣлительныя клѣтки, выстилающія извнутри основную перепонку, бываютъ различны въ различныхъ отдѣлахъ мочеотдѣлительныхъ трубочекъ. Въ извитыхъ трубочкахъ эпителныя клѣтки имѣютъ форму

Рис. 1705.

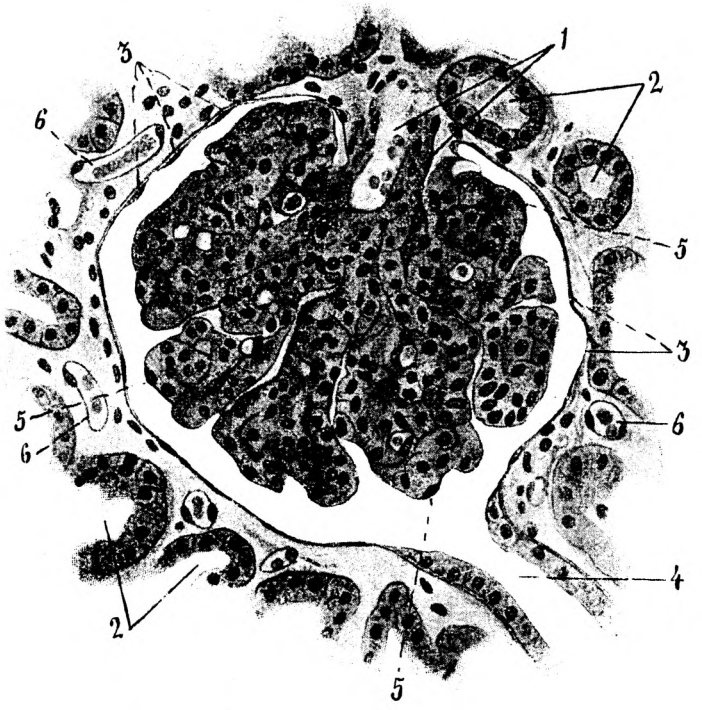


Рис. 1705. Сѣченіе почечнаго тѣльца въ почкѣ обезьяны: 1 — приносящій и выносящій кровеносные сосуды; 2 — поперечное сѣченіе извитыхъ трубочекъ; 3 — наружная пластинка оболочки клубочка, выстланная уплощенными эпителными клѣтками, продолжающаяся непосредственно въ извитую мочеотдѣлительную трубочку перваго порядка — 4; 5 — внутренняя пластинка оболочки клубочка, выстланная плоскими эпителными клѣтками; 6 — кровеносные сосуды. Увеличеніе 350 (Szymonowicz).

усѣченныхъ пирамидъ, широкимъ основаніемъ прилегающихъ къ основной перепонкѣ, а узкимъ — ограничивающихъ очень узкій центральный выводной каналъ мочеотдѣлительной трубочки. Эти клѣтки довольно большой величины, имѣютъ въ наружной части клѣточнаго тѣла

какъ бы параллельные ряды палочекъ, расположенныхъ перпендикулярно къ поверхности основной перепонки. (Рис. 1706.)

Подобное строеніе наружной части клѣточнаго тѣла наблюдается также въ клѣткахъ, такъ называемыхъ, слюнныхъ трубочекъ слюнныхъ железъ. (Рис. 1707—1710.)

Рис. 1706.

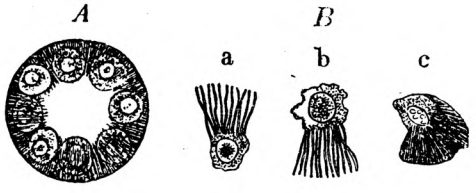


Рис. 1706. A — Поперечный разрѣзъ извитого канальца изъ почки крысы. Увеличеніе 320. B — выдѣленныя эпительныя кубическія клѣтки изъ такого же канальца; a, b, c — отдѣльныя клѣтки эпителія извитого канальца почки состоятъ изъ внутренней части клѣточнаго тѣла, содержащей клѣточное ядро, и наружной части, прилегающей къ основной или собственной перепонкѣ и состоящей изъ отдѣльныхъ палочекъ; потому эти клѣтки называются палочковыми клѣтками. Увеличеніе 440 (Heidenhain).

Рис. 1707.

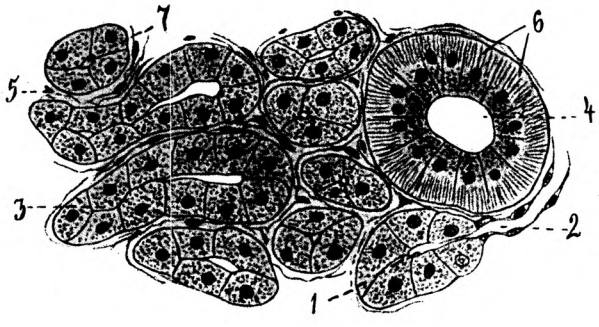


Рис. 1707. Околоушная слюнная железа человѣка (серозная): 1 — просвѣтъ отдѣлительнаго мѣшечка въ продольномъ сѣченіи съ отходящей отъ него вставочной трубочкой — 2; 3 — отдѣлительныя клѣтки отдѣлительнаго мѣшечка; 4 — поперечное сѣченіе слюнной трубочки; 5 — промежуточная волокнистая соединительная ткань; 6 — клѣтки „палочковаго эпителія“; 7 — просвѣтъ отдѣлительнаго мѣшечка въ поперечномъ сѣченіи. Увеличеніе 400 (Böhm und Davidoff).

Такое палочковидное строеніе наружной части клѣтокъ въ мочеотдѣлительныхъ трубочкахъ обнаружилъ **Heidenhain** (1874). Онъ же нашелъ, что внутренняя часть клѣточнаго тѣла имѣетъ особеннаго вида зернистость разной величины, отъ которой клѣтка освобождается во время дѣя-

тельности, а во время покоя опять ее накопляетъ. Клѣточное ядро помѣщается то въ наружномъ слоѣ клѣточнаго тѣла, имѣющемъ палочковое строеніе, когда почти все оно бываетъ занято матовыми зернами, то по выдѣленіи зеренъ — въ центральной части клѣточнаго тѣла. (Рис. 1711.)

Рис. 1708.

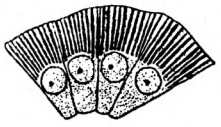


Рис. 1708. Цилиндрическій палочковый эпителій изъ слюнной трубочки выводного протока подчелюстной железы; наружные концы эпительныхъ клѣтокъ раздѣлены на множество палочковидныхъ отростковъ клѣточнаго тѣла, какъ это наблюдается также въ палочковомъ эпителіѣ извитыхъ канальцевъ почекъ. Увеличеніе 525 (Schifferdecker und Kossel).

Рис. 1709.

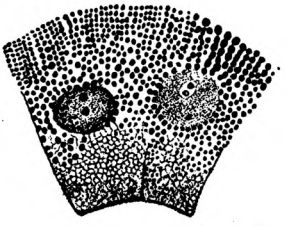


Рис. 1709. Двѣ эпительныя клѣтки изъ слюнной трубочки околоушной железы собаки послѣ суточнаго голоданія. Увеличеніе 1800 (Мислављкій и Смирновъ).

Рис. 1710.

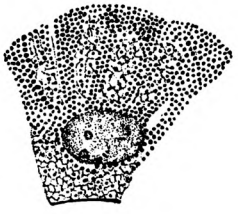


Рис. 1710. Эпительная клѣтка изъ слюнной трубочки послѣ усиленной дѣятельности. Увеличеніе 1800 (Мислављкій и Смирновъ).

Кромѣ того вся внутренняя поверхность клѣточнаго тѣла покрыта краевой пластинкой (Nussbaum 1878, Sauer 1895, Théohàri 1900) толщиною въ 2—3 μ состоящей изъ короткихъ прямыхъ параллельно расположенныхъ палочекъ, заложенныхъ въ однородномъ стеклопрозрачномъ веществѣ, стоящихъ перпендикулярно къ внутренней поверхности клѣтки. Нѣкоторые авторы (Klein, Типцовъ) считаютъ ихъ за колебательныя рѣснички, какъ это наблюдается у мышей. Въ промежуточной почкѣ (mesonephros) нисшихъ позвоноч-

ныхъ (рыбы, амфибіи) также имѣются въ начальной части трубочекъ клѣтки съ рѣсничками, колебательныя движенія которыхъ направлены отъ расширенной шаровидно части мочеотдѣлительной трубочки къ ея продолженію.

Во время покоя, когда клѣточное тѣло во внутренней части бываетъ переполнено зернистостью, эта часть выдается въ полость центральнаго выводного канала трубочки, стѣсняя ее и превращая въ узкую извилистую съ неправильнымъ ходомъ щель.

Рис. 1711.

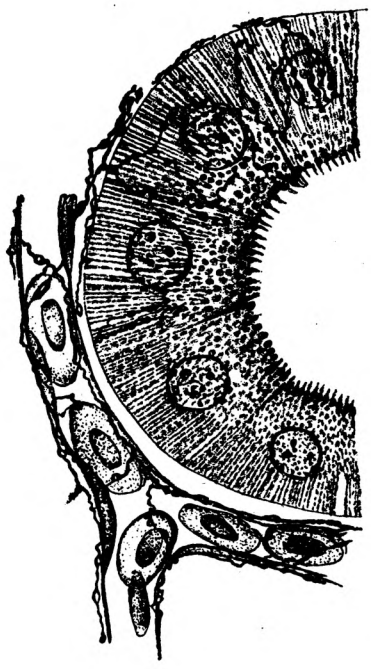


Рис. 1711. Часть поперечнаго сѣченія извитого канальца изъ почки лягушки: цилиндрическія клѣтки „палочковаго“ эпителія съ рѣсничками; безмякотное нервное волоконце свободно заканчивается между эпительными клѣтками, оплетая ихъ; такое же волоконце идетъ оплетая кровеносный капилляръ, наполненный красными кровяными клѣтками (А. Смирновъ).

Въ узкомъ нисходящемъ колѣнѣ петли Henle эпительныя клѣтки уплощаются и принимаютъ форму и расположеніе, подобныя эндотельнымъ клѣткамъ тонкихъ артерій.

Въ восходящемъ колѣнѣ той же петли эпительныя клѣтки такія же, какъ въ извитыхъ канальцахъ. (Рис. 1712.)

Въ собирательныхъ мочеотводныхъ трубочкахъ имѣется призменный эпителій, высота котораго въ мочеотводныхъ сосочковыхъ протокахъ достигаетъ 20—25 μ. (Рис. 1713—1715.)

Рис. 1712.

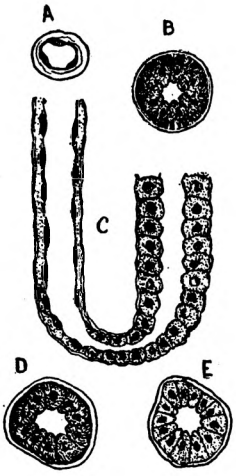


Рис. 1712. Трубочка нисходящаго колѣна петли Henle въ поперечномъ сѣченіи — A; B — восходящаго колѣна ея; C — продольное сѣченіе нисходящаго и восходящаго колѣнъ петли Henle; D — поперечное сѣченіе вставочной части мочеотдѣлительной трубочки; E — такое же сѣченіе собирательной трубочки (Berdal).

Рис. 1713.

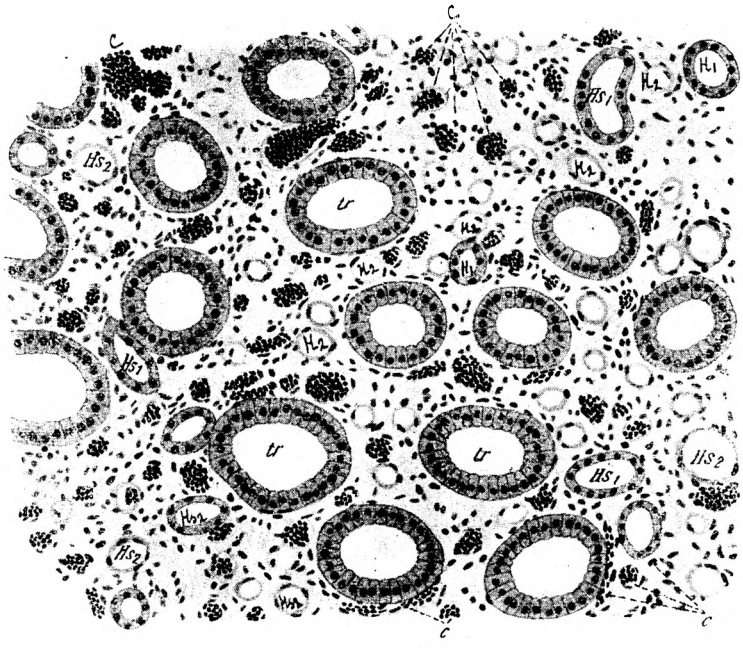


Рис. 1713. Поперечное сѣченіе сердцевиннаго слоя почки (почечной пирамиды) казненнаго человѣка: tr — собирательныя трубочки въ поперечномъ сѣченіи, выстланныя цилиндрическимъ эпителіемъ; Hs_1, H_1 — поперечное сѣченіе восходящаго колѣна петли Henle, выстланнаго кубическимъ эпителіемъ; Hs_2, H_2 — такое же сѣченіе нисходящаго колѣна петли Henle, выстланнаго плоскимъ эпителіемъ; c — поперечное сѣченіе кровеносныхъ сосудовъ. Увеличеніе 150 (Sobotta).

Эти послѣдніе протоки имѣютъ кнаружи отъ основной перепонки концентрически идущія клей дающія волокна, образующія какъ бы наружную ихъ оболочку.

Разобравшись въ строеніи канальцевъ почки, приходимъ къ заключенію, что эта послѣдняя есть сложная трубчатая

Рис. 1714.

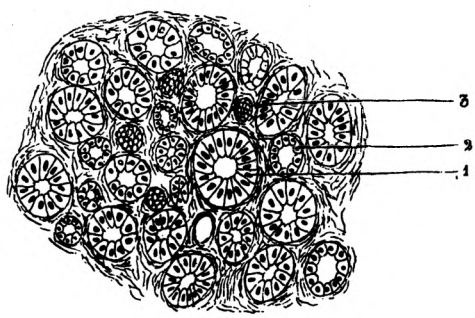


Рис. 1714. Поперечное сѣченіе почечной пирамиды надъ сосочкомъ: 1 — собирательная трубка; 2 — меньшей толщины собирательная трубочка; кровеносный сосудъ въ поперечномъ сѣченіи (Launois).

Рис. 1715.

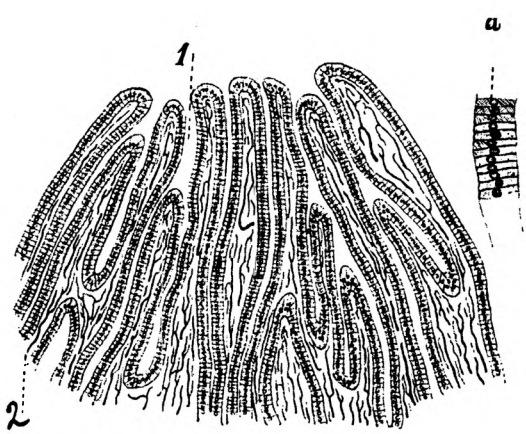


Рис. 1715. Продольное сѣченіе сосочка почечной пирамиды съ налитыми массой кровеносными сосудами: 1 — сосочковыя собирательныя трубки; 2 — кровеносный сосудъ; а — высокій цилиндрическій эпителій, выстилающій сосочковыя собирательныя трубки. Увеличеніе 40 (Böhm und Davidoff).

железа, подобная въ строеніи сложнымъ трубчатымъ слюннымъ железамъ, наиболѣе развитымъ. Въ послѣднихъ имѣются концевыя отдѣлительныя трубочки, вставочныя трубочки, отдѣлительныя части выводного протока или слюнныя трубочки и выводные протоки, выносящіе отдѣляемое. (Рис. 1716—1718.) Подобно тому въ почкѣ полость почечнаго тѣльца и извитые канальцы перваго порядка соотвѣтствуютъ

Рис. 1716.

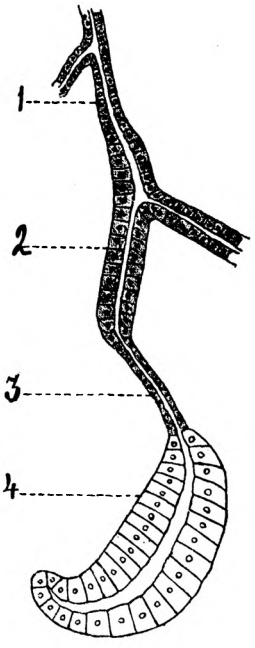


Рис. 1716. Схема дольки слюнной железы: 1 — выводной протокъ дольки; 2 — слюнная трубочка; 3 — вставочная трубочка; 4 — отдѣлительная концевая трубочка или мѣшечекъ (Stöhr).

Рис. 1717.

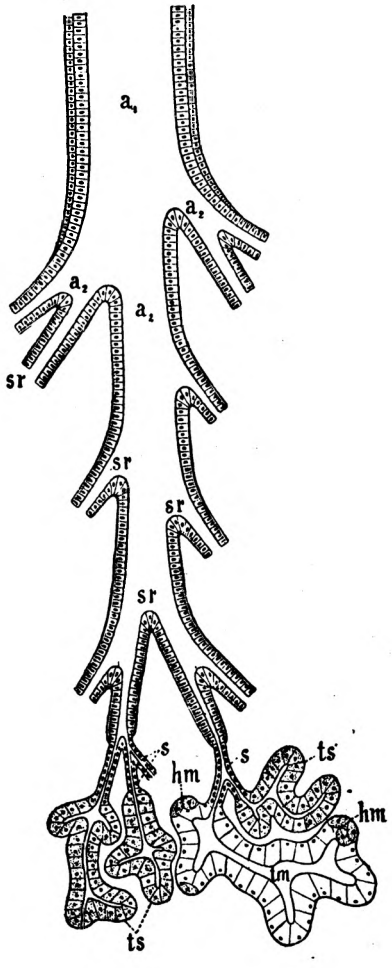


Рис. 1717. Схема строенія подчелюстной железы (gl. submaxillaris): a_1 — большая вѣтвь главнаго выводного протока; a_2 — его тонкія вѣтви; sr — слюнная трубочка; s — вставочная трубочка; ts — концевая отдѣлительная трубочка серозная; tm — концевая отдѣлительная трубочка смѣшанная; hm — полулунія (Gianuzzi) (Sobotta).

концевому отдѣлу слюнныхъ железъ; нисходящая часть петли Henle соотвѣтствуетъ вставочной трубочкѣ слюнныхъ железъ; восходящая часть петли Henle и извитые канальцы второго порядка соотвѣтствуютъ отдѣлительнымъ или слюн-

Рис. 1718.

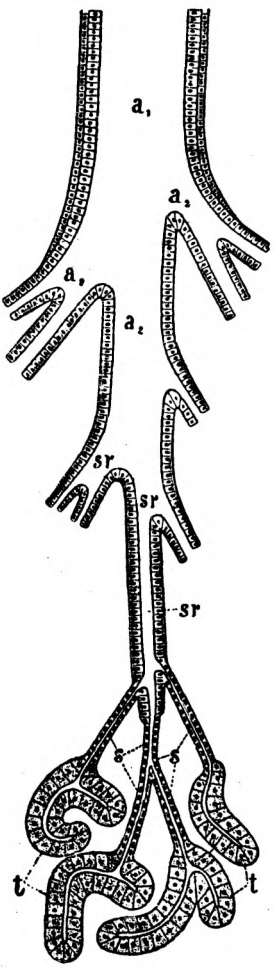


Рис. 1718. Схема строенія околоушной железы (parotis): a_1 — большая вѣтвь главнаго выводного протока; a_2 — его малая вѣтви; sr — слюнная трубочка; s — вставочная трубочка; t — концевая отдѣлительная трубочка (Sobotta).

нымъ трубочкамъ выводного протока слюнныхъ железъ; прямыя трубочки и собирательные канальцы, составляющіе соединяясь сосочковые протоки, соотвѣтствуютъ выводному протоку и его развѣтвленіямъ слюнныхъ железъ. (Рис. 1719.)

Рис. 1719.

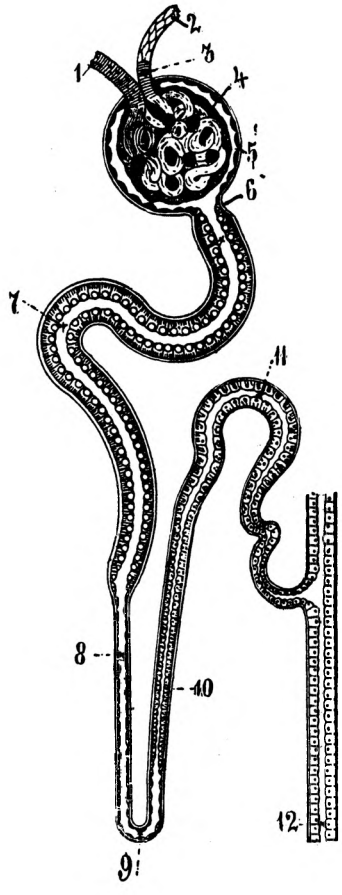


Рис. 1719. Схема продольнаго сѣченія почечнаго тѣльца и отходящихъ отъ него почечныхъ трубочекъ или канальцевъ: 1 — приносящій кровь сосудъ; 2 — выносящій сосудъ; 3 — мѣсто обхватыванія сосудовъ оболочкой; 4 — внутренній листокъ оболочки, облегающій непосредственно сосудистый клубочекъ и выстланный снаружи плоскими эпительными клѣтками; 5 — наружный листокъ оболочки почечнаго тѣльца, выстланный извнутри уплощенными почти кубическими эпительными клѣтками и ограничивающій щелевидную полость тѣльца, заключенную между названными двумя листками оболочки клубочка и продолжающуюся непосредственно въ шейку — 6 извитой мочеотдѣлительной трубочки — 7, продолженіемъ которой является нисходящее колѣно — 8 петли Henle — 9, а далѣе идетъ ея восходящее колѣно — 10, переходящее въ извитыя трубочки второго порядка — 11, сообщающіяся съ прямой собирательной трубочкой — 12 (Roule).

г. Кровеносные и лимфеносные сосуды и нервы.

Почечная артерія (art. renalis), раздѣлившись на вѣтви, проникаетъ внутрь почки на границахъ между ея долями, въ почечныхъ колоннахъ (Bertin). Это *междолевыя артеріи* (art. interlobulares renis). Дойдя до наружной границы сердцевиннаго слоя, здѣсь каждая изъ артерій образуетъ *дугообразный* изгибъ, ложась между корковымъ и сердцевиннымъ слоями; это *дугообразныя* артеріи (art. arciformes). Здѣсь онѣ переплетаются между собой, но не сообщаются въ сѣть сосудовъ (Destot, Bérard 1896; Gérard 1902). (Рис. 1720.) Отсюда артеріи отходятъ *прямо* по

радіусамъ кнаружи между дольками корковаго слоя; потому онѣ называются прямыми артеріями, радіальными или междольковыми (art. rectae s. radiatae, s. interlobulares). Эти артеріи многочисленны и онѣ

Рис. 1720.

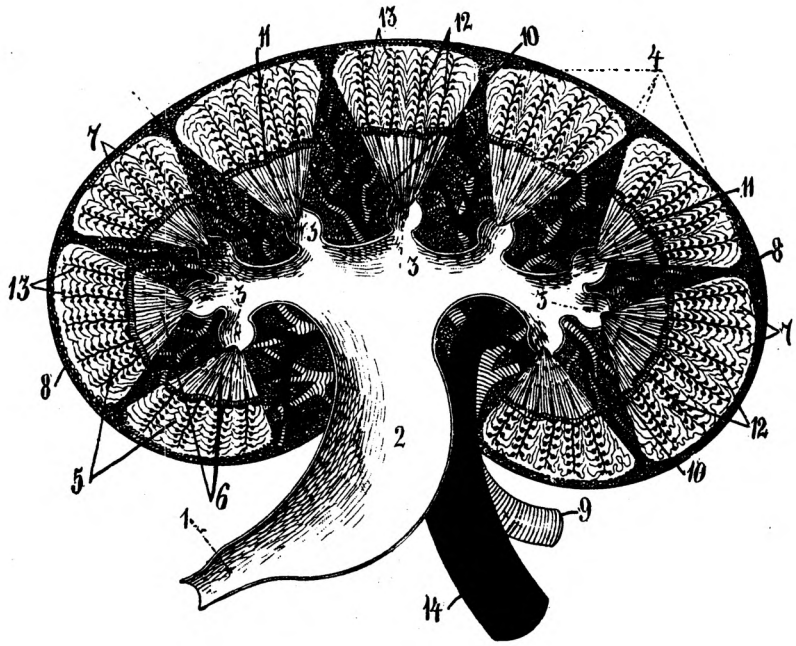


Рис. 1720. Продольное сѣченіе почки человѣка чрезъ мочеточникъ и большую кривизну (полусхематично): 1 — мочеточникъ; 2 — почечный тазъ; 3 — почечныя чашки; 4 — почечныя пирамиды, соотвѣтствующія почечнымъ долямъ; 5 — корковый слой почки; 6 — сердцевинный слой; 7 — почечныя пирамидки; 8 — оболочка почки изъ плотной волокнистой соединительной ткани; 9 — почечная артерія; 10 — междолевыя артеріи; 11 — дугообразныя артеріи; 12 — междольковыя артеріи; 13 — почечныя тѣльца, въ которыхъ помѣщаются сосудистыя клубочки; 14 — почечная вена; кромѣ того видны междолевыя вены и дугообразныя вены (Roule).

образуютъ вокругъ каждаго пирамиднаго отростка Ferrein'a, какъ оси, круговыя ряды, какъ частоколъ, восходящихъ къ наружной поверхности почки прямыхъ артерій (Arnold). (Рис. 1721, 1722.) Эти артеріи даютъ во всѣ стороны подъ

прямымъ угломъ боковыя вѣтви, изъ которыхъ каждая (vas afferens) образуетъ „чудныя сѣти“ (rete mirabile) почечныхъ клубочковъ (glomeruli) въ почечныхъ тѣльцахъ. (Рис. 1723.) Отсюда опять выходитъ артерія (vas

Рис. 1721.

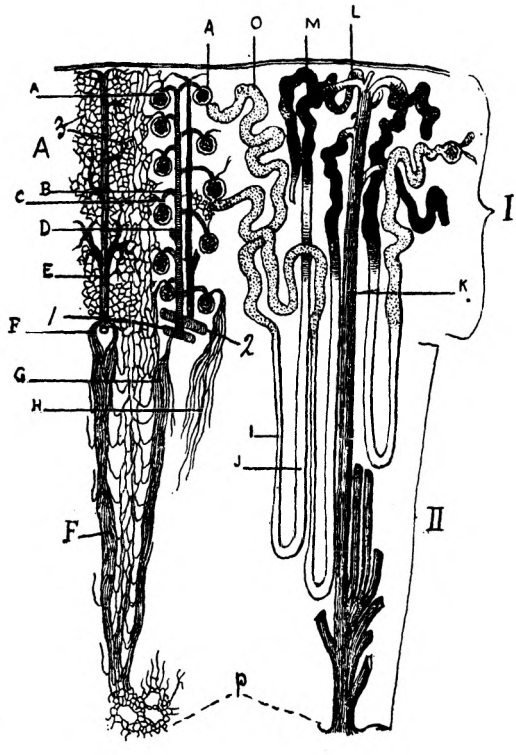


Рис. 1721. Схема распредѣленія въ почкѣ мочеотдѣлительныхъ и мочеотводныхъ канальцевъ, а также кровеносныхъ сосудовъ. I — корковый слой почки; II — сердцевинный слой; A — сосудистый клубочекъ, окруженный расширеніемъ мочеотдѣлительнаго канальца — O — извитой каналецъ пѣрваго порядка; I — нисходящее колѣно петли Henle; J — восходящее колѣно той же петли; M — извитые канальцы второго порядка; L — прямые канальцы; K — собирательные канальцы; P — сосочекъ почечной пирамидки; 1 — дугообразная артерія; D — прямая или радіальная или междольковая артерія; B — приносящій кровь къ клубочку сосудъ; C — выносящій кровь изъ клубочка сосудъ; 3 — сѣть кровеносныхъ капилляровъ коркового слоя, получающихся отъ развѣтвленія артерій, выносящихъ кровь изъ клубочковъ; G, H — сѣть кровеносныхъ капилляровъ сердцевиннаго слоя, получающаяся изъ выносящей кровь изъ клубочка артеріи; F — венки сердцевиннаго слоя, почечной пирамиды; E — прямая вена; 2 — дугообразная вена, впадающая въ междолевую вену (Berdal).

efferens), дающая вѣточки, къ оболочкѣ почечнаго тѣльца (rami capsulares); сама же она раздѣляется на прямыя артерійки, развѣтвляющіяся въ капилларной сѣти между пря-

мыми мочеотводными трубочками въ почечной пирамидѣ и идущія въ направленіи къ ея сосочку или вершинѣ (arteriolae rectae).

Рис. 1722.

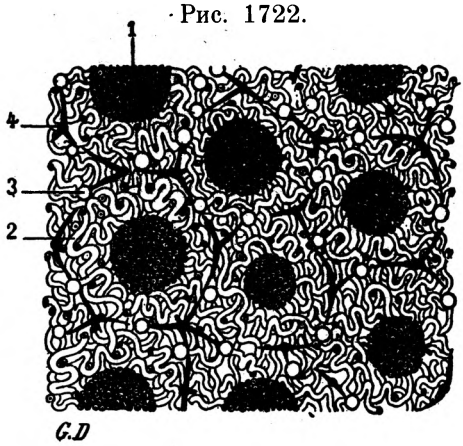


Рис. 1722. Сѣченіе коркового вещества почки, параллельное къ касательной; почечныя дольки; 1 — поперечное сѣченіе почечной пирамидки и въ ней прямыхъ трубочекъ; 2 — извитыя мочеотдѣлительныя трубочки; 3 — почечныя тѣльца (Malpighi); 4 — пограничные междольковые кровеносные сосуды (Testut).

Рис. 1723.

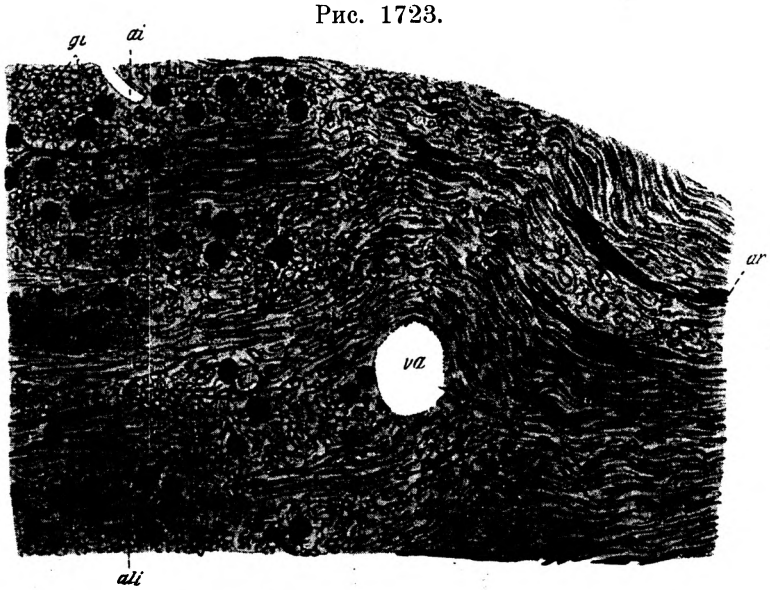
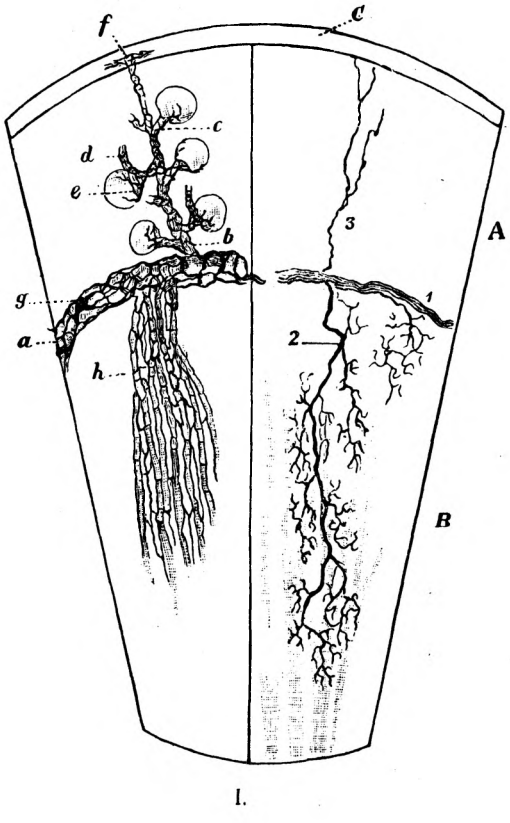


Рис. 1723. Сѣченіе почки человѣка, проходящее чрезъ ея ворота и большую кривизну въ области границы коркового и сердцевиннаго слоевъ съ налитыми массой кровеносными сосудами: ar — прямыя артеріи; ali, ai — междольковыя артеріи; gl — клубочки кровеносныхъ сосудовъ; va — дугообразная вена (vena arciformis). Увеличеніе 15 (Sobotta).

Вены имѣютъ тотъ же, но обратный ходъ. Поверхностныя капилларныя сѣти корковаго вещества даютъ начало венкамъ, собирающимся на поверхности почки въ одну центрально расположенную болѣе крупную вену и образующимъ правильную звѣздчатую фигуру (venae stellatae). Такихъ звѣздчатыхъ венныхъ группъ на поверхности почки подъ

Рис. 1724.



I.

Рис. 1724. Схема распредѣленія нервовъ въ почкѣ: A — корковое, B — сердцевинное вещества; C — оболочка. Нервныя сплетенія вокругъ кровеносныхъ сосудовъ: a — дуговой артеріи; b — междольковой артеріи; c — приносящаго, d — выносящаго кровь изъ клубочка сосуда; e — сосудовъ клубочка; f — сосудовъ оболочки почечнаго тѣльца; g — нервная клѣтка симпатическаго узла; h — сѣти капилляровъ; 1 — нервъ, сопровождающій дуговую артерію; 2 — нервное волокно, развѣтвляющееся вокругъ собирательныхъ трубочекъ; 3 — нервное волокно сердцевиннаго луча — пирамидки. Увеличеніе 340 (Догель).

ея оболочкой бываетъ нѣсколько. Эти вены продолжаются въ междольковыя вены (venae interlobulares), принимающія также извнутри пирамидныхъ отростковъ и пирамидъ почки прямыя венки (venulae rectae). Всѣ эти вены изливаются въ густую венную сѣть, образованную изъ дугообразно расположенныхъ венъ (venae arciformes) между корковымъ и сердцевиннымъ веществомъ почки. Отсюда отходятъ

междолевыя вены (venae interlobares) въ промежуткахъ между долями почки въ колоннахъ почки (Bertin) и сливаются въ почечную вену (vena renalis). (См. рис. 1720.)

Начало лимфеносныхъ сосудовъ не выяснено, хотя **Ludwig** и **Заварыкинъ** нашли ихъ въ промежуточной соединительной ткани, въ ея щелевидныхъ пространствахъ между мочеотдѣлительными трубочками. Далѣе они идутъ, сопровождая вены.

Нервы почки преимущественно состоятъ изъ безмякотныхъ нервныхъ волоконъ, оплетающихъ съ одной стороны кровеносные сосуды, а съ другой — мочеотдѣлительныя трубочки. На пути ихъ встрѣчается много узловыхъ нервныхъ клѣтокъ (Krause). Отдѣльныя первичныя нервныя волоконца прободаютъ основную перепонку и оканчиваются свободно между отдѣлительными клѣтками (Azoulay, 1894; Смирновъ, А. Догель). (Рис. 1724—1726.)

Рис. 1725.

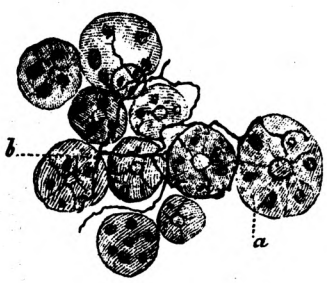


Рис. 1725. Поперечное сѣченіе собирательныхъ канальцевъ — a; b — нервныя волоконца, оплетающія канальцы и проникающія въ стѣнку ихъ между эпителными клѣтками. Увеличеніе 340 (Догель).

II.

2. Мочеотводные пути:

почечныя чашки, почечный тазъ, мочеточникъ.

Мочеотводные пути начинаются чашкообразными расширеніями (calyces renales minores), обхватывающими почечные сосочки (papillae renales). (См. рис. 1720.) Эти чашки въ видѣ воронокъ, сливаясь узкими концами одна съ другой на своемъ пути, образуютъ почечныя лоханки большей величины (calyces renales majores). Послѣднія въ свою очередь сочетаясь своими узкими кон-

цами, изливаются въ болѣе обширный почечный тазъ (pelvis renalis), который своимъ узкимъ концемъ продолжается въ мочеточникъ. (Рис. 1727.) Стѣнки всѣхъ этихъ частей мочеотводныхъ путей устроены по одному плану. Извнутри ихъ выстилаетъ слизистая оболочка, а снаружи ее облегаетъ мышечная оболочка.

Слизистая оболочка мочеточника образуетъ продольно расположенные складки, вслѣдствія чего на его по-

Рис. 1726.

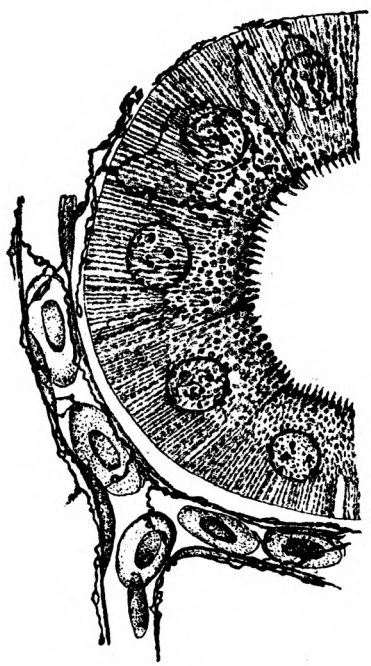


Рис. 1726. Часть поперечнаго сѣченія извитого канальца изъ почки лягушки: цилиндрическія клѣтки „палочковаго“ эпителія съ рѣсничками; безмякотное нервное волоконце свободно заканчивается между эпительными клѣтками, оплетая ихъ; такое же волоконце идетъ оплетая кровеносный капилляръ, наполненный красными кровяными клѣтками (А. Смирновъ).

перечномъ срѣзѣ отверстіе всегда имѣетъ звѣздчатую форму. (Рис. 1728.) Толщина слизистой оболочки мочеотводныхъ путей постепенно увеличивается въ направленіи отъ почки къ мочевому пузырю: она имѣетъ 60 μ въ почечной лоханкѣ, 450 μ — въ почечномъ тазѣ и 900 μ въ мочеточникѣ на поверхности складки, а въ промежуткахъ между ними 250 μ. Эпителій слизистой оболочки состоитъ изъ высокихъ (90 μ), въ одинъ слой расположенныхъ, призменныхъ клѣтокъ. (Рис. 1729.)

Эпителій, покрывающій почечный сосочекъ, состоитъ изъ высокихъ призменныхъ клѣтокъ, однородныхъ съ тѣми, которыя выстилаютъ мочеотводные сосочковые протоки. (Рис. 1730.) Далѣе этотъ эпителій сосочка непосредственно продолжается на слизистую оболочку чашкообразныхъ

Рис. 1727.

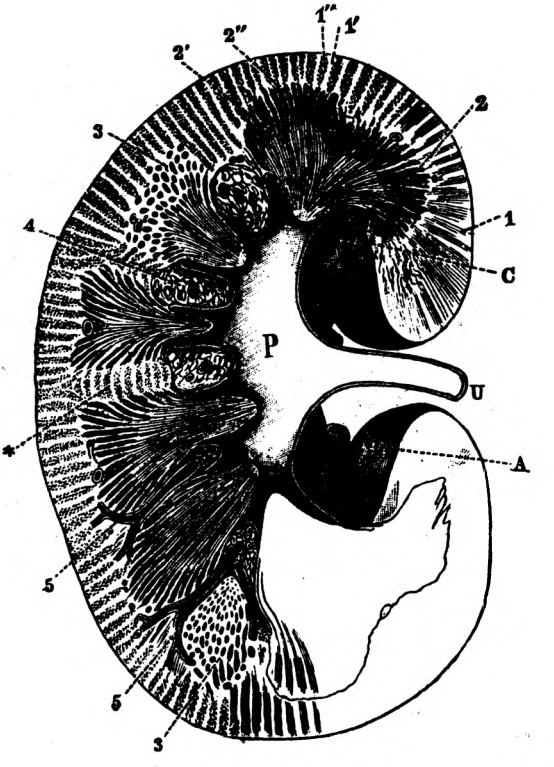


Рис. 1727. Сѣченіе почки человѣка чрезъ ея ворота и большую кривизну: A — вѣтвь почечной артеріи; U — мочеточникъ; P — почечный тазъ; C — почечная чашка; 1 — корковый слой; 1′ — лучъ почечной пирамиды или почечная пирамидка коркового слоя; 1″ — собственно корковый слой; 2 — сердцевинный слой; 2′ — собственно сердцевинный слой или почечная пирамида; 2″ — внѣшняя часть сердцевиннаго слоя; 3 — такая же внѣшняя часть разрѣзанная поперечно лучамъ; 4 — скопленіе жировыхъ клѣтокъ въ междолевой волокнистой соединительной ткани; 5 — междолевыя артеріи, развѣтвляющіяся на дугообразныя артеріи; * — поперечное сѣченіе пирамидныхъ лучей (Henle, Merkel).

расширеній мочеотводныхъ путей, покрывающихъ сосочки, переходя въ высокій (70—90 μ) однослойный многорядноядерный эпителій. Между основаніями этихъ высокихъ клѣтокъ расположены низкія такъ называемыя замѣнительныя клѣтки, которыя вырастая замѣщаютъ отживающія высокія клѣтки.

Подъ эпителіемъ расположена основная перепонка.

Кнаружи отъ нея находится основа слизистой оболочки тонкая (20 μ) у почечныхъ сосочковъ и утолщающаяся постепенно въ направленіи къ мочевому пузырю. Клей дающія волокна промежуточной волокнистой соединительной ткани почечнаго сосочка продолжаются непосред-

Рис. 1728.

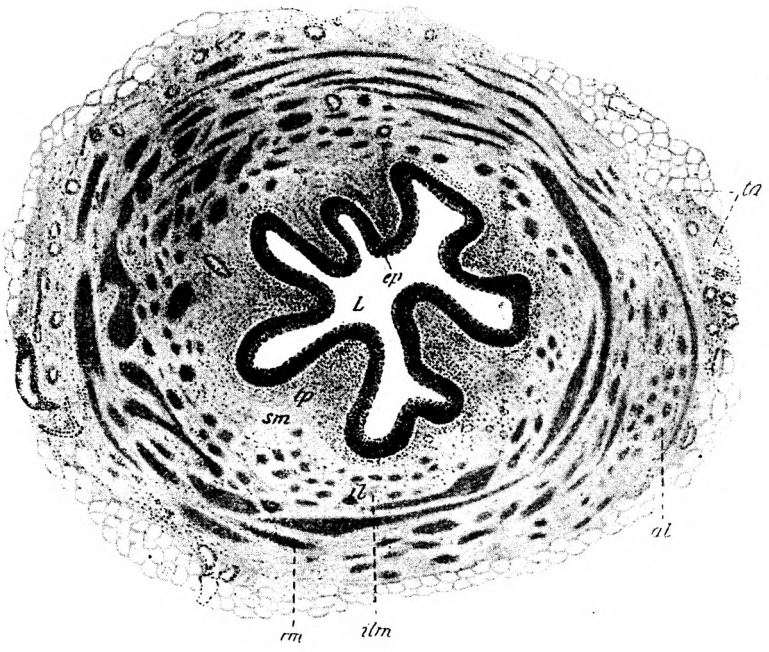


Рис. 1728. Поперечное сѣченіе мочеточника казненнаго человѣка: ep — эпителій; L — просвѣтъ мочеточника; tp — основа слизистой оболочки; sm — подслизистый слой; il, ilm — внутренній продольный слой мышечной оболочки; rm — круговой слой мышечной оболочки; al — наружный продольный слой мышечной оболочки; ta — волокнистая соединительнотканная оболочка и въ ней поперечное сѣченіе кровеносныхъ сосудовъ. Увеличеніе 25 (Sobotta).

ственно въ основу слизистой оболочки начала мочеотводныхъ путей. Чѣмъ далѣе къ мочевому пузырю, тѣмъ въ большемъ количествѣ встрѣчаются въ основѣ эластинныя волокна. Наружный слой основы слизистой оболочки нѣсколько разрыхляется и замѣняетъ собою подслизистый слой. Волокна его непосредственно продолжаются въ промежуточ-

ную волокнистую соединительную ткань наружной, мышечной оболочки.

Мышечная оболочка толщиною въ 450—600 μ состоитъ изъ двухъ слоевъ: внутренняго съ продольнымъ направленіемъ пучковъ гладкихъ мышечныхъ волоконъ-

Рис. 1729.

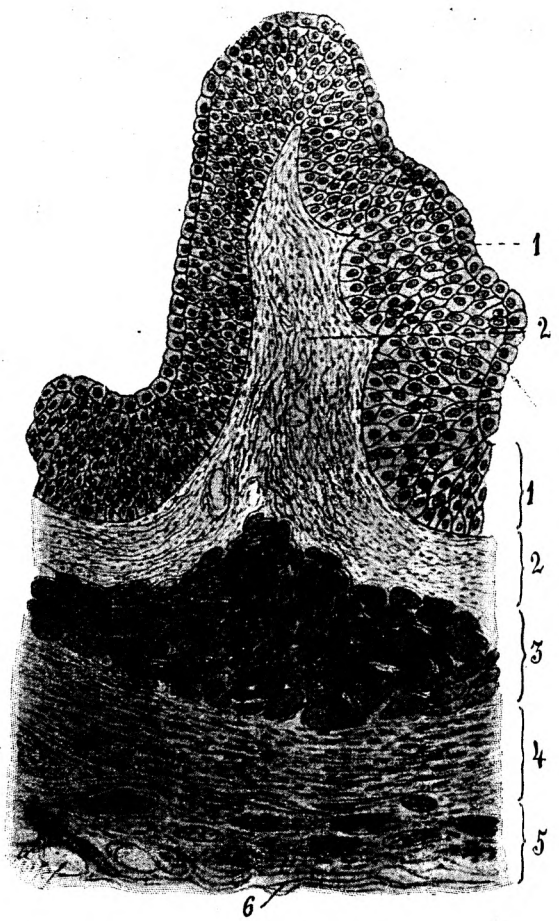


Рис. 1729. Поперечное сѣченіе мочеточника человѣка: 1 — многорядно-ядерный эпителій; 2 — основа слизистой оболочки; 3 — внутренній продольный слой мышечной оболочки; 4 — круговой слой ея; 5 — наружный продольный слой ея; 6 — волокнистая соединительнотканная оболочка. Увеличеніе 140 (Böhm und Davidoff).

клѣтокъ и наружнаго съ круговымъ направленіемъ мышечныхъ пучковъ. (См. рис. 1728, 1729.) При этомъ пучки гладкихъ мышечныхъ волоконъ-клѣтокъ не образуютъ сплошныхъ слоевъ, но бываютъ отдѣлены одинъ отъ другого большимъ количествомъ волокнистой соединительной ткани, содержащей въ себѣ кровеносные и лимфеносные сосуды и нервы.

Рис. 1730.

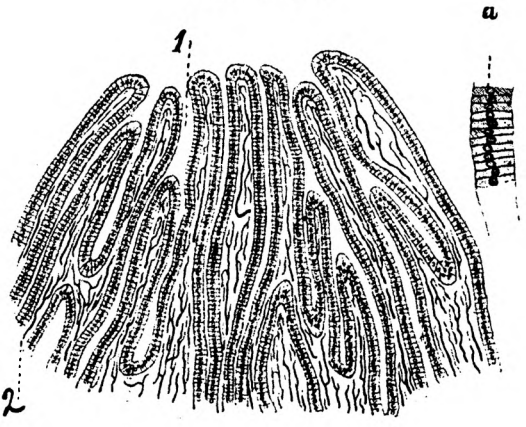


Рис. 1730. Продольное сѣченіе сосочка почечной пирамиды съ налитыми массой кровеносными сосудами: 1 — сосочковыя собирательныя трубки; 2 — кровеносный сосудъ; а — высокій цилиндрическій эпителій, выстилающій сосочковыя собирательныя трубки. Увеличеніе 40 (Böhm und Davidoff).

3. Мочевой пузырь.

Мочевой пузырь (vesica urinaria) есть мочеприемникъ, въ который моча стекаетъ по мочеточникамъ. Стѣнка мочевого пузыря состоитъ изъ трехъ оболочекъ: слизистой, мышечной и серозной. (Рис. 1731.)

Слизистая оболочка въ растянутомъ состояніи толщиною въ 100 μ состоитъ изъ эпителія, основной перепонки, основы и подслизистаго слоя.

Эпителій слизистой оболочки типичный однослойный многорядноядерный и состоитъ изъ высокихъ призменныхъ клѣтокъ (50—100 μ), понижающихся при растянутомъ мочею пузырѣ; онѣ составляютъ непосредственное продолженіе клѣтокъ эпителія слизистой оболочки мочеточника. (Рис. 1732, 1733.)

Основная перепонка устроена какъ вездѣ.

Основа слизистой оболочки состоитъ изъ параллельныхъ ея поверхности пластовъ клей дающихъ волоконъ волокнистой соединительной ткани.

Подслизистый слой, состоящій изъ рыхлой волокнистой соединительной ткани съ одной стороны принимаетъ клей дающія волокна изъ основы слизистой оболочки, а съ другой стороны продолжается кнаружи всѣми своими составными элементами въ межмышечную рыхлую волокнистую соединительную ткань мышечной оболочки.

Въ основѣ слизистой оболочки основанія (дна) мочевого пузыря имѣются углубленія (crypt ae) слизистой оболочки, выстланныя покровнымъ эпителіемъ слизистой оболочки въ видѣ широкихъ мѣшечковъ и не глубокихъ.

Рис. 1731.

Рис. 1731. Сѣченіе чрезъ толщу стѣнки мочевого пузыря казненнаго человѣка: ep — эпителій; tp — основа слизистой оболочки; sm — подслизистый слой съ жировыми клѣтками; ilm — внутренній продольный слой мышечной оболочки пузыря; rm — круговой слой мышечной оболочки; alm — наружный продольный слой мышечной оболочки; ta — волокнистая соединительнотканная оболочка. Увеличеніе 15 (Sobotta).

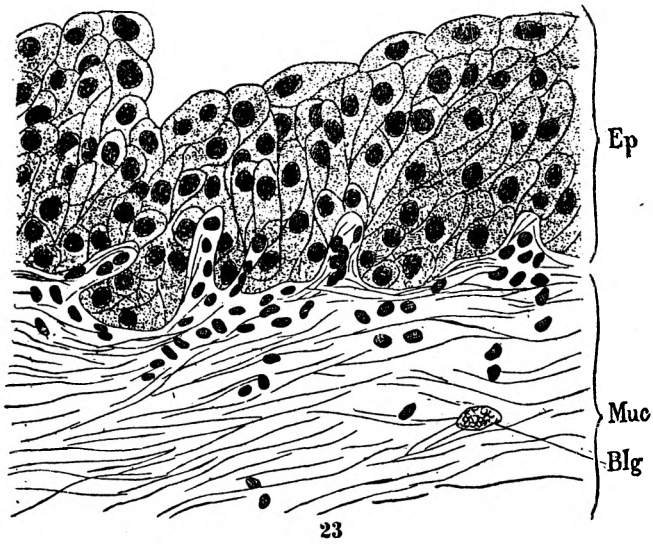
Кромѣ того здѣсь же встрѣчаются сложныя трубчатыя железы, выстланныя цилиндрическимъ однослойнымъ эпителіемъ. (Рис. 1734.)

Повсюду въ основѣ слизистой оболочки попадаются мѣстныя скопленія лейкоцитовъ, образующихъ мѣстами разлитые лимфенные фолликулы.

Мышечная оболочка пузыря состоитъ изъ трехъ, не рѣзко разграниченныхъ, слоевъ. Внутренній слой состоитъ изъ продольно идущихъ сверху внизъ пучковъ гладкихъ мышечныхъ волоконъ-клѣтокъ. (Рис. 1735.) Онъ сравнительно тонокъ и заходитъ въ толщу продольныхъ складокъ слизистой оболочки пузыря.

Средній слой состоитъ изъ мышечныхъ пучковъ съ круговымъ направленіемъ, перпендикулярнымъ мышечнымъ

Рис. 1732.



23

Рис. 1732. Поперечное сѣченіе стѣнки пустого мочевого пузыря человѣка: Ep — однослойный многоряднoядерный эпителій; Muc — основа слизистой оболочки, образующая на поверхности сосочки; Blg — сѣченіе кровеноснаго сосуда. Увеличеніе 400 (Schifferdecker und Kossel).

пучкамъ перваго слоя; онъ же образуетъ своимъ утолщеніемъ внутренній жомъ (sphincter internus) шейки мочевого пузыря. Наружный слой состоитъ изъ мышечныхъ пучковъ съ продольнымъ направленіемъ. Это самый толстый слой. Онъ по преимуществу своимъ сокращеніемъ выбрасываетъ мочу. Въ области отхожденія мочеиспускательнаго канала мышечные пучки наружнаго слоя отчасти вступаютъ въ предстательную железу, а отчасти въ мышечную оболочку самого канала.

Какъ въ мочеточникѣ, здѣсь также всѣ слои мышечной оболочки устроены не изъ сплошь лежащихъ пучковъ гладкихъ мышечныхъ волоконъ-клѣтокъ, но изъ пучковъ отдѣленныхъ одинъ отъ другого значительнымъ количествомъ волокнистой соединительной ткани, содержащей въ себѣ кровеносные и лимфеносные сосуды, нервы и нервные узлы.

Рис. 1733.

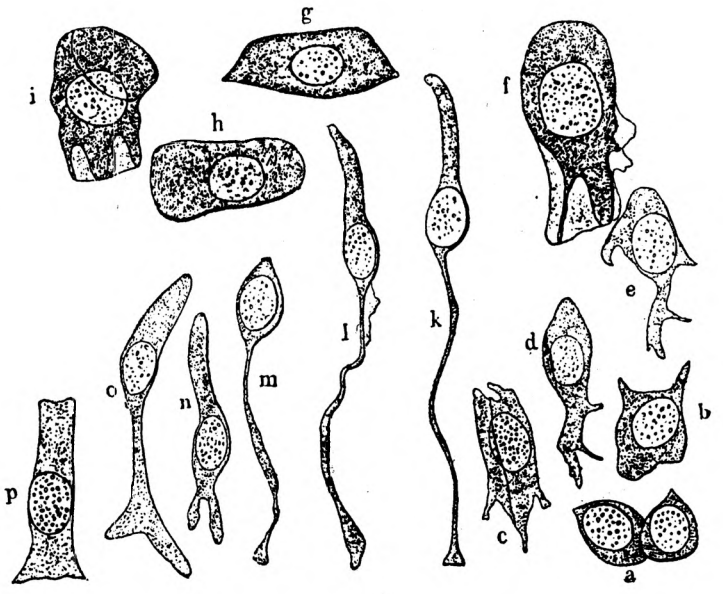


Рис. 1733. Отдѣльныя клѣтки эпителія слизистой оболочки мочевого пузыря человѣка: a — грушевидныя замѣнительныя клѣтки при основной перепонкѣ слизистой оболочки; b, c — маленькія клѣтки изъ слоя цилиндрическихъ клѣтокъ; d, e — клѣтки того же слоя, по формѣ напоминающія покровныя клѣтки; f, i — покровныя клѣтки сбоку; g, h — покровныя клѣтки сверху; k, l, m, n, o, p — разныя формы клѣтокъ цилиндрическаго слоя. Увеличеніе 525 (Schifferdecker und Kossel).

Серозная оболочка покрываетъ мочевой пузырь только въ небольшой части верхней и задней стѣнки.

Артеріи, проникая снаружи и развѣтвляясь, образуютъ густую межмышечную сѣть въ межмышечной соединительной ткани, откуда отходятъ вѣтви какъ кнаружи, такъ и квнутри — къ мышечнымъ пучкамъ. Далѣе

внутрь продолжаются тонкія вѣтви къ слизистой оболочкѣ, образующія въ подслизистомъ слоѣ вторую — подслизистую сѣть; отъ нея отходящія артерійки даютъ подъ основной перепонкой капиллярную сѣть съ узкими петлями.

Рис. 1734.

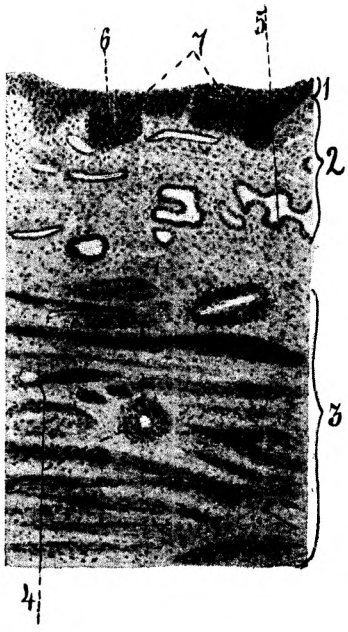


Рис. 1734. Сѣченіе стѣнки основанія мочевого пузыря взрослаго человѣка: 1 — эпителій, выстилающій также углубленія слизистой оболочки (cryptae) въ видѣ широкихъ мѣшечковъ; 2 — основа слизистой оболочки, включающая трубчатыя железы — 5; 3 — мышечная оболочка; 4 — кровеносные сосуды. Увеличеніе 48 (Szymonowicz).

Рис. 1735.

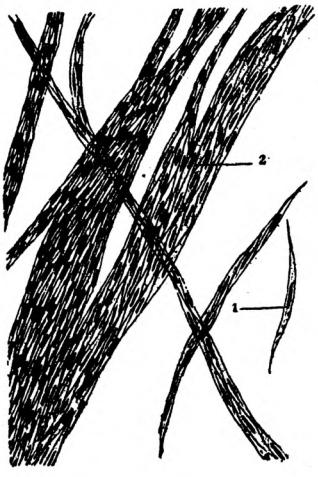


Рис. 1735. Волокна клѣтки гладкой мышечной ткани изъ мочевого пузыря лягушки: 1 — отдѣльное волокно-клѣтка; 2 — пучки волоконъ-клѣтокъ (Launois).

Вены идутъ въ обратномъ порядкѣ, сопровождая артеріи, и образуютъ три сѣти: подслизистую, межмышечную и подсерозную. Ихъ также сопровождаютъ лимфеносные сосуды.

Нервы состоятъ изъ мякотныхъ и безмякотныхъ нервныхъ волоконъ и сопровождаются мѣстами расположенными кучками узловыхъ нервныхъ клѣтокъ, помѣщающимися главнымъ образомъ между мышечными пучками и слоями въ промежуточной волокнистой соединительной ткани. Они даютъ волокна къ сосудамъ и мышечнымъ волокнамъ. Кромѣ того сплетеніе подслизистаго слоя посылаетъ тонкія нервныя волоконца, прободающія основную перепонку и свободно оканчивающіяся между эпительными клѣтками. (Рис. 1736.) (Retzius.)

Рис. 1736.

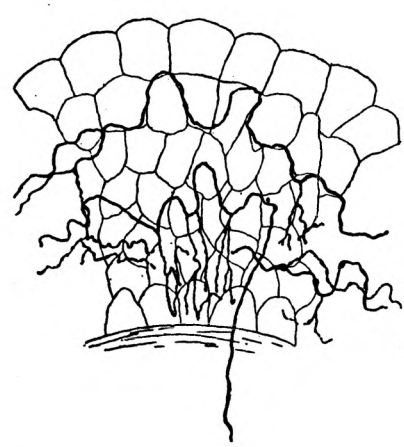


Рис. 1736. Окончанія нервныхъ волоконецъ въ эпителіѣ слизистой оболочки мочевого пузыря кролика (Retzius).

4. Мочеиспускательный каналъ.

Мочеиспускательный каналъ по особенностямъ строенія раздѣляется на три части: 1) прилегающая къ мочевому пузырю — предстательная часть (pars prostatica) (рис. 1737); 2) средняя — перепончатая часть (pars membranacea) (рис. 1738) и 3) концевая пещеристая часть (pars cavernosa) (рис. 1739—1743).

Онъ состоитъ изъ слизистой и мышечной оболочекъ.

Эпителій слизистой оболочки состоитъ изъ высокихъ (40—80 μ), расположенныхъ въ одинъ слой, призменныхъ клѣтокъ и низкихъ замѣнительныхъ клѣтокъ. Только недалеко отъ наружнаго отверстія, въ ладьеобразной ямкѣ мужского мочеиспускательнаго канала, онъ замѣняется многослойнымъ плоскимъ эпителіемъ.

Рис. 1737.

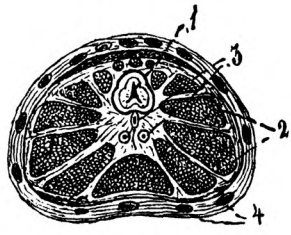


Рис. 1737. Схема поперечнаго сѣченія мужского наружнаго полового члена въ области предстательной железы: 1 — мочеиспускательный каналъ; 2 — дольки железы; 3 — выводные протоки железы; 4 — поперечное сѣченіе кровеносныхъ сосудовъ (Testut).

Рис. 1738.

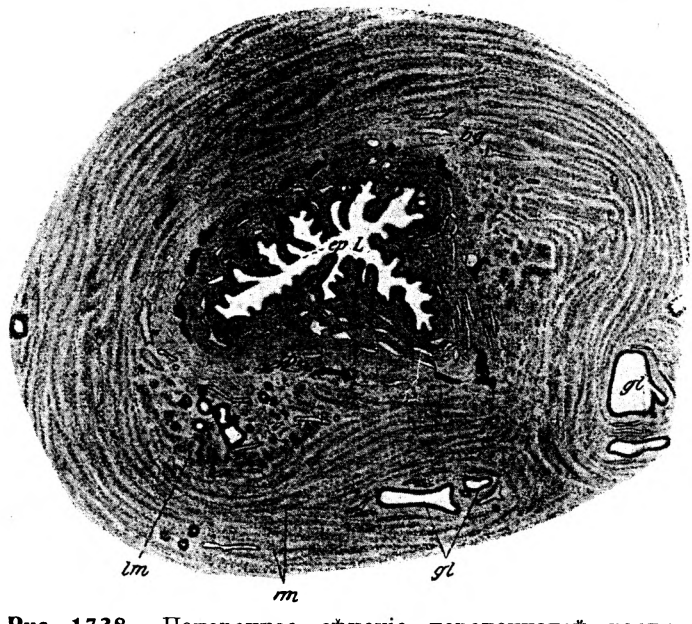


Рис. 1738. Поперечное сѣченіе перепончатой части мочеиспускательнаго канала казненнаго человѣка: L — просвѣтъ канала; ep — эпителій; tp — основа слизистой оболочки; bg — кровеносные сосуды слизистой оболочки; gl — железы слизистой оболочки; lm — продольный слой мышечной оболочки; rm — круговой слой той же оболочки. Увеличеніе 18 (Sobotta).

Подъ эпителіемъ имѣется очень тонкая основная перепонка.

Кнаружи отъ нея находится основа слизистой оболочки, непосредственно соединяющаяся своими волокнистыми элементами съ мышечной оболочкой. Мѣстами

Рис. 1739.

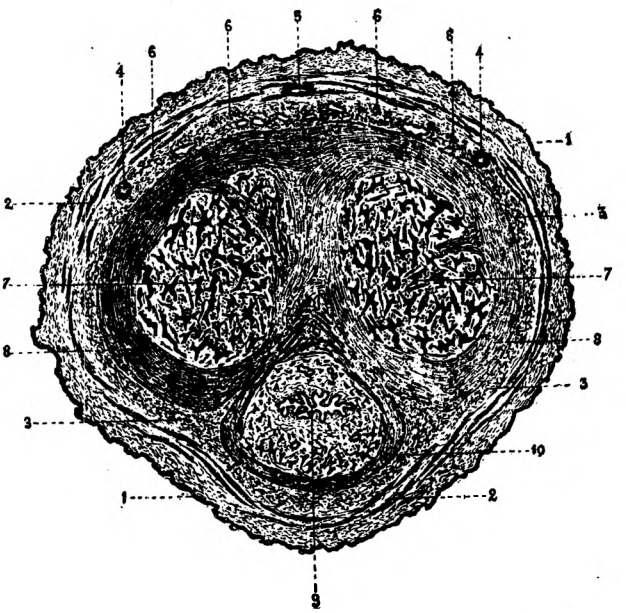


Рис. 1739. Поперечное сѣченіе мужского полового члена (penis s. phallus): 1 — кожа; 2 — подкожный слой съ гладкими мышечными волокнами-клѣтками; 3 — плотная соединительнотканная оболочка (fascia penis); 4 — артерія спинки члена (a. dorsalis penis); 5 — вена спинки члена; 6 — нервъ спинки члена; 7 — пещеристыя тѣла члена; 8 — бѣлая соединительнотканная оболочка пещеристыхъ тѣлъ члена; 9 — мочеиспускательный каналъ, окруженный своимъ пещеристымъ тѣломъ; 10 — бѣлая соединительнотканная оболочка пещеристаго тѣла мочеиспускательнаго канала. Увеличеніе 2,6 (Tourneux).

она образуетъ продольныя складки и содержитъ между клей дающими волокнами значительное количество продольно идущихъ эластинныхъ волоконъ.

Мышечная оболочка состоитъ изъ внутренняго слоя съ продольно идущими мышечными пучками и

наружнаго слоя съ круговымъ направленіемъ мышечныхъ пучковъ.

Къ послѣднему снаружи въ области предстательной железы присоединяется еще слой изъ круговыхъ поперечнополосатыхъ мышечныхъ волоконъ, обхватывающихъ также

Рис. 1740.

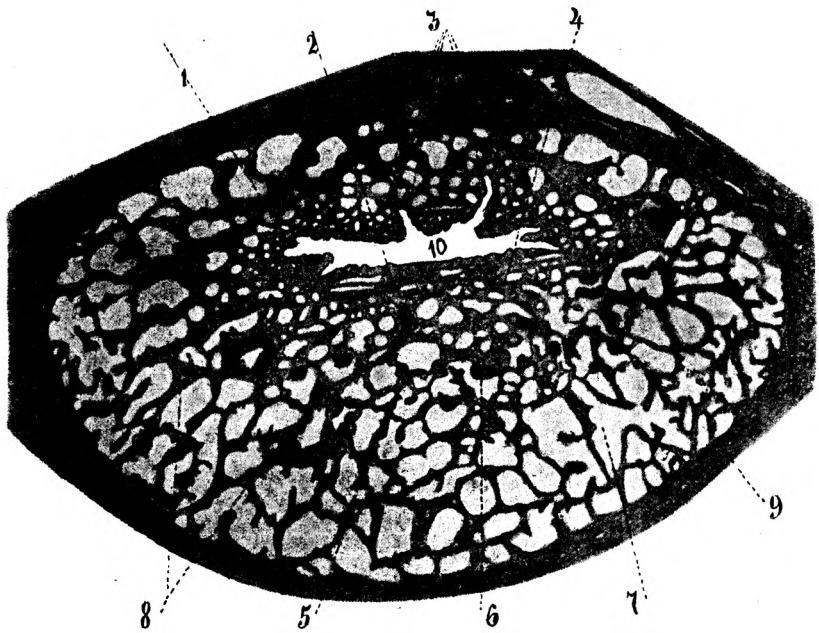


Рис. 1740. Поперечное сѣченіе пещеристаго тѣла мочеиспускательнаго канала (corpus cavernosum urethrae): 1 — эпителій слизистой оболочки канала; 2 — ея основа; 3 — ея железы; 4 — подслизистый слой; 5 — волокнистыя соединительнотканныя перекладины; 6 — пучки гладкихъ мышечныхъ волоконъ-клѣтокъ; 7 — пещеристые ходы кровеносныхъ сосудовъ; 8 — артеріи; 9 — бѣлая оболочка изъ плотной волокнистой соединительной ткани; 10 — просвѣтъ мочеиспускательнаго канала. Увеличеніе 28 (Stöhr).

и предстательную железу. Въ перепончатой части поперечнополосатыя мышечныя волокна образуютъ наружный жомъ (sphincter externus).

Въ слизистой оболочкѣ мочеиспускательнаго канала имѣются трубчатыя железы въ разныхъ стадіяхъ развитія. Нѣкоторыя изъ нихъ являются въ видѣ простыхъ широ-

Рис. 1741.

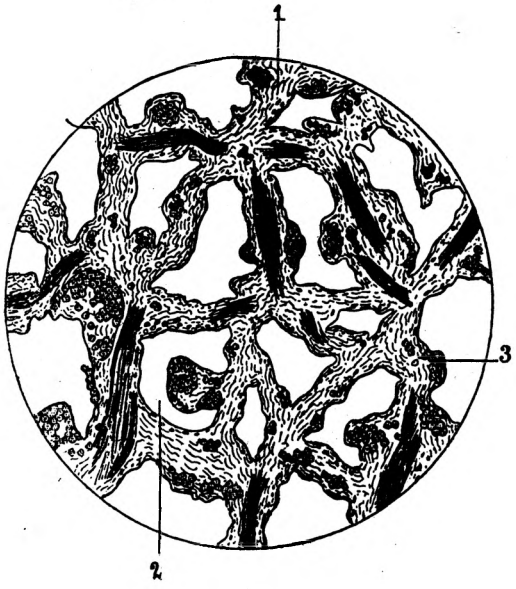


Рис. 1741. Поперечное сѣченіе пещеристаго тѣла мочеиспускательнаго канала: 1 — перегородки; 2 — пещеры, ограниченныя этими перегородками; 3 — гладкія мышечныя волокна-клѣтки (Duval).

Рис. 1742.

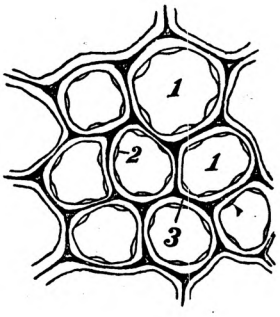


Рис. 1742. Поперечное сѣченіе пещеристаго тѣла мочеиспускательнаго канала новорожденнаго: 1 — расширенная полость кровеноснаго сосуда; 2 — клѣтки эндотелія; 3 — перегородка изъ волокнистой соединительной ткани съ большимъ количествомъ гладкихъ мышечныхъ волоконъ-клѣтокъ.

Рис. 1743.

Рис. 1743. Улиткообразно извитыя артеріи (art. helicinae) пещеристыхъ тѣлъ (Rouget).

кихъ углубленій (lacunae urethrales Morgagni), другія въ видѣ простыхъ трубчатыхъ железъ и наконецъ въ видѣ сложныхъ трубчатыхъ железъ (glandulae urethrales Littré). (Рис. 1744—1746.)

Рис. 1744.

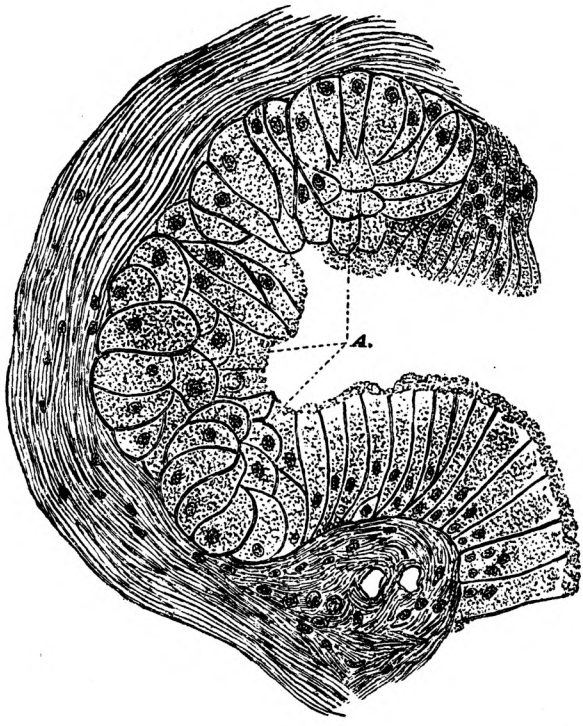


Рис. 1744. Поперечное сѣченіе углубленія слизистой оболочки (lacuna urethralis s. sinus Morgagni): A — выстилающій его эпителій (Oberdieck).

Простыя железистыя углубленія, какъ и простыя трубчатыя железы, внѣдряются только въ толщу основы слизистой оболочки, идутъ спереди назадъ извнутри кнаружи и встрѣчаются только въ пещеристой части. Сложныя трубчатыя железы также находятся въ толщѣ основы слизистой оболочки, но проникаютъ до мышечной оболочки; а въ пещеристой части мочеиспускательнаго канала даже помѣщаются въ толщѣ пещеристой ткани. Форма этихъ железъ, какъ вездѣ, образована основной перепонкой, которая извнутри выстлана во всѣхъ железахъ призменными клѣтками, однородными съ покровными клѣтками слизистой оболочки; только въ области дна отдѣлительныхъ мѣшковъ сложныхъ

трубчатыхъ железъ имѣются особенныя отдѣлительныя клѣтки призменной формы съ зернистымъ клѣточнымъ тѣломъ.

Женскій мочеиспускательный каналъ по своему значенію и происхожденію соотвѣтствуетъ только начальной части мужского мочеиспускательнаго канала. По своему строенію онъ состоитъ изъ слизистой и мышечной оболочки.

Рис. 1745.

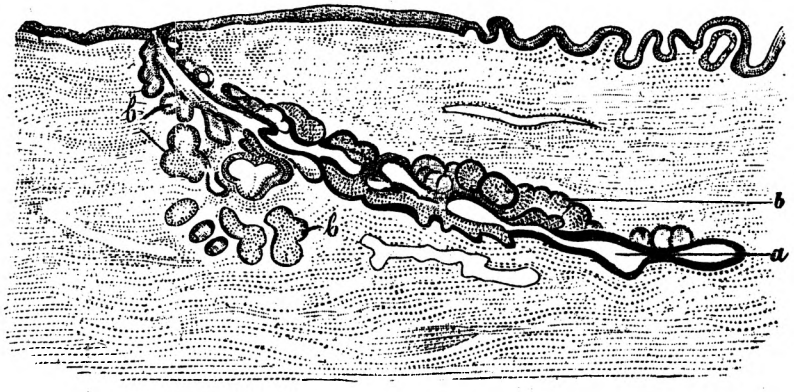


Рис. 1745. Продольное сѣченіе углубленія слизистой оболочки (lacuna urethralis) мочеиспускательнаго канала — a; b — дольки железъ Littré, открывающихся въ него (Oberdieck).

Рис. 1746.

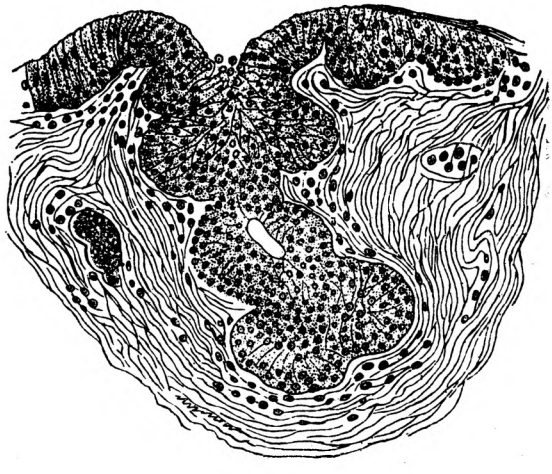


Рис. 1746. Продольное сѣченіе железки Littré (Oberdieck).

Слизистая оболочка покрыта высокими (40—80 μ) призменными эпительными клѣтками, расположенными въ одинъ слой, и только на протяженіи одного сантиметра отъ наружнаго отверстія онѣ замѣняются многослойнымъ плоскимъ эпителіемъ. Основа слизистой оболочки и мышечная оболочка устроены, какъ въ мужскомъ мочеиспускательномъ каналѣ. Железы слизистой оболочки имѣютъ большее развитіе и величину, чѣмъ въ мужскомъ каналѣ. (Рис. 1747.)

Рис. 1747.

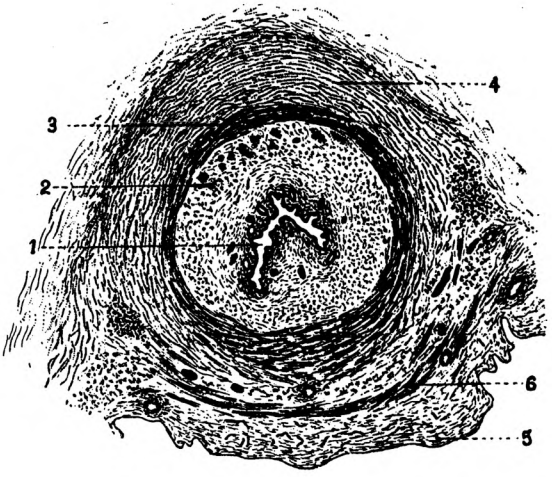


Рис. 1747. Поперечное сѣченіе средней части мочеиспускательнаго канала 5-лѣтней дѣвочки: 1 — просвѣтъ мочеиспускательнаго канала, задняя стѣнка котораго складывается въ гребешокъ; 2 — продольный слой; 3 — круговой слой мышечной оболочки; 4 — круговой слой поперечнополосатыхъ мышечныхъ волоконъ (sphincter urethrae); 5 — стѣнка влагалища; 6 — круговой слой гладкихъ мышечныхъ волоконъ стѣнки влагалища. Увеличеніе 6 (Tourneux).

Кровеносные сосуды образуютъ въ слизистой оболочкѣ подъ основной перепонкой густую капилларную сѣть, изъ которой берутъ начало вены. Эти вены, углубляясь въ наружный слой основы слизистой оболочки, въ ней образуютъ венную густую сѣть, въ пещеристой части проникающую также и между мышечными пучками внутренняго продольнаго слоя, составляя тамъ широкіе взаимно сообщающіеся венные пещеристые ходы. (См. рис. 1739—1741.)

Нервы слизистой оболочки мочеиспускательнаго канала состоятъ изъ мякотныхъ и безмякотныхъ волоконъ и образуютъ въ подслизистомъ слоѣ основное сплетеніе. Отъ него отходятъ безмякотныя нервныя волокна преимуще-

ственно къ сосудамъ, а мякотныя или заканчиваются въ концевыхъ чувствительныхъ тѣльцахъ, или, теряя міелинную обкладку и развѣтвляясь, заканчиваются свободно подъ эпителіемъ въ видѣ кустиковъ изъ первичныхъ волоконецъ, проникающихъ также и между эпительными клѣтками (Тимофеевъ).

Б. Развитіе мочевого устройства.

Мочеотдѣлительный органъ человѣка — почка прежде, чѣмъ приметъ свое окончательное устройство, имѣетъ два предшествующихъ ему органа съ той же дѣятельностью. Первый изъ нихъ называется передней или предшествующей почкой — предпочкой (pronephros, **Balfour** and **Sedgwick**, 1879; rein précurseur, **M. Duval**, 1881). Второй по времени развитія мочеотдѣлительный органъ называется средней или промежуточной почкой (mesonephros), или, какъ раньше назывался, тѣломъ Wolff'a. Въ соотвѣтствіи съ этимъ почка взрослаго человѣка называется задней или окончательной почкой (metanephros). (Рис. 1748, 1748 a.)

Предпочку открылъ **J. Müller** (1829) у зародышей амфибій, **Reichert** (1856) нашелъ ее у костистыхъ рыбъ. Послѣ того ее изучали W. Müller, Fürbringer, Goette и др.

Предпочка парный органъ и слагается изъ нѣсколькихъ (3) извитыхъ сегментныхъ канальцевъ, изъ которыхъ каждый открывается воронкообразнымъ расширеніемъ въ брюшную полость тѣла (Coelom), а другимъ концемъ въ выводной протокъ (Müller). (Рис. 1749.) Этотъ протокъ Müller'a идетъ вдоль всего тѣла зародыша сбоку отъ первичныхъ позвонковъ и открывается отверстіемъ на боковой стѣнкѣ клоаки. Около внутренняго отверстія каждый сегментный каналецъ предпочки воронкообразно расширенъ и по краю снабженъ клѣтками съ мерцательными рѣсничками, какъ это бываетъ у рыбъ и амфибій (рис. 1749 a). Это почечное устьице (nephrostoma). Подобное простое устройство выдѣленія отбросовъ питанія клѣтокъ организма существуетъ у нисшихъ животныхъ, червей. У послѣднихъ также имѣются въ каждомъ колѣнцѣ-сегментѣ сегментные канальцы

Рис. 1748.

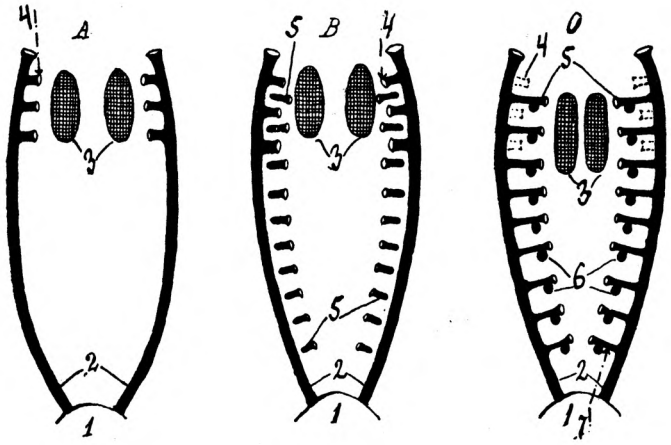


Рис. 1748a.

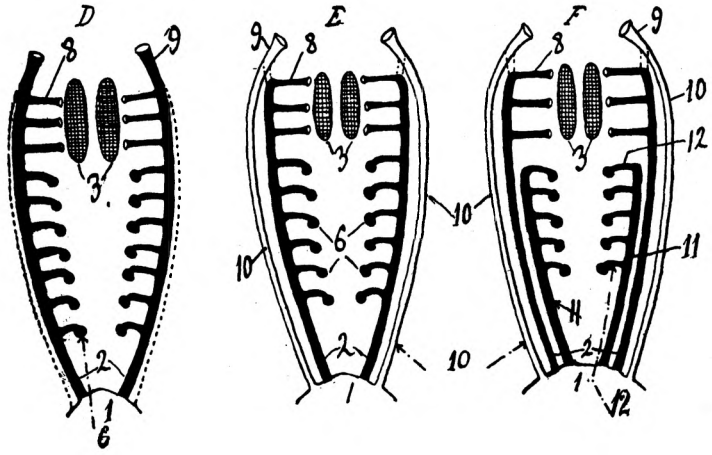


Рис. 1748, 1748a. Схема развитія мочеотдѣлительныхъ органовъ въ продольномъ сѣченіи зародыша: Рис. 1748. A — развитіе предпочки: 1 — клоака; 2 — выводной протокъ Müller'a; 3 — зачатокъ половыхъ железъ; 4 — сегментные канальцы предпочки. B — начало образованія промежуточной почки; знаки тѣже; 5 — новообразующіяся почечныя устьица и продолженія ихъ въ направленіи къ выводному протоку Müller'a, съ которымъ ихъ канальцы еще не соединились. C — продолженіе развитія промежуточной почки: сегментные канальцы предпочки — 4 исчезли; 5 — почечныя устьица соединяются посредствомъ сегментныхъ канальцевъ съ выводнымъ протокомъ Müller'a, теперь называющагося протокомъ Wolff'a; образовались почечныя тѣльца — 6; 7 — сегментный

каналецъ промежуточной почки. Рис. 1748a. D — почечныя устьица закрылись: знаки тѣже; 8 — передніе канальцы, не образовавшіе почечныхъ тѣлецъ — 6, входятъ въ связь съ зачаткомъ половой железы и впослѣдствіи превращаются въ выносящіе сѣмя протоки (ductuli efferentes); 9 — передній или верхній конецъ бывшаго протока Müller'a отдѣляется и продолжается внизъ во вновь образующійся протокъ Müller'a рядомъ съ протокомъ Wolff'a. E — знаки тѣже; протоки Müller'a образовались — 10. F — образовалась задняя или окончательная почка: 11 — мочеточникъ; 12 — мочеотдѣлительныя канальцы съ почечными тѣльцами; промежуточная почка исчезла (Roule).

Рис. 1749.

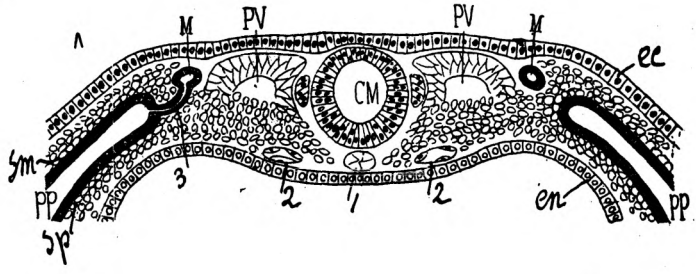


Рис. 1749, 1751, 1753. Схема послѣдовательнаго образованія мочеотдѣлительныхъ органовъ зародыша на его поперечныхъ сѣченіяхъ: Рис. 1749 первая стадія образованія — передняя или предшествующая почка (pronephros): ec — эктодерма; en — энтодерма; sm — соматоплевра; sp — спланхноплевра; pp — полость тѣла; PV — первичный позвонокъ; CM — мозговая трубка; M — выводной протокъ передней почки (Müller); 1 — спинная струна; 2 — аорта; 3 — каналецъ предшествующей почки, отрывающійся однимъ концемъ въ полость тѣла, а другимъ въ выводной каналъ — M (Duval).

съ воронкообразными расширеніями на концахъ, открывающихся въ полость тѣла, которыя бываютъ опушены, по краю рѣсничками (nephrostoma); другой конецъ сегментнаго канальца открывается отверстіемъ на поверхности кожи (рис. 1750).

Выводной протокъ (Müller) предпочки развивается въ недѣленной мезодермной клѣточной массѣ сверху внизъ; такъ что у зародыша человѣка длиною въ 3 миллиметра этотъ протокъ едва замѣтенъ только въ верхней части тѣла, а у зародыша длиною въ 4 миллиметра онъ уже открывается въ полость клоаки нижнимъ концемъ. У зародыша человѣка предпочка быстро исчезаетъ, замѣщаясь промежуточной или средней почкой (mesonephros). У круглоротыхъ и

Рис. 1749а.

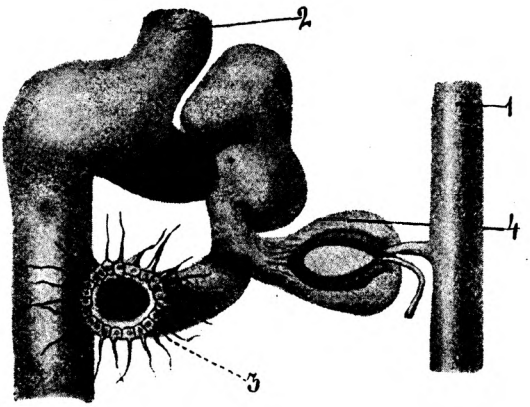


Рис. 1749а. Частичка выдѣлительнаго устройства у амфибій (Ichthyopsis glut.): 1 — аорта; 2 — продольный выводной протокъ, отъ котораго вправо отходитъ сегментный извитой каналецъ, заканчивающійся воронкообразнымъ расширеніемъ, обсаженнымъ по краю клѣтками съ длинными рѣсничками — 3; 4 — около воронкообразнаго расширенія образовалось шаровидное вздутіе стѣнки сегментнаго канальца, въ которое вошла петля кровеноснаго сосуда, отходящаго отъ аорты, оттѣснивъ передъ собой ближайшую стѣнку и накрывшись ею и задней стѣнкой шаровиднаго расширенія, какъ шапкой (Semon).

Рис. 1750.

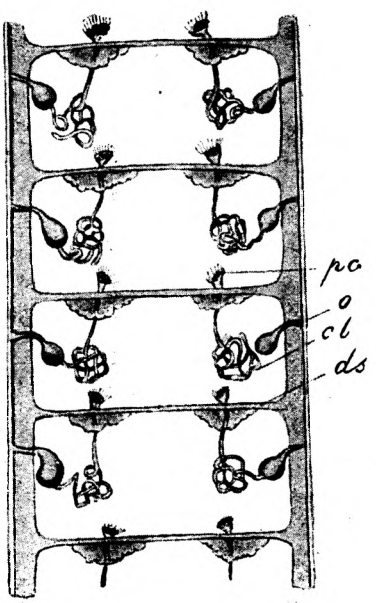


Рис. 1750. Схема выдѣлительныхъ органовъ у червей, тѣло которыхъ разгорожено на отдѣлы-сегменты перегородками — ds; cl — извитой сегментный каналецъ; pc — внутренній конецъ канальца, открывающійся въ полости тѣла воронкообразнымъ расширеніемъ отороченнымъ по краю рѣсничками (nephrostoma); o — наружный конецъ канальца, открывающійся отверстіемъ на поверхности кожи (Semper).

костистыхъ рыбъ предпочка существуетъ въ теченіе всей ихъ жизни наравнѣ съ промежуточной почкой. Предпочка по своему положенію называется головной или шейной почкой.

Промежуточная почка (mesonephros) состоитъ изъ параллельнаго ряда извитыхъ сегментныхъ канальцевъ, идущихъ поперечно длинѣ тѣла и впадающихъ наружными концами въ общій выводной протокъ Wolff'a. Развивается она слѣдующимъ образомъ. На обѣихъ сторонахъ отъ сре-

Рис. 1751.

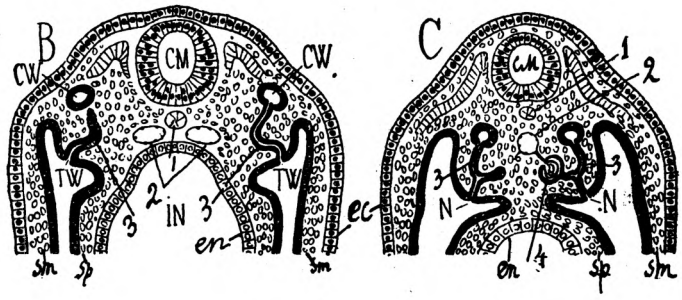


Рис. 1751. Образованіе промежуточной почки: B — начальная стадія образованія: на лѣвой сторонѣ воронкообразное выпячиваніе (Tw) стѣнки полости тѣла, продолжаясь въ каналецъ — 3, еще не достигло до выводного протока (CW), а на правой сторонѣ каналецъ уже соединился съ выводнымъ протокомъ — CW: 1 — спинная струна; 2 — аорта; 3 — сегментный каналецъ; TW — почечное устьице; CW — протокъ Wolff'a; CM — мозговая трубка; IN — полость кишечной бороздки; ec — эктодерма; en — энтодерма; sm — соматоплевра; sp — спланхноплевра. C — вторая стадія развитія: образованіе почечныхъ тѣлецъ: клубочковъ и оболочекъ: N — nephrostoma; 4 — почечное тѣльце; остальные знаки тѣ же (Duval).

динной линіи или брыжжейки соотвѣтственно каждому сегменту или первичному позвонку появляется рядъ воронкообразныхъ выпячиваній изъ полости тѣла (Coelom) въ направленіи къ протоку предпочки или Müller'a; это почечныя устьица. Послѣ того узкій конецъ каждой воронки удлиняется въ направленіи къ протоку предпочки и соединяется съ нимъ. Потомъ каждый такой сначала прямой сегментный каналецъ удлиняется, образуя извивы и становясь извитымъ. (См. рис. 1748.) Далѣе, около устьица появляется паро-

видное расширеніе стѣнки канальца, въ которое начинаетъ врастать петля кровеноснаго сосуда, оттѣсняя передъ собой стѣнку и впячивая ее внутрь; вслѣдствіе такого отношенія шаровидное расширеніе стѣнки сегментнаго канальца надвигается, какъ шапка, на петлю кровеноснаго сосуда и обхватываетъ ее, образуя вокругъ нея двухслойную оболочку, внутренній слой которой непосредственно одѣваетъ петлю сосуда, а наружный переходитъ въ стѣнки сегментнаго канальца; потомъ вслѣдствіе развѣтвленія петля кровеноснаго сосуда въ оболочкѣ превращается въ цѣлую сѣть кровеносныхъ капилляровъ, свернутую въ клубочекъ (glomerulus). (Рис. 1751, 1752.) Со времени образованія связи сегмент-

Рис. 1752.

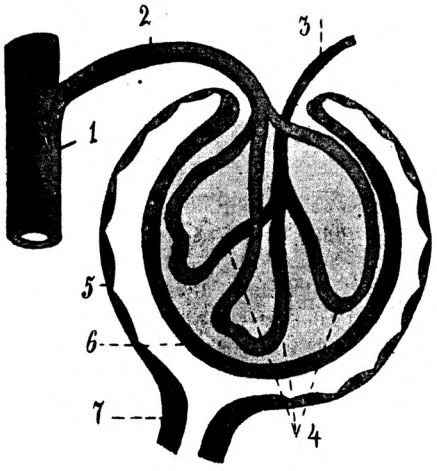


Рис. 1752. Схема строенія почечнаго тѣльца (Malpighi): 1 — междольковая артерія (arteria recta); 2 — приносящій сосудъ; 3 — выносящій сосудъ; 4 — клубочекъ кровеносныхъ капилляровъ; 5 — внѣшная пластинка оболочки клубочка (capsula Bowmani); 6 — внутренняя пластинка оболочки клубочка; 7 — шейка начинающейся извитой мочеотдѣлительной трубочки перваго порядка (Stöhr).

ныхъ отдѣлительныхъ канальцевъ съ кровеносными сосудами они не просто механически выводятъ вещества изъ полости тѣла (Coelom), но начинаютъ извлекать ихъ изъ крови, движущейся по всему организму. По этому вслѣдъ за образованіемъ сообщенія сегментныхъ канальцевъ съ клубочками кровеносныхъ сосудовъ начинаютъ сглаживаться и исчезать почечныя устьица, а ихъ отверстія закрываются, какъ излишнія. (Рис. 1753—1756 и см. рис. 1748а.) Послѣ образованія извитыхъ сегментныхъ канальцевъ и почечныхъ тѣлецъ (клубочковъ кровеносныхъ капилляровъ, покрытыхъ двуслойной оболочкой) промежуточная мезодермная клѣточная

Рис. 1753.

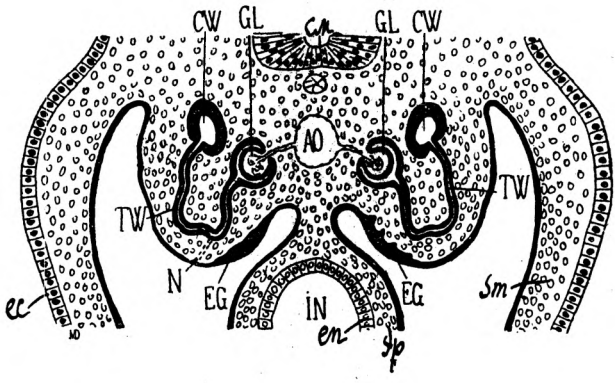


Рис. 1753. Промежуточная почка сформировалась: ec — эктодерма; en — энтодерма; IN — кишка; sp — спланхноплевра; sm — соматоплевра; CM — мозговая трубка; AO — аорта; CW — протокъ Wolff'a; TW — сегментный каналецъ; GL — почечное тѣльце; N — мѣсто закрывшагося почечнаго устьица; EG — зародышевый эпителій (Duval).

Рис. 1754.

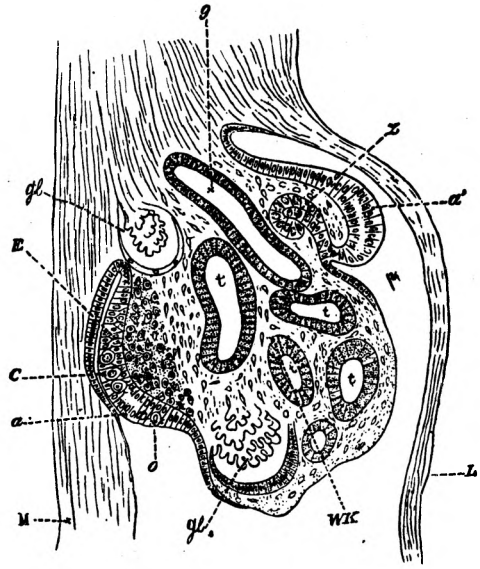


Рис. 1754. Поперечное сѣченіе 4-дневнаго зародыша цыпленка чрезъ промежуточную почку: M — брыжейка; L — стѣнка брюшной полости; p — полость тѣла; WK — промежуточная по́чка; a' — часть зародышеваго эпителія, въ которомъ имѣется начальное отверстіе протока Müller'a — z; g — сѣченіе протока Wolff'a; t — сѣченіе извитыхъ мочеотдѣлительныхъ трубочекъ; gl — почечное тѣльце; a — зародышевый эпителій (epithelium germinativum); C, o — первичныя яйца; E — элементы мезодермы, въ которую внѣдряются клѣтки зародышеваго эпителія. Увеличеніе 160 (Waldeyer).

масса, залегавшая между ними, объединяетъ ихъ всѣ въ одинъ органъ вмѣстѣ съ выводнымъ протокомъ. Промежуточная почка въ законченномъ развитіи имѣется въ видѣ парнаго органа продолговатой формы, занимающаго среднюю и нижнюю части полости тѣла по бокамъ отъ задней брыжейки. Параллельно ея переднему узкому краю идетъ ея выводной протокъ Wolff'a. (Рис. 1757—1759.)

Рис. 1755.

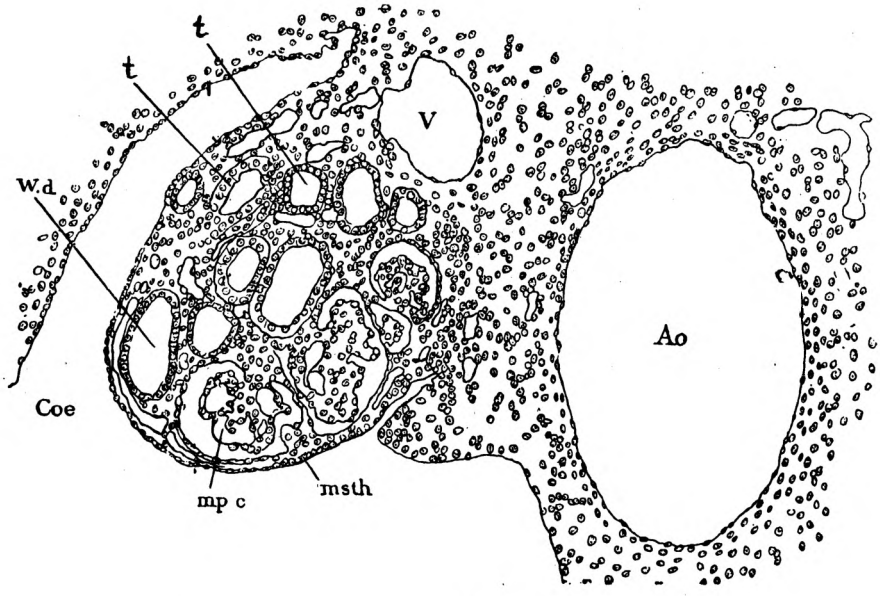


Рис. 1755. Поперечное сѣченіе промежуточной почки 13-дневнаго зародыша кролика: Coe — полость тѣла; W.d — протокъ Wolff'a; t — поперечное сѣченіе сегментныхъ извитыхъ канальцевъ; V — кардинальная вена; Ao — аорта; mp.c. — почечное тѣльце; msth — эпителій полости тѣла. Увеличеніе 116 (Minot).

Промежуточную почку первымъ описалъ у зародыша курицы **Wolff** (1774); у зародышей млекопитающихъ ее нашелъ **Oken** (1806—1807); **H. Rathke** (1825) обнаружилъ ее у рептилій и рыбъ и далъ ей названіе тѣла Wolff'a у яйценосныхъ позвоночныхъ и почки Oken'a у млекопитающихъ по имени первыхъ ея изслѣдователей. Но потомъ и до сихъ поръ она была извѣстна преимущественно подъ именемъ

тѣла Wolff'a, а ея выводной протокъ — подъ именемъ протока Wolff'a. Наружный ея край широкій и выпуклый извнутри кнаружи. Верхній конецъ тѣла заостренный, а нижній расширенный и округленный. Задняя поверхность вогнута, а на передней идетъ продольно мочеполовая

Рис. 1756.

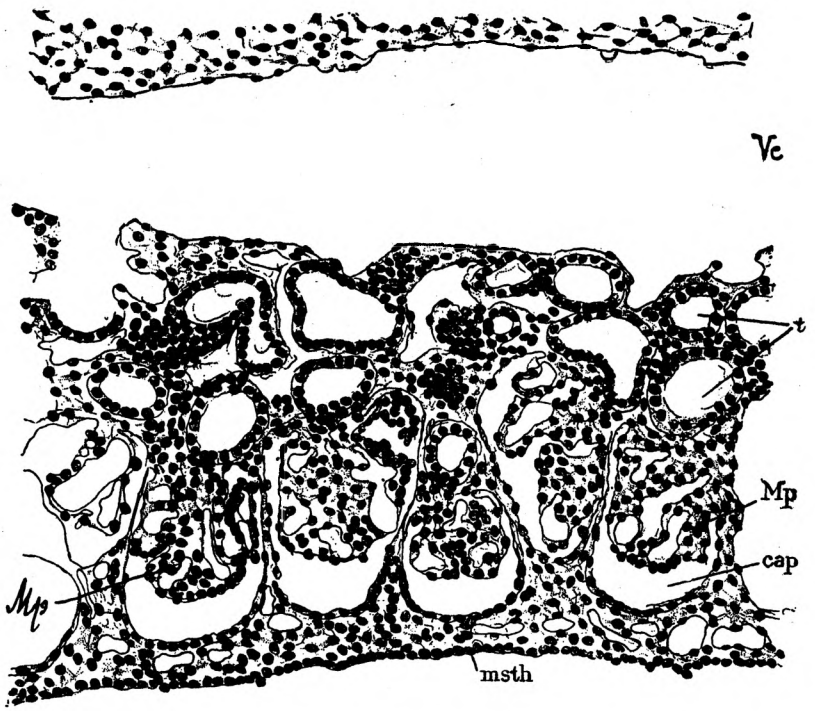


Рис. 1756. Продольное сѣченіе промежуточной почки 13-дневнаго зародыша кролика: Vc — кардинальная вена; t — сѣченіе сегментныхъ извитыхъ канальцевъ; Мр — почечное тѣльце; сар — полость его оболочки; msth — эпителій полости тѣла. Увеличеніе 116 (Minot).

складка (plica urogenitalis) параллельно внутреннему ея краю. Эта складка продолжается снаружи внутрь; сверху внизъ къ срединной линіи тѣла, гдѣ соединяется съ такой же складкой другой стороны, образуя половой каналъ или трубку, открывающуюся нижнимъ концемъ въ задней стѣнкѣ мочеполовой пазухи (sinus urogenitalis). Эпи-

телій, выстилающій полость тѣла зародыша въ области мочеполовой складки, отличается высотой своихъ клѣтокъ, и **Waldeyer** называетъ его зародышевымъ эпителіемъ (epithelium germinativum), такъ какъ изъ него потомъ развивается парная половая железа.

Рис. 1757.

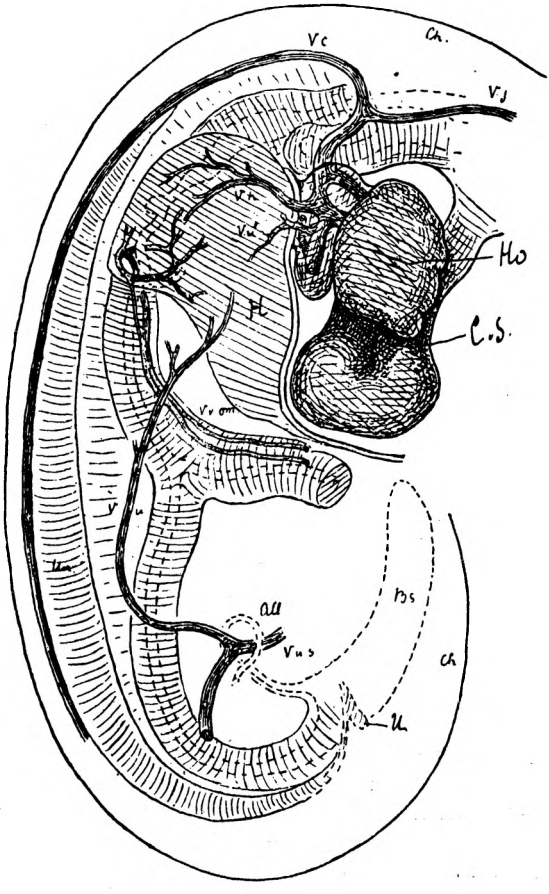


Рис. 1757. Продольное срединное спереди назадъ сѣченіе зародыша человѣка длиною въ 4,25 миллиметра: Ch — спинная струна; Un — промежуточная почка; U — зачатокъ постоянной почки; Vc. — нижняя полая вена; V. j. — яремная вена; Vv. om. — желточно-брыжжеечныя вены; V. u — пупочная вена; V. h — печеночная вена; V. u′ — конецъ пупочной вены; H — печень; Ho — предсердіе; C. s. — аортное расширеніе; all — аллантоисъ; Bs — пупочный канатикъ. Увеличеніе 27 (W. His).

Рис. 1758.

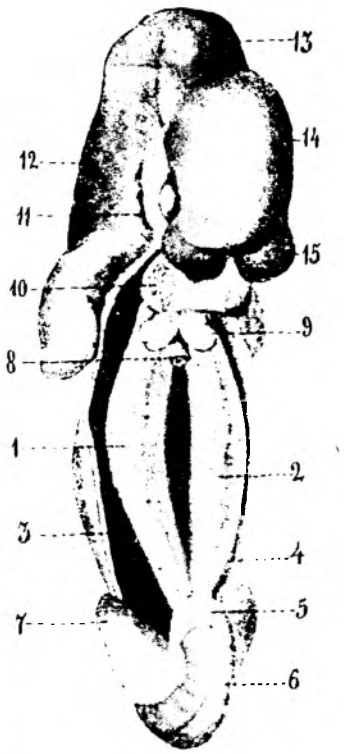


Рис. 1758. 5-недѣльный человѣческій зародышъ со снятыми передней или брюшной стѣнкой и брюшными органами кромѣ промежуточныхъ почекъ — 1; 2 — мочеполовая или зародышевая складка; 3 — полость тѣла; 4 — боковая стѣнка тѣла; 5 — половой бугорокъ; 6 — хвостовой конецъ; 7 — нижняя конечность; 8 — кишка; 9 — легочные пузырьки; 10 — сердце; 11 — первая жаберная бороздка; 12 — задній мозгъ; 13 — средній мозгъ; 14 — передній мозгъ; 15 — лобный выступъ. Увеличеніе 10 (Kollmann).

Рис. 1759.

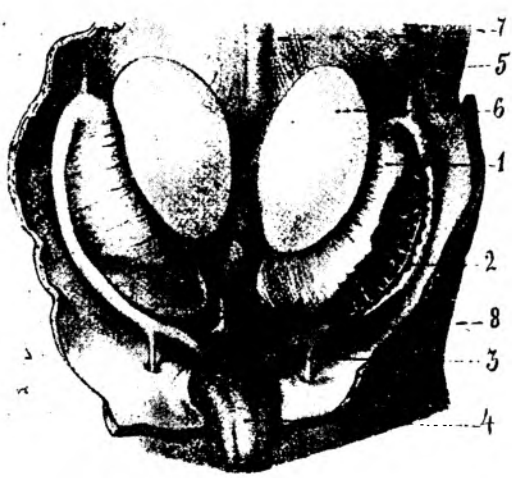


Рис. 1759. Половая железа и промежуточная почка, на правой сторонѣ отчасти вскрытая, чтобы обнаружить вскрытый протокъ Wolff'a и впадающія въ него мочеотдѣлительныя извитыя трубочки у 6-недѣльнаго зародыша человѣка длиною въ 17 миллиметровъ: 1 — промежуточная почка; 2 — протокъ Wolff'a; 3 — подвздошная связка — направитель яичка (gubernaculum testis); 4 — протокъ мочевого мѣшка; 5 — поддерживающая связка; 6 — половая железа; 7 — аорта; 8 — прямая кишка. Увеличеніе 15 (Kollmann).

Окончательная или задняя почка (metanephros), почка взрослаго организма, развитіе которой изслѣдовали **Remak** (1851), **Kupffer** (1865—66), **Bornhaupt** (1867), **Waldeyer** (1870) и др., закладывается выпячиваніемъ мочеточника, формирующагося изъ нижняго конца протока Wolff'a, тотчасъ надъ мѣстомъ его впаденія въ клоаку. На задней поверхности стѣнки протока Wolff'a, тотчасъ надъ его мѣстомъ впаденія въ клоаку появляется выпячиваніе кнаружи, почечный зачатокъ. (Рис. 1760—1767.) Это выпячиваніе стѣнки кнаружи продолжается кзади и кверху позади промежуточной почки и заканчивается въ толщѣ клѣточной массы,

Рис. 1760.

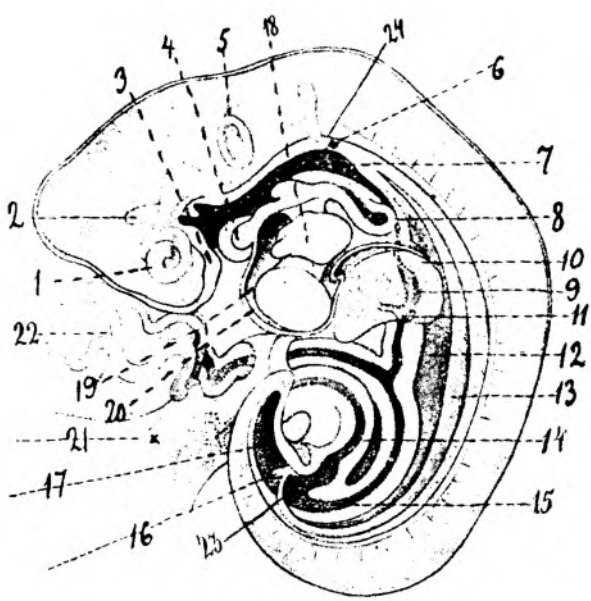


Рис. 1760. Зародышъ человѣка длиною въ 5 миллиметровъ: 1 — глазной пузырь; 2 — основаніе черепа; 3 — верхняя челюсть; 4 — нижняя челюсть; 5 — слуховой пузырекъ; 6 — мезодерма; 7 — головная кишка (глотка); 8 — зачатокъ легкихъ; 9 — желудокъ; 10 — зачатокъ печени; 11 — зачатокъ поджелудочной железы; 12 — спинная брыжжейка; 13 — промежуточная почка; 14 — каналъ мочевого мѣшка (allantois); 15 — задняя кишка; 16 — зачатокъ почки; 17 — хвостовая кишка; 18 — сердце; 19 — околосердечная полость; 20 — сердечная сорочка (pericardium); 21 — пупочный канатикъ; 22 — желточный мѣшокъ; 23 — клоака. Увеличеніе 15 (W. His).

лежащей за ея заднимъ краемъ и составляющей, можетъ быть, остатокъ отъ той промежуточной клѣточной массы, которая дала начало промежуточной почкѣ.

У человѣческаго зародыша это выпячиваніе стѣнки выводного протока совершается въ концѣ третьей недѣли и даетъ начало мочеточнику съ его расширеніемъ въ видѣ почечнаго таза; а изъ него появляются новыя выпячиванія по числу почечныхъ чашекъ (pelvis et calyces renales). (Рис. 1761—1769.)

Рис. 1761.

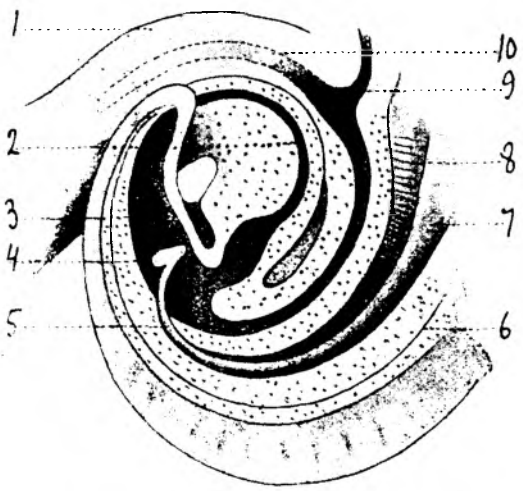


Рис. 1761. Стрѣловидное и осевое сѣченіе задняго конца зародыша человѣка длиною въ 5 миллиметровъ (см. рис. 1760): 1 — пупочный канатикъ; 2 — каналъ мочевого мѣшка (allantois); 3 — хвостовая кишка; 4 — зачатокъ окончательной или задней почки; 5 — протокъ Wolff'a; 6 — мозговая трубка; 7 — протокъ Wolff'a; 8 — промежуточная или средняя почка; 9 — средняя кишка; 10 — желточный протокъ. Увеличеніе 25 (W. His).

Рис. 1762.

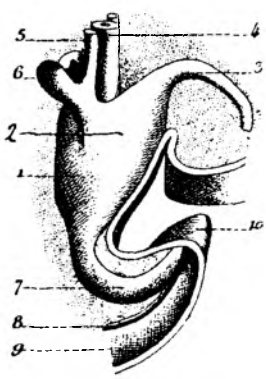


Рис. 1762. Срединное почти продольное сѣченіе зародыша человѣка длиною въ 6,5 миллиметра: 1 — клоака; 2 — мочеполовая пазуха; 3 — протокъ первичнаго мочевого пузыря (allantois); 4 — кишка; 5 — протокъ Wolff'a; 6 — зачатокъ задней почки; 7 — хвостовая кишка; 8 — спинная струна; 9 — мозговая трубка; 10 — хвостовой конецъ. Увеличеніе 50 (Keibel).

Рис. 1763.

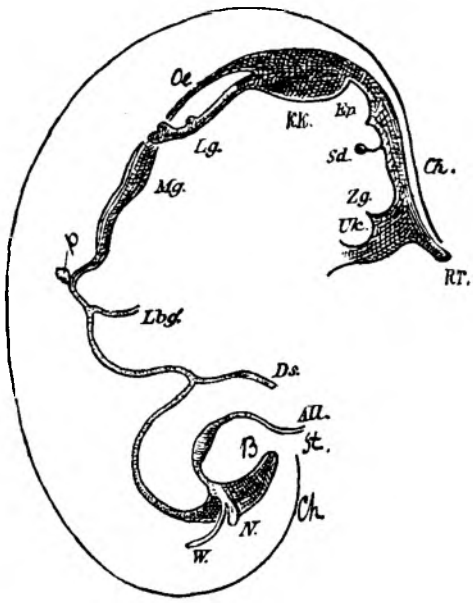


Рис. 1763. Развитіе первичной кишки и ея придатковъ у зародыша человѣка длиною въ 7 миллиметровъ: RT — выпячиваніе Rathke для образованія передней части зачатка нижняго мозгового придатка (hypophysis cerebri); Uk — нижняя челюсть; Zg — языкъ; Ch — спинная струна; Sd — зачатокъ щитовидной железы; Ep — надгортанникъ (epiglottis); Kk — зачатокъ гортани; Lg — зачатокъ легкихъ; Oe — пищеводъ; Mg — желудокъ; P — зачатокъ поджелудочной железы; Lbg — желчный протокъ; Ds — желточный протокъ; All — мочевой протокъ (allantois); W — протокъ Wolff'a; N — зачатокъ почки; B — хвостовая кишка; St — хвостовой конецъ тѣла. Увеличеніе 15 (W. His).

Рис. 1764.

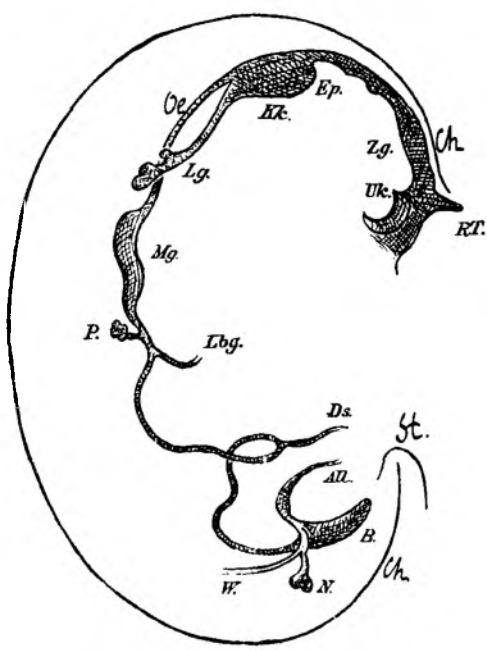


Рис. 1764. Развитіе первичной кишки и ея придатковъ у зародыша человѣка длиною въ 10 миллиметровъ: буквы имѣютъ то же значеніе, что и на предыдущемъ рисункѣ. Увеличеніе 15 (W. His).

Рис. 1765.

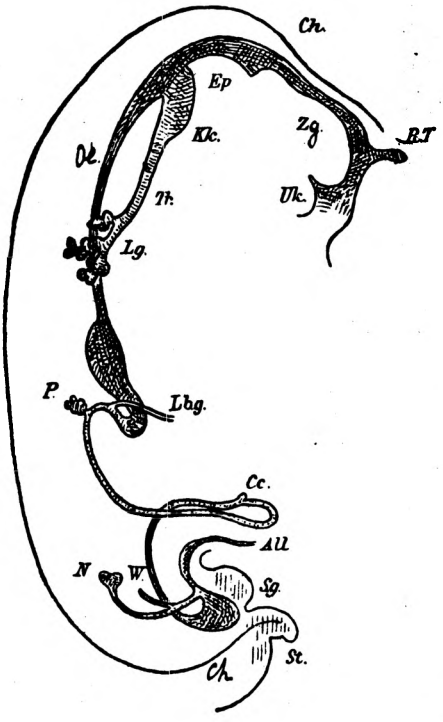


Рис. 1765. Развитіе первичной кишки и ея придатковъ у зародыша человѣка длиною въ 12,5 миллиметра: Tr — дыхательное горло; Cc — зачатокъ слѣпой кишки; Sg — половой бугорокъ; остальныя обозначенія тѣ же, что на предыдущемъ рисункѣ. Увеличеніе 12 (W. His).

Рис. 1766.

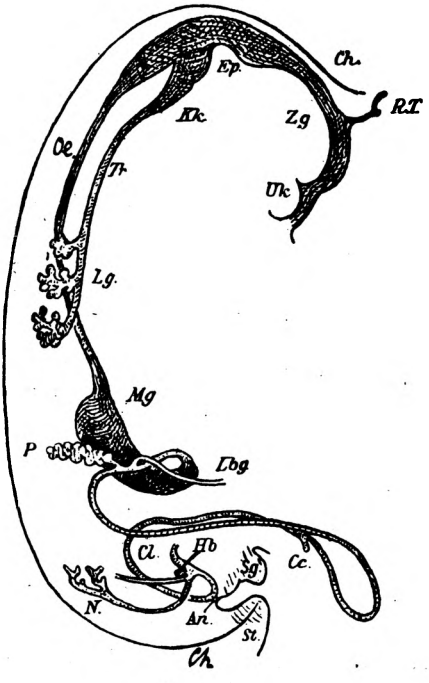


Рис. 1766. Развитіе первичной кишки и ея придатковъ у зародыша человѣка длиною въ 13,8 миллиметра: Cl — толстая кишка; Hb — зачатокъ мочевого пузыря; Ап — заднепроходная или клоачная перепонка; остальныя обозначенія тѣ же, что и на предыдущемъ рисункѣ. Увеличеніе 10 (W. His).

Сначала почечный зачатокъ и протокъ Wolff'a изливаются въ одинъ общій протокъ, соединяющійся съ клоакой. Но потомъ эти протоки отдѣляются одинъ отъ другого продольной перегородкой, такимъ образомъ идущей, что мочеточникъ находится надъ и кпереди отъ протока Wolff'a.

Рис. 1767.

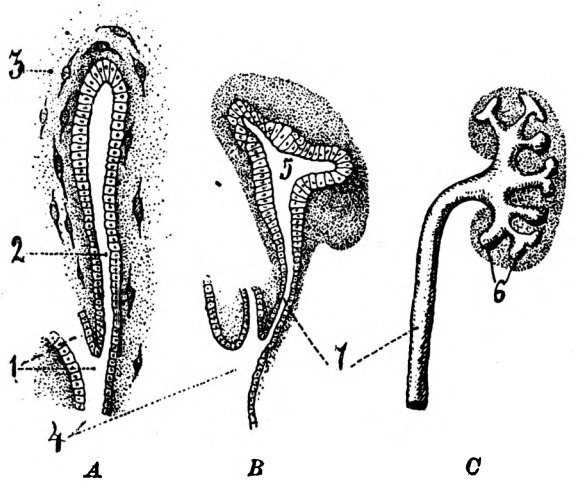


Рис. 1767. Три послѣдовательныхъ стадіи развитія задней или постоянной почки (metanephros) человѣка и млекопитающихъ: A — первая стадія образованія полаго выпячиванія въ окружающую мезодермную массу стѣнки протока Wolff'a у его мѣста впаденія въ клоаку: 1 — протокъ Wolff'a; 2 — зачатокъ задней почки въ видѣ канала; 3 — элементы мезодермы; 4 — клоака. B — слѣдующая стадія развитія: каналъ зачатка почки или мочеточникъ — 7 впадаетъ самостоятельно въ клоаку; на верхнемъ его концѣ появилось расширеніе — 5, образуя зачатокъ почечнаго таза (pelvis renalis). C — дальнѣйшая стадія развитія почки: на расширеніи верхняго конца мочеточника — 7 образовались вторичные полые отростки, соотвѣтствующіе зачаткамъ почечныхъ чашекъ (calyces renales) — 6 (Kollmann).

Это раздѣленіе совершается у человѣческаго зародыша на 35—36 день утробной жизни.

Послѣ этого нижняя часть выпячиванія или почечнаго зачатка получаетъ значеніе мочеточника (urether).

Послѣ отдѣленія отверстія мочеточника и протока Wolff'a сначала находятся одно около другого, но скоро вслѣдствіе

былью капиталы земледѣльцевъ и мануфактуристовъ и даетъ этимъ послѣднимъ возможность продолжать ихъ дѣло. Главнымъ образомъ, только эта услуга съ его стороны косвенно содѣйствуетъ поддержкѣ производительнаго труда въ обществѣ и увеличенію цѣнности его годичнаго продукта. Капиталъ оптоваго торговца употребляетъ, кромѣ того, матросовъ и возчиковъ, а это увеличиваетъ цѣну этихъ благъ на цѣнность не только прибылей оптовщика, но и на заработныя платы его рабочихъ. Вотъ въ чемъ заключается тотъ производительный трудъ, который онъ приводитъ въ движеніе, и та цѣнность, которую онъ добавляетъ къ годичному продукту".

Аргументація довольно запутанная; противопоставленіе розничнаго и оптоваго торговца построено на недомолвкѣ. Смитъ говоритъ, что розничный торговецъ возстанавливаетъ капиталъ только оптовщика, между тѣмъ какъ оптовщикъ возстанавливаетъ капиталъ настоящихъ производителей. Все зависитъ отъ того, съ кѣмъ розничный торговецъ имѣетъ дѣло; стоитъ ли онъ въ непосредственной связи съ производителемъ или нѣтъ. Если да, онъ также косвенно возстановляетъ капиталъ производителей; если даже онъ дѣйствуетъ чрезъ оптовщика, его роль та же, и только схоластическая тонкость можетъ признавать противоположное. По количеству рабочихъ розничный торговецъ можетъ ихъ занимать больше. Правда, не только для перевозки товаровъ, но для процесса ихъ продажи. Поэтому заключительный выводъ Смита, будто оптовый торговецъ занимаетъ большее количество производительныхъ работниковъ и больше добавляетъ къ годичному продукту, не доказано. Почему онъ считаетъ производительными работниками возчиковъ и не считаетъ таковыми продавцовъ? Далѣе, столь же туманно и неясно это выраженіе: „главная заслуга оптоваго торговца въ косвенномъ поддержаніи производительнаго труда", а между тѣмъ на немъ построено чрезвычайно важное различіе между видами оптовой торговли, стоящее въ рѣзкомъ противорѣчіи съ ученіями меркантильной школы.

Разные виды оптовой торговли, по мнѣнію Смита, оказываютъ неодинаковую поддержку и поощреніе (support, encouragement) производительному труду.

А. Внутренняя торговля возстанавливаетъ два капитала. Отсылая изъ мѣста своего жительства нѣкоторое количество цѣнныхъ предметовъ, торговецъ внутренняго рынка привозитъ обратно, по крайней мѣрѣ, на равную же цѣнность другихъ предметовъ. Если эти предметы произведены промышленностью въ предѣлахъ страны, то торговецъ востановляетъ два капитала, которые были затрачены въ

ней на поддержаніе производительнаго труда. Такъ, напр., шотландская мануфактура ввозится торговцемъ въ Англію, тотъ же торговецъ отправляетъ хлѣбъ изъ Англіи въ Шотландію. Торговецъ одновременно поощряетъ и мануфактуры, и земледѣліе своей страны.

Б. Иностранная торговля, если ввозятся продукты для потребленія за счетъ вывоза собственныхъ произведеній, также возстанавливаетъ два капитала, но только одинъ изъ нихъ употребляется на поддержку и поощреніе промышленности внутри страны, т. е., какъ поясняетъ Смитъ, даетъ прибыль (revenu), содержаніе и занятіе большему количеству работниковъ. Иностранная торговля чужими товарами даетъ только торговую прибыль. Поэтому иностранная торговля даетъ лишь половину того поощренія труду, какое даетъ внутренняя. Если же принять во вниманіе еще и то обстоятельство, что въ иностранной торговлѣ капиталъ обращается медленнѣе, то поощреніе окажется еще менѣе. Капиталъ во внутренней торговлѣ въ теченіе года можетъ сдѣлать 24 оборота, тотъ же капиталъ во внѣшней торговлѣ не обернется и одного раза.

В. Капиталъ, затраченный на перевозочную торговлю совершенно отказывается поощрять производительный трудъ своей страны. Онъ поддерживаетъ трудъ другихъ странъ и только въ размѣрѣ своей прибыли увеличиваетъ годичный продуктъ земли и труда страны. Этотъ видъ торговли можетъ возникнуть только тогда, когда страна имѣетъ избытокъ въ капиталѣ. Естественный процессъ развитія помѣщенія капитала въ торговлѣ зависитъ отъ ея выгодности для страны. Сначала развивается внутренняя торговля. Международная торговля становится необходимостью, когда въ странѣ появляются излишки, которые можно вывезти для пріобрѣтенія того, на что есть спросъ въ странѣ. Перевозочная торговля свидѣтельствуетъ объ избыткѣ капиталовъ въ странѣ: она — естественное послѣдствіе и симптомъ національнаго богатства [1]).

Что же можно сказать относительно этой теоріи?

Прежде всего она исторически невѣрна. Естественнымъ ходомъ вещей вовсе не является тотъ, который мы

---

1) См. также, гл. II., кн. 4-ю., Смитъ здѣсь указываетъ, что при равныхъ или почти равныхъ прибыляхъ торговецъ предпочитаетъ внутреннюю торговлю (предъ внѣшней) для внутренняго потребленія по слѣдующимъ основаніямъ: онъ не упускаетъ изъ виду свой капиталъ, лучше знаетъ свойства и состояніе своихъ согражданъ, знаетъ законы и т. п. „Внутренній рынокъ представляетъ собою какъ бы средоточіе, вокругъ котораго обращаются капиталы страны и къ которому они постоянно тяготѣютъ, хотя особыя причины могутъ иногда отдѣлять ихъ отъ него и направлять къ болѣе отдаленнымъ помѣщеніямъ.“

представляемъ себѣ, исходя изъ какихъ бы то ни было теоретическихъ допущеній, а тотъ который произошелъ въ дѣйствительности благодаря тому или другому комплексу наличныхъ причинъ, „особыхъ причинъ“, какъ выражается и самъ Смитъ. Историки доказали намъ, что происхожденіе торговли — фактъ какъ бы между-племенной, что она возникаетъ впервые въ видѣ своего рода международной торговли, и первыми купцами являются главы племенъ, князья и, вообще народная аристократія. Возникновеніе торговли связано съ военными походами, грабежами и опаспостями. Только большія мѣстныя различія по цѣнности двигали первоначально торговлю. Точно также и перевозочная торговля въ своихъ наиболѣе элементарныхъ формахъ возникла гораздо ранѣе сколько-нибуть развитой торговли въ предѣлахъ болѣе или менѣе замкнутой хозяйственной организаціи. Классификація Смита относительно значенія разныхъ видовъ торговли можетъ быть объяснена исторически. Онъ жилъ въ то время, когда международная торговля имѣла еще сравнительно весьма малое развитіе, и, несмотря па это, теоретики меркантилизма придавали ей чрезмѣрное значеніе. Даже къ концу 18-го вѣка внутренняя торговля такихъ странъ, какъ Англія, Голландія и Франція по суммѣ цѣнностей значительно превосходила ихъ внѣшнюю торговлю, которая ограничивалась, главнымъ образомъ, торговлей благородными металлами, дорогими матеріями, пряностями, разными предметами роскоши и искусства. Смитъ цѣлесообразно подчеркнулъ значеніе внутренней торговли, но не предвидѣлъ будущаго развитія международной и причинъ, благодаря которымъ она развивается несмотря на кажущуюся маловыгодность ея для народа: вѣдь, она, по его мнѣнію, даетъ только половину поощренія національному труду сравнительно съ внутренней торговлей, а между тѣмъ начало развитія капитализма почти всегда совпадаетъ съ стремленіемъ развивать международную торговлю.

Во вторыхъ, Смитъ довольно туманно опредѣляетъ выгоды торговли вообще. Онъ ясно видитъ, что слѣдуетъ различить выгоды торговли для народа отъ выгодъ торговцевъ, но его воззрѣнія относительно раздѣла выгодъ между народами совершенно ошибочны. „Такъ какъ, полагаетъ онъ, обмѣниваемые товары предполагаются равными по цѣнности, то два капитала, употребленные въ торговлѣ, въ большинствѣ случаевъ будутъ также равны или почти равны и оба капитала, какъ употребляемые на производство домашнихъ произведеній, дадутъ доходъ и содержаніе для распредѣленія между жителями равные или почти равные“ [1]).

1) См. кн. IV, глава 3-я, стр. 199—200.

Здѣсь сразу три ошибки бросаются въ глаза: во первыхъ, Смитъ не доказалъ нигдѣ, что цѣнности эти будутъ вполнѣ равны; во вторыхъ, если капиталы обращенія и равны, то отсюда еще не слѣдуетъ, что столь же равны и производительные капиталы, которымъ они даютъ движеніе; въ третьихъ невѣрно и то, что доходъ и содержаніе должны быть равны. Если въ одной странѣ большая доля производительнаго капитала затрачивается въ видѣ основного капитала, то въ ней прибыль можетъ быть больше, содержаніе рабочихъ меньше и наоборотъ.

Въ третьихъ, Смитъ, разъясняя, какое экономическое значеніе имѣетъ то обстоятельство, что торговый капиталъ косвенно поддерживаетъ производительный трудъ, ссылается на слѣдующій аргументъ. Онъ думаетъ, что иностранная торговля можетъ иногда давать бо̀льшую прибыль, но всегда предпочитаетъ внутреннюю торговля своими произведеніями, которая, хотя и даетъ возможность получать меньшую прибыль, но и выручаетъ содержаніе рабочихъ. Смитъ стоитъ всегда за высшую производительность труда, но и за ростъ валового дохода, т.-е. содержанія рабочихъ [1]). Этотъ аргументъ Рикардо, — защитникъ чистаго дохода, истолковалъ совсѣмъ иначе. Онъ даже допускаетъ, что внутренняя торговля можетъ содержать „большее количество рабочихъ“, но требуетъ, чтобы ясно различалось „могущество страны“ отъ „благосостоянія населенія“. Способность платить налоги и содержать разные виды непроизводительныхъ работниковъ, по его мнѣнію, зависитъ только „отъ чистаго, а не отъ валового дохода“, а потому развитіе иностранной торговли можетъ вѣрнѣе увеличить „могущество страны“ [2]).

---

1) Рикардо впослѣдствіи стоялъ всегда за возрастаніе чистаго дохода т. е. рентъ и прибылей; Смитъ всегда заботится о возрастаніи валоваго дохода т. е. ренты, прибыли и заработной платы. Ему представляется желательнымъ, чтобы заработная плата въ общей массѣ издержекъ производства возрастала. О сокращеніи другихъ издержекъ производства онъ также заботится, какъ и Рикардо.

2) См. Рикардо. Основанія, гл. о чистомъ и валовомъ доходѣ. Обыкновенно съ легкой руки проф. Адольфа Гельда (см. его Zwei Bücher zur socialen Geschichte Englands, 1880; одна изъ этихъ книгъ, дающая матеріалы по исторіи промышленнаго переворота переведена на русскій языкъ въ 1903 году) ссылаются на это мѣсто для доказательства „буржуазныхъ симпатій“ Рикардо. Это грубая ошибка. Рикардо въ примѣчаніи говоритъ, что онъ вовсе не желаетъ игнорировать „счастія столь многочисленныхъ существъ“, т.-е. рабочихъ. Онъ только убѣжденъ въ томъ, что ихъ плата равна ихъ содержанію, а потому они и не въ состояніи платить налоги, за счетъ которыхъ поддерживаются арміи, флоты и вообще все могущество страны. Это убѣжденіе, конечно, было грубой ошибкой, ибо арміи содержатся и за счетъ необходимой заработной платы, и отнимаютъ у рабочаго класса трудовыя силы безъ надлежащаго вознагражденія ихъ.

Впрочемъ, въ другомъ примѣчаніи, тутъ же рядомъ, Рикардо признаетъ, что утвержденіе, будто плата рабочихъ совпадаетъ съ ихъ необходимымъ содержаніемъ, слишкомъ абсолютно выражено. Если она выше этого необходимаго содержанія, рабочій получаетъ часть чистаго продукта страны; эта часть можетъ быть сбережена, издержана или употреблена на охрану страны. Рикардо какъ бы догадывается, что международная торговля содѣйствуетъ образованію крупныхъ капиталовъ.

4. Въ четвертыхъ, Смитъ совершенно не доказываетъ, что всякая внутренняя торговля совершаетъ возмѣщеніе двухъ производительныхъ капиталовъ. Данный торговый капиталъ можетъ обращать только одинъ видъ товара, напр. хлѣбъ т.-е. , по терминологіи Смита, оказывать поощреніе одному виду производительнаго труда и послѣ этой единичной операціи реализовать свою прибыль въ деньгахъ; точно также иностранный торговецъ можетъ сосредоточиться только на вывозѣ продуктовъ своей страны, а не на ввозѣ продуктовъ извнѣ. Онъ, очевидно, не будетъ давать поощренія иноземному производительному труду.

Рикардо въ своей полемикѣ противъ этого положенія Смита справедливо указываетъ на то обстоятельство, что существованіе двухъ иностранныхъ капиталовъ обращенія можетъ быть выгоднѣе для страны и можетъ давать такое же содержаніе производительному труду- Онъ даетъ такой примѣръ: „предположимъ, что Шотландія затрачивала на производство льна 1000 ф. и вымѣнивала его на шелкъ Англіи, на который Англія также затрачивала 1000 ф. Капиталъ обращенія былъ одинъ въ 1000 ф. Впослѣдствіи Шотландія убѣдилась, что пріобрѣтетъ больше шелка за свой ленъ, торгуя съ Франціей; Англія точно также пришла къ выводу, что пріобрѣтетъ больше за свой шелкъ, торгуя съ Германіей. Торговля внутренняго потребленія смѣнится торговлей внѣшняго потребленія. Два капитала обращенія войдутъ въ оборотъ вмѣсто одного, но производительные капиталы Англіи и Шотландіи будутъ давать тоже самое занятіе труду и вознаграждаться лучше.“ Аргументъ Рикардо предполагаетъ, однако, совершенно иной законъ въ международномъ обмѣнѣ.

d). Ученіе Смита о торговлѣ не могло удовлетворить никого. Теорія Рикардо представилась, поэтому, для многихъ настоящимъ открытіемъ и кажется таковымъ до нашихъ дней. Англійскій комментаторъ Рикардо Гоннеръ[1]) пишетъ: „до Рикардо все было, какъ въ туманѣ, послѣ него явилась возможность разсматривать международную цѣнность, какъ

1) См. его изданіе „Principles“ Рикардо 1891 г., introd. essay, p. LVII.

частный случай общей проблемы цѣнности. Это стало возможнымъ, ибо причины различій въ законахъ, регулирующихъ международныя и внутреннія цѣнности, были опредѣлены. Законъ сравнительныхъ издержекъ былъ великимъ открытіемъ, сдѣланнымъ Рикардо."

Мнѣ кажется, что Гонперъ совершенно ошибочно, вполнѣ соотвѣтственно съ сложившейся ученой рутиной, оцѣниваетъ значеніе этого открытія Рикардо. Излагая теорію Родбертуса, мы ближе подойдемъ къ анализу этого закона „сравнительныхъ издержекъ," истолкуемъ его совершенно иначе и постараемся показать, что законъ международныхъ цѣнностей, какъ частный случай общаго ученія о цѣнности не имѣетъ никакого значенія. Я постараюсь тамъ показать, что намъ нужна не теорія цѣнности съ ея казуистической схоластикой, а теорія обмѣна, которая можетъ и должна быть единой.

Поразительна судьба этого ученія. Хотя оно и считается многими, въ особенности англичанами, великимъ открытіемъ, но оно менѣе всего извѣстно, менѣе всего прилагается въ разсужденіяхъ къ практической жизни, а присяжные ученые старательно избѣгаютъ излагать его въ своихъ учебникахъ и не безъ причинъ.

Достаточно заглянуть въ его содержаніе и сдѣлать изъ него тѣ непосредственные выводы, которые напрашиваются сами собой, чтобы убѣдиться, что въ этой теоріи Рикардо наталкивается на нелѣпость закона эквивалентности товарнаго обмѣна и ищетъ въ доходахъ какого то регулятора для процесса образованія цѣнъ. Другими словами, обмѣнъ и распредѣленіе, соціальная и техническая структура хозяйствъ обмѣнивающихся сторонъ становится факторомъ опредѣляющимъ пропорціи обмѣна. Воспользовавшись этимъ закономъ сравнительныхъ издержекъ, мы постараемся впослѣдствіи доказать, что ученіе о стоимости производства, внесшее столько путаницы въ экономію, должно быть замѣнено ученіемъ о „дифференціальной производительности труда". Но не будемъ забѣгать впередъ, а сперва заглянемъ въ самую теорію Рикардо и сдѣлаемъ кое-какіе выводы.

О внутренней торговлѣ Рикардо почти ничего не говоритъ. Мы находимъ, однако, у него очень характерное мѣсто, гдѣ онъ цитируетъ Сэ и въ то же время возражаетъ ему. Сэ пишетъ: „торговля даетъ намъ возможность получать товаръ тамъ, гдѣ его можно найти и доставлять его туда, гдѣ онъ будетъ потребленъ; торговля, слѣдовательно, даетъ намъ возможность увеличить цѣнность товара на всю разницу его цѣны въ первомъ мѣстѣ съ цѣною во второмъ".

„Совершенно вѣрно, отвѣчаетъ Рикардо, но какъ же

придается товару эта добавочная цѣнность? Присоединеніемъ къ издержкамъ производства, во-первыхъ, издержекъ доставки, во-вторыхъ, прибыли на капиталъ, затраченный торговцемъ. Товаръ становится болѣе цѣннымъ въ данномъ случаѣ только по тѣмъ же причинамъ, вслѣдствіе которыхъ и всякій другой товаръ становится болѣе цѣннымъ, а именно: вслѣдствіе увеличенія количества труда, затраченнаго на производство и доставку его до момента, когда онъ купленъ потребителемъ. На это не слѣдуетъ указывать, какъ на одну изъ выгодъ торговли. Если разсмотрѣть предметъ болѣе внимательно, то окажется, что всѣ выгоды торговли сводятся къ тому, что она даетъ возможность пріобрѣтать намъ предметы не болѣе цѣнные, но болѣе полезные".

И въ другомъ мѣстѣ: Сэ пишетъ: „въ торговлѣ между отдѣльными лицами одной и той же страны единственный выигрышъ представляетъ произведенная цѣнность потребленія". . . я не вижу различія проводимаго между прибылями внутренней и внѣшней торговли." Задача всякой торговли увеличивать „произведенія", отвѣчаетъ Рикардо [1]).

1) Представители исторической школы въ экономіи напр. Эренбергъ (см. мою книгу „Обмѣнъ и т. д.") стали говорить опредѣленнѣе, что задача торговли заключается въ устраненіи препятствій, раздѣляющихъ производителя отъ потребителя въ пространствѣ и во времени т. е. находить „произведенія" тамъ, гдѣ они нужны и тогда, когда въ нихъ есть потребность. Эренбергъ въ своей книгѣ: Der Handel, Jena. 1897 г., стр. 32—41 пишетъ: „Всѣ роды производительной дѣятельности постепенно обособились въ процессѣ развитія экономической жизни, и если на практикѣ намъ бываетъ трудно провести между ними разграничительную черту, то этому нѣтъ надобности удивляться. Нѣтъ ни одного экономическаго опредѣленія, которое такъ же точно прилагалось бы къ дѣйствительности, какъ могутъ совпадать двѣ равныя геометрическія фигуры; но, если исходить изъ представленія о современномъ народномъ хозяйствѣ, какъ о цѣломъ, то мы неизбѣжно должны признать существованіе четырехъ родовъ производства: добывающаго производства, обрабатывающаго производства, торговли и спекуляціи. Отсюда слѣдуетъ, какъ для всего народнаго хозяйства, такъ и для любой его отрасли, что, во первыхъ, ни одинъ атомъ любого блага въ производительной дѣятельности не можетъ быть употребленъ, если нѣкоторое его количество не пріобрѣтено при помощи добывающаго производства, во вторыхъ, произведенія добывающей промышленности, поскольку они не потребляются непосредственно, получаютъ пригодное для удовлетворенія потребностей качество только чрезъ посредство обрабатывающаго производства, въ третьихъ, что передача благъ къ тому мѣсту, гдѣ въ нихъ имѣется потребность, есть задача торговли, и въ четвертыхъ, что обезпеченіе во времени непрерывности снабженія благами составляетъ задачу спекуляціи".

Исходя изъ такой точки зрѣнія, онъ безъ труда даетъ теорію торговли и спекуляціи. „Торговля, по его мнѣнію, есть тотъ родъ производства, который имѣетъ задачей преодолѣвать мѣстный недостатокъ природы въ хозяйственныхъ благахъ", а потому мѣстная цѣнность (Ortswert) блага опредѣляется, съ одной стороны, въ зависимости отъ сред-

Ученіе Рикардо и его послѣдователей о международной торговлѣ можетъ быть сведено къ слѣдующимъ положеніямъ:

1. Въ основѣ этой теоріи лежитъ прежде всего слѣдующая теорія денегъ.

a. Золото и серебро, подобно всѣмъ другимъ товарамъ, имѣютъ цѣнность, которая зависитъ отъ количества труда и капитала, употребленнаго въ самыхъ худшихъ условіяхъ ихъ добыванія въ данное время. Употребляемые въ качествѣ денегъ благородные металлы не пріобрѣтаютъ вслѣдствіе этого добавочной цѣнности, какъ думалъ, напр., Д. Ло. Наихудшіе рудники опредѣляютъ естественную цѣнноеть благороднаго металла.

Разница между цѣнностью чеканной монеты и слитками не можетъ быть велика. Цѣнность денегъ въ конечномъ результатѣ всегда, а при свободномъ чеканѣ почти мгновенно, сообразуется съ цѣнностью металла, изъ котораго онѣ сдѣланы. Когда деньги дороже слитковъ, то создается стремленіе обращать эти послѣднія въ монету, если слитки дороже монеты, значительное количество ея обратится въ слитки. Такимъ образомъ, въ странахъ, гдѣ монетный дворъ открытъ для всѣхъ и гдѣ издержки чекана падаютъ на государство, цѣнность денегъ и слитковъ почти совпадаетъ.

Деньги изъ благороднаго металла являются лучшимъ мѣриломъ цѣнности всѣхъ другихъ товаровъ: они сохраняются безконечно долгое время, легко дробятся на мельчайшія части, наиболѣе устойчивы по цѣнности, ибо принимаются въ платежи во всемъ свѣтѣ и условія производства ихъ болѣе или менѣе постоянны. Но и это мѣрило цѣнности, состоитъ ли оно изъ золота или серебра, колеблется въ своей цѣнности. Вполнѣ устойчиваго и неизмѣннаго мѣрила цѣнности нѣтъ и быть не можетъ (Рикардо).

b. Цѣнность денегъ — есть ихъ покупательная сила и цѣнность предметовъ, выраженная въ деньгахъ, составляетъ цѣну ихъ. Деньги и товары стремятся къ взаимному обмѣну. Всѣ находящіеся на рынкѣ товары составляютъ запросъ на деньги, а всѣ находящіяся въ обращеніи деньги — спросъ на товары. Поэтому во всякой странѣ всегда обращается такое количество денегъ, которое равно суммѣ товарныхъ цѣнъ, раздѣленное на среднее число покупокъ, сдѣланныхъ каждою монетою или на такъ называемую быстроту обращенія[1]). Кромѣ того, на количество и цѣнность денегъ

няго количества труда, потребнаго для производства, съ другой стороны въ зависимости отъ потребности всего общества въ такихъ трудовыхъ усиліяхъ".

1) Д. С. Миль полагаетъ, что подъ быстротой обращенія слѣдуетъ понимать среднее число покупокъ, дѣлаемыхъ каждой монетой для совершенія данной денежной суммы покупокъ, т. е., если каждая монета

имѣетъ еще вліяніе степень экономіи въ употребленіи наличныхъ денегъ и замѣна ихъ кредитными знаками для совершенія платежей. Игнорируя два послѣднихъ элемента, можно сказать, что количество обращающихся въ странѣ денегъ тогда находится въ нормальномъ положеніи, если оно опредѣляется суммою цѣнности обращающихся товаровъ, оцѣненною на ихъ металлическую цѣнность, другими словами, чѣмъ выше цѣнность денегъ, тѣмъ, при данной быстротѣ ихъ обращенія, ихъ требуется меньше и чѣмъ ниже цѣнность денегъ, тѣмъ ихъ требуется больше.

с. Если мы примемъ количество продаваемыхъ товаровъ, говоритъ Д. С. Милль, и число разъ перепродажи этихъ товаровъ за количество опредѣленное, то цѣнность денегъ будетъ опредѣляться количествомъ ихъ и среднею цыфрою разъ, сколько каждая монета переходитъ изъ рукъ въ руки во время обмѣна товаровъ на деньги. Слѣдовательно, при данномъ количествѣ товаровъ и продажъ цѣнность денегъ обратно пропорціональна ихъ количеству, помноженному на быстроту обращенія. Но въ окончательномъ результатѣ, утверждаетъ Д. С. Милль, цѣнность денегъ не опредѣляется однимъ количествомъ; по отношенію къ деньгамъ это послѣднее имѣетъ только болѣе важное значеніе, чѣмъ по отношенію къ товарамъ. Для послѣднихъ одна возможность перемѣны въ снабженіи уже измѣняетъ цѣнность. Цѣнность денегъ, количество которыхъ громадно въ міровомъ запасѣ, можетъ измѣниться только тогда, если количество денегъ дѣйствительно возрастетъ. Но въ конечномъ результатѣ цѣнность денегъ зависитъ отъ издержекъ производства металла и въ среднемъ выводѣ цѣны предметовъ будутъ такія, чтобы деньги обмѣнивались на всѣ другіе товары по стоимости своего производства; и по той самой причинѣ, что отъ количества денегъ необходимо зависитъ цѣнность ихъ, само количество, какъ бы автоматическою силою, будетъ держаться въ величинѣ, требуемой этой нормою цѣнъ, — въ величинѣ, необходимой для совершенія требуемаго количества покупокъ по этимъ цѣнамъ.

перейдетъ изъ рукъ въ руки десять разъ, пока товаровъ будетъ продано на цѣнность милліона рублей, то очевидно, что на обращеніе этихъ товаровъ надобно 100 т. фунтовъ. И наоборотъ, если въ обращеніи денегъ находится 100 тыс. фунтовъ и каждая монета въ мѣсяцъ пройдетъ десять разъ изъ рукъ въ руку покупкой товаровъ, то продажа товаровъ на деньги должна среднимъ числомъ простираться до милліона фунтовъ въ мѣсяцъ. Всѣ попытки практически опредѣлить быстроту обращенія до сихъ поръ не дали положительныхъ результатовъ см. мои Деньги, 1895 г., S. Jevons. Geld und Geldverkehr, нѣмецкій болѣе доступный переводъ. 1876 г. Новѣйшее лучшее сочиненіе Helferich. Das Geld, Berlin, 1905 года.

d) Слѣдуетъ различать обезцѣненіе или возвышеніе цѣны денегъ (depreciation or appreciation) отъ измѣненія ихъ цѣнности. Подъ обезцѣненіемъ денегъ (депресіаціей) слѣдуетъ понимать пониженіе ихъ цѣнности вслѣдствіе увеличенія ихъ количества во всѣхъ видахъ внѣ всякой зависимости отъ измѣненія издержекъ производства. Это обезцѣненіе можетъ имѣть всеобщій характеръ или только мѣстный, напр., благодаря выпускамъ бумажныхъ денегъ. Уменьшеніе цѣнности благородныхъ металловъ происходитъ только подъ вліяніемъ измѣненія издержекъ производства матеріала.

e) Деньги изъ золота и серебра дѣйствіемъ торговаго соперничества распредѣляются по всему міру въ такихъ пропорціяхъ между разными странами, которыя соотвѣтствуютъ натуральному обмѣну, какой имѣлъ бы мѣсто, если бы этихъ металловъ не существовало и если бы международная торговля была простымъ размѣномъ товара на товаръ. Это распредѣленіе благородныхъ металловъ совершается путемъ установленія во всѣхъ странахъ „сравнительнаго уровня цѣнъ“[1]): металлы распредѣляются по всему свѣту, какъ вода въ сообщающихся сосудахъ разныхъ размѣровъ. Если страна будетъ только продавать товары другой, но не ввозить, то страна, покупающая товары, должна будетъ платить ей благороднымъ металломъ. Количество денегъ въ продающей товаръ странѣ увеличится, въ покупающей — уменьшится; въ первой — цѣны возрастутъ, во второй — падутъ. Благодаря этому второй странѣ будетъ труднѣе покупать и, въ концѣ концовъ, она должна будетъ прекратить свои покупки.

1) Противъ теоріи сравнительнаго уровня цѣнъ энергично возражалъ впервые Мальтусъ. См. мое изданіе: „Трактаты Мальтуса и Рикардо о рентѣ, стр. 29. „Я разсматриваю эту доктрину, пишетъ Мальтусъ, какъ вполнѣ не подтверждающуюся фактами и сравненіе благородныхъ металловъ съ водою совершенно неподходящимъ. Благородные металлы стремятся всегда къ состоянію неподвижности или къ такому положенію вещей, которое дѣлаетъ ихъ передвиженіе ненужнымъ. Но разъ такое состояніе неподвижности достигнуто и обмѣны всѣхъ странъ стоятъ al pari, цѣнность благородныхъ металловъ, измѣряемая трудомъ, хлѣбомъ или массой другихъ продуктовъ, совершенно различна. Чтобы убѣдиться въ этомъ, необходимо обратить свои взоры на Англію, Францію, Польшу, Россію и Индію, когда обмѣны стоятъ al pari. Что Адамъ Смитъ, предложившій сдѣлать трудъ истинной мѣрой цѣнности во всѣ времена и во всѣхъ мѣстахъ, могъ утверждать, будто цѣнность благородныхъ металловъ всегда наивысшая въ наиболѣе богатыхъ странахъ, всегда представлялось мнѣ весьма несоотвѣтствующимъ его обычной склонности обосновывать свои теоріи на фактахъ.“

Исторически вопросъ о различной цѣнности денегъ т. е. движимаго капитала имѣетъ чрезвычайно важное значеніе и, къ сожалѣнію, еще очень плохо разработанъ. Въ наше время эти различія въ цѣнности денегъ въ зависимости отъ размѣра накопленій и производительности труда имѣютъ важное значеніе, а для предшествовавшей исторіи еще большее.

Первой странѣ, напротивъ, при пониженіи цѣны товаровъ во второй, будетъ выгодно покупать; она начнетъ ввозить товары и уплачивать за нихъ деньгами; установится обратный потокъ денегъ; торговля будетъ колебаться такъ до той поры, пока не установится само собой равновѣсіе ввоза и вывоза, которое дастъ каждой странѣ то количество денегъ, которое ей нужно.

2. Никакое расширеніе международной торговли не увеличиваетъ непосредственно сумму цѣнностей въ странѣ, хотя и весьма содѣйствуетъ увеличенію массы продуктовъ, а тѣмъ самымъ и количеству наслажденій. (Рикардо).

3. Тотъ законъ, который регулируетъ относительную цѣнность товаровъ въ предѣлахъ страны, не прилагается къ относительной цѣнности товаровъ, которыми обмѣниваются двѣ или нѣсколько странъ. Здѣсь значеніе имѣетъ законъ сравнительныхъ издержекъ производства товаровъ, которыми торгуютъ обмѣнивающіяся страны [1]).

Подъ сравнительными издержками производства слѣдуетъ разумѣть существующее въ обмѣнивающихся странахъ различіе въ издержкахъ производства различныхъ предметовъ. Если эти различія въ издержкахъ производства одни и тѣ же для всѣхъ продуктовъ безъ исключенія, то международная торговля возникнуть не можетъ.

4. Причина, которая побуждаетъ Рикардо признать существованіе особаго закона для международныхъ цѣнностей, сводится къ тому, что уровень прибыли въ предѣлахъ разныхъ странъ можетъ быть различенъ въ силу разныхъ причинъ (родъ послѣдне-обрабатываемыхъ земель, обиліе или недостатокъ капиталовъ, политическій порядокъ и обезпеченность собственности, производительность и преимущества труда и т. п.), а между тѣмъ передвиженіе капитала и труда

1) Рикардо l. c. p. 113. „Прежде всего слѣдуетъ имѣть въ виду, пишетъ Кернсъ, что подъ „издержками производства“ читатель долженъ понимать „дѣйствительныя трудности производства“, насколько онѣ измѣряются пожертвованіями, которыя требуются производствомъ“. Онъ вполнѣ правильно отмѣчаетъ одну особенность изложенія этой теоріи Рикардо и Миллемъ. Хотя послѣдній и видоизмѣнилъ Рикардіанское представленіе издержекъ (трудъ и капиталъ) на издержки въ „прибыляхъ и въ заработныхъ платахъ“, но и онъ, и Рикардо „при изложеніи теоріи международной торговли принимаютъ во вниманіе всегда одно пожертвованіе — трудъ“. „Это опущеніе, полагаетъ Кернсъ, не вредитъ серьезно разсужденіямъ, такъ какъ трудъ и капиталъ являются оба пожертвованіями и потому, посколько аргументы приложимы къ одному, они въ значительнѣйшей части приложимы и къ другому“. Кернсъ, также какъ и Рикардо (ср. п. 4) особенно настаиваетъ на большей подвижности труда и капитала въ предѣлахъ страны. Для нашего времени затрудненія въ переходѣ капиталовъ изъ страны въ страну значительно уменьшились; быть можетъ въ меньшей степени, но тоже можно сказать и о передвиженіяхъ труда. См. Some Leading Principles, изд. 1874, p. 372, 363.

изъ страны въ страну не совершается съ такой легкостью, какъ въ предѣлахъ одной и той же страны.

5. Уровень прибыли никогда не возрастаетъ вслѣдствіе лучшаго распредѣленія труда, механическихъ изобрѣтеній, устройства дорогъ и каналовъ или, какъ результатъ какихъ бы то ни было способовъ сокращенія труда, какъ въ производствѣ, такъ и въ перевозкѣ товаровъ. Уровень прибыли не возрастаетъ также вслѣдствіе расширенія рынка.

6. Прибыль возрастаетъ единственно въ силу пониженія заработной платы. Если, благодаря расширенію внѣшней торговли или вслѣдствіе механическихъ улучшеній, пища и другіе предметы потребленія рабочихъ могутъ быть доставляемы по болѣе низкой цѣнѣ, то прибыль возрастетъ [1]), ибо прибыль зависитъ всегда отъ цѣны или вѣрнѣе цѣнности пищи.

Возьмемъ примѣръ, который поможетъ намъ сдѣлать эту теорію болѣе удобопонятной.

Предположимъ, что Франція и Англія обмѣниваются двумя товарами: виномъ и углемъ. Франція производитъ въ 100 дней труда 100 бочекъ вина, то же количество вина производится въ Англіи въ 150 дней труда.

Франція, далѣе, въ 200 дней труда производитъ 500 пудовъ угля, то же количество угля въ Англіи производится въ 100 дней.

Если каждая изъ названныхъ націи будетъ производить оба товара въ предѣлахъ собственной страны, то Франція произведетъ свой уголь и свое вино, а именно: 100 бочекъ вина и 500 пудовъ угля въ 300 дней, Англія то же количсетво вина и угля въ 250 дней. Причина этого различія въ томъ, что во Франціи издержки производства вина ниже, но зато издержки производства угля значительно выше; Франція имѣетъ рѣшительное преимущество предъ Англіей въ производствѣ вина, Англія еще большее преимущество въ производствѣ угля. Если признать, что одинъ день труда овеществляется въ каждой странѣ въ нѣкоторой величинѣ X цѣнности, то отсюда вытечетъ, что Франція создаетъ 300 X

1) Отказываться отъ какихъ либо улучшеній въ производствѣ ради интересовъ землевладѣльцевъ или другихъ классовъ нелѣпо. „Если выгоды землевладѣльца имѣютъ достаточную важность для того, чтобы удержать насъ отъ усвоенія всѣхъ тѣхъ благодѣяній, которыя послѣдовали бы отъ ввоза хлѣба по дешевой цѣнѣ, то они должны насъ заставить отречься отъ всякихъ улучшеній въ земледѣліи и въ хозяйственныхъ орудіяхъ, ибо не менѣе достовѣрно то, что всѣ эти улучшенія, дѣлая хлѣбъ дешевле, понижая ренту и податную способность землевладѣльца, наносятъ ему такой же ущербъ, какъ и ввозъ хлѣба“. См. сочиненіе Рикардо р. пер. Зибера, стр. 428, мое. изданіе Мальтусъ и Рикардо о рентѣ, стр. 128.

цѣнностей, Англія 250 X. Другими словами, одно и то же количество продукта, благодаря различіямъ въ производительности труда или, что то же, разнымъ количествамъ труда затраченнаго на производство одного и того же количества продукта, будетъ представляться странамъ, какъ величины неравной цѣнности.

Предположимъ, далѣе, что это ненормальное положеніе замѣчено, и каждая изъ разсматриваемыхъ странъ сосредоточилась на производствѣ товаровъ, въ которыхъ она имѣетъ наибольшее преимущество. Франція стала производить вино и въ 200 дней произвела 200 бочекъ вина; 100 бочекъ она по прежнему желаетъ оставить для себя, остальное согласна промѣнять на уголь. Точно также Англія въ 200 дней своего труда произвела 1,000 пудовъ угля, 500 для и себя и 500 для промѣна.

Постигнувъ, что, размѣнявшись своими продуктами, обѣ страны удовлетворятъ своимъ прежнимъ потребностямъ, Франція и Англія такъ и поступаютъ. Тогда за свои 100 бочекъ вина Франція пріобрѣтетъ 500 пудовъ угля, Англія за 500 пудовъ угля пріобрѣтатъ также 100 бочекъ вина; другими словами, преобразовавъ свое національное производство въ соотвѣтствіи съ сравнительными издержками, Франція съэкономитъ 100 дней своего труда, Англія — 50. Мы разсуждаемъ согласно со схемой Рикардо и теперь должны спросить, можемъ ли мы сдѣлать тѣ же выводы, какіе сдѣлалъ Рикардо, излагая свою теорію въ вышеприведенныхъ положеніяхъ?

По первому впечатлѣнію можетъ показаться, что Рикардо безусловно правъ. Въ самомъ дѣлѣ, оказывается, что 100 дней труда каждой страны съ возникновеніемъ обмѣна дадутъ ей, согласно съ предположеніями Рикардо, совершенно разное, сравнительно съ прежнимъ, количество продуктовъ.

Второе предположеніе также какъ бы подтверждается. Такъ, если согласно нашему прежнему предположенію одинъ день труда воплощается въ нѣкоторомъ ₰ цѣнности, то сумма созданныхъ каждой страною цѣнностей будетъ теперь 200 ₰, т. е. сумма цѣнностей не только не повысилась, но, дѣйствительно, понизилась; весьма сильно во Франціи — съ 300 ₰ до 200 ₰, слабѣе въ Англіи съ 250 ₰ до 200 ₰.

Поверхностное разсужденіе могло бы даже сдѣлать и еще одинъ выводъ. При взятыхъ предположеніяхъ (т. е., предполагая пока, что продукты производятся трудомъ безъ участія капитала), обмѣнъ совершается какъ бы въ точномъ соотвѣтствіи съ трудовою цѣнностью. Продуктъ ста дней Франціи обмѣнивается на продуктъ ста дней Англіи. Этотъ то возможный поверхностный выводъ (почему мы его

такъ называемъ, увидимъ тотчасъ) и побуждаетъ насъ ближе присмотрѣться къ схемѣ Рикардо и поискать, нѣтъ ли въ ней чего-нибудь противорѣчиваго. Что же, спрашивается, произошло съ возникновеніемъ международнаго обмѣна?

Впослѣдствіи мы ближе подойдемъ ко всѣмъ особенностямъ этой теоріи, пока же обратимъ вниманіе на нѣкоторые ея главнѣйшіе выводы изъ втораго пункта.

Это положеніе формулировано въ высшей степени неудачно, но характерно для всей системы Рикардо. Это положеніе, во первыхъ содержитъ въ себѣ неясность, во вторыхъ, — неправильность и, въ третьихъ, — неполноту.

Неясность заключается въ томъ, что Рикардо утверждаетъ, будто международная торговля не увеличиваетъ непосредственно цѣнностей, но не разъясняетъ, что означаетъ это слово „непосредственно". Только внимательно вчитываясь въ текстъ и сопоставляя его съ главой „о цѣнности и богатствѣ" можно понять предположительно, что имѣетъ Рикардо въ виду. Здѣсь впервые мы встрѣчаемся у Рикардо съ представленіемъ объ „абсолютной трудовой цѣнности" всего національнаго продукта. Мысль Рикардо такова. Общая масса національнаго продукта стоитъ опредѣленное количество труда. Необходимость затратить этотъ трудъ опредѣляетъ цѣнность всего продукта. Возникновеніе международной торговли не измѣняетъ дѣла. Часть національнаго продукта, который стоилъ опредѣленную массу труда, отчуждается для пріобрѣтенія другихъ полезныхъ благъ и ничего больше. Представленіе націи о трудности производства не видоизмѣняется. Цѣнность національнаго продукта не увеличивается. Правильнѣе, Рикардо долженъ былъ бы сказать: остается безъ видоизмѣненія. Она по прежнему тратитъ 200 дней труда на вино, но получаетъ большую массу продукта въ обмѣнъ.

Дальнѣйшее разсужденіе было сдѣлано Миллемъ и другими теоретиками. Цѣнность всего отчуждаемаго продукта не увеличивается, но полученіе большаго количества полезныхъ вещей въ обмѣнъ (средства существованія, орудія, матеріалы) даетъ возможность увеличить количество содержимаго труда, а этотъ новый трудъ создастъ новыя цѣнности, т. е. посредственно можетъ произойти и увеличеніе массы цѣнностей въ странѣ. Въ этой неясности заключается крупная теоретическая ошибка, ибо увеличеніе массы цѣнностей, получаемыхъ въ обмѣнъ обѣими странами, можетъ сильно видоизмѣнить цѣнность этой массы по отношенію къ другимъ товарамъ внутренняго рынка.

Неправильность заключается въ томъ, что при принятомъ законѣ сравнительныхъ издержекъ это „объективное представленіе" націи о цѣнности національнаго продукта,

чрезъ посредство обмѣна, должно кореннымъ образомъ видоизмѣниться и слѣдовало бы сказать, что международная торговля не только „не можетъ увеличивать“ цѣнностей, а, напротивъ, „понижаетъ ихъ“. Поставивъ въ основу своего обмѣна принципъ сравнительныхъ издержекъ, страна получаетъ облегченіе въ своемъ производствѣ на всю сумму своихъ преимуществъ и таковыхъ же другой страны, съ которой она ведетъ обмѣнъ. Она естественно должна видоизмѣнить свое объективное представленіе о трудности производства, т. е. о цѣнности въ смыслѣ ея пониженія, а не увеличенія. Эта фраза Рикардо: „не происходитъ непосредственнаго увеличенія цѣнностей“, обнаруживаетъ его смутное чувство, что возможно, если не увеличеніе, то „видоизмѣненіе цѣнностей“; другими словами, что вся проблема вертится вовсе не на одной только почвѣ представленія объ абсолютной, но о мѣновой цѣнности.

Рикардо упустилъ изъ виду что процессъ уравненія баланса международнаго обмѣна на началахъ, развитаго впослѣдствіи Миллемъ закона уравненія взаимнаго спроса, вызываетъ крупныя послѣдствія [1]).

Рикардо игнорируетъ, во-первыхъ, колоссальную пертурбацію въ отношеніяхъ или пропорціяхъ обмѣна, которая происходитъ послѣ возникновенія международной торговли.

1) Д. С. Милль очень просто устанавливаетъ этотъ законъ уравненія спроса. „Разумѣя подъ словомъ спросъ требуемое количество товара и помня, что это количество не бываетъ неизмѣннымъ, а вообще видоизмѣняется сообразно съ цѣнностью товара, предположимъ, что въ данное время спросъ больше предложенія, т. е. имѣются люди, склонные купить по рыночной цѣнѣ больше того количества, какое предлагается въ продажу. Со стороны покупщиковъ начинается соперничество и цѣнность поднимается, насколько же поднимется она? Иной предположитъ, что она приподнимется пропорціонально недостатку товара: если спросъ больше предложенія на третью часть, то и цѣнность поднимется на одну треть. Нѣтъ вовсе, не такъ. Когда цѣнность поднялась на третью часть, спросъ все еще можетъ оставаться больше предложенія; можетъ и при этой возвысившейся цѣнѣ требоваться больше товара, чѣмъ можно купить его, и соперничество покупщиковъ будетъ продолжаться. Если товаръ предметъ необходимости и люди скорѣе готовы заплатить за него какую угодно цѣну, чѣмъ отказаться отъ него, то отъ недостачи товара на третью долю цѣна его можетъ удвоиться, утроиться, учетвериться. Наоборотъ, соперничество можетъ прекратиться скорѣе, чѣмъ цѣнность поднимется пропорціонально недочету. Возвысившись въ цѣнности меньше, чѣмъ на третью часть, товаръ можетъ на цѣлую третью часть стать выше средствъ и наклонностей покупателей. На какой же ступени остановится повышеніе цѣны? На такой, которая *уравниваетъ* спросъ и предложеніе, на цѣнѣ, которая уменьшитъ лишнюю третью часть изъ спроса или привлечетъ на рынокъ лишнихъ торговцевъ съ количествомъ товара, достаточнымъ по спросу. Когда тѣмъ или инымъ путемъ или обоими этими путями *спросъ становится равенъ предложенію*, перестаетъ превышать его, повышеніе цѣны останавливается“, см. Основанія, книга III, глава 2, § 4.

Когда Франція производила оба продукта, одинъ день ея труда воплощался въ одной бочкѣ вина и $2^1/_2$ пудахъ угля, т. е. отношеніе цѣнностей угля и вино было $1 : {}^5/_2$, теперь оно стало 1 : 5. Въ Англіи 5 пудовъ угля равнялись $^2/_3$ бочки; теперь 5 пудовъ угля — одной бочкѣ вина, т. е. отношеніе по цѣнности вина къ углю было ранѣе $1 : {}^{15}/_2$, теперь 1 : 5. Это обстоятельство не можетъ не отразиться на потребленіи страны, а при принадлежности избытковъ производства классамъ, не могущимъ и не желающимъ потребить ихъ непосредственно въ предѣлахъ страны, и на самой реализаціи этихъ избытковъ по той или иной цѣнности.

Во-вторыхъ, равенство цѣнностей французскаго вина и англійскаго угля, произведенныхъ ста днями труда этихъ націй, произошло только по той причинѣ, что Франція выиграла сто дней, Англія — пятьдесятъ. Этотъ неравный выигрышъ далъ возможность уравнять въ качествѣ производителей цѣнности англійскій трудъ съ французскимъ, которые, какъ это видно изъ взятаго примѣра, по производительности не равны. Такое положеніе, очевидно, не допустимо. Конкурренція должна какъ-нибудь согласовать или, что то же, болѣе правильно раздѣлить эти выгоды. Тутъ возможны разныя предположенія и они имѣютъ большое значеніе для истолкованія самаго значенія международной торговли. Остановимся пока на одномъ изъ нихъ.

Предположимъ, прежде всего, что конкурренція такъ согласуетъ выгоды международней торговли, что каждая изъ обмѣнивающихся націй выиграетъ равное количество дней. Франція производила оба продукта въ 300 дней, пусть она ограничитъ свои выгоды освобожденіемъ 25 дней. Англія производила ихъ въ 250 дней, пусть она сдѣлаетъ то же самое. При такомъ предположеніи отношенія должны сложиться такъ. Франція сосредоточится на производствѣ вина, сто дней употребитъ для изготовленія этого продукта для собственнаго потребленія, 175 для англійскаго экспорта. Англія 100 дней будетъ готовить уголь для себя, 125 дней для французскаго экспорта.

Тогда имѣемъ:

Франція $100 + 175 = 275$ дней, выгода въ дняхъ — 25.

Англія $100 + 125 = 225$ дней, выгода въ дняхъ — 25,

или, что то же, по исчисленію въ продуктахъ:

100 бочекъ плюсъ 175 бочекъ будутъ произведены Франціей и 500 пудовъ плюсъ 625 пудовъ угля будутъ добыты Англіей.

Согласно нашимъ предположеніемъ, объ страны должны размѣняться тѣмъ углемъ и виномъ, который они произвели сверхъ своихъ потребностей въ каждомъ изъ этихъ продуктовъ. Что же отсюда будетъ слѣдовать?

Во-первыхъ, при такихъ предположеніяхъ 175 дней француза будутъ равны 125 днямъ англичанина, или одинъ день француза будетъ приравненъ $^5/_7$ дня англичанина; во-вторыхъ, 175 бочекъ вина будетъ равны 625 пудамъ угля или одна бочка $^{25}/_7$ или $3^4/_7$ пудамъ угля. Другими словами: ранѣе принятое нами отношеніе по цѣнности между углемъ и виномъ какъ 1 : 5 при такомъ болѣе естественномъ раздѣлѣ выгодъ существовать не можетъ. Обмѣнъ будетъ совершаться такъ, что страна, въ которой трудъ болѣе производителенъ, согласится считать только долю своего труда за цѣлый день труда другой. При большей производительности труда она, слѣдовательно, и не согласится давать за бочку вина 5 пудовъ угля, а только $3^4/_7$ пуда.

Не трудно видѣть, что результаты подобнаго обмѣна не могутъ не быть всегда таковы, что обмѣнъ не будетъ эквивалентенъ: за одинъ день труда болѣе производительной страны менѣе развитая экономически страна будетъ платить большимъ количествомъ труда.

У Маркса есть одно замѣчательное мѣсто, въ которомъ онъ пишетъ: [1]) „но еще сильнѣе измѣняется въ своемъ международномъ примѣненіи законъ цѣнности вслѣдствіе того, что на міровомъ рынкѣ болѣе производительный національный трудъ считается также и за болѣе интенсивный всегда, когда болѣе производительная нація не вынуждается конкурренціей понижать продажную цѣну своего товара до его цѣнности . . . Различныя количества товаровъ одного и того же рода, которыя въ различныхъ странахъ производятся въ одинаковое рабочее время, имѣютъ, слѣдовательно, неравную международную цѣнность, выраженную въ различныхъ цѣнахъ“.

Но можетъ ли конкурренція вызвать такое явленіе, чтобы въ международномъ обмѣнѣ продажная цѣна товара болѣе производительной страны упала до его цѣнности и что значитъ это выраженіе, какую силу здѣсь обнаруживаетъ конкурренція? Не предполагаетъ ли Марксъ здѣсь возможность того поверхностнаго вывода, на который мы указали выше, когда сто дней англичанина шло въ обмѣнъ за сто дней француза?

Пусть раньше сто дней болѣе производительнаго труда шло за полтораста дней менѣе производительнаго. Если конкурренція уравняетъ обмѣнъ и сто дней будетъ идти за сто дней, то подъ вліяніемъ международнаго обмѣна произойдетъ крупное видоизмѣненіе „абсолютныхъ трудовыхъ цѣнностей“. Если этотъ обмѣнъ характеризуетъ весь національный международный оборотъ товарами, то для пер-

1) См. т. I, пер. Струве, стр. 464—465.

вой страны всѣ цѣнности понизятся на 50 %, для второй повысятся на 50 %. Но если таково вліяніе конкурренціи по отношенію къ труду большей производительности, то, спрашивается, не можетъ ли на такихъ же началахъ „болѣе интенсивный“ трудъ приравняться подъ вліяніемъ конкурренціи „къ менѣе интенсивному“? Вѣдь, тогда и самое приравниваніе разныхъ видовъ труда одного къ другому можетъ обратиться въ фикцію, даже при допущеніи методологической правильности такого приравниванія, что, конечно, сомнительно.

Механическая эквивалентность 100 дней 100 днямъ показываетъ только, что страна меньшей производительности можетъ захватить при извѣстныхъ обстоятельствахъ одинъ день труда большей производительности, но не показываетъ, какимъ образомъ это можетъ произойти, не выясняетъ, какое отношеніе такая разная производительность имѣетъ къ вопросу о цѣнности или цѣнѣ предметовъ.

Неполнота закона Рикардо бросается въ глаза. Онъ не приложимъ для объясненія цѣны товаровъ, производство которыхъ не можетъ быть ни съ какими издержками организовано въ предѣлахъ данной страны. На это обстоятельство обратилъ вниманіе Кернсъ, который, какъ извѣстно, построилъ на этомъ основаніи свою теорію трехъ промышленныхъ монополій. Задолго до него на это обстоятельство указывалъ Мальтусъ [1]).

Кернсъ различаетъ три вида промышленной монополіи: во первыхъ, она можетъ быть совершенно абсолютной, когда какая либо страна обладаетъ исключительной возможностью или правомъ производства товара; во вторыхъ, монополія можетъ имѣть условный характеръ, проистекая изъ особыхъ выгодъ нѣкоторыхъ отраслей производительной дѣятельности, не имѣющихся у другихъ; таковы особенности климата, почвы и т. п., которыя хотя и не препятствуютъ производству благъ, но требуютъ, при наличности худшихъ условій, большихъ издержекъ производства; въ третьихъ, монополія можетъ быть односторонняя или взаимная, т. е., принадлежать или одной изъ странъ по отношенію къ какому нибудь товару, или обѣимъ вмѣстѣ по отношенію къ разнымъ предметамъ обмѣна.

Примѣромъ монополіи, одновременно и безусловной, и взаимной, можетъ, напр., служить обмѣнъ между сѣверными, и тропическими странами (ледъ и проч. на пряности и т. п.). Въ такомъ сравнительно рѣдкомъ, но возможномъ случаѣ, вліяніе взаимнаго спроса безусловно и абсолютно. Основанія промѣна и международныя цѣнности обмѣниваемыхъ

1) См. Malthus. Principes d'Econ. Pol., изд. Daire, 1846, стр. 354.

товаровъ слагаются подъ исключительнымъ вліяніемъ взаимнаго спроса и средствъ сторонъ. Гораздо чаще встрѣчаются, и потому гораздо важнѣе, такого рода случаи, когда монополія имѣетъ положительный характеръ, но односторонняя или даже, существуя съ обѣихъ сторонъ, безусловна у одной и квалифицирована съ другой. Много примѣровъ подобнаго рода встрѣчается въ обмѣнахъ тропическихъ и умѣренныхъ странъ, а также золото — производящихъ и золотомъ торгующихъ странъ. Взаимный спросъ также оказываетъ здѣсь вліяніе, но значеніе его въ значительной мѣрѣ ограничивается издержками производства въ той странѣ, которая можетъ производить всѣ обмѣниваемые товары. Возьмемъ, напр., Австралію, какъ страну производящую золото, и Англію, какъ страну покупающую его. Англія не производитъ золота; монополія Австраліи въ производствѣ этого продукта, слѣдовательно, безусловна. Во многихъ другихъ отрасляхъ промышленности Англія, однако, имѣетъ квалифицированную монополію. Напр. въ пряденіи и ткачествѣ изъ шерсти и хлопка она имѣетъ громадныя преимущества предъ Австраліей: она производитъ и имѣетъ наилучшія машины для этого дѣла, рабочій персоналъ имѣетъ долгую и хорошую выучку; влажный климатъ благопріятствуетъ выработкѣ самыхъ тонкихъ сортовъ ткани. Обиліе капитала способствуетъ развитію системы кредита. Австралія можетъ, однако, съ прогрессомъ своихъ производительныхъ силъ развить многіе изъ такихъ же промысловъ, какіе существуютъ въ Англіи. При такихъ условіяхъ Австраліи будетъ выгодно сосредоточиться на производствѣ золота и ввозить всѣ потребные ей товары изъ Англіи только до той поры, пока цѣны еще не достигли того предѣла, при которыхъ сравнительныя издержки производства ниже сравнительныхъ издержекъ производства тѣхъ же товаровъ у себя, которые она пока ввозитъ изъ Англіи т. е. пока производительность австралійскаго труда меньше англійскаго.

Самый важный видъ монополіи создается наличностью не исключительныхъ, а только сравнительныхъ преимуществъ. Въ такомъ случаѣ взаимный спросъ также опредѣляетъ цѣнности, но значеніе его ограничивается сравнительными издержками производства съ обѣихъ сторонъ и каждая страна, обмѣнивая свой товаръ, въ которомъ трудъ ея наиболѣе успѣшенъ, на таковой же — другой страны, пріобрѣтаетъ нѣкоторую выгоду. Но разъ это раздѣленіе выгодъ принимаетъ слишкомъ несправедливую форму, странѣ часто выгоднѣе извлечь свои капиталы изъ международной торговли и вложить ихъ на производство товара въ предѣлахъ самой страны. Не слѣдуетъ также упускать изъ виду,

что международная торговля ведется не между двумя какими-нибудь странами, а между цѣлымъ рядомъ странъ. Взаимная конкурренція ихъ приводитъ къ тому, что предѣлы справедливаго раздѣла выгодъ опредѣляются не максимумомъ, а минимумомъ или, по крайней мѣрѣ, средней нормой сравнительныхъ издержекъ.

Общій выводъ, къ которому приводитъ насъ эта теорія, заключается въ томъ, что сравнительныя издержки производства регулируютъ и контролируютъ цѣны, которыя, въ конечномъ результатѣ, какъ и цѣны всѣхъ другихъ товаровъ внутренняго рынка, окончательно опредѣляются положеніемъ спроса и предложенія и издержками производства. Коммерческое же равновѣсіе между разными странами устанавливается тогда, когда взаимный спросъ производитъ такое соотношеніе ввоза и вывоза, при которомъ каждая страна при посредствѣ своего вывоза можетъ погасить лежащія на ней обязательства по ввозу, займамъ и т. д.[1]). Со времени классической школы и стали различать два вида баланса торговли: a) торговый балансъ, опредѣляющійся изъ сопоставленія ввоза и вывоза товаровъ и b) платежный балансъ, опредѣляющійся изъ сопоставленія торговаго баланса и всѣхъ полученій и платежей, не вытекающихъ непосредственно изъ товаро-обмѣна: какъ то займы, платежи и полученіе процентовъ, расходы путешественниковъ, контрибуціи и т. п.

Такова была теорія обмѣна и распредѣленія классической школы. Теперь мы должны перейти къ изображенію той соціальной борьбы, которая начиналась въ Англіи подъ ея знаменами.

ГЛАВА IV.

Утилитаристы, филантропы и чартисты въ Англіи.

§ 1. Утилитаріанская доктрина, ея политическое и экономическое значеніе. Іеремія Бентамъ и его поклонники. Практическіе результаты дѣятельности Бентамитовъ. Парламентская реформа. Общественное призрѣніе. Право на трудъ. Законы 1824 и 1825 гг. о коалиціяхъ. Консерваторы и Бентамиты. § 2. Р.

1) Лучшія сочиненія по вопросу о теоріи международной торговли: Bastable. Theory of International Trade, L. 1900, Hobson, International Trade, L. 1905 г.; подробный разборъ этой теоріи въ моемъ: „Обмѣнъ и экономическая политика,“ (Юрьевъ, 1904).

Оуенъ и его теоріи. Патронатъ. Ученіе о происхожденіи человѣческаго характера. Причины современныхъ бѣдствій. Кооперація равенства и справедливости. Биржа трудового обмѣна. Томсонъ и ротунданисты. Право на трудъ и на полный продуктъ труда. Постановка тѣхъ же вопросовъ у Прудона и его анализъ. Критика идеи права на полный продуктъ труда. Деньги, банки и обмѣнъ въ капиталистическомъ обществѣ. Денежная и банковая реформа въ Англіи 1815—1844 г. § 3. Консерваторы и чартисты. Исторія чартистскаго движенія и ея стадіи. Атвудъ. Люди физической и нравственной силы. О'Конноръ и О'Брайанъ. Ихъ политическіе и экономическіе взгляды. Лига противъ законовъ о хлѣбѣ. Кобденъ и Брайтъ; свободная торговля въ Англіи.

§ 1. Исторія Англія съ 1815 по 1868 г. представляетъ глубокій интересъ для экономиста. Въ этотъ періодъ въ Англіи шла упорная соціальная борьба интересовъ, на почвѣ которой сложились новыя учрежденія и новыя міросозерцанія по самымъ разнообразнымъ общественнымъ вопросамъ.

Ученія классической школы пріобрѣли громадное вліяніе и сдѣлались руководящимъ credo буржуазной демократіи, которая получила доступъ и къ власти. Представители классической школы, за исключеніемъ А. Смита[1]) и отчасти Р. Мальтуса, входятъ въ группу тѣхъ писателей, которыхъ обыкновенно называютъ утилитаристами или „философскими радикалами“ начала 19-го вѣка. Классики разработали основы экономической теоріи; соціальную же философію этой школы и законодательную тактику создалъ для нея знаменитый англійскій юристъ *Іеремія Бентамъ* (1748—1832 г.)[2]). Рикардо, Джемсъ Милль, Іосифъ Юмъ, Франсисъ Плэсъ, Д. С. Милль, Макъ-Куллохъ, Сеніоръ, Д. Э, Кернсъ, всѣ выдающіеся дѣятели изъ партіи виговъ (либераловъ) первой половины 19-го вѣка: лордъ Брумъ, Гротъ, Рёбукъ, Маколей и консерваторъ Р. Пиль — являются ревностными приверженцами утилитарной доктрины Бентама. Эта доктрина завладѣла лучшими умами того времени, послужила основой для преобразованія всего англійскаго законодательства. Какъ протестъ противъ своеобразнаго ея истолкованія появились и ученія филантроповъ, какъ радикаловъ, такъ и консерваторовъ, а также и началось то бро-

1) См. Теорія нравственныхъ чувствъ, въ особенности ч. III; также прекрасное сочиненіе Ф. Іодля, Исторія этики т. I и II р. пер., Москва, 1896 г. Матеріализмъ соціалистической доктрины непосредственно связанъ съ утилитаризмомъ.

2) Извлеченія изъ его экономическихъ трудовъ составляетъ вып. V-ый Библіотеки Экономистовъ, также Избранныя сочиненія Бентама, т. I, р. пер. Спб., 1867 г., въ которомъ помѣщено „Введеніе въ основанія нравственности и законодательства“.

женіе народныхъ массъ, которое приняло форму такъ называемаго чартизма. Среди новыхъ соціальныхъ условій жизни, какъ въ средѣ интеллигенціи, такъ и въ средѣ народа, начинается любопытная борьба міросозерцаній и интересовъ.

Чрезвычайно интересно отмѣтить, что Англія не пережила эпохи, въ которую, какъ, напр., во Франціи и въ Соединенныхъ Штатахъ, были бы провозглашены такъ называемыя „естественныя права“ человѣка. Доктрина индивидуалистическаго радикализма утилитаристовъ — Бентамитовъ принесла въ Англіи почти тѣ же плоды, что и доктрина естественнаго права во Франціи.

Въ сочиненіяхъ А. Смита еще сохраняется такъ-же, какъ и у физіократовъ, религіозно-нравственный утилитаризмъ: „вѣра въ благодѣтельное руководительство нашей жизнью со стороны Божества и убѣжденіе въ существованіи внутренняго человѣка или, какъ выражается Смитъ, „безпристрастнаго зрителя“, который выростаетъ въ насъ самихъ, реагируетъ на всякое наше дѣйствіе, служитъ голосомъ нашей совѣсти и любви ко всему благому. Смитъ глубоко убѣжденъ, что Божество стремится создать всеобщую гармонію человѣческой жизни въ области морали путемъ присущаго человѣку чувства симпатіи; въ области матеріальныхъ отношеній путемъ разумнаго эгоизма, но въ то же время онъ стремится доказать это положеніе, изучая реаальную природу человѣка путемъ разума. Въ „Теоріи нравственныхъ чувствъ“ онъ пишетъ: „На каждомъ шагу мы замѣчаемъ, что всякая вещь въ этомъ мірѣ устроена самымъ удивительнымъ образомъ для достиженія предназначенной ей цѣли. Въ строеніи животнаго, растенія мы можемъ удивляться, до какой степени устройство каждой ихъ части соотвѣтствуетъ двумъ великимъ цѣлямъ природы: сохраненію индивида и распространенію породы. Въ этихъ предметахъ, подобно всѣмъ другимъ, мы отличаемъ первую или главную причину отъ причины конечной или цѣли ихъ дѣятельности; организація пищеваренія, кровообращеніе, отдѣленіе различныхъ соковъ представляются отправленіями необходимыми для достиженія великой цѣли животной жизни. Однако же, намъ никогда не случается смѣшивать эту цѣль съ ея причиной и воображать, что кровь обращается, пища переваривается сама собой, ради самаго кровообращенія или пищеваренія. Всѣ колеса расположены въ часахъ самымъ удивительнымъ образомъ для достиженія предназначенной имъ цѣли — указанія времени. Разнообразныя движенія ихъ искусно содѣйствуютъ его указанію; они не лучше бы достигали цѣли, если бы были одарены желаніемъ и сознаніемъ о ней. Однако же, мы никогда не

приписываемъ имъ такого желанія и сознанія, но приписываемъ его часовому мастеру: мы знаемъ, что колеса приводятся въ движеніе пружиной, которая подобно имъ не сознаетъ производимаго ею дѣйствія. Хотя при объясненіи въ естественныхъ тѣлахъ, мы всегда отличаемъ производящую причину отъ конечной или цѣли ихъ, но когда дѣло идетъ объ отправленіяхъ разума, мы всегда готовы смѣшивать эти двѣ причины. Если мы достигаемъ собственнымъ сознаніемъ до какой либо цѣли, къ которой направлялъ насъ разумъ, руководимый опытностью, то мы приписываемъ самому разуму, какъ причинѣ достаточной и самый успѣхъ, и наши поступки, и чувства, содѣйствовавшіе его достиженію. Мы объясняемъ человѣческой мудростью то, что въ дѣйствительности принадлежитъ мудрости создавшаго насъ Творца. По первомъ взглядѣ разсудокъ нашъ кажется достаточной причиной для тѣхъ дѣйствій, которыя мы приписывамъ ему: человѣческая природа намъ кажется проще и прекраснѣе, когда мы различныя отправленія ея выводимъ такимъ образомъ изъ одного принципа.“ (l. c. р. пер., стр. 120—121). „Безпристрастный зритель внутри насъ“ по представленію Смита, какъ бы данъ намъ Божествомъ; онъ даетъ намъ возможность побѣждать даже самыя сильныя побужденія эгоизма, создаетъ въ насъ любовь къ славному, благородному, заставляетъ стремиться къ величію и достоинству характера, дѣлаетъ изъ человѣка существо, стремящееся къ разумному и справедливому общенію.

Въ сочиненіяхъ Бентама и его послѣдователей религіозная метафизика постепенно исчезаетъ; все ученіе утилитаризма пріобрѣтаетъ либерально-матеріалистическій характеръ; происхожденіе нравственнаго объясняются лишь признанною пользою его для наибольшаго числа людей: нравственное, какъ постулатъ всякой разумной личности, какъ присущій человѣку даръ Божества, исчезаетъ безслѣдно. Въ этомъ отношеніи особенно послѣдователенъ былъ самъ Бентамъ [1]).

Человѣкъ, по его мнѣнію, всегда остается эгоистомъ и только потому предпочитаетъ добродѣтель пороку, что она доставляетъ ему бо̀льшее количество удовольствій, бо̀льшую сумму наслажденій. Моральная оцѣнка — просто одинъ изъ случаевъ сужденія о возможномъ счастьи и оцѣнка нравственнаго поступка правильна только тогда, если мы обращаемъ вниманіе на его послѣдствія, на то, въ какой мѣрѣ этотъ поступокъ содѣйствовалъ „максимализаціи счастья“; мотивы же поступка для этого сужденія не имѣютъ значенія. Принципъ пользы (utility — откуда и произошло

1) Утилитаріанская доктрина Д. С. Милля уже не такъ послѣдо-

слово утилитаризмъ), т.-е. наибольшаго счастья наибольшаго количества людей только и долженъ служить критеріемъ нравственнаго поступка.

Когда читаешь Бентама, то удивляешься тому, какъ извѣстная доктрина, исходящая, повидимому, изъ совершенно разныхъ посылокъ, можетъ приводить къ однимъ и тѣмъ-же результатамъ, но приносящимъ совершенно разные плоды. Бентамъ былъ одинъ изъ самыхъ заклятыхъ враговъ доктрины естественнаго права. Въ декларацiи правъ человѣка во Франціи онъ видѣлъ только одну нелѣпость [1]). „Всѣ люди рождены свободными“ пишетъ онъ въ своихъ „Анархическихъ лжеученіяхъ“, говоря о французской декларацiи правъ, „всѣ люди свободны и остаются равными по отношенію къ своимъ правамъ! Какая нелѣпость! никто не рождается свободнымъ. Всякій рождается и долгое время остается безпомощнымъ ребенкомъ. Всѣ люди рождаются свободными! Абсурдная и жалкая нелѣпость! Почему-же вы всѣ одновременно жалуетесь, что всякій изъ васъ является рабомъ?“

По мнѣнію Бентама провозглашеніе естественныхъ, абсолютныхъ правъ означаетъ только провозглашеніе анархіи. Свобода заключается въ возможности дѣлать то, что не вредно для другихъ и, слѣдовательно, при пользованіи своими естественными правами, человѣкъ не долженъ знать другихъ ограниченій кромѣ тѣхъ, которыя обезпечиваютъ его согражданамъ пользованіе тѣми-же самыми правами. Всѣ несчастья народа заключаются вовсе не въ томъ, что не провозглашены права человѣка, а въ томъ, что правительства не желаютъ стремиться къ наибольшему счастью наибольшаго количества человѣческихъ существъ. Имѣется два первичныхъ принципа: 1) самопредпочтеніе каждаго индивида, благодаря которому всякій человѣкъ желаетъ всегда для себя наибольшаго счастья и 2) принципъ пользы или наибольшаго счастья, благодаря которому право и законная цѣль всякаго правительства заключается въ наибольшемъ счастьи наибольшаго количества человѣческихъ существъ.

вательна; см. о немъ въ моемъ изданіи „Началъ Д. С. Милля“ предисловіе; въ особенности A. Bain J. S. Mill, a criticism, L. 1882. Въ этихъ двухъ книгахъ указаны и сочиненія о Д. С. Миллѣ. Трактаты Милля объ Утилитаризмѣ и о Свободѣ имѣются въ русскомъ переводѣ и всякій студентъ-юристъ, желающій пріобрѣсти право считать себя образованнымъ человѣкомъ, долженъ ихъ прочесть.

1) Прекрасную характеристику идей І. Бентама и вообще утилитаристовъ читатель можетъ найти въ классическомъ сочиненіи L. Stephen. The English Utilitarians, 3 тома (L 1900 г.), также Elie Halévy. Formation du Radicalisme philosophique, 3 тома, 1901 г.

Бентаму и его ученикамъ казалось, что правительственная власть ихъ времени проникнута только своекорыстными, мрачными интересами (sinister interests). Всякая правительственная власть является лишь необходимымъ зломъ, ибо она предполагаетъ принужденіе, которое всегда создаетъ страданіе и потому противорѣчитъ стремленію человѣка къ счастью. Правительствъ нельзя уничтожить, но можно свести ихъ значеніе до минимума. Чѣмъ меньше проявляется дѣятельность правительства, тѣмъ лучше, а этого можно достигнуть только полной трансформаціей политическаго строя при посредствѣ всеобщаго голосованія, годичныхъ парламентовъ и закрытой подачи голосовъ. Только при наличности этихъ учрежденій создастся такое правительство, которое будетъ подчинено общественному мнѣнію, а избранные министры и депутаты будутъ сознавать, что они не владыки народа, а его слуги.

Такимъ образомъ, по идеѣ Бентама, цѣль правительства — наибольшее счастье наибольшаго числа человѣческихъ существъ, а средствомъ для ея достиженія должно явиться всеобщее избирательное право, которое, передавъ власть въ руки народа, сведетъ дѣятельность правительства къ возможному минимуму. Благо человѣчества можетъ создать лишь то рѣшеніе, которое создано абсолютнымъ большинствомъ самого народа. Борясь противъ доктрины естественнаго права, Бентамъ такимъ образомъ приходитъ къ тому-же конечному выводу, какъ и эта доктрина: къ необходимости политическаго господства большинства, но вѣритъ, что это большинство будетъ руководиться принципомъ пользы и дастъ каждому свободный просторъ къ счастью.

По самому своему построенію утилитаріанская доктрина не была ни полнымъ провозглашеніемъ системы laissez faire, т.-е. невмѣшательства государства, ни опредѣленной теоріей для объясненія господства индивидуалистическихъ началъ въ хозяйственной жизни. Уже въ воззрѣніяхъ Джемса Милля (отца Джона) замѣтно сильное видоизмѣненіе взглядовъ въ сторону коллективистическаго истолкованія политическаго принципа пользы. Въ одномъ изъ своихъ малоизвѣстныхъ у насъ сочиненій онъ пишетъ:[1]) „Цѣль всякаго правительства такъ-же, какъ и всякаго человѣческаго дѣйствія, должна заключаться въ увеличеніи человѣческаго

1) См. статью въ Энциклопедіи „On governement“ (1820 г.). Д. С. Милль утверждаетъ, что „молодые“ послѣдователи утилитаріанизма видѣли въ этой статьѣ „образецъ политической мудрости“. Въ своей работѣ: „Политика труда и идеалы распредѣлительной справедливости“ я показалъ, какъ воспринята была эта идея первыми творцами соціализма, выросшаго на Рикардіанской теоріи распредѣленія.

счастья. Роль правительства въ этомъ отношеніи опредѣляется слѣдующимъ соображеніемъ. Оно имѣетъ дѣло съ однимъ видомъ счастья, а именно, съ страданіями и наслажденіями, которыя люди получаютъ одинъ отъ другого. По естественному закону природы трудъ необходимъ для производства средствъ для полученія счастья. Если-бы природа производила все, что необходимо человѣку, не было бы никакой надобности въ правительствѣ, ибо не существовало бы столкновенія интересовъ. Но, такъ какъ количество матеріальнаго продукта ограничено и онъ можетъ быть обращенъ въ собственность отдѣльными лицами, необходимо обезпечить каждому человѣку его долю. Но какова же доля каждаго человѣка? Это та, которую онъ самъ производитъ, ибо если вы даете одному человѣку больше, тѣмъ самымъ вы отнимаете часть доли другого. Наибольшее счастье, слѣдовательно, создается черезъ обезпеченіе каждому „возможно большаго количества продукта его личнаго труда." Но какъ это создать? Развѣ не возьметъ сильнѣйшій долю слабѣйшаго? Это возможно предотвратить и, повидимому, только однимъ способомъ. Люди должны соединиться и делегировать немногимъ власть, необходимую для защиты всѣхъ. Въ этомъ и заключается сущность правительства".

Но это толкованіе было только возможно; фактически же утилитаріанской доктринѣ былъ приданъ индивидуалистическій характеръ и большинство ея представителей было врагами и филантропіи, и соціализма, на который, въ тогдашнихъ формахъ его проявленія, не безъ основанія, они смотрѣли, какъ на добросердечный утопизмъ.

Въ законодательной исторіи Англіи Бентамиты оставили свой слѣдъ въ пяти замѣчательныхъ актахъ: 1) въ законахъ о коалиціяхъ 1824 и 1825 г. г.; 2) въ парламентской реформѣ 1832 г.; 3) въ законахъ о бѣдныхъ 1834 г.; 4) въ отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ и 5) въ законахъ, расширяющихъ свободу собственности на землю и право образованія торговыхъ и промышленныхъ предпріятій. 6) въ созданіи банковаго акта Пиля 1844 г.

Эпоха до 1824 г. историками рабочаго движенія[1]) считается по справедливости временемъ глубокаго броженія. Это было время нападеній на фабрикантовъ, убійствъ, поджоговъ фабрикъ, истребленія машинъ, непрерывающихся бурныхъ безпорядковъ и стачекъ, періодъ тайнаго образованія всякихъ рабочихъ союзовъ. Та-же эпоха, съ другой стороны, является временемъ жестокой законодательной

1) Dicey. Law and Public Opinion in England (1905). G. Wallace. The Live of F. Place (1898). С. Уэббъ. Исторія рабочаго движенія въ Англіи (р. пер. 1899 г.). Cooke-Taylor. The Factory System и друг.

репрессіи по отношенію къ рабочимъ не только за дикія расправы и безсмысленныя истребленія, но и за всѣ ихъ проявленія самодѣятельности. Законы 1824 и 1825 гг. создали иное положеніе вещей: провозгласили свободу коалицій; но сравненіе этихъ законовъ легко можетъ показать, въ какомъ направленіи уже начинала истолковываться утилитаріанская доктрина. Оба эти закона провозглашаютъ: „свободную торговлю въ дѣлахъ труда“, т.-е. предоставляютъ, какъ рабочимъ, такъ и предпринимателямъ право торговаться и соглашаться по вопросамъ о наймѣ и о продажѣ труда; оба эти закона вводятъ равныя наказанія за употребленія насилія, угрозъ, всякихъ видовъ устрашенія и вмѣшательства въ право свободнаго договора и труда. Но, въ тоже время, законъ 1824 г. разрѣшаетъ рабочимъ и предпринимателямъ образованіе профессіональныхъ союзовъ съ полнымъ просторомъ при выборѣ ихъ цѣлей, а также освобождаетъ профессіональные рабочіе союзы отъ дѣйствія закона о „заговорѣ“ (conspiracy). Напротивъ, законъ 1825 г. точно опредѣляетъ, что разрѣшенными являются только, какъ для рабочихъ, такъ и для предпринимателей, союзы и собранія для опредѣленія размѣровъ заработной платы, часовъ труда и т. п. Другими словами, цѣли профессіональныхъ союзовъ и собраній ограничиваются строго экономическими вопросами. Законъ о заговорѣ возстановленъ въ дѣйствіи противъ всякихъ другихъ рабочихъ союзовъ. Дайси справедливо замѣчаетъ, что согласно закону 1825 г. „всякая стачка, хотя и не необходимо, но могла быть принята за заговоръ, а рабочій союзъ, который можно было разсматривать, какъ соединеніе для ограниченія свободы промысла, въ лучшемъ случаѣ не являлся обществомъ не разрѣшеннымъ закономъ, т.-е. сообществомъ, участіе въ которомъ, хотя и не было преступленіемъ, но которое не могло требовать для себя какой либо охраны закона.“[1]) Сидней Уэббъ объясняетъ это видоизмѣненіе той массой стачекъ, которая произошла послѣ изданія закона 1824 г. и необычайнымъ ростомъ рабочихъ союзовъ. Ф. Плэсъ, типичный философскій радикалъ, ожидалъ, что послѣ изданія закона 1825 г. „рабочіе союзы скоро прекратятъ свое существованіе за ненадобностью; рабочіе распадутся на части: все будетъ тихо“. Рабочіе истолковывали утилитаріанскую доктрину иначе, какъ право соединенія для защиты всѣхъ своихъ интересовъ: большинство утилитаристовъ-радикаловъ желало имѣть такой законъ, который даетъ только свободу индивиду, но не подчиняетъ его никакому сообществу. Впослѣдствіи, извѣстный борецъ за отмѣну хлѣбныхъ за-

1) Дайси. l. c. стр. 194 и слѣд. С. Уэббъ. l. c. стр. 72.

коновъ Р. Кобденъ открыто назвалъ рабочіе союзы — худшимъ видомъ тиранiи и монополiи. „Я соглашусь, воскликнулъ онъ, лучше жить подъ властью Алжирскаго бея, чѣмъ подъ тираніей комитета рабочаго союза.“

Реформа 1832 г. расширила избирательныя права и англійскій парламентъ наполнился представителями разбогатѣвшаго общественнаго класса: аристократіей шерсти, хлопка и желѣза и вообще буржуазіи всѣхъ видовъ. Почти немедленно же онъ принялся за реформу общественнаго призрѣнія. Даже среди наиболѣе радикальныхъ послѣдователей утилитаріанской доктрины не было сомнѣній, въ какомъ духѣ слѣдуетъ преобразовать старое законодательство [1]). Какъ я уже и выше отмѣтилъ, особенность системы призрѣнія въ эпоху съ 1766—1834 г. заключалась въ томъ, что законодательство какъ бы стремилось доплатами изъ налоговъ въ пользу бѣдныхъ понизить заработныя платы, которыя должны были уплачивать предприниматели: законодательство считалось съ фактомъ, что рабочій классъ находится въ состоянiи хроническаго бѣдствія и потому на помощь изъ суммъ общественнаго призрѣнія каждый рабочій имѣетъ право. Эту эпоху общественнаго призрѣнія послѣдователи утилитаризма нарекли названіемъ pig sty era — эпохи свинаго хлѣва.

Мальтусъ указалъ основы для преобразованія этой системы. Радикалъ-утилитаристъ, одинъ изъ энергичнѣйшихъ политическихъ дѣльцовъ этого времени, портной Франсисъ Плэсъ былъ яростнымъ мальтузіанцемъ. Онъ писалъ: [2]) „лѣкарство, если только вообще можно употреблять для упорядотачиванія общественнаго призрѣнія какое бы то не было лѣкарство, просто и ясно. Не слѣдуетъ выдавать по приходамъ никакой помощи въ деньгахъ, въ одеждѣ и пищѣ внѣ рабочихъ домовъ. Только въ случаяхъ болѣзни, но очень рѣдко, можно допустить исключенія изъ этого общаго правила и оказывать помощь въ жилищѣ самого бѣдняка. Необходимо создать рабочіе дома по округамъ для одного, двухъ или трехъ приходовъ. Въ нихъ можно будетъ надлежащимъ образомъ расклассифицировать бѣдняковъ и тогда вмѣсто зла получится благо. Для нѣкоторыхъ эта система будетъ жестока, но для большинства благодѣтельна. Тогда исчезнутъ приходскія доплаты для поддержанія заработной платы на извѣстномъ уровнѣ, исчезнутъ многія изъ существующихъ ухищреній, которыя дѣлаютъ рабочій классъ безпечнымъ и распущеннымъ.“

1) Краткое изложеніе T. Fowler, The Poor Law (1890), стр. 75 и слѣд.
2) См. Уоллэсъ, l. c., стр. 332.

Въ 1832 г., когда парламентская коммиссія обсуждала вопросъ о реформѣ общественной благотворительности, на призрѣніе бѣдныхъ была истрачена колоссальная сумма въ 86 мил. рублей и во многихъ округахъ фермеры въ видѣ налога въ пользу бѣдныхъ уплачивали столько же, сколько и въ рентахъ землевладѣльцамъ. Утилитаристы-законодатели хотѣли реформой общественнаго призрѣнія устранить безпечное существованіе за общественный счетъ, растрату общественныхъ денегъ для поддержанія отбросовъ рабочаго класса; они думали, что свободная борьба за существованіе дастъ возможность работникамъ получить надлежащую заработную плату.

Согласно закону 1834 г. общественное призрѣніе было поставлено подъ надзоръ государства, пособія на дому сокращены до послѣдняго минимума, организованы особые рабочіе дома для призрѣнія бѣдныхъ и павшихъ съ крайне суровымъ режимомъ.

Это законодательство своею жестокостью произвело громадное впечатлѣніе на рабочія массы [1]). Рабочіе дома скоро получили названіе тюремъ-бастилій для работника..... Въ широкихъ пластахъ населенія распространилось убѣжденіе, что переходъ власти къ буржуазіи привелъ только къ торжеству ея интересовъ, лишь къ большей эксплоатаціи работника и къ нравственному униженію его. Почва для недовольства была къ этому времени давно уже подготовлена, какъ тягостнымъ экономическимъ положеніемъ, такъ и тѣмъ внутреннимъ броженіемъ, которое было вызвано въ народѣ идеями Р. Оуена, Томсона и чартистовъ. Чтобы ясно понимать всю сложную путаницу соціальной борьбы послѣ 1832 г., намъ должно теперь сказать нѣсколько словъ о дѣятельности Р. Оуена, Томсона, чартистовъ, хлѣбниковъ-манчестерцевъ и консерваторовъ-филантроповъ.

§ 2. а) Когда при изложеніи политической экономіи приходится встрѣчаться съ такими людьми, какъ Р. Оуенъ, Томсонъ, Р. Остлеръ (1789—1861), лордъ Шэтфтсбери († 1885), то является большой соблазнъ разсказать ихъ біографіи. [2]) Запасъ теоретическихъ и философскихъ идей у нихъ сравнительно не великъ, системы ихъ не представляютъ цѣльности и не лишены многихъ крупныхъ противорѣчій, въ

1) Съ этого момента началось необыкновенное развитіе дружескихъ обществъ самопомощи. См. о нихъ Wilkinson. The Friendly Society Movement (1891) и Bairnreiter. English Associations of Workingmen (1893).

2) Дѣятельность этихъ двухъ защитниковъ фабричныхъ законовъ Остлера и Шэфтсбери трогательно разсказана въ книжечкѣ Гиббинса. Англійскіе реформаторы, р. пер. Москва, 1896 г.

ихъ жизни неудача слѣдуетъ за неудачей и тѣмъ не менѣе они оказываютъ громадное вліяніе на своихъ согражданъ и на человѣчество вообще. Жизнь такихъ людей является какъ бы урокомъ практической любви, самоотверженія и безкорыстной преданности страждущему человѣчеству. Среди названныхъ выше филантроповъ Р. Оуенъ представляетъ самую привлекательную личность 19-го вѣка. Какъ ни интересно жизнеописаніе Оуена, но намъ придется оставить его въ сторонѣ. Жизнь его слишкомъ хорошо извѣстна: мы живемъ, кромѣ того, въ такую эпоху, когда его соціальные эксперименты уже давно изучены, разсмотрѣны, оцѣнены, какъ утопіи, повторявшіяся много разъ и всегда безъ прямыхъ результатовъ. Гораздо важнѣе изобразить ясно тѣ соціальныя идеи, которыя внесла эта жизнь въ круговоротъ англійскаго народа[1]) и человѣчества.

Съ этой точки зрѣнія жизнь Р. Оуена можно грубо подраздѣлить на два своеобразныхъ періода. Съ 1797 по 1817 г. мы знаемъ Р. Оуена въ качествѣ быстро разбогатѣвшаго фабриканта, который стремится улучшить бытъ своихъ рабочихъ и ихъ дѣтей. Опытомъ собственной фабрики въ Новомъ Ланаркѣ онъ доказываетъ, что справедливое отношеніе къ рабочимъ, хорошая заработная плата, уменьшенное количество часовъ труда, надлежащее воспитаніе рабочихъ и ихъ дѣтей экономически выгодно для предпринимателей. Новѣйшій біографъ Оуена — Подморъ, не вѣруя въ большія организаторскія способности Оуена, полагаетъ, что коммерческій успѣхъ фабрики въ значительной мѣрѣ зависѣлъ отъ тѣхъ чрезвычайныхъ прибылей, какія имѣла тогдашняя англійская промышленность. Какъ бы то ни было, но успѣхъ Оуена былъ великъ и онъ сдѣлался популярнѣйшимъ человѣкомъ въ Англіи и въ Европѣ. Въ среднемъ ежегодно фабрику Оуена посѣщало не менѣе 2,000 человѣкъ и посѣтители ея разнесли его славу по всему свѣту. Въ этотъ періодъ жизни Оуенъ обращается съ пропагандой къ владѣющимъ классамъ. Онъ проповѣдуетъ систему *патроната* владѣющихъ классовъ надъ рабочими, видитъ въ предпринимателяхъ воспитателей народа, которые должны поднять его нравственность и пріучить къ самодѣятельности и самоуправленію. Большое сочувствіе онъ встрѣчаетъ среди представителей консервативной партіи, которая съ завистью смотрѣла на стремленіе выросшей буржуазіи захватить въ свои руки, какъ власть, такъ и руководительство рабочими.

1) Наиболѣе полная біографія Оуена написана F. Podmor, R. Owen 1906 г.), изложеніе этой книги дано въ Русскомъ Богатствѣ за 1906 г.; см. также Туганъ-Барановскій. Очерки новѣйшей политической экономіи, 3-е изд. 1906 г.

Среди промышленной буржуазіи, однако, Оуенъ встрѣтилъ мало желанія содѣйствовать осуществленію своихъ плановъ. Многіе изъ утилитаристовъ считали его въ этотъ періодъ жизни даже ретроградомъ, ибо онъ обнаруживалъ полное равнодушіе къ политической реформѣ, хотя и былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Бентамомъ, который былъ компаніономъ его фабрики. Въ этотъ же періодъ жизни онъ ревностно проповѣдовалъ необходимость созданія фабричнаго законодательства. Эта пропаганда не осталась безъ слѣда. Бурное чартистское движеніе и потеря власти въ 1832 г. заставили консервативную партію понять, что въ идеяхъ Оуена многое очень полезно для владѣющихъ классовъ. Остлера, Шэфтсбери, Кингслея, Мориса и другихъ такъ называемыхъ христіанскихъ соціалистовъ по справедливости можно назвать продолжателями его идей патроната.

Равнодушіе владѣющихъ классовъ, разочарованіе, которое вызвалъ въ немъ первый фабричный законъ 1812 г., религіозныя несогласія съ компаніономъ своей фабрики побуждаютъ Оуена уже въ 1817 г. оставить путь пропаганды системы патроната.

Онъ рѣшился обратиться къ самому народу. Этотъ второй періодъ жизни Оуена наиболѣе интересенъ для историка-экономиста. Оуенъ становится пропагандистомъ новой системы жизни, творцомъ соціальныхъ экспериментовъ, коммунистической общины въ Америкѣ (1824—5 г.), организаторомъ биржи трудового обмѣна въ Англіи, соціалистомъ, коммунистомъ, организаторомъ обществъ кооперації и справедливости, прожектеромъ созданія великаго всеобщаго, консолидированаго союза всѣхъ рабочихъ Англіи, критикомъ всѣхъ религій, издателемъ безконечнаго числа популярныхъ сочиненій и газетъ и, въ концѣ концовъ, спиритуалистомъ.

Въ этотъ періодъ своей жизни Оуенъ писалъ очень много, тяжело и нескладно [1]), но чрезвычайно понятно для простого и необразованнаго рабочаго. Читая его труды нынѣ, устаешь отъ безконечныхъ повтореній, но они были нужны. Жизненныя задача Оуена состояла въ томъ, чтобы простыя

1) Для того, чтобы ознакомится съ соціально-экономической философіей Оуена совершенно достаточно заглянуть въ его слѣдующіе труды: 1) Новый взглядъ на общество или этюдъ объ образованіи человѣческаго характера . . . (1812—1814 г. имѣется въ рус. пер.) 2) Explanation of the causes of distress etc, т. е. объясненіе причинъ, вызывающихъ несчастья среди цивилизованныхъ народовъ и средства къ ихъ устраненію (1823 г.) 3) The New Moral World (1836 г.), т. е. книга о новомъ нравственномъ мірѣ, содержащая въ себѣ изображеніе раціональной системы общества, основанное на доказанныхъ фактахъ, показывающее основы и законы человѣческой природы и общества и 4) Autobiography (1858 г.), т. е. автобіографія.

и незамысловатыя идеи сдѣлать достояніемъ громаднаго большинства своихъ согражданъ. И этого онъ достигъ; въ рабочемъ классѣ обнаружилась жажда новой жизни, сознаніе того, что его бытъ полонъ незаслуженныхъ страданій.

Въ своей автобіографіи Робертъ Оуенъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ всю свою дѣятельность: „Задача всѣхъ моихъ работъ заключается въ желаніи произвести полнѣйшую революцію въ чувствахъ, мысляхъ, въ обычаяхъ и поведеніи человѣчества; въ доказательствѣ того, что разумная жизненная революція должна произойти постепенно, съ мудрой предусмотрительностью и что эта революція окажетъ чрезвычайно благодѣтельное вліяніе въ будущемъ на всѣхъ; эта революція замѣнитъ систему индивидуальнаго невѣжественнаго своекорыстія, основанную на лжи и обманѣ и поддерживаемую только силой и страхомъ; она создастъ другую систему жизни, которая будетъ основываться на истинѣ и добрѣ, вызоветъ появленіе такого знанія, разума и настроенія, при помощи которыхъ можно будетъ управлять человѣчествомъ исключительно на началахъ любви и благожеланія. Это преобразованіе разрушитъ всякое невѣжественное своекорыстіе, соединитъ человѣка съ человѣкомъ, приведетъ людей въ гармонію съ Богомъ и природой, обратитъ міръ въ рай, что очевидно, было въ цѣляхъ Творца. Это преобразованіе можетъ совершиться при помощи весьма простыхъ средствъ, а именно, обоснованіемъ общества на его единственно истинныхъ началахъ: *„чрезъ приведеніе окружающихъ человѣка условій въ болѣе высокое положеніе“*.

Въ своемъ „Нравственномъ мірѣ“ онъ насчитываетъ 18 условій-причинъ, которыя дѣлаютъ существующій порядокъ несчастіемъ для всего человѣческаго рода. Эти причины несчастій таковы: 1) религіи всего свѣта; по его мнѣнію, всѣ религіи замѣнятся единой религіей долга; этотъ же долгъ заключается въ достиженіи человѣкомъ своей цѣли, а именно: въ достиженіи личнаго счастія и благополучія своихъ согражданъ, въ желаніи, чтобы всякое созданное существо могло понимать наслажденіе и страданіе и чувствовало себя прекрасно, соотвѣтственно своему знанію, силѣ и природѣ; 2) правительства всего свѣта, какой бы они не были формы и названія; 3) профессіи гражданскія и военныя; 4) денежная система всѣхъ странъ; 5) покупка и продажа для полученія прибыли; 6) борьба интересовъ гражданскихъ и военныхъ, индивидуальныхъ и національныхъ; 7) современная система производства и распредѣленія богатства; 8) современная система образованія человѣческаго характера; 9) сила и обманъ, господствующіе теперь во всѣхъ странахъ и сферахъ жизни; 10) обособленіе интере-

совъ и, потому, всеобщее разъединеніе; 11) изолированная семейная жизнь и потому семейное своекорыстіе; 12) воспитаніе женщинъ, какъ рабынь въ семьѣ, а не какъ сотоварищей высокаго порядка; 13) искусственные и нерасторжимые браки священниковъ; 14) ложь и лицемѣріе; 15) неравенство въ воспитаніи, въ условіяхъ жизни и въ трудѣ; 16) жестокое подавленіе слабаго сильнымъ; 17) взиманіе неравныхъ налоговъ и затрата ихъ на дѣла, не приносящія пользы, тогда какъ ихъ можно истратить самымъ производительнымъ образомъ на созданіе богатства, знанія и прочнаго благосостоянія для всего народа; 18) производство богатства совершенно ничтожнаго значенія, тогда какъ экономически выгодно и желательно производить богатство дѣйствительно полезныхъ продуктовъ". Какъ видимъ, Оуенъ намѣчаетъ массу причинъ, не разбираясь въ ихъ классификаціи и значеніи.

Только невѣжество привело, по его мнѣнію, къ господству этихъ причинъ. Необходимо познать, что слѣдуетъ воспитать людей въ любви и благожеланіи и тогда миръ и счастье воцарятся на землѣ. Оуенъ насчитываетъ пять основныхъ фактовъ человѣческой природы, отъ пониманія которыхъ зависитъ всякое правильное дѣйствіе, какъ для индивида, такъ и для общества, а именно:

а) человѣкъ, полагаетъ онъ, представляетъ собою существо сложное, причемъ его характеръ создается при посредствѣ той конституціи или организаціи, которую онъ приноситъ съ собой при рожденіи, а также при помощи внѣшнихъ обстоятельствъ, окружающихъ и дѣйствующихъ на насъ съ момента рожденія и до смерти. Эта первичная организанія и внѣшнія обстоятельства находятся въ постоянномъ дѣйствіи и взаимодѣйствіи; въ конечномъ результатѣ *характеръ образуется для личности, но не ею самой;*

в) человѣкъ принужденъ по самой своей физической организаціи получать свои чувства и убѣжденія помимо своей воли;

с) чувства и убѣжденія человѣка, или оба вмѣстѣ, создаютъ мотивы къ дѣйствію, которые называются волей, побуждающей человѣка дѣйствовать и принимать рѣшенія;

d) Организація двухъ существъ никогда не бываетъ одной и той же при рожденіи и никакое искусство не можетъ создать двухъ существъ подобныхъ другъ другу во всемъ, начиная съ дѣтскаго возраста и до зрѣлаго;

е) тѣмъ не менѣе организація каждаго ребенка, за исключеніемъ случаевъ органической болѣзни, способна къ тому, чтобы образовать существо или въ высшей степени низкое, или въ той же степени превосходное. Все зависитъ отъ рода обстоятельствъ, которыя дѣйствуютъ на эту орга-

низацію отъ рожденія. Ребенокъ пріобрѣтаетъ дурной характеръ, если поставленъ отъ рожденія среди самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ и организація его не будетъ предрасположена къ добру. Онъ пріобрѣтаетъ средній характеръ, если родившись съ достаточной наличностью благопріятныхъ свойствъ, будетъ окруженъ неблагопріятными условіями или, если родившись съ средними свойствами, будетъ окруженъ средними же условіями. Но тотъ же ребенокъ можетъ пріобрѣсти высшій характеръ, если его организація, заключая въ себѣ наиболѣе благопріятное сочетаніе добрыхъ свойствъ, будетъ подвержена воздѣйствію наилучшихъ обстоятельствъ.

Такимъ образомъ Оуенъ исходитъ изъ закона приспособленія къ средѣ и требуетъ, созданія *высшихъ внѣшнихъ условій* для созданія *высшихъ людей*.

Изложенное ученіе Оуена, при всей своей элементарности, имѣетъ съ исторической точки зрѣнія чрезвычайно важное значеніе. Онъ одинъ изъ первыхъ обратилъ вниманіе на значеніе воспитанія и внѣшнихъ условій жизни при образованіи человѣческаго характера. Уже Д. С. Милль пытался создать особую науку — „этологію“, которая должна была изслѣдовать внимательно всѣ условія образованія „общественнаго типа“ человѣка. Такой науки мы не имѣемъ и до сихъ поръ, но всѣ мы ясно сознаемъ, что анализъ человѣческой природы, какъ его сдѣлала индивидуалистическая философія 18-го вѣка, недостаточенъ, что развитіе эгоистическихъ и альтруистическихъ чувствъ находится въ сильной зависимости отъ окружающихъ насъ экономическихъ и соціальныхъ условій [1]). Его ученія послужили также основой для преобразованія ученія объ уголовномъ наказаніи, указавъ на зависимость преступности отъ соціальныхъ условій.

Въ своемъ „Explanation и т. д.“ Оуенъ даетъ намъ наброскъ тѣхъ условій жизни, которыя онъ считаетъ „высшими.“ Законная задача общества, по его мнѣнію, заключается въ улучшеніи физическаго, нравственнаго и умственнаго положенія человѣчества и въ такомъ снабженіи его всѣми благами, чтобы оно могло испытывать наименьшее количество страданій и наибольшее количество удоволь-

1) *Необходимо напомнить, что утилитаристы* (до Д. С. Милля) ожидали усовершенствованія человѣческой природы главнымъ образомъ отъ преобразованія „политическихъ условій“ и воспитанія. Джемсъ Милль любилъ говорить, что „жизнь могла бы имѣть цѣну, если бы она была сдѣлана тѣмъ, чѣмъ должна быть, — вліяніемъ хорошаго нравительства и надлежащаго воспитанія“. Заслуга Оуена въ томъ, что онъ обратилъ все свое вниманіе на значеніе соціальныхъ *условій производства* и обмѣна.

ствій. Общество современнаго типа, по мнѣнію Оуена, не производитъ ничего подобнаго; физическія, нравственныя и умственныя способности большинства людей находятся въ пренебреженіи; ихъ потребности удовлетворяются съ недостаточнымъ запасомъ знанія и предвидѣнія и при помощи пріемовъ пагубныхъ для интересовъ всего общества. Отсюда проистекаетъ, что наибольшая масса человѣчества едва успѣваетъ добыть нужныя средства къ существованію суровымъ, нездоровымъ и непріятнымъ трудомъ; тогда какъ сравнительно немногіе пользуются множествомъ предметовъ роскоши, которые вредны даже для нихъ самихъ. При такой системѣ пріобрѣтеніе богатствъ, а не счастье составляетъ главную задачу общества, а потому вся система приводитъ только къ бѣдности, пороку и страданіямъ. Это сказывается, въ особенности, на организаціи промышленности.

Современная промышленная система покоится на трехъ основаніяхъ: a) на полученіи прибыли въ цѣнѣ, сверхъ издержекъ производства, b) на дробномъ (minute) раздѣленіи труда и c) на соперничествѣ индивидуальныхъ интересовъ. Быть можетъ подобная система и была необходима для предшествовавшаго времени, но могучее вліяніе научныхъ открытій и изобрѣтеній должно положить ей предѣлъ. Благодаря введенію машинъ и вызываемыхъ ими кризисовъ становится невозможнымъ пріобрѣтеніе прибыли. Раздѣленіе труда на множество обособленныхъ операцій матеріально ухудшило нашу расу, ограничивая и тѣмъ ослабляя физическія и умственныя способности людей: соперничество интересовъ, создавая всеобщее ихъ противорѣчіе, нарушаетъ реальные интересы всего общества и всякаго индивидуума, изъ котораго оно состоитъ. Въ первичныя эпохи, до тѣхъ поръ, пока не были сдѣланы разныя механическія и другія научныя усовершенствованія, производительные результаты труда были недостаточны для удовлетворенія всѣхъ человѣческихъ потребностей. Въ это время человѣку приходилось тратить слишкомъ много труда для пріобрѣтенія пищи, одежды и немногихъ предметовъ удобства. Если когда-бы то ни было существовало перенаселеніе, то это могло быть только въ этотъ періодъ. Но когда механическія и всѣ другія изобрѣтенія стали помогать человѣку и дали ему возможность удовлетворять своимъ потребностямъ съ меньшей затратой труда, тогда появилось цѣлое множество искусственныхъ потребностей и наступила новая эра промышленности. Торговля, основывающая свои разсчеты на прибыли въ цѣнѣ, возникла и индивидуальная прибыль стала движущей страстью общества. Прибыль и накопленіе ненужнаго и безполезнаго индивидуальнаго богатства привели въ движеніе низшія страсти человѣческой природы; отсю-

да возникла сложная оцѣнка вещей и всякая изъ нихъ стала оцѣниваться издержками производства, а не „внутренней цѣнностью“, т. е. ея полезными для всего общества качествами. Хитрость и обманъ стали на мѣсто мудрости и правдивости; всѣ партіи, увлеченные погоней за наживой, были на ложномъ пути и не могли указать, гдѣ находится истинное счастье. Детальное, дробное раздѣленіе труда и соперничество индивидуальныхъ интересовъ также содѣйствовало деградаціи человѣческаго характера, матеріально ослабили соціальную систему и поставили общество въ крайне затруднительное положеніе.

Невозможность идти далѣе по такому пути, продолжаетъ Оуенъ, чувствуется всякимъ и среди всѣхъ классовъ укореняется убѣжденіе, что слѣдуетъ „что нибудь“ сдѣлать. *Истина* (курсивъ Оуена) заключается въ томъ, что прибыль въ цѣнѣ (profit upon the price) можетъ быть получаема только тогда, если спросъ равенъ или превышаетъ предложеніе; тогда какъ реальный интересъ общества требуетъ, чтобы предложеніе было всегда больше спроса; и отсюда съ очевидностью вытекаетъ, какое огромное преимущество имѣетъ единство интересовъ сравнительно съ ихъ борьбою; невозможно ожидать, чтобы при системѣ, основанной на борьбѣ индивидуальныхъ интересовъ, существовало стремленіе держать предложеніе выше спроса. При такомъ положеніи вещей прибыль исчезнетъ и вся капиталистическая система потеряетъ смыслъ. Къ счастью для человѣчества, при современномъ развитомъ состояніи науки, несмотря на все несовершенство, съ которымъ пользуются ея услугами, предложеніе уже не можетъ быть равно или не достигать спроса. Незначительное количество людей всегда въ состояніи произвести такое количество продуктовъ, которое можетъ удовлетворить потребностямъ значительно бо́льшаго количества людей. Производительная сила на почвѣ новыхъ усовершенствованій почти безгранична. При современномъ положеніи вещей становится, такимъ образомъ, все труднѣе извлекать прибыль, ибо предложеніе настолько начинаетъ превышать спросъ, что цѣна падаетъ и производитель не можетъ выручить издержекъ производства; становится невозможнымъ даже держать предложеніе въ предѣлахъ спроса. Затрудненія, вызываемыя современной системой, можно устранить только научной организаціей промышленности и она можетъ покоиться только на двухъ принципахъ: a) необходимо, чтобы отдѣльныя группы соединились въ коопераціи, задача которыхъ должна заключаться въ производствѣ, при помощи собственнаго труда, продуктовъ и для удовлетворенія собственныхъ потребностей и b) эти коопераціи должны поставить своей задачей, чтобы предложеніе

всегда превышало спросъ. Онъ полагаетъ, что при такомъ положеніи вещей высшіе классы получатъ отъ работающихъ гораздо большее количество продуктовъ и потому они должны взять на себя организацію этихъ кооперацій.

Въ своемъ „Отчетѣ графству Ланарка“, который былъ имъ представленъ на усмотрѣніе комитета общественнаго призрѣнія, онъ даетъ подробный планъ такихъ кооперацій. Онъ предлагалъ: a) построить рядъ колоній по разсчету на 500—1000 человѣкъ и дать возможность ихъ обитателямъ производить все, что для нихъ потребно, b) первоначально дать возможность поселиться въ этихъ колоніяхъ бѣднѣйшей части населенія и употребить всѣ мѣры къ тому, чтобы она могла оправиться. Для этого кормить бѣдняковъ лучше и дешевле, одѣвать ихъ лучше и дешевле, воспитывать ихъ лучше и дешевле, озаботиться объ ихъ здоровьи и вообще устроить все, какъ требуетъ послѣднее слово науки.

Въ будущемъ онъ представлялъ себѣ возможность перехода всего общества къ подобнымъ кооперациямъ. Въ такомъ обществѣ не будетъ ни собственности, ни денегъ, ни семейнаго своекорыстія. Воспитаніе будетъ одинаково для всѣхъ. Всѣ будутъ заняты соотвѣтственно своимъ возрастамъ; несчастье и порокъ сдѣлаются однимъ воспоминаніемъ. До 15 лѣтъ дѣти будутъ только посѣщать школы; по достиженіи высшаго возраста начнутъ принимать участье въ производствѣ. Самыми дѣятельными производителями будутъ взрослые отъ 20—25 лѣтъ; съ 25 лѣтъ на нихъ будутъ лежать обязанности распредѣлителей и хранителей продуктовъ. Люди съ 30—40 лѣтъ будутъ заботиться о правильномъ ходѣ производительной дѣятельности и потребленія, о семейной организаціи и вообще о всемъ внутреннемъ устройствѣ жизни кооперацій. Люди 40—60 лѣтъ должны будутъ организовать обмѣнъ избытковъ съ другими кооперациями, причемъ всѣ продукты будутъ обмѣниваться въ точной соразмѣрности съ затраченнымъ на нихъ трудомъ. Во главѣ всѣхъ кооперацій онъ ставитъ правительственный совѣтъ изъ старѣйшихъ членовъ. Въ такой всеобщей кооперации все будетъ проникнуто справедливостью и не будетъ никакихъ затрудненій при оцѣнкѣ умственнаго и физическаго труда. Издержки производства будутъ распадаться на двѣ части: заработная плата капитала, какъ онъ выражается, будетъ поддерживать существованіе капитала и умножать его размѣръ, заработная плата работника будетъ удовлетворять всѣмъ его потребностямъ и содѣйствовать развитію всѣхъ его силъ. Производство будетъ направлено только на изготовленіе „intrinsic values,“ т. е. внутреннихъ цѣнностей или дѣйствительно полезныхъ предметовъ. Задача колоній Оуена, выражаясь его собственными словами,

заключалась „въ организаціи всеобщаго счастья, при посредствѣ принятія системы единства и кооперацiи, основанной на всеобщей любви къ ближнему, проистекающей изъ истиннаго познанія человѣческой природы.“

Мы знаемъ, что розовыя мечтанія осуществить братство всѣхъ людей при посредствѣ такихъ колоній рухнули. Въ концѣ своей жизни Оуенъ и самъ убѣдился, что преобразованіе внѣшнихъ условій жизни не можетъ сразу видоизмѣнить людей. Внутренній разладъ во многихъ организованныхъ по его идеѣ колоніяхъ немедленно начинался подъ вліяніемъ разногласія во взглядахъ, привычкахъ, настроеніи и въ образованіи случайно сошедшихся людей. Своекорыстіе, ложь и обманъ сказались также въ этихъ колоніяхъ. Не малое вліяніе оказывали также неумѣлое веденіе дѣлъ, недостатокъ капитала и больній просторъ и свобода, которые каждый могъ получить, исключительно предаваясь борьбѣ за свое личное счастье. Раздѣленіе труда не было ошибкой человѣческой исторіи; оно колоссально увеличило производительность труда: возвратъ назадъ, къ какимъ то самодовлѣющимъ, небольшимъ производительнымъ ячейкамъ, повсемѣстно оказался невозможнымъ, ибо а) это означало бы уменьшеніе производительности труда и б) не могло бы дать личности той свободы въ выборѣ рода труда и въ способахъ удовлетворенія своихъ потребностей, которую она могла бы имѣть, какъ часть крупнаго народно-хозяйственнаго цѣлаго [1]), гдѣ неизбѣжно создаются громадныя общественныя предпріятія и учрежденія.

1) Слѣдуетъ, однако, отмѣтить, что неуспѣхъ колоній равенства и кооперацiи послужилъ основой для образованія мелкихъ, а впослѣдствіи, и крупныхъ кооперативныхъ обществъ, которыя перестали стремиться къ пересозданію всего общества, а занялись производствомъ и торговлей на началахъ самопомощи и союзнаго составленія капитала. Такъ постепенно создались двѣ формы этихъ кооперацій: 1) потребительное товарищество, которое стремится продавать своимъ членамъ товары хорошаго качества, по наиболѣе справедливой оптовой цѣнѣ и, по возможности, только на наличныя деньги, распредѣляя доходъ отъ веденія дѣла соотвѣтственно общей цѣнѣ закупленнаго членомъ товарищества и 2) производительныя товарищества, т. е. ассоціаціи мелкихъ владѣльцевъ капитала, которыя стремятся получать доходъ отъ своего труда и капитала и равномѣрно распредѣлять его на тѣхъ или иныхъ союзныхъ началахъ. Само собой разумѣется, что они глубоко отличаются отъ тѣхъ кооперацій, которыя пропагандировали Оуенъ и Томсонъ; этотъ послѣдній писатель оказалъ на развитіе кооперативнаго движенія большое вліяніе, но и онъ предполагалъ обосновать ихъ на двухъ началахъ: а) равное распредѣленіе, т. е. каждый получаетъ соотвѣтственно своимъ физическимъ потребностямъ и b) общность собственности и имущества. См. его сочиненіе: Practical Directions for Speedy and Economical Establishment of Communities (L. 1830). Долгое время, подъ вліяніемъ полемики Лассаля противъ Бастіа и Шульце-Делича, соціалъ-демократія была противъ кооперацiи. Въ новѣйшее время подъ вліяніемъ опыта

Въ изложенной системѣ Оуена была, однако, одна важная мысль, которая, правда, заимствована у Мальтуса [1]), но стала основой для критики существующаго капиталистическаго строя: ростъ производительныхъ силъ при неправильномъ распредѣленіи, при которомъ работающимъ классамъ достается все уменьшающаяся доля общаго продукта, вызываетъ кризисы; эта мысль лежитъ въ основѣ всей системы Родбертуса и его своеобразныхъ проэктовъ обновленія экономической жизни.

Б. Въ ученіи Оуена была и еще другая любопытная сторона. Разочаровавшись въ возможности создать колоніи кооперацiи труда и справедливости, Оуенъ задумалъ преобразовать весь міръ реорганизаціей обмѣна. Въ 1833 г. онъ пытается организовать особую „Биржу трудового обмѣна“. На этомъ экспериментѣ слѣдуетъ остановиться нѣсколько подробнѣе, ибо въ основѣ его лежала теоретическая идея, которая повторялась безконечное число разъ, какъ въ соціалистической, такъ и въ анархической литературѣ, а именно, будто провозглашеніе права работника на полный продуктъ его труда или, что то же, на полную цѣнность, созданную его личнымъ трудомъ, въ состояніи привести капиталистическое хозяйство въ состояніе равновѣсія чрезъ такъ называемое „конституированіе“ цѣнности. Чтобы больше не возвращаться къ этому вопросу, мы разсмотримъ, какъ этотъ экспериментъ, такъ и лежащую въ его основѣ теоретическую идею.

Самая попытка организаціи этихъ биржъ вытекла изъ теоретическихъ взглядовъ на обмѣнъ, высказанныхъ Оуеномъ еще въ 1820 г.[2]). Ему казалось, что въ исторіи обмѣна было три стадіи; въ первой стадіи натуральнаго обмѣна (barter) возможно было только единственно справедливое начало обмѣна, которое заключалось въ предполагаемой цѣнности труда въ одномъ продуктѣ и въ обмѣнѣ его на количество труда, содержащееся въ любомъ другомъ продуктѣ. Съ ростомъ богатства, натуральный обмѣнъ сдѣлался невозможностью и тогда возникъ искусственный обмѣнъ чрезъ посредство особаго мѣрила, имѣющаго свою собственную цѣнность; такъ было положено начало коммерческой стадіи,

---

Бельгіи, Даніи и Италіи, соціалъ-демократія стала видѣть въ кооперацiи полезный видъ профессіональнаго движенія, первый шагъ въ организаціи пролетаріата; см. Тотоміанцъ. Потребительныя общества, 2 изд. 1908 и друг. труды этого автора въ особенности о кооперацiи въ сельскомъ хозяйствѣ.

1) Мальтусъ впервые поставилъ вполнѣ научно вопросъ о возможности общаго перепроизводства товаровъ (т. н. general glut). Съ нимъ полемизировалъ въ особенности Сэ.

2) См. Report to the County of Lanark, Autobiography, ii, p. 266, 278.

которая совершенно позабыла о естественномъ измѣрителѣ — трудѣ. Третья стадія наступитъ тогда, когда это монопольное и имѣющееся въ ограниченномъ количествѣ мѣрило изъ золота и серебра будетъ отринуто, когда обмѣнъ станетъ столь же справедливымъ, какъ и на первой стадіи. Это можетъ осуществиться только при помощи трудовой бумажной ноты (standart labour unit). Эта маленькая и незначительная вещь принесетъ благосостояніе всѣмъ.

Какъ мы уже выше видѣли, Оуенъ, въ сущности, какъ фабрикантъ врядъ-ли держался взгляда, что цѣнность продуктовъ исключительно опредѣляется трудомъ. Онъ въ данномъ случаѣ подчинился вліянію своихъ друзей Томсона, Годскина и, въ особенности, той наиболѣе радикальной группы кооператоровъ, которая первоначально сгруппировалась въ такъ называемой „Ассоціаціи для развитія кооперативныхъ знаній“. Въ числѣ ея членовъ были Ловеттъ, Ватсонъ, Клайфъ и многіе другіе, впослѣдствіи сдѣлавшіеся „чартистами“. Въ этомъ обществѣ всецѣло господствовали идеи Томсона, который, какъ казалось его членамъ, доказалъ, что стоитъ обезпечить за каждымъ право на полный продуктъ его труда, дозволить каждому работать надъ чѣмъ угодно и любое количество времени, разрѣшить свободу обмѣна продукта и тогда народное хозяйство неизбѣжно придетъ въ полное равновѣсіе. Естественное распредѣленіе продукта неизбѣжно создастъ естественный и нормальный обмѣнъ. „Совершенно ясно, писалъ Томсонъ, что кооперація въ своихъ взаимныхъ обмѣнахъ будетъ требовать справедливый эквивалентъ труда за свой трудъ. . . Интересъ каждой кооперации будетъ заключаться въ томъ, чтобы получить возможно больше за избытокъ своего продукта. Но желаніе одной кооперации будетъ балансироваться желаніями другихъ, что же произойдетъ? Необходимо будетъ найти мѣрило, которое будетъ наиболѣе соотвѣтствовать интересамъ обѣихъ сторонъ. Каково-же это мѣрило? Количество труда, заключающееся въ товарахъ, предлагаемыхъ въ обмѣнъ“ [1]).

Въ этомъ обществѣ, которое собиралось еженедѣльно въ ресторанѣ „Rotunda“ (отсюда и ихъ названіе ротунданисты) господствовало самое демагогическое настроеніе. Всѣ, не признававшіе идеи права на полный продуктъ труда, презрительно назывались „политико-экономами“; сами члены общества считали себя „истинными представителями народа“

1) См. его Distribution of Wealth, p. 329. Болѣе доступенъ нѣмецкій новый переводъ: Untersuchungen über die Grundsätze der für das menschliche Glück dienlichsten Verteilung des Reichtums (2 т. 1904 г.) т. е. Изслѣдованіе о наиболѣе соотвѣтствующемъ для человѣческаго счастья распредѣленіи богатства.

и не принимали участія въ выборахъ, бойкотируя актъ 1832 года[1]).

Возобновленіе платежей золотомъ въ 1819 году, споры въ парламентѣ по этому поводу, оказали своеобразное вліяніе на общественное мнѣніе. Многимъ стало казаться, что всѣ бѣдствія происходятъ потому, что деньги вздорожали послѣ того, какъ правительство отказалось отъ права дальнѣйшаго выпуска бумажныхъ денегъ и возстановило ихъ размѣнъ на золото. Старая идея Д. Ло о необходимости увеличенія и умепьшенія денегъ пропорціонально росту богатства вновь воскресла и Оуенъ, подъ сильнымъ давленіемъ друзей, рѣшилъ дать ей осуществленіе, хотя и не придавалъ ей особеннаго значенія.

Прежде чѣмъ приступить, однако, къ изложенію исторіи этого любопытнаго эксперимента Оуена и лежащихъ въ его основѣ теоретическихъ идей, мы должны сдѣлать небольшое отступленіе. Какъ я уже указалъ вамъ выше, доктрина конца 18-го вѣка въ число неотъемлемыхъ правъ человѣка включила два права: 1) право на существованіе и 2) право на трудъ. Вы видѣли также, что Мальтусъ совершенно отвергнулъ право на существованіе. Французское же революціонное законодательство и вся дѣятельность утилитаристовъ сводилась къ провозглашенію лишь права на трудъ, т. е. къ разрѣшенію каждому заниматься любымъ промысломъ и свободно продавать свой трудъ на рынкѣ.

Громадная заслуга Оуена и Томсона заключается въ томъ, что они усомнились въ благодѣтельности для рабочихъ такого права на трудъ и постарались замѣнить его провозглашеніемъ права на полный продуктъ труда. Во всѣхъ ихъ сочиненіяхъ, однако, борьба противъ провозглашеннаго философіей 18-го вѣка права на трудъ не отличается ясностью. Только значительно позднѣе Прудонъ, эта путанная, но поразительная по талантливости голова, съ необычайной рѣзкостью повелъ борьбу противъ этого „естественнаго“ права на трудъ. Чтобы не возвращаться болѣе къ этому вопросу, ознакомимся съ его критикой и уже только затѣмъ перейдемъ къ экспериментамъ Оуена и посмотримъ, насколько правильна теоретическая идея права на полный продуктъ труда, можетъ-ли она замѣнить идею права на трудъ, возможно ли ее осуществленіе путемъ простой реорганизаціи обмѣна и денежнаго обращенія.

Этого вопроса Прудонъ коснулся дважды. Первый разъ

1) См. Wallace F. Place, l. c. стр. 271—3. Lovett. The Live and. Struggles of Lovett in his pursuit of bread, knowledge and freedom (L. 1876 г.), стр. 43 и слѣд. т. е. автобіографію Ловетта, его борьбу за хлѣбъ, знаніе и свободу.

въ анонимной статьѣ, помѣщенной въ его журналѣ „Представитель Народа“, во второй разъ въ брошюрѣ, выпущенной по поводу тѣхъ преній, которыя возникли въ національномъ собраніи по вопросу о правѣ на трудъ въ 1848 году [1]). Оба эти произведенія дополняютъ другъ друга. Первое имѣетъ отрицательное критическое значеніе, второе намѣчаетъ положительныя стороны этого права.

Въ первой статьѣ Прудонъ категорически высказывается, что формула права на трудъ, такъ, какъ она обыкновенно понимается, недостойна, недостаточна, аристократична и опасна. По его мнѣнію она *недостойна*, ибо она выставляетъ, какъ правовое начало, наслѣдственную обязанность бѣдняковъ жить на заработную плату, приковывая ихъ къ работамъ, требующимся для современнаго общества. . . Она *недостаточна*, ибо она не представляетъ собою всеохватывающаго положенія и можетъ разсматриваться, какъ нѣчто преходящее и провизорное. Она даетъ молчаливо возможность немногимъ счастливцамъ не выполнять этого права на трудъ т. е. не работать, не принимать участія въ общемъ дѣлѣ изготовленія благъ, сокращая, такимъ способомъ, запасъ благъ для народа, который ихъ производитъ. Эта формула *аристократична*, ибо она считаетъ фактомъ соціальное неравенство и возможность эксплоатаціи производителей непроизводителями, ибо она на вѣчныя времена признаетъ превосходство бездѣльниковъ цивилизованныхъ классовъ надъ трудомъ, на вѣчныя времена неравномѣрно распредѣляетъ человѣческую дѣятельность въ противорѣчіи съ наличными знаніями и способностями. Она *опасна*, ибо гораздо болѣе покровительствуетъ хорошо понятымъ интересамъ капиталистовъ, землевладѣльцевъ, спекулянтовъ и вообще привилегированныхъ владѣльцевъ, для которыхъ она является трогательнымъ обнаруженіемъ якобы ихъ заботливости, чѣмъ бѣднякамъ, которые на нихъ работаютъ. Хитрые государственные люди могли бы при принятіи народомъ этой формулы потребовать отъ него, чтобы онъ болѣе ничего не желалъ. Эта формула *опасна*, ибо она сводитъ желанія и правовыя требованія работника къ послѣднему жизненному минимуму, потому что она, околпачивая бѣдняка и приведя его къ безнадежности, быть можетъ, сдѣлаетъ его довольнымъ на протяженіи многихъ столѣтій. Она опасна, ибо приводитъ къ увѣренности, что мучители народа сами отъ себя дѣлаютъ все, что возможно, и что нѣтъ другихъ средствъ для облегченія его страданій. Путемъ дешевой подачки и хитрой уступчивости, такъ отдаляется день об-

1) Въ новѣйшемъ изданіи Фламмаріона: Proudhon. Brochures et articles de journaux, lettres etc. depuis février 1840 jusqu' à 1852, 3 vol.

щаго разсчета и отнимается у соціалъ-реформаторовъ сила и опора, питавшая послѣдовательно переходившее отъ отца къ сыну недовольство... Однимъ словомъ, эта формула опасна потому, что она еще крѣпче скуетъ цѣпи пролетаріата и увѣковѣчитъ постоянство его рабства подъ новой формой феодализма.

Во второй своей брошюрѣ Прудонъ съ необычайной проницательностью указываетъ, что, провозглашая право на трудъ, мы отнюдь не должны имѣть въ виду возможность подысканія любой работы какому-либо, напр., квалифицированному работнику. Право на трудъ обращается несомнѣнно въ простое призрѣніе, если государство врачу, не имѣющему работы, дастъ занятіе, заставляя его подметать улицы. Вопросъ о правѣ на трудъ сводится, слѣдовательно; на право получать трудъ, соотвѣтствующій своимъ способностямъ, и надлежащее вознагражденіе. Другими словами, это вопросъ не призрѣнія, а организаціи труда... Если подъ правомъ на трудъ, пишетъ Прудонъ, понимаютъ только введеніе общественныхъ работъ для подысканія труда безработнымъ за счетъ государства, департаментовъ и общинъ, если подъ обѣщаніемъ содѣйствовать благополучію работниковъ слѣдуетъ понимать то, что будетъ дана работа каменщикамъ и поденщикамъ, то такая уступка, конечно не будетъ угрожать собственности и лишь поставитъ наши финансы въ затрудненіе. При такой постановкѣ дѣла, вмѣсто того, чтобы устранить пролетаріатъ, увеличатъ только его численный составъ, истощатъ средства страны, вмѣсто того, чтобы ихъ увеличить... Во внутренномъ развитіи организованнаго труда, а не во внѣшнемъ разсѣяніи капиталовъ лежитъ рѣшеніе проблемы. Съ этой точки зрѣнія я скажу утопическимъ консерваторамъ собственности: *право на трудъ есть право, которое всегда имѣетъ каждый гражданинъ, къ какому бы промыслу и профессіи онъ не принадлежалъ, на работу въ своемъ промыслѣ за извѣстную заработную плату, размѣръ которой не произволенъ и не зависитъ отъ случая, а соотвѣтствуетъ наличному и нормальному уровню заработныхъ платъ.* Вотъ что такое — право на трудъ, и чѣмъ либо другимъ оно быть не можетъ.

Между представленіями Тюрго и Прудона о правѣ на трудъ, такимъ образомъ, коренная разница. Для Тюрго и для всѣхъ другихъ индивуалистовъ право на трудъ отождествляется съ правомъ продажи труда на рабочемъ рынкѣ за условленную договоромъ плату; оно является осуществленіемъ свободы промысла для всякаго лица, не имѣющаго другихъ источниковъ существованія, кромѣ продажи своей нервной и мускульной силы. Для Прудона — право на трудъ — есть право каждаго желающаго трудиться получить работу, даю-

щую ему справедливое вознагражденіе и обязанность государства или общества доставить эту работу. Индивидуалисты въ случаяхъ недостатка работы, безработицы, рекомендуютъ прибѣгать къ общественному призрѣнію, Прудонъ требуетъ — организацію труда. Кенэ убѣжденъ, что общество можетъ признать лишь *право на существованіе*, т.-е. право на минимальное удовлетвореніе потребностей. Всѣ индивидуалисты полагаютъ, что въ системѣ соперничества всякой трудолюбивый человѣкъ только въ исключительныхъ случаяхъ не въ состояніи обезпечить себѣ это право на существованіе. Поэтому государство только въ этихъ исключительныхъ случаяхъ и должно приходить на помощь, организуя призрѣніе, однако, возможно суровѣе, чтобы не покровительствовать лѣни и безпутству. Для Прудона право на существованіе — есть право требовать организаціи труда, обезпечивающей равное благосостояніе для всѣхъ и каждаго.

Мы видѣли уже, какъ сурово было организовано это призрѣніе послѣ 1834 г. въ Англіи. Почти во всѣхъ государствахъ это важное дѣло организовано и до нынѣ еще очень плохо. Многое, правда, сдѣлано уже не только путемъ государственнаго вмѣшательства, но и путемъ союзной самопомощи самихъ рабочихъ.[1]) Главное же затрудненіе, съ которымъ все болѣе и болѣе приходится считаться нашей капиталистической системѣ, заключается въ безработицѣ, которая существуетъ хронически и зависитъ отъ общихъ условій капиталистическаго хозяйства, которыя не въ состояніи преоборотъ вполнѣ или отчасти индивидуальная воля и предусмотрительность. Экономисты нашего времени выработали для характеристики этого явленія особый терминъ: *неблагопріятная конъюктура*, которая выражается въ неурожаяхъ, перепроизводствѣ и остановкѣ предпріятій, подъ вліяніемъ упадка цѣнъ, кризисовъ въ производствѣ, торговлѣ, спекуляціи и т. п.

Безработица, существующая, какъ постоянное явленіе, особенно усиливается въ періоды экономическихъ кризисовъ[2]), постоянно напоминая обществу, что отрицаніе права

1) Наиболѣе цѣлесообразной формой призрѣнія стало государственное страхованіе на случай болѣзни, инвалидности и старости. Объ организаціи этого дѣла въ Германіи и Австріи, см. Дементьевъ. Страхованіе рабочихъ, Снб. 1906 г.

2) Подъ безработными обыкновенно понимаютъ такихъ наемныхъ рабочихъ, служащихъ или работающихъ у капиталиста, или у ремесленника, которые, не утративъ своей работоспособности и имѣя желаніе во всякій моментъ приступить къ работѣ, безъ всякой съ своей стороны вины, не находятъ совсѣмъ, или въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени, приложенія для своихъ силъ на рабочемъ рынкѣ. Любопытныя данныя по вопросу о безработицѣ (къ сожалѣнію, безъ точ-

на существованіе, къ которому часто сводится право на трудъ, и безчеловѣчно, и грозитъ большими опасностями для соціальной системы нашего времени.

То, что казалось Прудону столь простымъ и неизбѣжнымъ въ 1848 г., а именно, провозглашеніе права на полный продуктъ труда, то представлялось еще болѣе простымъ Томсону и многимъ его послѣдователямъ. Имъ казалось, что, сорганизовавъ обмѣнъ, они замѣнятъ безчеловѣчное право на трудъ правомъ на полный продуктъ труда. Они наивно вѣрили, что ихъ частичные опыты убѣдятъ все общество пересоздать весь обмѣнъ. Какъ я уже сказалъ, Р. Оуенъ сдался на увѣщанія друзей и въ сентябрѣ 1832 г. въ Лондонѣ была открыта первая такая „Биржа трудового обмѣна". Всякому была представлено право приносить на биржу товары и получать въ обмѣнъ „трудовые билеты". Каждая такая нота или билетъ означала, что на биржу принято нѣкоторое количество товара, который сначала оцѣнивался на обычныя деньги и затѣмъ эта оцѣнка переводилась въ часы труда, по разсчету 6 пенсовъ за часъ труда. Оуенъ придавалъ этой новой системѣ нѣкоторое значеніе по тремъ основаніямъ. Прежде всего, полагалъ онъ, выгода системы заключается въ томъ, что всякій производитель, или вообще доставившій на биржу свой товаръ, получаетъ безъ реальной продажи, въ видѣ ноты, непосредственный представительный знакъ своего товара, за который онъ можетъ купить на рынкѣ все, что пожелаетъ. Во вторыхъ, при такой системѣ должна была почти исчезнуть возможность чрезмѣрнаго обогащенія такъ называемыхъ middleman, т.-е. посредниковъ обмѣна. Биржа обмѣна Оуена должна была взимать только $8^1/_3{}^0/_0$ коммиссіонныхъ за хранепіе и продажу всякаго товара. Въ третьихъ, предполагалось, что оцѣнка всякаго доставленнаго товара будетъ совершаться на справедливыхъ началахъ согласно трудовой

ныхъ ссылокъ) можно найдти въ книгѣ Н. И. Сувирова. Безработица и страхованіе отъ ея послѣдствій въ Западной Европѣ (Библіотека Общественной пользы, Спб. 1907 г.). Карлъ Марксъ (см. т. I. пер. Струве, стр. 539 и слѣд.) различаетъ три формы безработицы или, какъ онъ выражался, „относительнаго перенаселенія"; 1. текучую, когда рабочіе то отталкиваются, то притягиваются въ желательномъ количествѣ къ работѣ, причемъ въ общемъ число занятыхъ рабочихъ увеличивается, хотя въ постоянно уменьшающемся отношеніи къ размѣрамъ производства; 2. скрытую — эта та часть сельскаго населенія, которая всегда на готовѣ перейдти въ городской пролетаріатъ и выжидаетъ лишь благопріятныхъ условій для этого превращенія и 3. неподвижную или стаціонарную — это та часть активной рабочей арміи, которая имѣетъ очень перегулярныя занятія; низшій слой этой формы составляетъ Lumpen Proletariat, павшіе, живущіе въ проголодь на счетъ общественнаго призрѣнія.

цѣнности и лицами вполнѣ безпристрастными и незаинтересованными. Въ общемъ, система должна была сближать честныхъ и не признающихъ прибыли производителей съ таковыми же потребителями. Для устраненія затрудненій по части сношеній съ лицами, не желающими сдѣлаться членами этой системы, предполагалось устроить особый банкъ для промѣна трудовыхъ нотъ на монету. Первый такой банкъ и былъ дѣйствительно основанъ въ апрѣлѣ 1832 г. и главнымъ распорядителемъ его сдѣлался одинъ изъ сподвижниковъ Оуена — нѣкто Кингъ.

Успѣхъ въ первое время былъ весьма значительный. Въ разныхъ частяхъ Лондона и въ другихъ городахъ, а въ особенности въ Бирмингамѣ, открылось нѣсколько подобныхъ же биржъ или базаровъ. Но главнѣйшее изъ этихъ учрежденій расположилось въ Gray's Inn Road въ помѣщеніи, которое на первое время безплатно предоставилъ Оуену нѣкто Бромлей, своекорыстіе котораго впослѣдствіи преждевременно подорвало существованіе всей системы. Съ 20 іюля 1833 года стала издаваться даже особая газета, поставившая своей задачей пропагандированіе идеи трудовыхъ биржъ и желавшая служить посредникомъ между покупателями и продавцами. Число принесенныхъ товаровъ въ теченіе первой недѣли въ центральной биржѣ достигло 10,000 ф. стер. Вліяніе Оуена было такъ сильно, что даже банкъ, который долженъ былъ промѣнивать трудовыя ноты на монету, въ первое время значительно обогатился вкладами. Въ теченіи первыхъ двадцати недѣль вкладчиками было внесено монеты на 3500 фунт. Многіе торговцы стали вывѣшивать въ своихъ магазинахъ объявленія: „здѣсь принимаются трудовые ноты".

Но за розовыми надеждами скоро пришло разочарованіе. Затрудненія сказались съ трехъ сторонъ. Купцы, на перерывъ другъ передъ другомъ, посылали свои залежавшіеся товары, получали за нихъ трудовыя ноты и разбирали съ биржъ все, что было болѣе цѣннаго и что они надѣялись въ скоромъ времени и, конечно, съ изрядной прибылью сбыть. Оцѣнка товаровъ постоянно возбуждала недоразумѣніе и споры. Приносители товаровъ оцѣнивали ихъ гораздо дороже, чѣмъ они въ дѣйствительности стоили, а администраторы не обладали достаточной опытностью и рѣшительно не были въ состояніи прилагать къ оцѣнкѣ товаровъ нормы, которая, какъ мы видѣли, были единообразно опредѣлены въ шесть пенсовъ за трудовой часъ. Приносители товаровъ лучшихъ качествъ постоянно протестовали и отказывались сдавать товаръ по такой однообразной и несправедливой, по ихъ представленію, расцѣнкѣ — въ шесть пенсовъ за часъ. Кромѣ того, сами администра-

торы, которые были набраны Оуеномъ безъ всякаго разбора, не были достаточно добросовѣстны и оцѣнивали товары людей имъ извѣстныхъ по гораздо болѣе выгодной нормѣ, чѣмъ товары всѣхъ другихъ. Къ тому же они служили какъ бы агентами для нѣкоторыхъ торговцевъ и принимали зачастую безъ разбора товары, которые не представлялось никакой надежды сбыть. Биржи трудового обмѣна были скоро переполнены самыми разнообразными товарами безъ сбыта и спроса; на рынкѣ появилось множество трудовыхъ нотъ, за которыя теперь тѣ же купцы, ранѣе сами пользовавшіеся нотами, охотно принимавшіе ихъ и вообще считавшіеся искренними друзьями системы, зная положеніе дѣлъ, отказывались давать свои товары по полной цѣнности ноты.

Такъ, въ одномъ изъ Лондонскихъ же отдѣленій центральной биржи въ Blackfriars Road скоро накопилось товаровъ на 32,000 фунтовъ, общая же сумма въ дѣйствительности проданныхъ товаровъ едва достигала 16,000 ф. Въ то же самое время Бромлей, еврей по происхожденію и человѣкъ недалекій, думая, что система можетъ приносить большіе барыши, неожиданно и въ противность своему обѣщанію, потребовалъ съ Оуена значительную арендную плату за представленное ранѣе помѣщеніе. Оуенъ не взялъ съ него никакого письменнаго документа, которымъ могъ подтвердить то обстоятельство, что помѣщеніе было дано безплатно. Пришлось перенести учрежденіе въ другое мѣсто и уплатить нечестному и хитрому промышленнику. Но и въ новомъ помѣщеніи дѣла не пошли лучше. Какъ я уже сказалъ, въ первую эпоху особенно пострадали довѣрчивые ремесленники, которые честно относились къ трудовымъ биржамъ. Ихъ товары очень скоро, разъ только они были дѣйствительно хорошими и могли быть проданными, попадали въ руки ловкихъ промышленниковъ, трудовыя же ноты на рынкѣ принимались съ большимъ дисконтомъ, а между тѣмъ на биржѣ тѣ-же ремесленники не находили того, что было имъ всего нужнѣе, а именно, провизію разнаго рода. Банкъ для помѣщенія нотъ очень скоро оказался несостоятельнымъ. Продавцы провизіи и фермеры ранѣе всѣхъ другихъ подмѣтили, что ихъ товары разбираются съ особой быстротой, сами же они рѣшительно не въ состояніи найти что-нибудь для себя подходящее на этихъ биржахъ. Оуенъ рѣшился тогда произвести рядъ преобразованій. Доступъ на биржи (т. е. право доставленія товаровъ) былъ ограниченъ. Отъ всякаго новаго члена требовалось внесеніе нѣкоторой вступной платы и самый пріемъ въ члены былъ обусловленъ наличностью нѣкоторыхъ нравственныхъ качествъ. Комитету, завѣдующему биржей, предоставлено

право отказывать въ пріемѣ товаровъ. Но и это не помогло. По прежнему фермеры и торговцы провизіей отказывались доставлять свои товары, которые они всегда легко могли сбыть за наличныя деньги. Въ ноябрѣ 1832 г. удалось склонить одного булочника доставлять на биржи, по крайней мѣрѣ, хлѣбъ, но онъ согласился на это не иначе, какъ подъ условіемъ получать половину платежа наличными деньгами. Съ конца 1832 г. право получать провизію въ обмѣнъ за товары предоставлено только дѣйствительнымъ членамъ. Въ такомъ видѣ биржа трудового обмѣна существовала до іюля 1834 года. Съ этого времени между Оуеномъ и различными представителями администраціи обнаружились разногласія; Оуенъ удалился, предоставилъ имъ веденіе дѣлъ. Но это привело еще къ большему безпорядку и скоро пришлось окончательно ликвидировать дѣло. Отмѣтимъ, что обороты центральной биржи въ послѣдніе моменты ея существованія въ прежнемъ помѣщеніи въ Gray's Inn Boad были весьма значительны, а именно, съ 3-го сентября 1832 г. по 24-е сент. того-же года было доставлено 445,501 рабочихъ часовъ и совершено обмѣновъ на 376,166 часовъ.

Въ концѣ концовъ нераспроданный остатокъ товаровъ былъ проданъ съ аукціона и Оуенъ долженъ былъ еще доплатить изъ собственнаго кармана на покрытіе всѣхъ потерь и возмѣщеніе заинтересованныхъ лицъ около 2500 ф. стерл.

Я остановился такъ подробно на экспериментѣ Р. Оуена, такъ какъ въ основѣ его лежали ложныя идеи, которыя не умерли и до нашихъ дней [1]). Чтобы не повторяться при дальнѣйшемъ изложеніи, мы и должны ихъ теперь разсмотрѣть внимательно. Къ тому же эти двѣ идеи сыграли громадную роль въ чартистскомъ движеніи, соединившись еще съ ненавистью къ новой фабричной системѣ. Изученіе этихъ идей, а также и чартистскаго движенія важно еще и потому, что мы только что пережили нѣчто аналогичное въ 1905—6 г.

Можно ли признать, что а) провозглашеніе права на полный продуктъ [2]) труда и полная свобода обмѣна приведутъ въ полное равновѣсіе капиталистическое хозяйство и будетъ-ли такое провозглашеніе соотвѣтствовать справедливости? и б) осуществима-ли полная замѣна металлическихъ денегъ бумажными билетами и составляетъ ли такая за-

1) Та-же идея лежитъ въ основѣ системы Прудона и повторяется до нынѣ анархистами. О проэктѣ промѣннаго банка Прудона см. Туганъ-Барановскій, „Очерки" и мою „Политику Труда."

2) Любопытныя замѣчанія по вопросу о правѣ на полный продуктъ труда см. въ сочиненіи Dr. G. Cassel. Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag (Göttingen, 1900 г.).

мѣна важный шагъ въ соціальной реформѣ, въ какихъ предѣлахъ капиталистическое хозяйство допускаетъ такую замѣну?

У Рикардо и его послѣдователей сложилось ученіе, что въ нашей промышленной системѣ продукты обмѣниваются на продукты и общее перепроизводство товаровъ невозможно. Прибыль, получаемая капиталистомъ, служитъ тѣмъ великимъ регулирующимъ началомъ (the mighty hinge), которое поддерживаетъ равновѣсіе въ нашей промышленной системѣ. Если напр. производитель хлѣба замѣтитъ, что прибыль его понизилась вслѣдствіе производства чрезмѣрнаго количества хлѣба, доставленнаго на рынокъ, онъ сократитъ производство и на рынокъ начнетъ поступать лишь то количество хлѣба, какое дѣйствительно нужно. Также поступаютъ и всѣ другіе производители. При пропорціональномъ ростѣ всѣхъ производствъ прибыль будетъ оставаться на одномъ и томъ же уровнѣ, а экономическая машина двигаться безъ всякихъ потрясеній. Иногда, поэтому, возможно, что какой либо товаръ будетъ произведенъ въ излишнемъ количествѣ, но общаго перепроизводства товаровъ быть не можетъ. Спросъ на продукты вызываетъ ихъ предложеніе. Спросъ, въ свою очередь, ничто иное, какъ предложеніе, другими словами продукты обмѣниваются на продукты, а такъ какъ, кромѣ того, потребности человѣчества безграничны и никто не производитъ и не можетъ производить долгое время никому не нужныхъ продуктовъ, то и общее перепроизводство невозможно. И А. Смитъ, и Рикардо, кромѣ того, любили прибѣгать къ помощи такъ называемаго „естественнаго состоянія“ человѣческаго общества. Смитъ опредѣленно утверждалъ, что въ этомъ первопачальномъ естественномъ состояніи трудъ былъ единственнымъ мѣриломъ цѣнности. У Мальтуса и Оуена, напротивъ, сложилось убѣжденіе, что громадное увеличеніе производительныхъ силъ (накопленіе капитала и усовершенствованіе его формъ) постоянно выбрасываетъ на рынокъ такое количество продуктовъ, которое не можетъ найти сбыта по отсутствію платежныхъ покупательныхъ средствъ у наибольшей массы населенія. Потребности этого населенія не удовлетворены, но ему не на что покупать товары. Потребности же владѣльцевъ орудій производства и такъ переудовлетворены: они производятъ продукты имъ ненужные и сами разоряются при отсутствіи покупателей [1]).

1) Мальтусъ, кромѣ того, старался доказать, что не всегда продукты обмѣнивается на продукты, а на производительный трудъ и разнообразные услуги. Если капиталисты начинаютъ усиленно покупать производительный трудъ, они, при неизмѣнившихся своихъ потребностяхъ, могутъ наготовить массу ненужныхъ продуктовъ. Онъ, потому,

Изъ такихъ разсужденій былъ сдѣланъ простой выводъ Томсономъ и его учениками. Провозгласите право каждаго на полный продуктъ труда и все придетъ въ равновѣсіе при полной свободѣ обмѣна. Увы, выводъ утопическій и поверхностный по слѣдующимъ основаніямъ.

Во 1-хъ, наша капиталистическая система обнаруживаетъ несоотвѣтствіе между производствомъ и потребленіемъ далеко не всегда, а только спорадически. Это зависитъ не только отъ того, что владѣющіе классы мало потребляютъ и что рабочіе не получаютъ полнаго продукта своего труда, а, главнымъ образомъ, потому, что производство не организовано. Исчисленіе потребнаго запаса продуктовъ совершается для будущаго только приблизительно, соотвѣтственно съ предшествовавшимъ опытомъ. Въ среднемъ для продолжительныхъ періодовъ времени это равновѣсіе между производствомъ и потребленіемъ кое-какъ устанавливается, но временами, въ особенности въ эпохи новыхъ изобрѣтеній и открытій, увеличивающихъ производительную силу труда, въ періоды видоизмѣненія вкусовъ и потребностей, при потерѣ обычныхъ рынковъ сбыта, это равновѣсіе нарушается. Неорганизованность производства сказывается также и въ томъ, что производство совершается на невѣдомый, обширный рынокъ и движущимъ стимуломъ производства является полученіе чистаго дохода, а не удовлетвореніе точно опредѣленныхъ потребностей. Если бы каждый производитель получилъ право на полный продуктъ своего труда, то и тогда такое нарушеніе баланса между производствомъ и потребленіемъ было бы возможно. Гармоническая механика мѣнового хозяйства Томсона, при одномъ провозглашеніи права на полный продуктъ труда, могла бы оказаться анархіей, но не порядка, а безпорядка. Всѣ послѣдствія неорганизованности производства остались бы въ полной мѣрѣ. Провозглашеніе права на полный продуктъ труда, само по себѣ, безъ полной организаціи размѣровъ производства, правильнаго распредѣленія орудій производства, количествъ и качествъ производимыхъ продуктовъ, точнаго знанія условій сбыта внутри страны и внѣ ея и т. п., такъ-же утопично, какъ и декретированіе всеобщаго братства и честности людей. Никакіе декреты не видоизмѣняютъ сами по себѣ дѣйствительности: хозяйство требуетъ про-

относится съ большой симпатіей къ непроизводительному потребленію и найму для услугъ. Кромѣ того, если даже продукты обмѣниваются на продукты, если отношеніе между ними и одинаковы, то отсюда не слѣдуетъ, полагалъ Мальтусъ, что осталось неизмѣннымъ ихъ отношеніе къ потребностямъ общества. См. Malthus, Principes d' E. P., ch. I, section 3, Quarterly Review, январь, 1824.

мадной организаціи для осуществленія правильнаго баланса производства и потребленія. Несомнѣнно, что неравенство въ распредѣленіи, отдавая громадные избытки продуктовъ въ руки немногихъ, оказываетъ свое вліяніе на неустойчивость нашей капиталистической системы. Уменьшеніе покупательныхъ средствъ населенія затрудняетъ сбытъ товаровъ, такъ называемаго массового производства, а всеобщая конкурренція дѣлаетъ возможность полученія прибыли проблематичной, но это явленіе лишь „одна“ изъ причинъ кризисовъ. Вполнѣ кризисы — оно не объясняетъ.

Во 2-хъ, современное хозяйство создалось исторически на началахъ раздѣленія труда. Исчислить, что производитъ каждый своимъ трудомъ, при соціальномъ характерѣ производства, невозможно. При дальнѣйшемъ развитіи своихъ взглядовъ Томсонъ, а впослѣдствіи и Прудонъ, приходятъ къ мысли о необходимости и справедливости равнаго раздѣла всего общественно-произведеннаго продукта, что совершенно упраздняетъ ихъ первую формулу. Существованіе дифференціальной производительности земли уже показываетъ, что право на полный продуктъ труда на земляхъ лучшаго качества свелось бы къ несправедливому обогащенію за счетъ лицъ, работающихъ на худшихъ участкахъ.

Въ 3-хъ, убѣжденіе, что цѣнность товаровъ исключительно опредѣляется количествомъ труда, какъ увидимъ при изложеніи системы Маркса и Родбертуса, оказалось ошибочнымъ; но не трудно показать, что, если бы производство и потребленіе въ капиталистической системѣ были гармонически организованы, *самое отсутствіе этого права на полный продуктъ труда у рабочихъ само по себѣ не могло бы вызывать потрясеній въ обмѣнѣ.* Какъ извѣстно, Марксъ пришелъ къ убѣжденію, что трудовая цѣнность — реальный фактъ нашей дѣйствительности, несмотря на то, что работникъ не получаетъ полнаго продукта своего труда: онъ жестоко смѣялся надъ Прудономъ и надъ его идеей „пропорціональности“ грядущаго обмѣна. Въ чемъ была ошибка Маркса увидимъ ниже, но не трудно доказать, что раздѣленіе продукта на двѣ доли между работникомъ и капиталистомъ при „гармонической организаціи“ производства и потребленія не можетъ нарушать хозяйственнаго равновѣсія. Сдѣлаемъ теоретическое допущеніе, что наше общество состоитъ изъ двухъ хозяйствъ. Оба эти хозяйства необходимо должны организовать „вещественное производство“ и дѣйствительно добываютъ нужный имъ продуктъ на началахъ раздѣленія труда, но съ отсутствіемъ всякаго различія въ положеніи производителей и производительныхъ качествъ труда въ нашихъ хозяйствахъ. Предположимъ, что земледѣлецъ А готовитъ однимъ днемъ своего

труда 10 пудовъ хлѣба; пять пудовъ ему нужно для удовлетворенія собственныхъ потребностей въ питаніи, пять онъ можетъ отчудить для удовлетворенія своихъ потребностей въ одеждѣ. Предположимъ, портной Б. готовитъ платье и однимъ днемъ своего труда онъ готовитъ двѣ пары платья, одну для себя, другую онъ можетъ отчудить для удовлетворенія своей дневной потребности въ хлѣбѣ. При такихъ условіяхъ земледѣлецъ очевидно полъ-дня своего труда, овеществленную въ пяти пудахъ хлѣба, долженъ будетъ отдать за пару платья, т. е. за полъ-дня своего же общественнаго сочлена. Оба они поступать иначе не могутъ, ибо въ противномъ случаѣ земледѣлецъ останется безъ платья, а портной безъ хлѣба. Производительность труда можетъ расти у нашихъ двухъ производительныхъ работниковъ-хозяевъ пропорціонально или непропорціонально, трудъ ихъ раздробляться на множество подраздѣленій. Соотвѣтственно съ этимъ съ обѣихъ сторонъ будетъ появляться масса продуктовъ, которые при обмѣнѣ другъ на друга будутъ представлять безконечную цѣпь количественныхъ мѣновыхъ пропорцій, но лишь тогда, если эти пропорціи будутъ безусловно соотвѣтствовать потребительнымъ желаніямъ каждаго изъ нашихъ хозяевъ; при такомъ предположеніи, какъ и въ первомъ случаѣ, въ основѣ этихъ мѣновыхъ пропорцій будетъ лежать количество труда, потраченное на вещь; другими словами, мѣновая цѣнность и количественныя пропорціи обмѣна будутъ соотвѣтствовать количествамъ труда. Мало того. Мы можемъ сдѣлать еще и два другихъ предположенія. Если въ одну эпоху одинъ день труда нашихъ производителей воплощался въ 10 пудахъ хлѣба, въ другое время онъ сталъ давать 20, или, согласно тому же предположенію, такой же день вмѣсто двухъ паръ платья сталъ давать четыре, то въ головахъ нашихъ производителей невольно должно явиться представленіе, что производительность труда выросла вдвое. При такихъ условіяхъ въ мозгахъ нашихъ производителей-хозяевъ, которые могутъ имѣть теперь по два сюртука и по десяти пудовъ хлѣба, отношеніе къ вещамъ не можетъ принять какой либо другой формы: „какъ прежнюю, такъ и всю новую массу добытаго продукта, они будутъ оцѣнивать затраченнымъ трудомъ“. Далѣе. Предположимъ, что появились какіе-то капиталисты, подчинившіе своей власти нашихъ производителей, которые къ тому же потребовали при этой возросшей производительности себѣ половину продуктовъ каждаго производителя. Работники, въ которыхъ превратились бы наши хозяева, остались бы при прежнемъ, первомъ положеніи, т. е. имъ осталось по сюртуку и по пяти пудовъ хлѣба на брата, если они произведутъ необходимый размѣнъ. У перваго

капиталиста тоже будетъ десять пудовъ хлѣба, у другого два сюртука. Они размѣняются на тѣхъ же началахъ, какъ ихъ работники. Такимъ образомъ капиталисты завладѣютъ долей продукта, въ отношеніяхъ же обмѣна и въ представленіяхъ о цѣнности никакихъ видоизмѣненій не произойдетъ.[1])

Въ 4-хъ, формула полной принадлежности продукта труда должна быть признана неправильной и потому, что она разсматриваетъ общество, какъ состоящее изъ производителей только матеріальныхъ благъ и игнорируетъ то обстоятельство, что доля общественнаго продукта должна быть взята для выполненія цѣлаго ряда необходимыхъ общественныхъ функцій и для устроенія технической организаціи промысловъ, для обезпеченія ихъ капиталомъ и т. п. Нѣкоторая часть продукта труда каждаго, если-бы даже было вполнѣ возможно исчисленіе того, что каждый произвелъ, должна быть также отчислена на удовлетвореніе такъ называемаго общественнаго потребленія, т. е. для поддержанія, расширенія и обоснованія общественныхъ учрежденій съ лѣчебными, воспитательными цѣлями, для охраны порядка и безопасности и т. п. Только остатокъ могъ бы распредѣлиться между членами такого хозяйственнаго общества, но и то не весь, какъ я уже сказалъ, ибо пришлось бы заботиться о поддержаніи орудій и средствъ производства и о накопленіи ихъ по мѣрѣ роста потребностей этого общества. Мало того, пришлось бы нормировать право накопленія продуктовъ личнаго труда, т. е. условій дарственнаго и наслѣдственнаго права. Сказаннаго достаточно, чтобы видѣть, что провозглашеніе права на трудъ, т. е. право искать приложенія для своихъ силъ въ любомъ промыслѣ, которое было сдѣлано французской революціей, было возможно, ибо оно нисколько не нарушало сложившейся экономической организаціи. Провозглашеніе же права на полный продуктъ личнаго труда является утопіей безъ полнаго пересозданія соціальной системы, а при таковомъ оно не справедливо, и не нужно.

Въ 5-хъ, эта идея о возможности стихійнаго устанавленія равновѣсія въ экономической системѣ при провозглашеніи права на полный продуктъ труда, кромѣ того, весьма неудачно ссылается на исторію, утверждая, что, въ естественномъ состояніи мѣриломъ цѣнности былъ трудъ. Въ предшествовавшемъ мы видѣли, какія реальныя стадіи развитія пережило человѣчество. Розоваго быта „естественнаго со-

1) Дальнѣйшій анализъ этой схемы смотри при изложеніи системы Прудона.

стоянія“ намъ открыть не удалось, а потому сомнѣніе закрадывается и по отношенію къ утвержденію, будто трудъ былъ когда-то единымъ мѣриломъ цѣнности. Что трудовая цѣнность не могла служить основой обмѣна въ эпохи, предшествовавшія капиталистическому строю, доказывается обыкновенно слѣдующими соображеніями. Во-первыхъ, первичный обмѣнъ, какъ съ большею вѣроятностью мы можемъ предполагать, возникъ не на почвѣ обмѣна обычныхъ и самыхъ распространенныхъ благъ, т. е. тѣхъ, которыя производились въ каждой семьѣ и для ея потребностей, а наоборотъ, на почвѣ благъ, которыя требовали особаго искусства, которыя были рѣдки и въ недостаточномъ количествѣ въ предѣлахъ даннаго мѣста. Этотъ обмѣнъ, какъ придатокъ къ натуральному хозяйству, имѣлъ совершенно случайный характеръ, и цѣна, которую получали владѣльцы такихъ предметовъ, могла стоять внѣ зависимости отъ потраченнаго на нихъ труда. Правильная координація своихъ потребностей съ наличнымъ запасомъ силъ и средствъ, которая даетъ основаніе для представленій о трудѣ, какъ о хозяйственно ограниченной величинѣ — продуктъ долговременнаго историческаго развитія. Во-вторыхъ, обмѣнъ, какъ показываютъ всѣ современные изслѣдователи, возникъ, какъ явленіе междуплеменное и главными двигателями обмѣна въ первоначальныя эпохи были вовсе не самостоятельные производители. Родоначальниками обмѣна въ большинствѣ случаевъ были владѣльцы прибавочнаго продукта; тѣ отношенія зависимости, которыя, напр., характерны для всего средневѣковья, давали возможность отчуждать продуктъ, не сообразуясь съ трудомъ, заключеннымъ въ продуктѣ, который отдавался и получался въ обмѣнъ. Представленія о стоимости, т. е. объ издержкахъ производства при существованіи рабства и крѣпостнаго права, должны были существенно отличаться отъ нашихъ представленій о томъ же предметѣ. Въ-третьихъ, чтобы трудовой законъ цѣнности осуществлялся въ чистомъ видѣ, необходимо, чтобы каждый производитель зналъ количество труда, которое затрачено на продуктъ, который онъ самъ создалъ и вымѣниваетъ. Если даже въ наши дни, въ предѣлахъ хозяйствъ нашего вѣка мы часто не въ состояніи разсчитать, что стоитъ продуктъ, то еще труднѣе это было въ предшествовавшія эпохи, когда существовали также „сложныя“ условія труда, опутаннаго всякими стѣсненіями и прилагавшагося въ то же время въ условіяхъ неравной производительности, если даже не по отношенію къ капиталу, то, внѣ сомнѣнія, по отношенію къ землѣ и труду. Существованіе ренты отрицать нельзя, а уже это одно дѣлаетъ все представленіе о трудовой робинзонадѣ шаткимъ. Въ-четвертыхъ, существованіе раздѣленія труда въ болѣе

позднюю эпоху, напр., въ эпоху ремесленнаго быта, между городомъ и деревней, возникновеніе борьбы между землею и капиталомъ, неизбѣжно должно было ставить обмѣнъ въ столь-же аналогичныя условія, съ которыми мы имѣемъ дѣло и въ настоящее время.

Однимъ словомъ, обмѣнъ, согласно трудовой цѣнности, представляетъ для предшествовавшаго времени такое-же теоретическое допущеніе, какъ и для нашего времени, далеко, какъ увидимъ при изложеніи системы Маркса, недоказанное.

В. Выше я отмѣтилъ, что въ 1819 г. Англія, первая изъ всѣхъ странъ Европы, возстановила платежи золотомъ по своимъ банковымъ билетамъ. Она же первая установила у себя въ 1816 г. золотую монетную единицу. Съ 1808 по 1844 г. англійскій парламентъ самымъ энергичнымъ образомъ работалъ надъ организаціей своего денежнаго обращенія и банковаго строя, пока, наконецъ, эта работа не завершилась созданіемъ банковаго акта 1844 г. Труды многочисленныхъ англійскихъ коммиссій, въ которыхъ работалъ сначала Рикардо, а впослѣдствіи и его послѣдователи: Лордъ Оверстонъ и Тукъ, нѣсколько исправившій денежныя теоріи Рикардо, послужили богатымъ источникомъ знанія денежнаго и банковаго дѣла для всего міра.

Исторія Англійскаго Банка съ 1797 г. по 1844 г. особенно интересна потому, что наблюденіе за операціями и изслѣдованіе причинъ неразмѣнности его билетовъ послужило почвой для выработки и разъясненія теоріи и практики управленія денежнымъ дѣломъ и раздачей кредитовъ во всемъ свѣтѣ. Англійскій банкъ былъ созданъ 27 іюля 1694 года и по такимъ же побужденіямъ, какъ и всѣ другіе крупные, центральные, эмиссіонные банки. Стремленіе къ легкому полученію средствъ присуще всѣмъ, а что же какъ не кредитъ, этотъ сладкій ядъ (и не однихъ только русскихъ) финансовъ, даетъ возможность получать ихъ. Англійскому правительству нужны были средства для веденія войны съ Франціей и оно охотно разрѣшило шотландцу Паттерсону основать банкъ съ правомъ выпуска билетовъ. Въ 1694 г. парламентъ разрѣшилъ открыть подписку для образованія капитала банка въ 1.200,000 ф. ст. и она была покрыта въ десять дней. Затѣмъ банкъ былъ признанъ корпораціей и получилъ хартію 27 іюля 1694 г., передавъ при этомъ весь подписанный капиталъ въ ссуду правительству. Кромѣ веденія всѣхъ обычныхъ банковыхъ операцій, эта хартія разрѣшила ему выпускъ необезпеченныхъ никакимъ запасомъ благороднаго металла билетовъ, но на сумму не болѣе подписаннаго капитала, который, какъ указано, поступилъ на нужды правительства. Эти билеты банкъ перво-

начально размѣнивалъ на звонкую монету, но ничтожность оборотнаго капитала привела уже въ 1696 году къ тому, что банкъ прекратилъ платежи по билетамъ и послѣдніе потеряли до 20% своей цѣны. Вообще дѣла банка шли очень плохо до тѣхъ поръ, пока при вторичномъ продленіи его привиллегіи въ 1709 г., ссудивъ правительству 400 м. ф. ст., банкъ не добился изданія закона, согласно которому было воспрещено выпускать билеты, по коимъ совершается платежъ немедленно или въ срокъ менѣе 6 мѣсяцевъ, всѣмъ банкамъ, имѣющимъ въ своемъ составѣ болѣе шести пайщиковъ. Съ этой поры банкъ сталъ развивать свое билетное обращеніе, но, однако, медленно и осторожно. Въ первую половину 18-го вѣка онъ не выпускалъ билетовъ ниже 20 ф. ст. Только съ 1759 года онъ сталъ выпускать билеты въ 10 ф. ст. и лишь съ 1793 г. въ 5 ф. ст. Основной капиталъ банка въ 1722 г. доведенъ до 8.959,953 ф. ст., въ 1764 г. — до 10,780,000. Въ томъ-же году долгъ правительства банку достигъ 10.760,000. По первоначальному своему уставу банкъ не имѣлъ права давать ссуды правительству безъ разрѣшенія парламента подъ страхомъ платежа тройнаго штрафа сравнительно съ размѣромъ выданной ссуды. По настоянію Питта эта статья устава была въ 1793 г. отмѣнена и правительство широко воспользовалось рессурсами банка для выдачи субсидій континентальнымъ державамъ, состоявшимъ въ борьбѣ съ революціонной Франціей. Въ періодъ съ 1794 г. по 1795 г. банкъ довелъ свое билетное обращеніе до 14 м. ф. ст., а запасный металлическій фондъ спустился съ декабря 1796 г. по февраль 1797 г. съ 2.508,000 ф. с. до 1.186.170. Съ 27 февраля этого года банку было воспрещено обмѣнивать свои билеты на звонкій металлъ и онъ вступилъ въ такъ называемый періодъ рестрикціи (неразмѣнности банковыхъ билетовъ), который продолжался до 1819 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ банку было разрѣшено выпускать билеты въ 1 и 2 фунта. По состоянію своей кассы банкъ въ 1797 г. еще могъ поддерживать размѣнъ, но правительство не признало отмѣну принудительнаго курса желательной, полагая, что при его существованіи легче будетъ пользоваться рессурсами банка и надѣясь, что банкноты останутся въ прежней цѣнѣ. Такимъ упованіямъ, конечно, не суждено было осуществиться. Средній курсъ билетовъ въ 1801 г. былъ 91 ф. 12 ш. золотомъ за 100 ф. билетами, въ 1814—74 ф. 17 ш. По предложенію Ванситарта парламентомъ была принята смѣшная резолюція, воспрещавшая лажъ на билеты подъ страхомъ наказанія, но исполнить ее оказалось невозможнымъ.

Образованный въ 1810 г. комитетъ о слиткахъ [1]), которому

1) Рикардо былъ главнымъ теоретикомъ этого комитета и первымъ

было поручено выяснить причину паденія стоимости билетовъ, положилъ прочное основаніе для всякой разумной денежной политики эмиссіонныхъ банковъ. Этотъ комитетъ единодушно высказался, что обезцѣненіе билетовъ сравнительно съ золотомъ, обусловливается чрезмѣрными ихъ выпусками и отсутствіемъ размѣна. „Всякая страна, полагалъ этотъ комитетъ, должна имѣть опредѣленное количество денегъ извѣстной цѣнности для опредѣленія уровня цѣнъ и размѣна товаровъ. Самое основательное знаніе положенія торговаго оборота страны не можетъ сдѣлать директоровъ банка способными установить и поддерживать правильное соотношеніе между количествомъ денегъ въ обращеніи и потребностями торговли. При отсутствіи обязанности со стороны банка платить по своимъ билетамъ звонкою монетою, т. е. такою-же цѣнностью, какъ и всѣ товары, директора его будутъ расширять свои кредиты билетами, имъ ничего не стоющими, въ любыхъ предѣлахъ, а это можетъ привести только къ двумъ послѣдствіямъ: a) къ паденію цѣны билетовъ и исчезновенію всей звонкой монеты изъ обращенія и b) къ возвышенію цѣнъ всѣхъ товаровъ. При размѣнности билетовъ, напротивъ, кредиты не могутъ быть расширены значительно выше предѣловъ того капитала, которымъ обладаетъ банкъ. Вотъ почему комитетъ былъ того мнѣнія, что „нѣтъ болѣе разумной опредѣленной и постоянно дѣйствующей мѣры противъ чрезмѣрныхъ выпусковъ, какъ постоянная размѣнность выпущенныхъ билетовъ“.

Въ періодъ съ 1819 по 1821 г. предложенія комитета о слиткахъ были осуществлены и англійскій банкъ открылъ размѣнъ своихъ билетовъ, сначала для билетовъ въ 1 и 2 фунта [1]), а затѣмъ и высшихъ достоинствъ по особой постепенно понижавшейся таксѣ. Размѣнъ былъ начатъ съ 1 февраля 1820 г. по весьма высокой нормѣ, при которой унція золота обмѣнивалась на 4 ф. ст. 1 ш., т. е. на унціи всякій

защитникомъ полной свободы банковъ при условіи размѣнности выпущенныхъ билетовъ.

1) Съ этого времени воспрещено выпускать билеты ниже 5 фунтовъ стерлинговъ, а съ 1 января 1834 года билеты англійскаго банка сдѣланы законнымъ платежнымъ средствомъ. Къ золотому обращенію Англія перешла ранѣе всѣхъ Европейскихъ странъ согласно акту 1816 г. Согласно этому акту одинъ фунтъ золота тройскаго вѣса расчеканивается на 46 ф. 14 шил. 6 п.; одинъ фунтъ такого же серебра на 3 ф. 2 ш.: такимъ образомъ отношеніе между полноцѣннымъ золотомъ и серебромъ по цѣнности установлено, какъ 1: 14,287, но оно не имѣетъ практическаго значенія, ибо платежъ по обязательствамъ безъ ограниченія размѣра суммы совершается лишь золотомъ. Со времени этого акта англійскій банкъ обязанъ покупать всякое количество золота по цѣнѣ 3 ф. 17 ш. 9 пен. за штандартную унцію или, другими словами, выдавать по такой цѣнѣ за золото свои банковые билеты.

терялъ не болѣе $3^1/_2$ пенсовъ или 4%. Съ января 1821 г. банкъ промѣнивалъ уже унцію на 3 ф. 17 ш. 9 пенсовъ, какъ это онъ дѣлаетъ и понынѣ. Но среди общественнаго мнѣнія и у многихъ представителей науки упорно держалось убѣжденіе, что одна размѣнность билетовъ еще не создаетъ правильной организаціи кредита. Искусственное возбужденіе промышленности, въ періодъ съ 1821 по 1844 г., сопровождавшееся банкротствомъ многихъ банковъ и солидныхъ торговыхъ домовъ, привело къ убѣжденію, что надо искать еще другихъ основаній для организаціи банка. Съ этого времени рѣзко опредѣлились двѣ школы, споръ между которыми не оконченъ и по настоящее время.

Весь споръ сводился къ разрѣшенію слѣдующихъ трехъ основныхъ вопросовъ: а) въ чемъ сущность банковой дѣятельности; в) какимъ образомъ можно лучше всего обезпечить состоятельность банка и с) какъ лучше всего согласовать интересы банковъ съ интересами всей массы населенія и правительства.

Въ этомъ спорѣ было выяснено, что задача всѣхъ банковъ заключается въ оплодотвореніи всѣхъ праздно-лежащихъ капиталовъ на пользу земледѣлія, промышленности и торговли, а также въ нормальномъ регулированіи денежныхъ оборотовъ. Для этой цѣли они принимаютъ вклады, учитываютъ коммерческіе векселя, даютъ ссуды и, наконецъ, выпускаютъ билеты, необезпеченные реальнымъ капиталомъ, т. е. звонкой монетою. Организаторамъ Англійскаго Банка впервые пришлось разрѣшить вопросъ, слѣдуетъ-ли Банку предоставить неограниченный просторъ въ выпускѣ билетовъ, не надо-ли лишить ихъ этой привиллегіи и передать ее въ руки всѣхъ другихъ банковъ или, наоборотъ, пользованіе ею слѣдуетъ обставить извѣстными ограниченіями и вручить государству, какъ верховному и могучему охранителю народныхъ интересовъ.

Споръ между теоретиками банковаго дѣла уже въ эпоху Рикардо и его послѣдователей неопровержимо доказалъ ту истину, что никакой кредитъ не создаетъ капиталовъ. Сила и значеніе кредита заключаются лишь въ справедливомъ и разумномъ распредѣленіи наличныхъ матеріальныхъ капиталовъ между лицами, которыя умѣютъ съ пользой употребить ихъ для себя и для своей родной страны. Тотъ же споръ, однако, показалъ, что банки, пользуясь выпускомъ билетовъ, могутъ: во-первыхъ, неправильно распредѣлять капиталы, разсоряясь при этомъ сами и приводя къ тому же не только частныхъ лицъ, но и всю страну, если имъ ввѣрено завѣдываніе кредитомъ и денежнымъ обращеніемъ, и, во-вторыхъ, не только не содѣйствовать облегченію торговыхъ оборотовъ, но сильно затруднять

и запутывать ихъ. Два требованія, поэтому, стали предъявлять къ центральнымъ эмиссіоннымъ банкамъ: они всегда должны быть состоятельны, т. е. во всякую данную минуту обязаны выполнять свои обязательства предъ частными лицами и страной и, кромѣ того, должны заботиться о томъ, чтобы страна имѣла нужное количество денежныхъ знаковъ для безпрепятственнаго совершенія всѣхъ оборотовъ обмѣна, т. е. на рынкѣ не должно быть подъ ихъ разумнымъ воздѣйствіемъ ни слишкомъ мало, ни слишкомъ много денегъ, а именно столько, сколько странѣ ихъ нужно.

Другими словами, подъ ихъ воздѣйствіемъ обмѣнъ при посредствѣ надлежащаго количества денегъ долженъ совершаться по такимъ же основаніямъ, какъ при натуральномъ обмѣнѣ, при которомъ товаръ, извѣстной цѣнности, идетъ за равноцѣнный же товаръ, а посредствующее орудіе — деньги — какъ-бы не существуетъ. Если странѣ нужно большее количество денежныхъ знаковъ, банки должны давать ихъ, не увеличивая при этомъ цѣнности денегъ, и наоборотъ. Эту способность денежнаго обращенія расширяться и сокращаться по мѣрѣ надобности на языкѣ экономической теоріи стали называть *эластичностью* обращенія. Тукъ, Фуллартонъ и цѣлый рядъ другихъ теоретиковъ банковаго дѣла неопровержимо доказали, что достиженіе эластичности обращенія возможно только при посредствѣ кредитныхъ знаковъ, количество которыхъ незамѣтно и безъ матеріальныхъ затратъ съ чьей бы то ни было стороны можетъ увеличиваться или уменьшаться по мѣрѣ оборотовъ. Только нормальное развитіе кредита можетъ дать это естественное сжатіе и расширеніе обращенія.

На англійской почвѣ, какъ мы уже сказали, впервые были поняты значеніе и способы организаціи кредитнаго обращенія. Въ первую половину настоящаго вѣка здѣсь образовались двѣ борющіяся школы.

Денежная школа (currency school)[1]), обративъ вниманіе на потрясенія, вызываемыя спекулятивною дѣятельностью банкировъ, стала настаивать на необходимости регулированія выпусковъ банковыхъ билетовъ, которые она по значенію вполнѣ отождествляла съ металлическими деньгами. Право выпуска билетовъ, по мнѣнію этой школы, есть привилегія чеканить деньги и производить тѣмъ самымъ обезцѣненіе всей совокупности орудій обращенія, что можетъ сопровождаться нарушеніемъ правильнаго хода международной торговли и внутренняго оборота. Пониженіе стоимости денегъ

1) Наиболѣе выдающимися ея представителями были: Ллойдъ, впослѣдствіи лордъ Оверстонъ, Норманъ и министръ Питтъ, вообще большинство консерваторовъ (тори).

ведетъ къ возвышенію цѣнъ товаровъ и затрудняетъ ихъ сбытъ; возвышеніе цѣнъ товаровъ на внутреннемъ рынкѣ порождаетъ спекуляцію, перераспредѣленіе богатствъ и производственный кризисъ. Выпуская билеты и давая ими ссуды, банкиры въ видѣ процента получаютъ доходъ, но наносятъ тѣмъ самымъ вредъ странѣ, а потому и пользованіе привилегіей чеканить деньги, выпуская билеты, слѣдуетъ согласовать съ общими интересами страны, но не банкировъ. Денежная школа не настаивала даже съ особой энергіей на размѣнности билетовъ, а главнымъ образомъ на надлежащемъ регулированіи ихъ количества въ соотвѣтствіи съ потребностями обращенія, и она, какъ ей казалось, нашла для этого прочныя основанія.

Количество металлическихъ денегъ, полагала она, распредѣляется по всему свѣту въ точномъ соотвѣтствіи съ потребностями оборота каждой страны или иначе регулируется *по самодѣйствующему принципу* (self-acting principle), а, слѣдовательно, устойчивость кредитнаго обращенія, среди котораго первенствующее, исключительное значеніе имѣютъ банковые билеты, безпроцентные знаки, оплачиваемые всякому предъявителю, будетъ достигнуто только тогда, когда кредитное обращеніе въ лицѣ банковыхъ билетовъ будетъ приведено къ металлическому. Количество банковыхъ билетовъ въ обращеніи должно возрастать лишь тогда, когда металлическое имѣло бы основаніе для роста, и падать въ противномъ случаѣ. Денежная школа стремилась, такимъ образомъ, нормальнымъ регулированіемъ выпуска билетовъ сохранить цѣнность денегъ на устойчивомъ уровнѣ, вполнѣ соотвѣтствующемъ реальной стоимости металлическихъ денегъ, которыя разсматривались ею, какъ нормальный и неизмѣнный по цѣнности маштабъ, при помощи котораго только и идетъ правильно міровой и мѣстный размѣнъ товаровъ, поддерживающій нормальное равновѣсіе между производствомъ, обмѣномъ и распредѣленіемъ товаровъ. Отливъ благороднаго металла изъ страны она считала явленіемъ ненормальнымъ и доказывающимъ, что количество денежныхъ знаковъ въ странѣ чрезмѣрно. Страна должна вывозить не деньги, а товары. Главная задача денежной школы и сводилась, поэтому, къ установленію такого начала регулированія выпусковъ, при помощи котораго извлеченіемъ билетовъ съ рынка можно сдѣлать всю совокупность денежныхъ знаковъ дороже и тѣмъ остановить отливъ благороднаго металла въ видѣ денегъ или слитковъ. Если, напротивъ, металлъ или звонкія деньги текутъ въ изобильномъ количествѣ въ страну, это значитъ, денежные знаки слишкомъ дороги, банкъ долженъ торопиться расширить свое билетное обращеніе. Система денежной школы сводилась,

такимъ образомъ, къ простому правилу: слѣдите, говорила она, за вексельными курсами, сокращайте билетное обращеніе, когда эти курсы неблагопріятны и монета течетъ изъ страны; при противоположныхъ обстоятельствахъ поступайте какъ-разъ наоборотъ, т. е. расширяйте свое билетное обращеніе.

Школа банковаго принципа, наиболѣе выдающимся представителемъ которой былъ Томасъ Тукъ (извѣстный историкъ цѣнъ и авторъ петиціи 1820 г., поданной купцами съ требованіемъ провозглашенія свободы торговли) и вообще представители либеральной буржуазіи (виги), совершенно наоборотъ доказывала, что единственное необходимое условіе, отъ котораго зависитъ правильность кредитной организаціи, заключается въ постоянной размѣнности билетовъ и въ разумномъ оперированіи учетнымъ процентомъ. Эта школа настаивала, потому, на полной свободѣ эммисіонныхъ банковъ. Еще и теперь нѣкоторые изъ выдающихся представителей индивидуализма (напр., Леруа-Болье)[1]) тяготѣютъ къ этой системѣ банковой школы, которую они называютъ естественной.

Много справедливаго сказала эта школа, но опытъ показалъ, что и ея ученія были своего рода противоположною крайностью. Школа была права, утверждая: 1) что отождествлять банковые билеты съ деньгами нельзя. Платежи и кредиты совершаются не только звонкой монетою и билетами, но и чеками, векселями, переводами, кредитомъ по книгѣ; чѣмъ сильнѣе развито мѣновое хозяйство, тѣмъ роль банковыхъ билетовъ меньше; 2) ввозъ и вывозъ звонкой монеты вовсе не служитъ всегда доказательствомъ вздорожанія или обѣзцѣненія ея; монета не только орудіе обращенія, но и свободный капиталъ съ міровой точки зрѣнія и потому вывозъ или ввозъ ея часто является простой миграціей капитала. Кромѣ того, не всякій вывозъ монеты

1) Такъ, Леруа-Болье въ своемъ курсѣ „Traité d'Economie Politique, t. III. p. 498“ (1896) говоритъ: „естественной системой банковой организаціи можно считать ту, при которой правительство совершенно воздержалось-бы отъ вмѣшательства въ организацію банковъ и въ пользованіе банками своими средствами, удовлетворившись лишь опредѣленіемъ отвѣтственности ихъ согласно съ необходимыми условіями самаго порядка вещей и наказаніями за обманы. Эта естественная система могла-бы характеризоваться слѣдующими чертами: на всякаго банкира правительство смотрѣло-бы, какъ и на всякаго другого торговца; всякій банкиръ могъ-бы пользоваться по своему произволу тремя крупными категоріями своихъ средствъ: собственнымъ капиталомъ, вкладами частныхъ лицъ и всѣми средствами, которыя онъ могъ-бы себѣ добыть выпусками билетовъ, оплачиваемыхъ по предъявленію всякому приносителю. Полная свобода добывать средства — соотвѣтствовала-бы полной свободѣ распоряженія ими“.

даже уменьшаетъ всю совокупность орудій обращенія страны, ибо монета въ странѣ съ нормальнымъ обращеніемъ имѣется всегда въ запасахъ (hords) частныхъ лицъ, иногда даже въ значительномъ количествѣ; 3) чисто металлическое обращеніе, къ которому хочетъ привести обращеніе денежная школа, является никогда не существовавшею фикціею, ибо даже въ первоначальныя эпохи человѣчество умѣло обходить трудности денежнаго обмѣна развитіемъ натуральнаго обмѣна и передачей въ кредитъ. Составъ металлическаго обращенія зависитъ отъ количества добытыхъ благородныхъ металловъ, производство которыхъ не всегда колеблется въ соотвѣтствіи съ развитіемъ оборотовъ. Нельзя поэтому связывать кредитное обращеніе съ металлическимъ. Напротивъ, всѣ стремленія должны быть направлены къ тому, чтобы кредитное обращеніе составляло металлическому противовѣсъ, сокращаясь и расширяясь съ движеніемъ оборотовъ. 4) Тукъ и его послѣдователи доказали рядомъ фактовъ, что колебаніе въ количествѣ кредитныхъ знаковъ, а въ частности и билетовъ при ихъ полной и не прекращающейся размѣнности, не всегда совпадаетъ съ повышеніемъ цѣнъ и чаще всего является *результатомъ* извѣстнаго положенія цѣнъ, а не ихъ *причиной*: банки не имѣютъ никакой абсолютной власти надъ денежнымъ рынкомъ; только отъ торгово-промышленной публики зависятъ потребности въ орудіяхъ обращенія; внѣ ея содѣйствія и желанія, возможность выпускать или извлекать билеты не можетъ получить осуществленія. Всякій излишне выпущенный билетъ скоро возвратится или а) какъ вкладъ, или в) для размѣна, или же с) какъ платежъ за векселя, подъ обезпеченіе которыхъ билеты даны въ ссуду.

Въ виду этихъ соображеній школа Тука требовала только одного условія: постоянной размѣнности билетовъ при неограниченной свободѣ ихъ выпуска любымъ банкирскимъ учрежденіемъ. Монополію центральныхъ банковъ она считала вреднымъ остаткомъ старины.

Какъ мы уже сказали, ученія этой школы были противоположною крайностью, а потому въ Англіи и почти нигдѣ въ другихъ странахъ надолго они не получили осуществленія. Тукъ и его ученики выработали свои взгляды на англійской почвѣ и безъ всякихъ колебаній считали возможнымъ прилагать ихъ повсемѣстно, не сообразуясь вовсе съ той исторической обстановкой, среди которой банкамъ или банку придется дѣйствовать. Ихъ теорія въ чистомъ видѣ была, поэтому, своего рода математической абстракціей, которую при приложеніи къ жизни надо было снабдить кровью и мускулами. Они забывали, что полная размѣнность билетовъ — дѣйствительно хорошее средство для провѣрки дѣятельности

банка, но въ рукахъ ловкихъ людей имѣются тысячи способовъ маскировать свои дѣйствія и, пользуясь довѣріемъ публики, избѣгать размѣна и искусственно расширять обращеніе для развитія спекуляціи[1]).

Ученики Тука: а) не довѣряли государству, полагая, что оно болѣе всего наклонно злоупотреблять выпусками, и в) вѣрили въ честность банкировъ и осмотрительность публики. Имъ казалось, что свободная борьба интересовъ, безъ наблюдающаго вліянія государства и его органовъ, вполнѣ въ состояніи обезпечить странѣ правильную систему денежнаго обращенія. Немудрено, что въ этомъ отношеніи многіе смотрятъ на эти ученія съ большимъ разочарованіемъ. Честность банкировъ, осмотрительность публики, свободная борьба интересовъ — все это увѣренность въ невидимомъ, какъ-бы въ видимомъ, въ чаемомъ и ожидаемомъ, какъ-бы въ настоящемъ. Безъ всякаго сомнѣнія, если-бы каждый солдатъ зналъ хорошо и твердо свои обязанности, не надо было-бы и полководцевъ, но существуетъ-ли гдѣ-нибудь армія безъ руководителей? Денежное обращеніе страны — дѣло слишкомъ важное, чтобы одной математической формулой: размѣнивайте ваши билеты — можно было привести его въ порядокъ. Денежное обращеніе должно имѣть руководителя, а банки — организацію, которая, кромѣ довѣрія къ честности и осмотрительности, должна имѣть реальную основу. Пока люди останутся людьми, пока у нихъ будетъ стремленіе къ риску, наживѣ, неосмотрительности, пока знаніе будетъ средствомъ для обмана незнающихъ — до тѣхъ поръ и свобода пользоваться выпускомъ билетовъ будетъ давать поводъ къ злоупотребленіямъ, требуя надзирающаго вліянія государства. Предѣлы этой свободы должны стоять въ связи съ культурнымъ развитіемъ народа.

Въ разныхъ странахъ для обезпеченія этой размѣнности и для удержанія въ странѣ опредѣленнаго количества звонкой монеты и приняты разныя мѣры, которыя мы вкратцѣ и пересмотримъ. Эти мѣры должны давать извѣстный просторъ развитію кредитнаго обращенія, но не должны окончательно изгонять звонкой монеты, ибо только послѣдняя служитъ представителемъ реальнаго капитала, который можетъ всегда понадобиться. Опытъ показалъ, что организація банковъ нуждается въ регламентаціи въ слѣдующихъ отношеніяхъ: а) со стороны резерва въ благородномъ металлѣ и нормы выпуска необезпеченныхъ билетовъ; в) со стороны состава вексельнаго

1) Испытанное средство банковъ въ этомъ отношеніи дробленіе выпусковъ билетовъ на средніе и малые достоинства. Эта операція изгоняетъ монету изъ каналовъ обращенія и въ случаѣ прекращенія размѣна перелагаетъ потери на всю массу населенія.

портфеля; c) со стороны установленія предѣльной стоимости банковаго билета и d) со стороны, такъ сказать, предоставленія изъ общей совокупности банковъ, какому нибудь изъ нихъ первенствующаго, руководящаго значенія.

Организація Англійскаго Банка была произведена подъ сильнымъ вліяніемъ школы денежнаго принципа, но во вниманіе были приняты и замѣчанія сторонниковъ Тука. Въ 1844 г. Питтъ добился утвержденія особаго акта для Англійскаго Банка, который дѣйствуетъ и до нынѣ. Вліяніе консервативной партіи, ея привычка къ государственной опекѣ нѣсколько парализовали стремленія сторонниковъ полной системы невмѣшательства, но Банкъ не былъ превращенъ въ государственное учрежденіе.

Согласно этому акту Англійскій банкъ представляетъ собою акціонерную привилегированную компанію съ полнымъ самоуправленіемъ и съ единственнымъ, за нѣкоторыми исключеніями, правомъ выпуска банковыхъ билетовъ не ниже 5 и не выше 1,000 фунтовъ стерлинговъ, обладающихъ свойствомъ служить законнымъ платежнымъ средствомъ. Срока для привилегіи не означено; правительство ежегодно можетъ отнять ее, но въ дѣйствительности каждый годъ срокъ привилегіи продолжается безъ всякаго акта со стороны законодательства. Банкъ за извѣстное вознагражденіе (200 т. ф.) исполняетъ для правительства казначейскія обязанности и всѣ выпуски государственныхъ займовъ. Прекратить размѣнъ банкъ можетъ только съ разрѣшенія парламента. Банкъ раздѣленъ на два отдѣленія или департамента: банковый и эмиссіонный. Задача перваго заключается въ завѣдываніи и храненіи наличными у банка и собранными по вкладамъ капиталами, втораго — въ выпускѣ банковыхъ билетовъ какъ для передачи и ссудъ банковому департаменту, такъ и частнымъ лицамъ, а также въ храненіи металлической наличности, обезпечивающей эти билеты. Норма выпусковъ билетовъ, необезпеченныхъ звонкой монетой, опредѣлена соотвѣтственно съ среднимъ ихъ обращеніемъ съ 1816 по 1844 г. Въ новѣйшее время (17 іюня 1894 г.) норма этихъ выпусковъ доведена до 16.800,000 и для ихъ обезпеченія у банка имѣется долгъ правительства въ 14.000,000 ф. ст. За всякій банковый билетъ сверхъ этой нормы банковый департаментъ долженъ передавать эмиссіонному на равную сумму звонкую монету или слитки по разсчету — 3 ф. 9 ш. 9 пенсовъ билетами за унцію золота. При этомъ, однако, для правильности состава размѣннаго фонда внесено важное ограниченіе статьей 3-й устава. Эмиссіонный департаментъ можетъ выдавать билеты за передаваемыя ему изъ банковаго департамента золото и серебро, но лишь по такому разсчету, чтобы количество

серебра, сохраняющагося въ эмиссіонномъ департаментѣ, было не болѣе $^1/_4$ его золотого запаса; другими словами, серебро не можетъ составлять болѣе $^1/_5$ общей суммы размѣннаго фонда. Доходъ отъ выпуска билетовъ сверхъ прежней нормы въ 14 м. ф. стер. поступаетъ въ казну. Число частныхъ и акціонерныхъ банковъ, которые имѣли право выпуска, къ 1894 г. равнялось 95, но съ правомъ выпуска на очень ограниченную сумму въ 4.693,875 ф. с.; въ 1906 г. число ихъ уже спустилось до 32-хъ съ правомъ выпуска въ 1.715.790 фун. Открытіе новыхъ эмиссіонныхъ банковъ воспрещено. Къ учету принимаются только векселя солидныхъ торгово-промышленныхъ фирмъ съ 2-мя благонадежными подписями и на срокъ не болѣе 95 дней. На этихъ началахъ банкъ дѣйствуетъ и по настоящее время.

Ни одинъ изъ актовъ не возбудилъ столько нареканій, какъ этотъ актъ 1844 г. Роберта Пиля[1]). Судьба его, дѣйствительно, была во многихъ отношеніяхъ замѣчательна. Какъ мы уже видѣли, лордъ Оверстонъ и Р. Пиль, его духовные творцы, стремились привести кредитное обращеніе къ металлическому, но это имъ не удалось. Директорамъ англійскаго банка не удалось извлекать изъ обращенія опредѣленное количество билетовъ при всякомъ неблагопріятномъ положеніи вексельныхъ курсовъ; накопленіе банковыхъ билетовъ въ кассѣ всякій разъ замѣчалось при увеличеніи металлическихъ резервовъ, уменьшеніе билетовъ въ обращеніи совпадало съ уменьшеніемъ резервовъ, т. е. политика банка шла въ рѣзкомъ противорѣчіи съ требованіями денежной школы. Но это, однако, вовсе не служитъ доказательствомъ несостоятельности акта. Дѣло въ томъ, что, быть можетъ, помимо воли своихъ творцовъ, англійскій банкъ основанъ на такъ называемой системѣ максимальныхъ выпусковъ, со всѣми ея достоинствами и недостатками. Особенность его системы заключается: а) въ чрезвычайно ограниченной нормѣ выпусковъ и б) въ столь же ограниченномъ запасѣ благороднаго металла. Единственное средство, которое оставалось у банка для регулированія обращенія при подобныхъ обстоятельствахъ, было видоизмѣненіе дисконта. При всякомъ наплывѣ благороднаго металла въ страну, а, слѣдовательно, и въ его кассу, сумма средствъ банка увеличивалась, и онъ, понижая учетный процентъ, могъ увеличивать обращеніе билетовъ и металла, но установленная ему граница выпусковъ заставляла его зорко слѣдить за положеніемъ своихъ металлическихъ запасовъ. Такимъ образомъ актъ 1844 г. осуществилъ до

1) Въ русской литературѣ г. Гамбаровъ посвятилъ разбору этого акта обширное сочиненіе.

извѣстной степени идеалъ Рикардо, сдѣлавъ изъ англійскаго банка хранителя золотого резерва Великобританіи. Послѣ введенія этого акта металлическіе резервы никогда не падали до столь низкаго предѣла, какъ это бывало ранѣе. Въ 1825 г. его металлическіе резервы спустились до 1.211,000 ф. ст., въ 1837 г. до 3.381,000, въ 1839 — 2.406,000, напротивъ, въ критическое время 1847 г. они стояли на 8.313,000, въ 1857 году — 6.080,000, 1866 году — 4.850,000 ф. ст. Очевидно, подъ вліяніемъ акта, директора банка стали очень бдительны при раздачѣ своихъ кредитовъ и могли менѣе содѣйствовать неправильностямъ и потрясеніямъ въ промышленной жизни по той простой причинѣ, что низко опредѣленная норма билетныхъ выпусковъ, если не приводила кредитное обращеніе къ металлическому, то несомнѣнно связывало сильно и то, и другое. Значеніе максимальной нормы выпусковъ и состоитъ именно въ томъ, что оно не даетъ кредитному обращенію сильно отступать отъ металлическаго. Вполнѣ устранить всякія потрясенія въ кредитѣ банкъ съ его актомъ, конечно, не могъ; въ 1847, 1857 и 1866 году ему приходилось ходатайствовать о временномъ освобожденіи отъ размѣна и нормы выпусковъ, но общія правила создаются только для нормальнаго времени. Только благодаря тѣсно установившейся связи между кредитнымъ и металлическимъ обращеніемъ банкъ и могъ въ самый краткій срокъ вновь приступать къ выполненію своихъ обязательствъ. Правда для того, чтобы создать такую связь банкъ долженъ былъ часто и рѣзко мѣнять свой дисконтъ. Съ 1844 по 1888 г. дисконтъ измѣнялся 319 разъ или въ среднемъ до 8-ми разъ въ годъ, причемъ низшій учетъ былъ 2%, высшій 10%. Англійскіе промышленники приспособились, однако, къ этимъ измѣненіямъ. Ни одинъ благоразумный коммерсантъ въ эпоху сильнаго возвышенія учетнаго процента не беретъ кредита болѣе какъ на $1^1/_2$—2 недѣли. Въ тоже время во французскомъ банкѣ было 161, въ германскомъ 108 измѣненій дисконта. Слѣдуетъ однако помнить, что положеніе англійскаго банка совершенно исключительное. Онъ не только сдѣлался хранителемъ металлическаго запаса Великобританіи, но и главнымъ поставщикомъ благороднаго металла для уравненія платежей по балансамъ всего міра. Уже это одно обстоятельство служитъ достаточной причиной для объясненія рѣзкихъ измѣненій дисконта. Рѣзкія измѣненія въ дисконтѣ этого банка вовсе не зависятъ отъ того, что Англія придерживается единаго золотого обращенія. Причина ихъ заключается: а) въ крайне незначительномъ металлическомъ резервѣ при колоссальныхъ міровыхъ оборотахъ Англіи и в) въ слишкомъ механически опредѣленной нормѣ выпусковъ.

Англійскій банкъ могъ выполнять свои обязательства при такихъ условіяхъ только потому, что, благодаря установленной стоимости билета въ 5 фунтовъ, значительное количество звонкой монеты удерживалось въ обращеніи, а страна при посредствѣ чекового оборота умѣла экономить употребленіе монеты до послѣдняго предѣла.

Опытъ Англійскаго Банка, какъ я уже отмѣтилъ выше, далъ руководящія начала для реорганизаціи банкового дѣла во всемъ свѣтѣ [1]).

Въ исторіи политической экономіи трудно отмѣтить всѣ детали этого сложнаго вопроса: это уже задача спеціальнаго курса. Необходимо, однако, разрѣшить поставленный первыми соціалистами и представителями буржуазной экономіи вопросъ, нельзя-ли реформировать нашу капиталистическую систему полнымъ устраненіемъ денегъ изъ благороднаго металла? Нужно-ли это орудіе порабощенія, какъ говорили Оуениты?

Денежная система только одно небольшое звено въ капиталистической системѣ и при существованіи таковой устранить металлическую монету невозможно. Въ нашей капиталистической системѣ значительное количество денегъ изъ благороднаго металла замѣняется бумажными знаками (и не только билетами банковъ, но векселями и другими кредитными знаками, системой разсчетныхъ палатъ и т. п.),

1) Вопросы регулированія денежнаго обращенія разсмотрѣны въ моемъ сочиненіи „Деньги“ (Москва, 1895 г.); въ немъ отмѣчена вся иностранная и русская литература по этому вопросу. Денежная теорія Рикардо была впервые въ русской литературѣ прекрасно изложена и изучена въ сочиненіи проф. Патлаевскаго: „Теорія денежнаго обращенія Рикардо и его послѣдователей, Одесса, 1871 г.“ Отмѣчу кстати, что до настоящаго времени теорія обезпеченія банковыхъ билетовъ благороднымъ металломъ очень мало разработана; во многихъ центральныхъ банкахъ практика выработала правило, что необходимо держать для обезпеченія всѣхъ выпущенныхъ билетовъ приблизительно около $^1/_3$ благороднаго металла. Высшіе и низшіе предѣлы необходимаго запаса благороднаго металла въ спокойное и тревожное время, однако, теоретически не найдены и для каждой страны опредѣляются рутинной практикой жизни. Англійскій и Французскій банкъ установили максимальные предѣлы выпуска билетовъ. Американскіе эмиссіонные банки имѣютъ резервы въ благородномъ металлѣ и государственныхъ процентныхъ бумагахъ (см. мою статью: Денежное дѣло въ Соед. Штата С. А., Экон. Обозрѣніе 1897—8 г.). Въ Германскомъ Рейхсъ-Банкѣ установлено требованіе, чтобы $^1/_3$ выпущенныхъ билетовъ обезпечивалась благороднымъ металломъ, опредѣленъ предѣлъ наибольшаго выпуска необезпеченныхъ билетовъ (472,8 м. марокъ); при дальнѣйшемъ умноженіи билетнаго обращенія Банкъ платитъ 5% налогъ съ каждаго выпущеннаго билета. Русскій Государственный Банкъ имѣетъ право выпуска въ 800 мил. руб., причемъ половина ихъ должна быть обезпечена золотомъ; всѣ выпуски свыше этой нормы должны быть обезпечены золотой монетой рубль за рубль полностью.

но они всегда являются только представителями благороднаго металла. Количество металлическихъ денегъ можетъ быть доведено, какъ мы выше видѣли, разумнымъ регулированіемъ денежнаго обращенія до минимума, но потребность имѣть нѣкоторый ихъ запасъ не можетъ исчезнуть. Въ товарномъ оборотѣ капиталистической системы благородные металлы навсегда останутся наилучшимъ средствомъ обмѣна, потому что условія ихъ производства и оцѣнки таковы же, какъ и у всѣхъ другихъ товаровъ. Всѣ тайны капиталистическаго производства въ равной мѣрѣ выражаются, какъ въ товарѣ, такъ и въ деньгахъ изъ благороднаго металла. Капиталистическое общество цѣнитъ только то, что полезно, рѣдко, равно нужно всѣмъ, легко сохраняется и представляетъ затрату труда и капитала. Оно бросаетъ всѣ цѣнности на рынокъ, но не гарантируетъ ихъ дальнѣйшей судьбы: и товары, и деньги равно подлежать колебаніямъ въ цѣнности и обезцѣненію; пока будетъ существовать товарное производство и деньги изъ благороднаго металла не исчезнутъ: запасъ ихъ всегда будетъ необходимъ для окончательной расплаты по совершившимся товарнымъ сдѣлкамъ.

Совсѣмъ иное положеніе занимаетъ трудовая нота или любой бумажный билетъ. Исчисленіе цѣнности каждаго товара въ трудѣ было бы и неправильно, ибо цѣнность не опредѣляется однимъ трудомъ, и невозможно, ибо это потребовало бы невѣроятной затраты труда исчисленія и не давало бы гарантіи для общества, что выпущено нужное количество билетовъ, соотвѣтствующее дѣйствительной цѣнности товаровъ. То, что продуктъ произведенъ, что на него затрачено опредѣленное количество труда, еще не гарантируетъ ему опредѣленной цѣнности. Выпущенная трудовая нота, вексель или всякій другой кредитный знакъ можетъ оказаться полной фикціей, обманомъ, если продуктъ, за который она выдана, окажется непригоднымъ или ненужнымъ, вообще общественно-безполезнымъ, или же если вексель выданъ по пріятельству лицу совсѣмъ не платеже-способному и не имѣющему никакихъ продуктовъ. Деньги же изъ благороднаго металла никогда не теряютъ цѣнности, ибо въ теченіе многихъ вѣковъ человѣчество привыкло цѣнить ихъ, какъ лучшее орудіе обмѣна и сбереженія и какъ продуктъ высокой потребительной и мѣновой цѣнности. Пристрастіе къ благородному металлу, на какихъ бы психологическихъ и экономическихъ началахъ оно ни было основано, — фактъ исторической жизни, съ которымъ нельзя не считаться.

Выпускъ трудовыхъ билетовъ, какъ измѣрителей цѣнности, долженъ поэтому предполагать полную реорганиза-

цію всего механизма производства, а также опредѣленіе всѣхъ условій оцѣнки производимыхъ для всего общества продуктовъ, однимъ словомъ, полную трансформацію всего нашего хозяйства.

При современныхъ же условіяхъ, регулировать количество бумажныхъ билетовъ не такъ просто, какъ это казалось Ло и всѣмъ его продолжателямъ. Мы не обладаемъ такимъ знаніемъ механизма капиталистическаго хозяйства, какое для этого требовалось бы. Наше знаніе сводится только къ возможности его регулированія и единственнымъ показателемъ правильнаго наростанія всѣхъ нужныхъ товаровъ является выгодность производства того или другого изъ нихъ. Общность всѣхъ условій производства товаровъ и денегъ изъ благороднаго металла потому и имѣетъ такое важное значеніе. Если благороднаго металла будетъ добыто слишкомъ много сравнительно съ нужнымъ количествомъ, выгодность его производства уменьшится, цѣна благороднаго металла упадетъ: если количество добываемаго благороднаго металла уменьшится, выгодность его производства возрастетъ и будутъ приняты всѣ мѣры къ увеличенію производства и, при наличности рудниковъ, цѣна на благородный металлъ снова понизится. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда количество наличнаго благороднаго металла недостаточно, мы имѣемъ возможность расширять обращеніе кредитныхъ знаковъ, но лишь въ той мѣрѣ, которая не уничтожаетъ „выгодности“ производства благородныхъ металловъ.

Полная замѣна благородныхъ металловъ бумажными знаками, однако, невозможна: а) совершенно прекратить производство благородныхъ металловъ нельзя, ибо они необходимы не только, какъ матеріалъ для денегъ, но и для удовлетворенія другихъ потребностей: для разнообразныхъ техническихъ надобностей и для украшенія; благодаря громаднымъ міровымъ запасамъ благороднаго металла цѣнность ихъ сравнительно устойчива и для крупнаго и опаснаго возвышенія или пониженія ея должно произойти полное видоизмѣненіе условій производства и употребленія; b) вполнѣ прекративъ ихъ производство, мы потеряли бы маснитабъ, на основаніи котораго мы можемъ судить о движеніи цѣнъ подъ вліяніемъ выгодности производства продуктовъ, т. е. средняго дохода тѣхъ или другихъ промысловъ. Поэтому, пока существуетъ товарное производство для пріобрѣтенія дохода, лучшимъ мѣриломъ цѣнности можетъ быть только товаръ, который производится для полученія такого же дохода. Само собою разумѣется, что удешевленіе или удорожаніе денегъ производитъ громадныя пертурбаціи въ положеніи должниковъ и вѣрителей; накопленіе въ деньгахъ

становится также болѣе возможнымъ: создаются громадныя денежныя богатства. Всѣ эти иослѣдствія, однако, неизбѣжны для капиталистической системы [1]).

Обезпечить выпуски бумажныхъ денегъ государственной землей также невозможно: 1) цѣнность земли, какъ фактора производства, не созданнаго трудомъ и капиталомъ, зависитъ отъ множества своеобразно исторически-сложившихся условій, крайне разнообразна и мы не могли бы съ достаточной точностью найти среднюю цѣнность опредѣленной ея единицы измѣренія, которая могла бы обезпечивать единицы цѣнности кредитнаго знака; 2) благородный металлъ составляетъ капиталъ на всемъ протяженіи мірового хозяйства; земля имѣетъ цѣну только для членовъ даннаго народнаго хозяйства; 3) обезпеченіе бумажнаго знака землею составляетъ чистѣйшую фикцію; удаленіе съ земли лицъ, ее занявшихъ и обрабатывающихъ, нежелательно, да и невозможно, ибо, если бы государственная земля сдѣлалась предметомъ спекулятивной и быстрой мобилизаціи при всякомъ предъявленіи бумажнаго билета къ реализаціи, всякая обработка земли должна была бы прекратиться; 4) цѣнность земли не стоитъ ни въ какой непосредственной зависимости съ потребностями денежнаго и товарнаго оборота; съ ея цѣнностью нѣтъ основаній сообразовать выпуски бумажныхъ билетовъ.

Противъ обоснованія мѣнового оборота на всякаго рода бумажныхъ знакахъ говорятъ еще и слѣдующія соображенія. Всѣ народныя сбереженія совершаются въ деньгахъ такъ же, какъ и всѣ обязательственныя отношенія. Всякое крупное политическое и соціальное потрясеніе обращаетъ всякіе бумажные знаки въ ничего не стоющій прахъ, производя разорительное потрясеніе всѣхъ правомѣрно пріобрѣтенныхъ состояній. Деньги же изъ благороднаго металла, какъ результатъ затратъ труда и капитала, никогда не могутъ потерять своей цѣнности, пока не измѣнится исторически сложившаяся психологія всего человѣчества и не создастся совершенно иная организація всего механизма производства и обмѣна.

§ 3. Какъ я уже отмѣтилъ выше, актъ объ избирательной реформѣ 1832 г. не удовлетворилъ ни представителей наиболѣе радикальной интеллигенціи, ни рабочіе классы. Недовольство еще болѣе усилилось послѣ изданія новаго

1) Имѣется, однако, уже цѣлый рядъ теоретическихъ предложеній о видоизмѣненіи договоровъ въ зависимости отъ движенія цѣнъ подъ вліяніемъ чрезвычайнаго измѣненія денежныхъ запасовъ. О нѣкоторыхъ изъ этихъ проэктовъ см. сочиненія, указанныя выше стр. 281.

закона 1834 года о призрѣніи бѣдныхъ. Къ тому же и фабричный законъ 1833 г., несмотря на всѣ усилія со стороны партіи консерваторовъ (тори), ничего не сдѣлалъ для улучшенія участи рабочихъ, подростковъ и дѣтей свыше тринадцатилѣтняго возраста. Главными лидерами утилитаріанскаго либерализма съ этого времени сдѣлались Ричардъ Кобденъ и Джонъ Брайтъ, которые поставили своей задачей свести до послѣдняго минимума вмѣшательство государства въ отношенія между фабрикантами и рабочими. Хотя законъ 1833 г. и носилъ громкое названіе „билля о десятичасовомъ рабочемъ днѣ“ для женщинъ и подростковъ ниже 13-ти лѣтъ, но, по справедливому замѣчанію Гиббинса, онъ былъ такъ построенъ, что „фабричные инспектора единогласно заявляли, что постановленій объ ограниченіи рабочаго времени невозможно выполнять противъ воли хозяевъ.“

Первоначально агитація противъ законовъ 1833 и 34 гг. велась самыми противоположными элементами по своимъ политическимъ убѣжденіямъ. Консерваторы шли рука объ руку съ радикальными элементами, которые восприняли наиболѣе крайніе выводы политической философіи утилитаризма и соціальную доктрину Р. Оуена [1]).

Уже Мальтусъ, яркій представитель консервативной партіи, аграрій и протекціонистъ, наиболѣе близкій къ утилитаріанству, сталъ намѣчать консерваторамъ новую дорогу для привлеченія утраченныхъ симпатій народныхъ массъ. Въ его сочиненіяхъ постоянно слышится недовольство „фабричной системой“, которая жестокой эксплоатаціей рабочихъ массъ можетъ вызвать политическое движеніе. Саутей (1774—1843), Остлеръ (1789—1861), Садлеръ (1780—1835), Лордъ Шэфтсбери († 1885 г.) были тѣми людьми изъ представителей консервативной партіи, которые противоставили идею филантропическаго попеченія о рабочихъ классахъ черствому индивидуализму утилитаристовъ. Въ 1832—1838 г. особенно выдѣлялись среди представителей консервативной партіи Остлеръ и Винсентъ. Они были главными консервативными агитаторами противъ законовъ 1833—34 гг.; они находили дѣятельную поддержку среди радикальныхъ элементовъ. 11-го мая 1837 г. Остлеру и Винсенту, послѣ цѣлаго ряда митинговъ, на которыхъ раздавались самыя край-

1) См. цитированную выше автобіографію Ловетта; Р. Гаммеджъ. Исторія чартизма (русск. пер. 1907.); John. Tildsey. Die Entstehung und die ökonomischen Grundsätze der Chartistenbewegung (J. 1898 г.); John Morley. The life of R. Cobden (L. 1882) Гиббинсъ. Англійскіе реформаторы, р. пер. Москва, 1896 г. Большое распространеніе среди студенчества получила брошюра С. Боркгаймъ. Движеніе чартистовъ (1905 г.), но она имѣетъ только агитаціонное значеніе и совершенно неправильно освѣщаетъ чартистское движеніе.

нія рѣчи противъ„ политико-экономовъ“ и „новаго невольничества рабочихъ“ удалось составить парламенту петицію за подписью 250,000 человѣкъ объ отмѣнѣ новыхъ законовъ объ общественномъ призрѣніи. Въ 1840 г., однако, Остлеръ, по жалобѣ своего хозяина, попалъ въ тюрьму и просидѣлъ въ ней около четырехъ лѣтъ; въ это время агитація противъ указанныхъ законовъ приняла совершенно иной характеръ. Консерваторы отступили на задній планъ и началась крайне поучительная борьба между представителями либерализма и радикалами-соціалистами; результаты были совершенно иные сравнительно съ тѣми, которые ожидались борящимися.

При открытіи новой сессіи парламента, по вступленіи на престолъ королевы Викторіи, небольшая кучка радикаловъ въ нижней палатѣ: Юмъ, О'Коннель, Роббокъ и другіе потребовали реформы избирательнаго права. Предложеніе радикаловъ получило только 22 голоса противъ 501: либеральный министеръ лордъ Россель заявилъ, что, по существу дѣла, парламентарная реформа можетъ считаться законченной. Неудача радикаловъ сдѣлала ихъ весьма популярными среди рабочихъ классовъ. Ихъ встрѣчали съ особымъ энтузіазмомъ въ „Лондонской Ассоціаціи рабочихъ“, которая была основана Ловеттомъ и его друзьями и ставила своей задачей „улучшеніе положенія рабочаго класса въ политическомъ, соціальномъ и моральномъ отношеніяхъ всѣми возможными, законными мѣрами, но безъ насилія“. Изъ этого общества, главнымъ образомъ, вышли впослѣдствіи чартисты, называвшіе себя „moral force men“, — т. е. людьми нравственной силы въ отличіе отъ людей „physical force men“, т. е. физической силы, которые рѣшились прибѣгнуть къ самымъ крайнимъ мѣрамъ для достиженія своихъ политическихъ и соціальныхъ цѣлей и главными руководителями которыхъ сдѣлались О'Коннеръ, а впослѣдствіи и О'Брайанъ.

Въ исторіи чартистскаго движенія слѣдуетъ отличать два періода. Первый періодъ съ 1836 по 1842 г. и второй періодъ съ 1842 по 1848 годъ; наибольшаго напряженія чартистское движеніе достигло въ 1842 г.; съ этого же времени оно начинаетъ угасать.

Первый періодъ этого движенія интересенъ по своей политической окраскѣ, по тѣмъ своеобразнымъ пріемамъ борьбы, которые пустили въ ходъ вожди движенія для объединенія крайне разнообразныхъ общественныхъ элементовъ „молодой, несчастной и взволнованной“ демократіи; второй періодъ, напротивъ, любопытенъ по тѣмъ экономическимъ требованіямъ, которыя стали предъявлять чартисты. Постановка этихъ требованій, а также и революціонный характеръ

затѣянной борьбы въ это время, неизбѣжно должны были привести къ смерти чартизмъ.

Съ особой силой чартистское движеніе стало развиваться съ 1837 года; 1834, 35 и 36 гг. были годами весьма урожайными. Съ 1837 по 1843 г. урожаи были плохи и, послѣ финансоваго кризиса 1837 г. въ Америкѣ, отразившагося и на всей Европѣ, а въ особенности въ Англіи, положеніе англійской промышленности было очень неблагопріятно. Безработица, бѣдствія рабочихъ классовъ, связанныя съ фабричной системой въ эпоху великаго промышленнаго кризиса, послужили благопріятной почвой для развитія агитаціи среди демократіи. И консервативные, и радикальные элементы равно двинулись въ народъ, возбуждая въ немъ каждый по своему недовольство. Главнымъ вождемъ движенія въ это время сдѣлался Томасъ Атвудъ въ Бирмингамѣ, членъ парламента и организаторъ „Бирмингамскаго политическаго союза“, сыгравшаго не малую роль въ парламентарной реформѣ 1832 г. Къ нему вскорѣ примкнули Ловеттъ съ его „Лондонскимъ рабочимъ союзомъ“ и Фергюсъ О'Конноръ, дѣйствовавшій на сѣверѣ Англіи, въ мануфактурныхъ округахъ, и основавшій здѣсь такъ называемый „Сѣверный Союзъ“.

По почину Т. Атвуда, послѣ ряда митинговъ во всей Англіи, на которыхъ было сказано немало самыхъ рѣзкихъ и горячихъ рѣчей, на 4 февраля 1837 г. былъ созванъ „національный конвентъ“ рабочаго класса, который долженъ былъ формулировать требованія народа.

Собравшійся національный конвентъ представлялъ собою довольно пестрое собраніе. Онъ состоялъ, по словамъ Ловетта, изъ 53 делегатовъ: изъ нихъ три были чиновниками, шесть редакторами газетъ, одинъ — священникъ англійской церкви, другой священникъ — диссидентъ, два врача; остальные принадлежали къ классу рабочихъ, мелкихъ и среднихъ торговцевъ. Сколько-нибудь ясной соціальной программы это собраніе не имѣло. Атвудъ и его партія желали только отмѣны закона 1819 г., возстановившаго платежи золотомъ и требовали безграничнаго выпуска банковыхъ билетовъ; представители города Глазго — желали отмѣны хлѣбныхъ законовъ; большинство, въ особенности представители Манчестера, желали отмѣны законовъ 1833 и 1834 гг. и выработки фабричнаго законодательства на новыхъ началахъ; были среди нихъ и послѣдователи Оуена, по существу не особенно вѣрившіе въ политическія реформы; были и люди „нравственной и физической силы“.

Временно, однако, всѣ они объединились на требованіи всеобщаго избирательнаго права, на новой хартіи (отсюда и ихъ названіе — хартисты, или по англійскому про-

изношенію — чартисты). Выработанная этимъ національнымъ конвентомъ петиція показываетъ, какъ не ясны въ соціальномъ отношеніи были еще въ это время общія желанія чартистовъ. Вотъ содержаніе этой петиціи, которая, послѣ ряда бурныхъ митинговъ во всей Англіи, получила 1,200,000 подписей. Я воспроизвожу петицію полностью со всѣми ея политическими аргументами, ибо идеи ея и среди современной соціалъ-демократіи сохранились, какъ политическое credo. За послѣднее время въ эти политическія требованія, оставшіяся по существу неизмѣнными, включена только необходимость признанія политическихъ правъ и за женщинами.

„Благороднымъ Общинамъ Великобританіи и Ирландіи, соединеннымъ въ Парламентъ, Петиція отъ ихъ страждущихъ соотечественниковъ, нижеподписавшихся".

„Благосклонно примите во вниманіе, что мы, просители, живемъ въ странѣ, купечество которой извѣстно своей предпріимчивостью, фабриканты — своими знаніями, рабочіе своимъ искусствомъ. Страна сама по себѣ хороша, почва богата, климатъ здоровъ. Она обильно снабжена всѣми матеріалами для торговли и промышленности. Она обладаетъ многочисленными и удобными гаванями. Въ легкости внутреннихъ путей сообщенія она превосходитъ всѣ другія страны. Въ теченіи двадцати трехъ лѣтъ мы наслаждались полнымъ миромъ. Но, несмотря на всѣ данныя къ народному благоденствію, несмотря на желаніе и на умѣнье пользоваться ими, мы подавлены страданіями, какъ въ общественной, такъ и въ частной жизни. Мы изнемогаемъ подъ тяжестью налоговъ, которые, тѣмъ не менѣе, все еще не удовлетворяютъ нашихъ правителей. Наши промышленники дрожатъ передъ угрожающимъ имъ банкротствомъ; наши рабочіе умираютъ отъ голода. Капиталъ не приноситъ дохода; трудъ не оплачивается. Домъ рабочаго пустъ, а кладовая ростовщика полна. Работные дома переполнены, а фабрики пустуютъ. Мы присматривались къ обстоятельствамъ; мы старались найти причины такого жестокаго и такого продолжительнаго бѣдствія. Мы не можемъ найти этихъ причинъ ни въ природѣ, ни въ Провидѣніи. Небо изливало свои дары на народъ, и народъ не злоупотреблялъ его милостями, но безумство нашихъ правителей обратило въ ничто дары Господни. Энергія нашего могущественнаго государства растрачивалась на укрѣпленіе власти себялюбивыхъ и невѣжественныхъ людей, а его средства шли на ихъ обогащеніе. Благосостояніе націи приносилось въ жертву благосостоянію немногихъ. Меньшинство управляло въ интересахъ меньшинства и безумно пренебрегало интересами большинства, или дерзко и тиранически топтало ихъ. Друзья народа возлагали большія надежды на Парламентскую Реформу 1832 г. и думали въ ней найти избавленіе, если не отъ всѣхъ страданій, то, по крайней мѣрѣ, отъ большей ихъ части. Они видѣли въ этой реформѣ мудрое средство для достиженія высокой цѣли, механизмъ для улучшенія законодательства, въ которомъ, въ концѣ концовъ, должна была пріобрѣсти значеніе и воля народа. Но они были горько и низко обмануты. Плоды, такіе прекрасные на видъ, обратились въ пыль и прахъ, когда ихъ стали собирать. Парламентская реформа осуществила только переходъ власти отъ одного господствующаго класса къ другому, а народъ остался также безпомощенъ, какъ и раньше. Наше рабство смѣнилось тяжкими годами „ученичества" въ ожиданіи свободы (apprenticeship for liberty) и къ нему присоединилось еще горестное чувство нашего соціальнаго униженія вмѣстѣ съ болью по утраченнымъ надеждамъ. Мы

обращаемся теперь къ вашей благородной Палатѣ, чтобы сказать вамъ въ полномъ смиреніи, что нельзя дозволить продолжаться такому положенію вещей. Оно не можетъ долго продолжаться, не подвергнувъ опасности тронъ и внутренній миръ страны. Если, съ Божіей помощью и всѣми законными и конституціонными средствами, можно положить конецъ этому, мы твердо рѣшились въ самомъ скоромъ времени добиться этого конца. Мы говоримъ благородной Палатѣ, что капиталъ хозяина долженъ приносить ему необходимый доходъ, и что трудъ рабочаго не можетъ быть лишенъ необходимаго вознагражденія, что законы, благодаря которымъ, пища такъ дорога, а деньги такъ скудны, должны быть уничтожены. Налоги должны падать на собственность, а не на трудъ. Благо большинства, какъ единственная законная цѣль, должно быть главною задачею правительства. Въ качествѣ предварительной и необходимой мѣры какъ для этихъ, такъ и для другихъ перемѣнъ, въ качествѣ единственнаго средства, съ помощью котораго интересы народа могутъ быть дѣйствительно ограждены и обезпечены, — мы требуемъ поручить охрану интересовъ народа самому народу. Когда государству нужны защитники или нужны деньги, бѣдность и невѣжество не принимаются во вниманіе; подъ этими предлогами нельзя отказываться или просить объ отсрочкѣ. Отъ насъ требуютъ постоянно, чтобы мы поддерживали законы и повиновались имъ, поэтому природа и разумъ говорятъ намъ, что при составленіи законовъ должно непремѣнно слушать голосъ народа. Мы несемъ на себѣ обязанности свободныхъ гражданъ, мы должны имѣть права свободныхъ гражданъ. Поэтому мы требуемъ всеобщаго избирательнаго права. Для того, чтобы голосованіе было свободно отъ подкуповъ богатыхъ и насилія могущественныхъ, оно должно быть тайно. Признаніе нашихъ правъ должно вести за собою и возможность пользоваться ими безъ принужденія. Мы хотимъ дѣйствительнаго блага, а не призрачнаго, и поэтому мы требуемъ тайной подачи голосовъ. Для того, чтобы связь между народомъ и правителями была благотворна, она должна быть дѣйствительна. Законодательная и учредительная власти для того, чтобы можно было слѣдить за ними и исправлять ихъ промахи, должны находиться въ частомъ соприкосновеніи. Ошибки, сравнительно незначительныя и легко исправимыя съ помощью народныхъ силъ, могутъ привести къ самымъ ужаснымъ бѣдствіямъ, если они будутъ разростаться въ продолженіи многихъ лѣтъ насильственнаго промедленія. Для общественной безопасности, какъ и для общественнаго довѣрія, необходимы частые выборы. Поэтому мы требуемъ ежегодныхъ парламенскихъ выборовъ. Въ законѣ о выборахъ и при свободѣ выборовъ сфера нашего выбора не должна быть ограничена. По существующимъ законамъ мы можемъ избирать нашими представителями людей, неспособныхъ понять наши нужды или относящихся къ нимъ безъ всякаго сочувствія: купцовъ, удалившихся отъ торговли и не несущихъ больше ея тяжестей, землевладѣльцевъ, не знакомыхъ ни съ источниками нашихъ нуждъ, ни со средствами ихъ исцѣленія; адвокатовъ, для которыхъ одобреніе народа важно только, чтобы добиться значенія въ судахъ. Обязанности представителя, тщательно относящагося къ своему долгу, многочисленны и тяжелы. Несправедливо, неразумно и не безопасно заставлять его нести эти обязанности безвозмездно. Мы требуемъ, чтобы на слѣдующихъ выборахъ въ вашу благородную Палату единственнымъ условіемъ выбора представителя было бы одобреніе избирательной коллегіи и чтобы каждому такому представителю было назначено изъ общественныхъ суммъ приличное вознагражденіе за все то время, которое онъ посвящаетъ общественному дѣлу. До сихъ поръ управленіе нашимъ могущественнымъ государствомъ служило только для удовлетворенія эгоистическихъ желаній господствующаго класса. Мы путемъ тяжелаго опыта дошли до пониманія вредныхъ послѣдствій такого управленія. Небольшіе проблески непрочнаго благоденствія утопали въ періодахъ мрачныхъ и

продолжительныхъ страданій. Если народное самоуправленіе и не уничтожитъ всѣхъ источниковъ бѣдствій, то, по крайней мѣрѣ, оно успокоитъ народное негодованіе. Всеобщее избирательное право и только оно одно можетъ дать продолжительный и истинный миръ націи; мы убѣждены также, что оно принесетъ за собою и благоденствіе. Поэтому да будетъ благоугодно вашей благородной Палатѣ съ самымъ серьезнымъ вниманіемъ отнестись къ нашей петиціи и употребить всѣ ваши старанія, чтобы всѣми возможными конституціонными средствами провести законъ о дарованіи права быть избраннымъ въ члены парламента каждому представителю мужского пола законнаго возраста, въ здравомъ умѣ и не находящагося подъ судомъ. Производить всѣ будущіе выборы въ парламентъ посредствомъ тайной подачи голосовъ, время избранія въ парламентъ ограничить только однимъ годомъ, уничтожить имущественный цензъ для членовъ парламента и опредѣлить имъ должное вознагражденіе во время исполненія ими парламентскихъ обязанностей.

И ваши просители будутъ вѣчно благодарить Бога".

Любопытно отмѣтить, что уже при выработкѣ этой петиціи представители Бирмингама и партіи Ловетта были встревожены революціоннымъ характеромъ нѣкоторыхъ депутатовъ національнаго конвента. Они даже покинули собраніе. Впослѣдствіи они были замѣнены новыми, но это передало движеніе въ руки наиболѣе крайнихъ элементовъ. Необходимо также указать, что планъ, въ случаѣ непринятія петиціи парламентомъ, объявить забастовку на одну недѣлю былъ предложенъ фабрикантомъ Т. Атвудомъ съ спеціальною цѣлью не дать возможности получить преобладаніе людямъ „физической силы." Эту же идею „всеобщей стачки" обсуждали впослѣдствіи Кобденъ и Брайтъ, добиваясь отмѣны хлѣбныхъ законовъ, и она частью была осуществлена въ 1842 г. Это подробность характерна. Въ минуту общественныхъ волненій эта идея была, слѣдовательно, создана вовсе не представителями рабочаго класса, а буржуазіей, которая не желала прибѣгать къ насилію.

Конвентъ въ самомъ началѣ агитаціи рѣшилъ, по совѣту Атвуда, переѣхать въ Бирмингамъ, какъ болѣе спокойное мѣсто. Возбужденіе въ странѣ было дѣйствительно крайне велико. Идеи Томсона и Оуена были движущей силой всѣхъ наиболѣе радикальныхъ элементовъ; ихъ соціальная платформа была не ясна, но давала громадныя надежды своей политической стороной. Пламенный ораторъ Стефенсъ на митингѣ въ Манчестерѣ говорилъ: „чартизмъ, друзья мои, не политическій вопросъ; это проблема ножа и вилки; получивъ хартію, вы получите хорошее жилище, хорошую одежду и пищу, хорошую заработную плату и непродолжительное рабочее время." Всеобщее избирательное право должно было служить великой хартіей „соціальныхъ реформъ". Ночные митинги при свѣтѣ факеловъ, крайнія рѣчи ораторовъ встревожили и общественное мнѣніе, и правительство, которое до этого времени относилось сравнительно равнодушно къ затѣянному движенію.

13-го мая конвентъ переѣхалъ изъ Лондона въ Бирмингамъ и здѣсь то имъ и были предложены на обсужденіе резолюціи, въ случаѣ непринятія петиціи, прибѣгнуть къ извлеченію вкладовъ изъ банковъ, къ бойкоту всѣхъ торговцевъ, враждебныхъ чартизму, къ отказу отъ употребленія спиртныхъ напитковъ, къ вооруженію и всеобщей забастовкѣ на одинъ мѣсяцъ. Въ самыхъ предѣлахъ конвента не было большого довѣрія къ возможности осуществленія этого плана. По справедливому замѣчанію Гаммеджа, однако, „существуетъ цѣлый рядъ людей, считающихъ себя народными вождями, которымъ нравятся только крайности; не способные къ логическимъ разсужденіямъ или, быть можетъ, пренебрегая логикой, они не могутъ или не хотятъ видѣть, что для того, чтобы народъ былъ въ состояніи бросить открытый вызовъ своему правительству, нужна подготовительная работа".

Правда, въ засѣданіи конвента 16 мая 1839 г. самъ вождь движенія О'Коннеръ порицалъ вооруженныя собранія послѣ того, какъ глава министерства лордъ Джонъ Россель объявилъ ихъ въ Палатѣ Общинъ незаконными; по просьбѣ О'Коннора О'Брайанъ даже составилъ особыя резолюціи, въ которыхъ говорилось, что „миръ, законъ и порядокъ" будутъ лозунгами конвента, но въ то же время отмѣчалось, что „на насиліе конвентъ отвѣтитъ насиліемъ и воздастъ за убійство справедливой казнью." Эти предложенія и двусмысленно редактированныя резолюціи придали всему движенію совершенно революціонный и безтолковый характеръ. Митинги стали принимать все болѣе неспокойный характеръ и наступилъ рядъ столкновеній съ властями, многочисленные аресты и осужденія лидеровъ къ тюремному заключенію.

12 іюня 1839 г. петиція была представлена Парламенту Атвудомъ, который произнесъ нелѣпую рѣчь, доказывая, что главная причина народныхъ бѣдствій лежитъ въ неправильной золотой денежной системѣ, которая привела къ вздорожаніи денегъ вслѣдствіи уменьшившагося ихъ количества и „отяготила новымъ бременемъ въ 25—40 % всякого человѣка въ общества во всѣхъ случаяхъ договоровъ, залога, исполненія завѣщанія и проч". Лордъ Россель, само собой разумѣется, безъ труда доказалъ несостоятельность этой причины. Обсужденіе этой петиціи было отклонено большинствомъ 235 противъ 148, причемъ въ числѣ желавшихъ разсмотрѣнія большинство принадлежало къ партіи либераловъ, которая желала путемъ гласнаго обсужденія доказать несостоятельность петиціи.

Отказъ отъ обсужденія имѣлъ очень печальныя послѣдствія. Въ Бирмингамѣ произошли крупные безпорядки, которые, по словамъ Тилдсея [1]), были вызваны преждевре-

1) См. Tildsey, l. c. стр. 49—50.

меннымъ вмѣшательствомъ полиціи, присланной изъ Лондона, въ которомъ по существу наиболѣе консервативные бирмингамскіе чартисты видѣли неправомѣрное воспрещеніе общественныхъ собраній и вмѣшательство власти въ дѣла самоуправленія. Суровое подавленіе этихъ безпорядковъ окончательно отуманило голову вождей. Надеждъ на успѣхъ ранѣе объявленной забастовки на цѣлый мѣсяцъ — не было. Конвентъ предложилъ вмѣсто этого съ 12 августа прекратить работу на 2—3 дня, но и эта попытка сколько-нибудь значительнаго успѣха не имѣла. Съ 14 сентября конвентъ призналъ себя распущеннымъ и потерялъ всякое вліяніе. Волненіе, однако, продолжалось, а съ нимъ и аресты, и осужденія. О'Брайанъ и О'Коннеръ были приговорены къ тюремному заключенію на 18 мѣсяцевъ. Но чартистское движеніе еще не умерло. До этого времени всѣ чартистскіе союзы имѣли мѣстный характеръ. 20 іюля 1840 г. въ Манчестерѣ состоялось собраніе этихъ союзовъ, постановившее объединить всѣ мѣстные союзы въ одну „Національную чартистскую организацію Великобританіи."

Освобожденіе большинства чартистовъ изъ заключенія, произошедшее къ этому времени, дало новый толчекъ движенію. Обстоятельства, однако, видоизмѣнились. 4 іюня 1841 г. либеральное министерство виговъ во главѣ съ Мельбурномъ пало. Его мѣсто заступило консервативное министерство (тори) съ Р. Пилемъ въ качествѣ перваго министра. Большинство на выборахъ получили консерваторы при сильной поддержкѣ самихъ чартистовъ, ненавидѣвшихъ сторонниковъ „индивидуалистическаго утилитаризма", которымъ пришлось подавлять всѣ происшедшія волненія. Измѣнились и политическія отношенія партій въ парламентѣ, и настроеніе чартистовъ. Въ то-же время руководители либеральной партіи нашли совершенно иной исходъ для взволнованныхъ массъ, стараясь объяснить переживаемыя ими страданія въ духѣ школы Рикардо. Образованная буржуазія ясно поняла, что она борется не только за свои денежныя интересы, но и за власть, за право руководить жизнью страны. Безъ поддержки рабочаго класса она обойтись не могла въ данный моментъ.

Почти въ тотъ моментъ, когда чартитское движеніе было въ періодѣ своего наибольшаго, бурнаго развитія, въ Англіи началось новое движеніе, которое сыграло большую роль въ ея экономической исторіи. Уже въ 1820 г. въ особой петиціи купцы требовали провозглашенія „свободной торговли". Въ 1838 г. въ Манчестерѣ образовалось „Антихлѣбная лига", во главѣ которой стоялъ извѣстный Ричардъ Кобденъ, а впослѣдствіи и его другъ Джонъ Брайтъ. Это были истинные представители вновь выросшей и обра-

зованной буржуазіи, хорошо понявшіе ея жизненные интересы.

Всѣ отношенія между рабочими и предпринимателями, по мнѣнію Кобдена [1]), должны всегда покоиться на свободномъ соглашеніи индивидуальныхъ лицъ. Онъ былъ противъ проведенія чрезъ парламентъ билля о 10-ти часовомъ рабочемъ днѣ, утверждая, что рабочія должны добиться этого чрезъ соглашеніе. Въ то-же время онъ былъ, однако, и врагомъ рабочихъ союзовъ, видѣлъ въ нихъ новое рабство. Для Кобдена и его друга Брайта лѣкарствомъ для всѣхъ соціальныхъ несчастій была „свободная торговля“ хлѣбомъ и свобода отъ обложенія всѣхъ другихъ продуктовъ, необходимыхъ для пропитанія рабочихъ. Въ безконечномъ количествѣ своихъ парламентскихъ и внѣ-парламентскихъ рѣчей онъ безъ устали утверждаетъ, что налогъ на хлѣбъ всей своей тяжестью ложится на рабочіе классы, что отмѣна хлѣбныхъ пошлинъ не понизитъ заработной платы; „тѣ, которые требуютъ отмѣны хлѣбныхъ пошлинъ уже неоднократно заявляли, что цѣль ихъ состоитъ въ обмѣнѣ продуктовъ мѣстнаго производства на продукты всѣхъ другихъ странъ и что всѣ правительственныя пошлины, взимаемыя съ предметовъ, производствомъ которыхъ они занимаются, должны быть повсемѣстно отмѣнены въ цѣляхъ установленія свободныхъ и безпрепятственныхъ сношеній между всѣми народами земного шара, согласно предначертаніямъ самой природы“ [2]). Каждая нація пригодна къ производству того или иного товара, утверждалъ Кобденъ, развивая идеи Рикардо. Капитализація промысловъ, крупное производство съ наилучшими машинами — вотъ въ чемъ видѣлъ онъ спасеніе страны отъ бѣдствій.

Кобденъ ясно видѣлъ, что Англіи предстоитъ сдѣлаться страной обрабатывающей промышленности; свободное право обмѣнивать продукты обрабатывающей промышленности на зерновые продукты другихъ странъ должно привести къ развитію англійской торговли т. е. къ росту обрабатывающей промышленности, а слѣдовательно, и къ уве-

1) См. Его избранныя рѣчи. Библіотека Экономистовъ, вып. X. Сторонники свободной торговли и государственнаго невмѣшательства, благодаря возникновенію этой лиги въ Манчестерѣ, получили кличку „манчестерцевъ“. Анти-хлѣбная лига объединяла фабрикантовъ и представителей торговаго капитала. Въ своемъ письмѣ отъ 9 авг. 1857 г. къ I. Packes Кобденъ писалъ: „крупно-капиталистическій классъ составилъ отличную базу для агитаціи анти-хлѣбной лиги, ибо кошельки его были неистощимы; онъ открылъ ихъ для этой агитаціи не только во имя своихъ денежныхъ интересовъ, но и потому, что съ его гордость (pride), какъ класса, была затронута въ этомъ спорѣ“.

2) Библ. Экон. l. c. стр. 15.

личенію спроса на трудъ. Спросъ на трудъ не понижаетъ, а повышаетъ заработную плату. Дешевое пропитаніе работника, какъ училъ Рикардо, и оно одно спасаетъ прибыль фабриканта отъ захвата ея рентой землевладѣльца. Получивъ дешеваго работника, фабрикантъ дастъ занятіе двумъ работникамъ вмѣсто одного. Съ расширеніемъ сбыта и фабрикантъ, и его работники будутъ постоянно заняты и безработица исчезнетъ. Одинъ изъ самыхъ способныхъ сторонниковъ Кобдена В. Д. Фоксъ говорилъ, что „уничтоженіе протекціонизма истребитъ (would exterminate) пауперизмъ и чрезъ немного лѣтъ спустя за уничтоженіемъ протекціонизма также исчезнутъ „рабочіе дома призрѣнія“, какъ за разрушеніемъ баронскихъ замковъ канулъ въ вѣчность феодализмъ“.

Кобденъ манилъ человѣчество къ свободной торговлѣ еще и указаніемъ на то, что свободная торговля уничтожитъ вражду между націями. Она, и только она, способна создать гармонію интересовъ между народами и всеобщій миръ, который освободитъ человѣчество отъ всей тяжести военныхъ расходовъ. Паденіе континентальной системы и установившіеся къ тому времени, политическое равновѣсіе Европы считалось лучшимъ доказательствомъ справедливости возраженій Рикардо противъ Мальтуса, полагавшаго, будто коалиція контенентальныхъ государствъ можетъ лишить Англію необходимаго снабженія хлѣбомъ. Въ 30—50-хъ годахъ Пруссія, Россія и Франція, Соединенные Штаты искали сбыта для своихъ земледѣльческихъ продуктовъ; намѣчавшееся уже освобожденіе крестьянъ и распространеніе идей свободной торговли давало сторонникамъ Кобдена всѣ основанія ожидать, что недостатка въ хлѣбѣ Англія не испытаетъ, даже совершенно разоривъ свое земледѣліе. Распространеніе капиталистической системы хозяйства по всему свѣту сдѣлало Англію дѣйствительно потребительницей хлѣба со всего міроваго рынка.

Первоначально чартисты относились съ большимъ недовѣріемъ къ дѣятельности лиги противъ хлѣбныхъ законовъ. Они врывались на ея митинги, старались ихъ сорвать и въ самыхъ рѣзкихъ формахъ осуждали ея дѣятельность. Этому нѣтъ надобности удивляться. Кобденъ и его сподвижники обѣщали повышеніе заработныхъ платъ отъ развитія торговыхъ оборотовъ; чартисты утверждали, что это только хитрость фабрикантовъ, которые знаютъ, что при дешевыхъ цѣнахъ на хлѣбъ рабочія руки также будутъ дешевы, а фабриканты и купцы положатъ весь доходъ отъ развитія торговыхъ оборотовъ въ свой карманъ. Чартисты боялись также, что крушеніе земледѣлія чрезъ ввозъ дешеваго хлѣба съ континента заставитъ земледѣльческихъ рабочихъ на-

хлынуть въ города и еще болѣе понизитъ заработную плату. Въ то же время и цифры тогдашняго торговаго оборота показывали, что въ періодъ съ 1834 по 1845 г., т. е. во время наибольшаго обостренія отношеній между чартистами и лигистами, торговые обороты возросли, но общая масса цѣнности произведенныхъ товаровъ упала, что объяснялось тремя причинами: a) удешевленіемъ обрабатываемаго сырья (до 1830 г.), b) улучшеніемъ способовъ производства и c) пониженіемъ заработной платы.

Но и не эти одни причины вызывали вражду между лигистами и чартистами. Въ ихъ міровоззрѣніяхъ было непримиримое противорѣчіе. Въ лицѣ Кобдена Англія нашла выразителя торжествующей буржуазіи, которая должна была временно побѣдить, ибо она стояла за развитіе производительныхъ силъ; чартисты же видѣли въ свободѣ торговли только врага, часто цѣпко держались за традиціи протекціонизма, а временами какъ-бы довѣряли Мальтусу, который утверждалъ, что „протекціонизмъ, какъ система покровительства національному труду, создавшая богатство Англіи, повышаетъ заработную плату“ и что „свобода торговли есть миражъ, который никогда не будетъ достигнутъ.“

Чартисты прислушивались къ возраженіямъ протекціонистовъ, пріобрѣвшихъ въ этомъ отношеніи богатое наслѣдство отъ всей предшествовавшей исторіи Англіи. Успѣхъ протекціонной политики Елизаветы и Кромвелля, политика захвата громадныхъ территорій, наконецъ, соціальное законодательство той же Елизаветы не могли исчезнуть изъ народной памяти. Значеніе новыхъ формъ и системъ промышленности еще давало себя знать только своей наиболѣе тяжелой стороной. Чартисты, однако, совершенно преобразовывали эту аргументацію, стоя на почвѣ ученія Оуенитовъ. Ихъ девизъ былъ: back to the land, т. е. назадъ — къ землѣ; нечего заботиться о развитіи промышленности путемъ расширенія торговли. Необходимо, чтобы страна производила все сама для себя. Она должна создать счастливое соединеніе земледѣлія съ промышленностью въ видѣ мелкихъ производительныхъ ассоціацій.

Два вождя второго періода чартизма Бронтерръ О'Брайанъ и Фергюсъ О'Коннеръ пропогандировали эти основныя идеи. О'Брайанъ слѣдующимъ образомъ выразилъ свои мысли: „Система, которую я опровергаю и съ которой я желалъ-бы, чтобы и вы боролись, есть та система, при помощи которой ранѣе эксплотаторы сдѣлали изъ васъ, какъ обрабатывателей земли, фабричныхъ рабочихъ для всего міра. Я врагъ той системы, которая вызываетъ преобладаніе промышленности надъ земледѣліемъ и затѣмъ отдаетъ всѣ выгоды такого положенія вещей новымъ людямъ, представителямъ денежной ари-

стократіи, системы, которая оторвала васъ отъ земли, чтобы отдать въ полное распоряженіе, какъ рабовъ, похотямъ новой аристократіи, какъ въ средніе вѣка баронамъ.“ Въ зависимости отъ производимыхъ въ странѣ средствъ пропитанія стоитъ сила государства, его возможность открывать новыя фабрики давать занятіе рабочимъ и, какъ результатъ, окружить себя такими предметами роскоши и искусства, которые отличаютъ цивилизованнаго отъ нецивилизованнаго человѣка, полагаетъ О'Брайанъ.

Бронтерръ О'Брайанъ былъ соціалистомъ-народникомъ нашего времени. Онъ стоялъ за націонализацію земли. Онъ требовалъ, чтобы вся земля Англіи была подѣлена на участки, которые наиболѣе пригодны для веденія хозяйства. Въ опредѣленный срокъ года ихъ съ публичнаго торга слѣдуетъ сдавать въ аренду. Каждый имѣетъ право получить земли столько, сколько онъ можетъ обработать. Земля должна быть подѣлена на округа; арендная плата должна уплачиваться въ окружной банкъ. Эти деньги должны идти въ пользу прежнихъ владѣльцевъ, какъ выкупъ; эта операція, по его предположенію, должна окончиться въ 30 лѣтъ. Затѣмъ земля станетъ собственностью народа. Размѣръ аренды, сроки и время ея платежа слѣдуетъ соотвѣтственно съ обстоятельствами измѣнять, согласно интересамъ общинъ. Ф. О'Коннеръ былъ буржуазнѣе. Это какъ бы одинъ изъ такъ называемыхъ у насъ „народниковъ изъ лѣвыхъ кадетовъ“ или умѣренный изъ нашей народно-соціалистической партіи. Съ 1838 г. онъ неустанно проповѣдуетъ, что каждый человѣкъ въ Англіи долженъ имѣть возможность пріобрѣсти право за умѣренную аренду въ полную собственность или въ вѣчно-наслѣдственное пользованіе участокъ земли въ два акра, съ домомъ и всѣми необходимыми хозяйственными принадлежностями. Крупныя владѣнія подлежатъ, по его мнѣнію, раздробленію. Правительство должно сдѣлать заемъ въ 100,000,000 ф. ст. и немедленно разселить милліонъ людей, давъ каждому 2 акра изъ отчужденной земли. Впослѣдствіи онъ пытается создать частный банкъ для созданія такой реформы, но призывъ его никакого успѣха не находитъ. Оба эти вождя, однако, вѣрятъ, что всѣ ихъ планы осуществитъ только хартія. И такъ снова единый лозунгъ: хартія — во чтобы то ни стало! О'Брайанъ не стоялъ за союзъ съ тори, О'Коннеръ, напротивъ, полагая, что въ интересахъ консерваторовъ — развитіе мелкаго землевладѣнія, былъ за союзъ съ ними и противъ лигистовъ.

Въ самой средѣ чартистовъ скоро начался серьезный разладъ. 2 апрѣля 1842 г. въ Лондонѣ собрался второй конвентъ, чтобы представить парламенту вторую петицію, подъ которой предполагалось собрать 3,300,000 подписей.

2-го мая петиція была представлена парламенту, но парламентъ отказался выслушать петиціонеровъ въ стѣнахъ парламентскаго зданія. За обсужденіе петиціи высказалось только 49 голосовъ. Это повело къ новому обостренію движенія; среди чартистовъ стала побѣждать партія насильственныхъ мѣръ. 5 августа рабочіе въ Аштонѣ пріостановили работу и постановили не возобновлять ее до тѣхъ поръ, пока хартія не получитъ законодательной санкціи. Въ другихъ мѣстахъ Ланкашира рабочіе послѣдовали этому примѣру. Значительныя группы рабочихъ отправились въ Манчестеръ и другіе фабричные пункты, приглашая рабочихъ бросать работу, отвинчивая втулки (plugs, отсюда названіе этого движенія plugs-plot — заговоръ втульниковъ) у паровыхъ машинъ. Въ короткое время въ Манчестерѣ и въ окрестностяхъ, въ районѣ 50 миль вокругъ него, работа совершенно пріостановилась во всѣхъ мастерскихъ, кромѣ мельницъ и заведеній, изготовлявшихъ продукты, подверженные быстрой порчѣ. При этомъ, по показаніямъ всѣхъ свидѣтелей, въ томъ числѣ и будущаго премьеръ-министра Дизраэли [1]), описавшаго впослѣдствіи это движеніе въ одномъ изъ своихъ романовъ, рабочіе, за единичными исключеніями, воздерживались отъ всякихъ другихъ насилій. Это не предотвратило полной неудачи движенія, благодаря тому, что стачка не распространилась на другія графства. Аштонская стачка повела къ судебному преслѣдованію, причемъ изъ 59 обвиняемыхъ 31 были признаны виновными, но, вслѣдствіе какой то формальной судебной ошибки, приговоръ былъ кассированъ, преслѣдованіе обвиняемыхъ прекращено. Только Томасъ Куперъ, самый замѣчательный талантъ, выдвинутый чартистскимъ движеніемъ, былъ осужденъ на два года въ тюрьму.

Этими забастовками воспользовалась партія Кобдена и Брайта. Во многихъ случаяхъ она прямо поддерживала чартистовъ-забастовщиковъ, когда среди нихъ все болѣе и болѣе стало возникать недовѣріе къ партіи тори и къ хлѣбнымъ законамъ.

Консервативное правительство премьеръ-министра Роберта Пиля уже послѣ первой петиціи 1839 года рѣшило сдѣлать уступки обществу. Объ уступкахъ чартистамъ оно

1) См. его романъ: Conigsby or the new generation, т. е. Конигсби или новое поколѣніе (1844 г.); въ этомъ романѣ Дизраэли проповѣдуетъ идею „соціальной монархіи“. Консервативная партія должна, по его мнѣнію, взять на себя попеченіе о рабочихъ классахъ и, такимъ образомъ, пріобрѣсти утраченный среди рабочихъ авторитетъ. Въ этомъ въ особенности ей должна помогать церковь. Эту программу и старались впослѣдствіи осуществить партія тори въ Англіи и Бисмаркъ — въ Германіи.

не думало, но агитація въ пользу отмѣны хлѣбныхъ законовъ его обезпокоила. Во главѣ этой агитаціи стояли наиболѣе энергичные представители буржуазіи; къ нимъ примыкали и немногіе представители аристократіи. Уступить сразу Р. Пиль не рѣшился. Это значило отказаться отъ протекціонной политики, въ которую въ консервативныхъ кругахъ существовала большая вѣра. 9-го февраля 1842 г. Пиль рѣшился на небольшой компромиссъ. Онъ предложилъ парламенту установить вмѣсто постоянной хлѣбной пошлины перемѣнную: высокую — при низкихъ цѣнахъ и низкую — при высокихъ цѣнахъ, а 11-го марта предложилъ понизить большую часть пошлинъ на сырые продукты и полуфабрикаты, замѣстивъ недочетъ въ бюджетѣ повышеніемъ подоходнаго налога. Это было только начало никого не удовлетворившее.

1845 годъ вообще благопріятствовалъ лигистамъ. Среди чартистовъ произошло разногласіе. Ловеттъ и Стрэджъ, совершенно не довѣрявшіе планамъ О'Коннора о развитіи мелкаго землевладѣнія, оставили чартистовъ, а съ ними удалилась и наиболѣе образованная часть рабочихъ, начавшая возлагать всѣ свои надежды на созданіе трэдъ-юніоновъ, т. е. профессіональныхъ рабочихъ союзовъ. Трэдъ-юніоны, какъ цѣлое, не принимали участія въ чартистскомъ движеніе, но многіе изъ ихъ членовъ были горячими сторонниками хартіи: начиная съ 50-хъ годовъ трэдъ-юніоны и ихъ члены все болѣе теряютъ вѣру въ чартизмъ и проникаются совсѣмъ иными взглядами въ духѣ политической и соціальной философіи среднихъ классовъ [1]). Къ тому же въ налоговой политикѣ была найдена почва для соглашенія съ чартистами. Эти послѣдніе требовали, чтобы налоги падали только на собственность, утилитаристы обѣщали и стали проводить устраненіе косвеннаго обложенія на всѣ предметы массового потребленія [2]). Въ 1842 г. консерватору

1) См. Уэббъ. l. c. Истор. раб. движенія 68 и слѣд.

2) Еще А. Смитъ далъ четыре правила, которымъ должны удовлетворять налоги. Д. С. Милль въ пятой книгѣ своихъ „Основаній П. Эк." посвящаетъ 6 главъ вопросу о налогахъ и его идеи впослѣдствіи становятся общепринятыми среди утилитаристовъ. Четыре правила Смита гласятъ: 1. подданные государства должны давать на содержаніе правительства каждый по возможности сообразно своимъ средствамъ т. е. пропорціонально доходу, которымъ они пользуются подъ покровительствомъ государства. Въ соблюденіи этого правила состоитъ то, что называется равенствомъ налоговъ; 2. налогъ, который обязано платить лицо, долженъ быть извѣстенъ и не произволенъ, а установленъ закономъ; 3. каждый налогъ долженъ взиматься въ такое время и такимъ способомъ, когда и какъ наиболѣе удобно плательщику вносить налогъ. 4. каждый налогъ долженъ быть устроенъ такъ, чтобы брать изъ кармана у людей возможно менѣе денегъ сверхъ тѣхъ, какія онъ приноситъ въ государственную казну.

Р. Пилю пришлось вновь, въ третій разъ, возродить подоходный налогъ [1]). Лигисты утверждали, что правительство сдѣлало большую ошибку, введя этотъ налогъ, вѣрнѣе оно ввело налогъ только для того, чтобы сохранить хлѣбныя пошлины. Безъ отмѣны этихъ пошлинъ нельзя увеличить народный доходъ, а потому и брать не изъ чего въ данный моментъ.

Урожай 1845 г. оказался повсемѣстно очень плохимъ, не только въ Англіи и въ Ирландіи, но и почти повсемѣстно на континентѣ. Въ Ирландіи, кромѣ того, обнаружилась картофельная болѣзнь. Значительная масса населенія голодала. Впослѣдствіи Брайтъ признавался: „голодъ, противъ котораго мы боролись, пришелъ намъ на помощь".

Въ кабинетѣ Пиля было разногласіе. Онъ стоялъ за рѣшительную отмѣну хлѣбныхъ законовъ даже до созыва парламента, какъ временную мѣру. Его товарищи колебались. Представитель оппозиціи Джонъ Россель высказался за рѣшительную отмѣну этихъ законовъ. Видя колебаніе въ рядахъ своего кабинета. Пиль вышелъ въ отставку, но не надолго. Либералы не могли образовать кабинета и Пиль снова вернулся къ власти.

Въ 1846 г. Пиль снова былъ призванъ къ министерству и 16-го мая внесъ билль, согласно которому хлѣбныя пошлины должны были окончательно исчезнуть къ 1-му января 1849 г.; сохранялись только чисто статистическія ставки въ 1 шиллингъ за квартеръ ввозимаго хлѣба для опредѣленія размѣровъ импорта. На эти три года (до 1849 г.) таможенныя пошлины установлены въ 10 шил., когда хлѣбъ стоилъ 48 шил. за квартеръ, но они должны понижаться до 4-хъ, если цѣна хлѣба повысится до 53 шил. Одновременно билль 1846 г. понижаетъ, или частью отмѣняетъ, около 150 ставокъ на другіе предметы пропитанія, сырые матеріалы и полуфабрикаты. Такимъ образомъ, парламентъ, избранный на почвѣ протекціонной платформы, состоявшій изъ представителей аграрной партіи, большинствомъ въ 97 голосовъ похоронилъ хлѣбные законы и двинулъ Англію на путь свободной торговли. Консерваторы, однако, не могли простить этого Пилю. Какъ выразился лордъ Джорджъ Бентинкъ — „тѣ, которые одобрили измѣну, когда она была совершена, хотя и ненавидѣли предателя (т. е. Пиля), соединились съ тѣми, которые ненавидѣли протекціонизмъ и измѣнника." Билль о введеніи репрессивныхъ мѣръ въ Ирландіи, которому Пиль сочувствовалъ, какъ консерваторъ,

1) Любопытная исторія этого налога, въ связи съ исторіей общественной борьбы, разсказана въ цѣнномъ изслѣдованіи проф. И. Озерова. Подоходный налогъ въ Англіи, М. 1898 г.

далъ къ тому надлежащій поводъ. И въ тотъ же вечеръ, когда билль объ отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ прошелъ въ палатѣ лордовъ, либералы соединились съ консерваторами и отвергли билль о репрессіяхъ въ Ирландіи для защиты собственности.

Вплоть до 1852 г. консерваторы оставались въ оппозиціи и это принесло свои плоды. Подъ вліяніемъ Остлера и Шэфстбери и ихъ агитаціи были проведены фабричные законы 1844 и 1847 гг.[1]) Школа христіанскихъ соціалистовъ съ ея выдающимися представителями Морисомъ, Карлейлемъ и Кингсли весьма содѣйствовала распространенію среди консервативной партіи идей благотворительности и, въ значительной мѣрѣ, развитію кооперативнаго движенія, которое сблизило партію тори съ рабочимъ классомъ[2]).

Отчасти изъ чувства мести, отчасти для пріобрѣтенія утраченнаго авторитета власти старой аристократіи, считавшей себя создательницей культуры Англіи и покровительницей рабочаго класса, партія тори стала бороться за фабричные законы и за значительное ослабленіе суровости

1) Кукъ Тэйлоръ. Фабричное законодательство Англіи (р. пер.) Hans Crüger. Dis Erwerbsgenossenschaften in einzelnen Ländern (1892 г.) Тотоміанцъ (см. выше), Озеровъ. Потребительныя товарищества, и указанныя ниже сочиненія о христіанскихъ соціалистахъ. Законъ 1847 г. былъ первымъ десятичасовымъ днемъ для подростковъ и женщинъ. Вслѣдствіи злоупотребленія фабрикантовъ онъ былъ замѣненъ закономъ 1852 г., который установилъ однообразный рабочій день съ 6 часовъ утра до 6 часовъ вечера съ полуторачасовымъ отдыхомъ для обѣда и съ окончаніемъ въ субботу труда въ 2 часа по полудни.

2) Въ двухъ своихъ книгахъ; „Чартизмъ“ (1839 г.) и „Настоящее и предшествовавшее (1843), вызванныхъ чартистскимъ движеніемъ, Карлейль пламенно ополчился противъ утилитаризма подъ знаменемъ нѣмецкаго идеализма во имя высшихъ интересовъ общежитія. Утилитаризмъ — онъ называетъ „самымъ убогимъ символомъ вѣры, который когда либо проповѣдывался міру“. Свобода соперничества, практическій результатъ этого ученія, привела только къ свободѣ умирать“ (liberty to starve). Во имя высшихъ интересовъ общественной жизни онъ призываетъ владѣющіе классы къ организаціонной работѣ по улучшенію трудящагося народа.

Въ двухъ своихъ соціальныхъ романахъ Alton Locke (Альтонъ Локъ) и Yeast (Дрожжи), вышедшихъ въ 1848—9 г., и брошюрѣ „Cheap cloth and nasty (Дешевое платье и грязное) Кингсли распространилъ идеи Карлейля, отмѣтивъ то тяжелое положеніе, въ которомъ находится рабочій классъ. Въ указанной выше брошюрѣ онъ рисуетъ, къ какимъ ужасамъ приводитъ погоня за дешевизной продукта, создающая такъ называемую „систему выжиманія пота“ (sweating system), при которой работникъ за ничтожнѣйшую плату и въ самыхъ невозможныхъ санитарныхъ условіяхъ принужденъ совершать свой тяжелый трудъ. Богатые классы, пишетъ онъ, носятъ свои роскошныя платья, приготовленныя въ зараженныхъ трущобахъ, и они сами виноваты, если зараза начинаетъ истреблять и ихъ самихъ . . . . Онъ призываетъ владѣющіе классы и духовенство придти на помощь бѣднякамъ путемъ фабричныхъ законовъ и кооперативной взаимопомощи.

законовъ о бѣдныхъ 1834 г., покровительствовать кооперацiи. Но и фабричная буржуазiя дѣлала свое дѣло.

Въ 1849 г. всѣ навигацiонные законы, о которыхъ я говорилъ выше, были отмѣнены; нѣкоторыя ограниченiя были на пять лѣтъ оставлены только для прибрежной торговли. Порты Великобританiи были открыты для всѣхъ кораблей; подъ „британскимъ судномъ“ постановлено считать всякiй корабль, хозяиномъ котораго является британскiй подданный.

Возвращенiе консерваторовъ къ власти въ 1852 г. длилось недолго. Выборы 1852 года обнаружили полное пораженiе партiи протекцiонистовъ. Коалицiонное министерство изъ тори и виговъ начало устраненiе протекцiоннаго тарифа и къ 1860 г. число обложенныхъ тарифомъ товаровъ дошло до 48 (съ 1052 въ 1842 г.). Англiя обратилась въ страну свободной торговли и неограниченнаго соперничества [1]).

Февральская революцiя 1848 г. въ Парижѣ снова было возбудила надежды чартистовъ. Вновь былъ выбранъ конвентъ и написана новая петицiя, число подписей подъ которой, по показанiямъ чартистовъ, достигало до 5,700,000; она должна была быть подана парламенту О'Коннеромъ во главѣ процессiи въ 150 тыс. человѣкъ. 10 апрѣля 1848 г. собралось около 30,000 человѣкъ для подачи петицiи. Но въ виду экстренныхъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ, О'Коннеръ долженъ былъ отказаться отъ процессiи и доставилъ петицiю въ экипажѣ лично. По разслѣдованiи петицiи въ парламентѣ, число подписей на ней оказалось значительно меньшимъ — всего было подписей — 1,975,469. Съ этого времени чартизмъ падаетъ. Фергюсъ О'Коннеръ лишился всякаго вліянiя и кончилъ свои дни въ сумашедшемъ домѣ. Попытки другихъ вождей воскресить движенiе не привели ни къ чему, но, какъ вы видѣли, нѣкоторыя положенiя чартистовъ были воплощены другими партiями въ законодательствѣ Англiи. Идеи нацiонализацiи земли были также надолго забыты и только въ наше время въ Англiи, послѣ пышнаго расцвѣта капитализма, возникаетъ новое движенiе въ пользу развитiя мелкаго крестьянскаго землевладѣнiя и вѣчно-наслѣдственной аренды и не по частному почину, а отъ имени государственной власти [2]). Это теченiе обнаружилась тогда, когда безрабо-

1) См. замѣчательное изслѣдованiе: Buxton. Finance and Politics 1873—1885, 2 тома, L. 1888 г.

2) Дайси очень мѣтко отмѣчаетъ, что цѣлымъ рядомъ законовъ съ 1832 г. по 1856 г. Бентамиты старались установить большую свободу въ распоряженiи собственностью вообще и земельной собственностью въ

тица въ городахъ стала хроническимъ явленіемъ, а деревенскій рабочій пролетаріатъ сталъ влачить несчастное, жалкое существованіе.

ГЛАВА V.

Французскіе организаторы.

§ 1. Историко-философскія основы доктрины Сэнъ-Симона и его послѣдователей. Романтизмъ реакціонный и прогрессивный. Позитивизмъ и новое христіанство Сэнъ-Симона. Базаръ и Анфантенъ. § 2. Прудонъ, какъ критикъ государства, собственности и основатель анархизма. Абсолютизмъ и аполитизмъ его ученій. Государство и договорная система. Принципы разума и морали. Идея пропорціональности. Ученіе о собственности и о владѣніи. Критика Штирнера и соціально политической школы. Анархизмъ справедливости и эгоизма; причины появленія подобныхъ ученій. Краткія замѣчанія о другихъ французскихъ организаторахъ. Луи Бланъ. Характеристика его соціализма. Критика соперничества. Соціальныя задачи государства.

§ 1. Послѣ окончательнаго разгрома Франціи въ 1815 году континентальная Европа вступила въ періодъ реакціи. Потрясеніе политическаго и соціальнаго равновѣсія, вызван-

---

частности, какъ въ настоящемъ, такъ и на будущее время. „Надлежитъ отмѣтить, добавляетъ онъ, что индивидуализмъ въ законодательствѣ, имѣющій своей задачей освободить отъ ненужныхъ стѣсненій индивидовъ, существующихъ въ данный моментъ, естественно будетъ имѣть тенденцію, съ одной стороны, освободить каждое поколѣніе отъ воздѣйствія прошедшаго, а съ другой стороны, ограничить каждое поколѣніе въ правѣ опредѣлять положеніе собственности на будущее время и, такимъ образомъ, будетъ ограничивать свободу наслѣдниковъ“ l. c. 202. Законами 1856—1862 гг. тѣ-же Бентамиты содѣйствовали развитію компаній на паяхъ съ ограниченной отвѣтственностью; законъ 1867 г. пошелъ еще далѣе. Этотъ законъ не устанавливаетъ никакого минимума ни для капитала паевой компаніи, ни для размѣра акцій, допускаетъ выпускъ, правда оплаченныхъ акцій, даже на предъявителя. Эти законы открыли широкій просторъ спекуляціи и концентраціи капитала. Широкое развитіе акціонернаго законодательства вообще чрезвычайно характерно для всей Европы послѣ 1848 г. См. изслѣдованіе А. Н. Каминка. Акціонерныя компаніи, СПб. 1902 т.

Сравни также любопытное сочиненіе Джесси Коллингса, въ свое время подписавшаго петицію Кобдена, а нынѣ престарѣлаго члена парламента и предсѣдателя лиги сельскихъ рабочихъ: Jesse Collings. Land Reform, London, 1901 г. см. приложеніе о теоріи націонализаціи земли.

ное великой французской революціей и наполеоновскими войнами, сопровождалось одновременно и видоизмѣненіемъ экономическихъ условій. Несмотря на всѣ усилія реакціи система экономической свободы и связанныя съ нею либерально-матеріалистическія идеи распространились на континентѣ съ поразительной быстротой. Произведенія классической школы были переведены на всѣ языки и повсемѣстно нашли своихъ собственныхъ истолкователей[1]): Сэ и Сисмонди — во Франціи; Крауса, Якоба, Рау, Небеніуса — въ Германіи; юриста проф. Московскаго университета С. Е. Десницкаго, умершаго въ 1789 г., проф. Московскаго универ. Х. А. Шлецера (1774—1831 г.), Н. Р. Политковскаго (1763—1830), проф. М. А. Балугьянскаго (1769—1846), академика А. К. Шторха (1766—1835), декабриста — Н. И. Тургенева (1789—1871) — въ Россіи[2]).

1) Литературныя указанія объ этихъ переводахъ и о работахъ послѣдователей классической школы см. мой переводъ соч. Ингрэма: Исторія политической экономіи, 2 изд. 1897 г. См. также небольшую, но очень полезную книжку R. Schüler. Die Wirtschaftpolitik der historischen Schule, Berlin, 1897. Характеристику соціальныхъ и политическихъ движеній во Франціи въ періодъ съ начала вѣка см. Вейль. Исторія соціальнаго движенія во Франціи (р. пер. 1906 г.). Э. Д. Гриммъ Революція 48 года во Франціи, ч. I. Подготовка революціи, Спб. 1908 г.

2) Десницкій слушалъ лекціи въ Глазго. Въ своемъ сочиненіи: Юридическое разсужденіе о разныхъ понятіяхъ, которыя народы имѣютъ о собственности имѣнія въ разныхъ состояніяхъ общежительства М. 1781 г. онъ находится подъ сильнымъ вліяніемъ лекцій Смита и старается показать, что понятіе о собственности видоизмѣняется съ измѣненіемъ политическихъ и экономическихъ условій.

Нолитковскій, черниговскій вицегубернаторъ, далъ первый, хотя и не вполнѣ точный переводъ сочиненія Смита о Богатствѣ Народовъ, появившійся въ четырехъ томахъ: т. I — 1802 г., т. II — 1803 г., т. III — 1805 г. IV — 1806 г., переводъ былъ сдѣланъ по приказанію министра финансовъ А. И. Васильева.

Шлецеръ, сынъ знаменитаго Августа III., составилъ первый русскій учебникъ по Смиту: Начальныя основанія государственнаго хозяйства М. 1805 г., по которому, не смотря на его сухость, училось нѣсколько поколѣній русскихъ студентовъ.

Балугьянскій, сподвижникъ Сперанскаго, ректоръ С.-Петербургскаго университета, воспринявшій теоріи Смита, но непризнававшій теорію государственнаго невмѣшательства. Въ статистическомъ журналѣ Германа онъ напечаталъ статью: Изображеніе различныхъ хозяйственныхъ системъ въ трехъ частяхъ: первая часть заключаетъ описаніе системы меркантилистовъ, вторая физіократовъ, третья: теорія Смита въ трудѣ и мѣнѣ. См. Барановъ Балугьянскій. Біограф. очеркъ. Спб. 1882 г.

Шторхъ, членъ Академіи наукъ, впослѣдствіи ея вицепрезидентъ, уроженецъ остзейскаго края, первый не только популяризаторъ Смита, но и авторъ солиднаго курса, напечатаннаго на французскомъ языкѣ въ 1815 г. Шторхъ былъ прекрасно знакомъ съ сочиненіями Тюрго, Смита, Сэ, Сисмонди и другими писателями своей эпохи. Въ его курсѣ и другихъ сочиненіяхъ вопросы экономіи получили самостоятельную обработку, а кромѣ того освѣщены фактами русской хозяйственной жизни.

На ряду съ сторонниками классической школы стали выростать и двѣ новыя школы. Обѣ эти школы были реакціей противъ доктринаризма школы естественной свободы во имя исторической традиціи и историческаго преемства, во имя религіи и ея тайнъ противъ разума, во имя органическаго развитія народной жизни противъ искусственнаго творчества новыхъ учрежденій, но судьба ихъ была глубоко различна. Одна изъ этихъ школъ стояла на стражѣ прежняго экономическаго порядка, старалась при помощи ссылокъ на исторію, религію, великія тайны жизни и проч. защитить прежній феодальный строй. Жизненное значеніе эта школа получила во всей континентальной Европѣ, кромѣ Франціи. Въ этой послѣдней странѣ послѣ революціи феодальный строй палъ окончательно, попытки вернуться къ нему были, но безъ результата. Шатобріанъ, Де Местръ и Бональдъ были литературными представителями временно вернувшейся на родину феодальной аристократіи, но въ этой странѣ они могли вызвать только политическую реакцію, но не въ состояніи были достигнуть возстановленія старыхъ крѣпостныхъ отношеній. Во Франціи это направленіе оказалось безплоднымъ еще отчасти и потому, что оно было, по существу, проникнуто такимъ же доктринаризмомъ, какъ и школа естественнаго права только прямо противоположнаго характера. Философы 18-го вѣка вѣрили въ разумъ, въ свободу самоопредѣленія, считали человѣка наиболѣе совершеннымъ существомъ, способнымъ со-

---

Въ его двухъ другихъ трудахъ: Historisch-statistische Gemälde des Russischen Reichs (Riga, 1797—1803 г.) и Russland unter Alexander I, въ 27 выпускахъ (Спб. 1803—1811 г.) содержится масса матеріала по исторіи экономическаго быта эпохи того времени. Шторхъ была сторонникомъ отмѣны крѣпостнаго права. Изъ отдѣльныхъ его изслѣдованій особенно цѣннымъ является трудъ: Consideration sur la nature du revenu national (Paris, 1824). Въ этомъ сочиненіи онъ проводитъ ясное различіе между капиталомъ индивидуальнымъ и національнымъ. Подъ производительнымъ трудомъ онъ понимаетъ „такой трудъ, который возмѣщаетъ работнику все, что онъ необходимо долженъ потребить для производства, и въ тоже время, создавая доходъ индивида, выполняющаго трудъ, не уменьшаетъ дохода общества, гдѣ эта работа выполняется“.

Тургеневъ, знаменитый декабристъ; къ этому періоду времени относится его замѣчательная книга: „Опытъ теоріи налоговъ, 1818 г., выдержавшая въ теченіи двухъ лѣтъ два изданія. Авторъ является въ этой книгѣ горячимъ сторонникомъ свободной торговли, но не сторонникомъ развитія фабрикъ и мануфактуръ. Въ экономической политикѣ онъ рекомандуетъ считаться, главнымъ образомъ, съ интересами помѣщиковъ и земледѣльцевъ. Онъ врагъ подушной подати, требуетъ привлеченія дворянства къ обложенію; налогъ долженъ падать на чистый доходъ, а не на рабочую плату; вообще слѣдуетъ по возможности облегчить тяжесть налоговъ для низшихъ классовъ и не облагать предметы первыхъ потребностей и проч. См. ст. Семевскаго въ энцикл. словарѣ Брокгауза и работу Вишницера въ „Минувшіе годы“ (1908 г.).

здать идеальное государство. Бональдъ и Де Местръ считали человѣка существомъ несовершеннымъ, которое можетъ жить, лишь подчинясь авторитету власти и религіи. Всякое умствованіе — опасно, вѣра, подчиненіе народа власти и религіи — единственное спасеніе.

Во имя исторіи и новаго соціальнаго раціонализма въ этой странѣ скоро заговорили, однако, другіе мыслители въ иномъ духѣ.

Не то было въ другихъ государствахъ Европы. Здѣсь еще и послѣ наполеонскихъ войнъ крѣпостное право, въ чистомъ видѣ, ограниченная личная свобода съ массой повинностей на крестьянинѣ, патримоніальные суды, принадлежность всей власти аристократіи продолжали существовать; здѣсь чувствовалась потребность защищать эти устои стараго общества отъ нападеній все болѣе пріобрѣтавшихъ вліяніе либеральныхъ идей. Представителями этого феодальнаго направленія въ Германіи были Гентцъ, Галлеръ и Адамъ Мюллеръ (1779—1829 г.). Съ легкой руки В. Рошера феодальное направленіе пріобрѣло названіе „романтизма“, т. е. школы сентиментально-мистическаго восхваленія „добраго стараго времени“ [1]). Представители этой школы высказали много идей, которыя потомъ стали достояніемъ исторической школы; они не склонны были вѣрить въ разумъ индивида; они понимали болѣе ясно историческое значеніе соціальныхъ и политическихъ учрежденій, но они пользовались исторіей, главнымъ образомъ, для защиты неограниченности королевской власти, привиллегій аристократіи, стремясь не только доказать ихъ историческую необходимость, для прошлаго, но и цѣлесообразность для настоящаго времени. Такъ, напр., А. Мюллеръ былъ противъ неограниченной частной собственности, утверждая что таковой въ исторіи никогда не было, что такая собственность противорѣчитъ „чувству общественности“, но въ то же время онъ доказываетъ, что сохраненіе крѣпостнаго права необходимо для поддержанія „здороваго дворянства“ — этой главнѣйшей и культурнѣйшей государственной силы, и для самаго земледѣлія, ибо пребываніе крестьянина на землѣ, какъ лица къ ней привязаннаго, обезпечиваетъ развитіе сельскаго промысла, благосостояніе самаго крестьянина и всего государства. Онъ съ отвращеніемъ относится къ системѣ наемнаго труда и восхваляетъ трудъ повинностный. Указывая на историческое значеніе цеховъ, А. Мюллеръ одновременно утверждаетъ, что упраздненіе ихъ поведетъ только къ революціонному движенію. Розовыя картины предшествовавшей

1) См. В. Рошеръ Die romantische Schule der Nationalökonomie въ Zeitschrift für. Staatswiss., 1870 г.

гармоніи политической и экономической жизни, такимъ образомъ, служили лишь средствомъ для укрѣпленія положенія старой власти, стараго сословнаго государства со всѣми его экономическими особенностями: крѣпостнымъ правомъ, мелкимъ производствомъ въ обрабатывающей промышленности, натуральнымъ повинностнымъ строемъ хозяйства въ земледѣліи. Свою лепту въ пониманіе экономическихъ явленій эта школа внесла, но очень скоро исторіей воспользовались представители и совсѣмъ иного направленія, которые стали искать въ ней орудіе для дальнѣйшаго движенія человѣчества по пути прогресса. Представители феодальной школы говорили: назадъ во имя исторіи къ прежней прекрасной гармоніи короля, сословій и церкви; представители прогрессивной школы говорили: впередъ во имя исторіи къ новой гармоніи, которая не можетъ быть создана господствомъ системы естественной свободы, сыгравшей уже свою историческую миссію. Экономическая жизнь, въ дѣйствительности, неизбѣжно пошла впередъ: стремленія феодальной школы только задержали на короткій срокъ потокъ этой жизни и ея ученія очень быстро были забыты, отчасти воплотившись, однако въ наиболѣе консервативныхъ ученіяхъ представителей исторической школы Германіи.

Система естественной свободы сдѣлала во всей Европѣ громадные успѣхи и немалую роль въ этомъ отношеніи сыграла прогрессивная школа „соціальныхъ организаторовъ труда“, которая своей критикой сословнаго государства только содѣйствовала либерализму въ его побѣдоносномъ шествіи. Послѣ бурнаго періода 1848 г. крѣпостное право было повсемѣстно устранено, въ однѣхъ странахъ Европы ранѣе, въ другихъ позже (въ Россіи позднѣе всего въ 1861—63 г.).

Несмотря на реакцію въ періодъ въ 1815 по 1848 г. европейское человѣчество жило большими надеждами на будущее. Сантиментальная вѣра въ доброе старое время исчезла; чѣмъ сильнѣе ее пропагандировали, тѣмъ болѣе она падала. „Золотой вѣкъ, который слѣпая традиція отнесла къ прошедшему, предъ нами“, говорилъ Базаръ[1]), ученикъ Сэнъ-Симона, правильно отражая настроеніе своего времени. Особенное значеніе эта школа получила во Франціи, гдѣ, какъ я уже сказалъ выше, возвратъ къ старому сословному государству и хозяйству былъ невозможенъ. Уже одинъ изъ первыхъ во Франціи критиковъ и пропагандистовъ системы А. Смита Ж. Ш. Леонардъ Симондъ де Сисмонди (1773—1842)[2]) ясно сознадъ, что поворотъ назадъ не-

1) Exposition de la doctrine de Saint-Simon, 2-й годъ, стр. 94.
2) Біографія и извлеченіе изъ труда Сисмонди „Новыя Начала

возможенъ. Сисмонди былъ защитникомъ свободной частной собственности и индивидуальнаго самоопредѣленія; онъ умѣлъ однако цѣнить значеніе старыхъ корпоративныхъ учрежденій и видѣлъ тѣ бѣдствія, которыя несетъ съ собою система естественной свободы. Онъ первый сталъ говорить въ лагерѣ индивидуалистовъ о требованіяхъ справедливости, о необходимости государственнаго вмѣшательства въ дѣла труда во имя состраданія къ бѣдствіямъ человѣчества, но у него не хватало рѣшимости начертать какой либо планъ для видоизмѣненія системы естественной свободы. „Я откровенно признаюсь, писалъ онъ, что, указавъ, гдѣ по моему мнѣнію находится справедливость, я не чувствую въ себѣ силъ начертать тѣ средства, при помощи которыхъ она можетъ быть осуществлена.“ За это дѣло скоро взялись болѣе страстные и энергичные люди, которыхъ можно назвать „организаторами труда.“

Появленіе этихъ организаторовъ не трудно объяснить. Эпоха террора, въ особенности 1793 г., оставила среди народныхъ массъ глубокое чувство недовольства, главнымъ образомъ, конечно, среди городскаго пролетаріата, который служилъ опорой для якобинцевъ въ надеждѣ на широкія соціальныя преобразовнія въ въ его пользу; реакція, наступившая послѣ 9-го термитора, еще болѣе увеличила пропасть между богатыми и бѣдными. По справедливому замѣчанію Лихтенбержэ[1])“ господство якобинцевъ, съ одной стороны, отчасти удовлетворяло, отчасти увеличивало требованія класса бѣдныхъ, съ другой стороны оно же объединило въ общемъ чувствѣ ужаса всѣ консервативныя элементы страны... Консервативныя элементы страны вынесли изъ всѣхъ соціальныхъ треволненій глубокое убѣжденіе, что частная собственность должна быть основой общества, что революція окончена, что гражданское и политическое равенство, свободная игра конкурренціи — вотъ что достаточно для общаго благополучія. Паденіе якобинцевъ вызвало глубокое чувство разочарованія не только среди уличныхъ агитаторовъ, составляющихъ всегда принадлежность революціонныхъ партій, но среди всѣхъ людей, которые искренно вѣрили, что революція еще не сдѣлала всего, установивъ гражданское равенство; она обязана была установить соціальное равенство. Среди подобныхъ людей жило убѣжденіе,

---

Пол. Экон.“ составляютъ одинъ изъ выпусковъ „Библіотеки Экономистовъ“, обработанный покойнымъ Б. Эфруси; см. также изложеніе его системы у Hector Denis. Histoire des systèmes économiques et socialistes, т. II, стр. 273—387. Ингрэмъ. Исторія политич. экономіи, 2-е изд., стр. 236 и слѣд.

1) A. Lichtenberger. Le socialisme et la Révolution francaise, Paris. 1899, стр. 276 и слѣд., (р. п. 1907 г.).

что бѣдные были ограблены въ угоду богатымъ, что дѣло революціи было конфисковано богатыми въ свою пользу.“ „Эти идеи, говоритъ тотъ же Лихтенбержэ, стали все болѣе и болѣе распространяться по мѣрѣ того, какъ стали выясняться несовершенства новой системы жизни; безъ сомнѣнія они послужили основой, создавшей настроеніе первыхъ французскихъ соціалистовъ.“

Читая акты процесса Бабефа, невольно убѣждаешься, что этотъ мечтатель и революціонеръ какъ бы оставилъ программу для послѣдующихъ соціалистовъ въ ихъ критикѣ собственности, наслѣдственности, въ выработкѣ идеаловъ распредѣлительной справедливости на началахъ полнаго равенства и коммунизма. Казнь Бабефа въ 1797 г. испугала многихъ, она заставила многихъ быть осторожнѣе, а диктатура Наполеона разрушила всякія надежды на возможность якобинскихъ революціонныхъ выступленій. Созданіемъ своего Гражданскаго Кодекса Наполеонъ освятилъ окончательно торжество естественной свободы и собственности. 17 января 1804 г. Порталисъ, внося въ законодательныя палаты, отдѣлъ этого кодекса о собственности, доказывалъ законность, необходимость и цѣлесообразность этого института въ выраженіяхъ, имѣвшихъ совершенно абсолютный и непререкаемый характеръ.

Среди этихъ новыхъ организаторовъ труда наиболѣе выдающееся значеніе имѣютъ Сэнъ-Симонъ и Прудонъ. Сэнъ-Симонъ стоитъ ближе къ эпохѣ революціи; онъ знаетъ всѣ пережитыя ужасы, онъ живетъ среди уставшаго отъ волненій общества. Поэтому онъ осторожнѣе, болѣе склоненъ къ историческому воззрѣнію и не такъ довѣряется насилію. Прудонъ живетъ уже во вторую половину вѣка, когда соціальное недовольство явно выплываетъ наружу. Онъ рѣзокъ, не останавливается ни предъ чѣмъ и вступаетъ въ догматическую же борьбу противъ догматиковъ естественной свободы. Разочарованіе, принесенное революціей 1848 г., окончательно убѣждаетъ его въ невозможности достигнуть при посредствѣ „политической реформы“ — „реформы соціальной.“ Оба эти писателя однако во многихъ отношеніяхъ дѣлаютъ одно и тоже дѣло. Сенъ-Симонъ полагаетъ основы прогрессивному эволюціонному міросозерцанію, Прудонъ своей ѣдкой критикой разрушаетъ абстрактные неисторическія взгляды на собственность. Сэнъ-Симонъ хочетъ создать новую христіанскую мораль, основанную на вѣрѣ. Прудонъ хочетъ приготовить путемъ разума эпоху торжества справедливости. Оба они готовы сейчасъ же приступить къ великому дѣлу организаціи труда, не представляя себѣ всей сложности этой проблемы.

Изученіе обоихъ этихъ писателей любопытно, кромѣ

того, и потому, что въ вопросѣ объ организаціи труда они исходятъ изъ діаметрально-противоположныхъ точекъ зрѣнія, которыя сохранились въ преобразованномъ видѣ и до настоящаго времени, сдѣлались достояніемъ самыхъ разнообразныхъ научныхъ и соціально-политическихъ школъ и общественныхъ партій.

Клодъ Генрихъ де Рувро графъ Сэнъ-Симонъ (1760—1825 г.)[1]) представляетъ одну изъ оригинальнѣйшихъ фигуръ начала XIX вѣка. Ему пришлось испытать всѣ наслажденія большого богатства и всѣ ужасы бѣдности, существованія впроголодь, поклоненіе друзей и полное невниманіе со стороны широкихъ слоевъ общества, всѣ страданія человѣка, жаждущаго знанія и преисполненнаго страстной любви къ человѣчеству. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій С. Симонъ справедливо говоритъ: „легко написать книгу при посредствѣ другихъ книгъ; гораздо труднѣе написать книгу, въ которой разбираются новые, хотя бы и частные вопросы“[2]). Съ этой точки зрѣнія приходится въ настоящее время оцѣнивать труды С. Симона. Многія изъ его идей нынѣ стали банальными, но для времени, въ которое онъ жилъ, онѣ были крупными открытіями.

С. Симону впервые пришла въ голову геніальная идея, что вся исторія человѣчества есть ничто иное, какъ великій процессъ организаціи труда. 18-й вѣкъ, по его мнѣнію, критиковалъ, разрушалъ, 19-й вѣкъ долженъ организовать. Но какъ найти соотвѣтствующій методъ этой организаціи? Путемъ изученія исторіи. Если мы не знаемъ предшествовавшаго времени и ограничиваемся изученіемъ только настоящаго момента, мы неизбѣжно не съумѣемъ различить остатка исчезающаго прошедшаго и зародыша начинающагося будущаго. Необходимо, чтобы новые историки показали намъ, что человѣчество подчинено закону „прогрессивнаго“ развитія, закону, повинуясь которому и зная причины котораго, мы *сознательно* идемъ по надлежащему пути.

Исторія обнаруживаетъ, по его мнѣнію, что „промышленный классъ“ послѣдовательно пріобрѣталъ все большее и большее вліяніе въ общественной жизни, другіе же классы постепенно утрачивали его. Подъ „промышленникомъ“ С. Си-

---

1) Сочиненія Сэнъ-Симона и его школы изданы были въ 1865 г. его послѣдователями въ 40 томахъ. Болѣе доступными и совершенно достаточными для ознакомленія съ доктриной С. Симона и его учениковъ являются слѣдующія изданія: 1. Ouevres de Saint — Simon, publiés par Rodrigues, Paris 1841 г. 2. Bazard. Doctrine de S. Simon, 2 t. Paris, 1830—31 г. Лучшія сочиненія о С. Симонизмѣ; G. Weil. Saint — Simon (1894) и его же Ecole Saint — Simonienne (1896) и Charlety. Histoire de Saint-Simonisme (1896).

2) Изданіе Родригеса, стр. 247.

монъ понимаетъ человѣка, „который производитъ или доставляетъ членамъ общества одно или нѣсколько матеріальныхъ средствъ для удовлетворенія ихъ потребностей и физическихъ вкусовъ“. Въ классъ промышленниковъ онъ включаетъ земледѣльцевъ, фабрикантовъ и торговцевъ[1]). Все же современное общество раздѣляется на три класса: первый классъ идетъ подъ флагомъ прогресса человѣческаго разума; онъ слагается изъ ученыхъ, артистовъ и всѣхъ тѣхъ, кто стоитъ за либеральныя идеи: на знамени второго класса написано: никакихъ нововведеній. Въ составъ этого класса входятъ всѣ собственники, не принадлежащіе къ первому классу. Третій классъ, лозунгомъ котораго является равенство, включаетъ въ себя остальную часть человѣчества[2]). Во всѣ историческія эпохи существуютъ эти классы и исторія представляетъ собой ничто иное, какъ борьбу ихъ великихъ соціальныхъ интересовъ.

Всякая политическая комбинація[3]), всякое учрежденіе, чтобы быть дѣйствительно цѣлесообразнымъ, должны удовлетворять двумъ условіямъ: 1) быть полезнымъ для общества. т. е. доставлять ему положительныя выгоды и 2) стоять въ гармоніи съ современнымъ состояніемъ общества, соотвѣтствовать идеямъ и существующимъ вещамъ, быть послѣдовательно подготовленнымъ, другими словами „придти во время“. Собственность на орудія производства и обладаніе необходимыми знаніями во всѣ эпохи составляли основу соціальнаго господства. Рабство, феодализмъ, церковь — всѣ эти учрежденія сыграли свою

1) Catéchisme des Industriels, изд. Род., стр. 1—2.

2) Lettres d'un Habitant de Genève, ib. стр. 22.

3) Vues sur la proprieté, ib. стр. 325. Историческіе обзоры С. Симона для нашего времени, конечно, совершенно устарѣли, но они служили путеводными звѣздами для первыхъ изслѣдователей историческаго процесса.

Слѣдуетъ помнить также, что только позднѣе (Р. Моль и Л. Штейномъ) было опредѣлено самое понятіе класса въ отличіе отъ средневѣковыхъ сословій. Подъ классами-понимаютъ объединенныя общностью интересовъ, обладающія своеобразною психологіей и однохарактерностью стремленій группы людей, фактически различающіяся лишь по своему имущественному положенію и не имѣющія никакихъ особыхъ, наслѣдственныхъ правъ и привилегій, признанныхъ обычаемъ или созданныхъ собственною этихъ группъ или государственною политическою властью; еще и до нынѣ сословныя права и привилегіи не исчезли. Предшествовавшая исторія, поэтому, не можетъ быть названа исторіей классовъ. Единство и борьба классовыхъ интересовъ, отдѣльныхъ общественныхъ группъ характерна для 19-го вѣка, но и нынѣ элементарное дробленіе общества на три класса: землевладѣльцы-собственники земли, капиталисты — владѣльцы капитала, пролетаріатъ — наемные рабочіе можетъ быть принято только, какъ основная схема, требующая значительныхъ разъясненій и подраздѣленій на множество подвидовъ.

роль. Дворянство и церковь въ свое время были владѣльцами знанія и собственности; отъ нихъ зависила организація труда. Теперь на смѣну имъ идетъ буржуазія, а за нею и работники. Промышленный классъ станетъ всѣмъ и скоро работники станутъ владыками всѣхъ нетрудящихся (fainéans). „Промышленный классъ долженъ занимать первое мѣсто, какъ главнѣйшій изъ всѣхъ классовъ общества. Онъ можетъ обойтись безъ другихъ классовъ, эти послѣдніе безъ него существовать не могутъ. Промышленный классъ живетъ своими силами, собственнымъ трудомъ. Другіе классы должны работать для него, ибо они его созданіе, онъ поддерживаетъ ихъ существованіе“ . . .

Изъ этого изложенія ясно видно, что понятіе о промышленномъ классѣ у С. Симона очень расплывчато. Только въ концѣ своей жизни онъ, умирая, какъ-бы завѣщалъ своимъ ученикамъ обратить главное вниманіе на рабочій классъ: „Родригесъ, говорилъ онъ, не забывайте, что для совершенія великихъ дѣлъ надо обладать страстью; вся моя жизнь сводилась къ одной мысли: обезпечить всѣмъ людямъ наиболѣе свободное развитіе ихъ способностей. Черезъ 48 часовъ послѣ нашей послѣдней публикаціи партія работниковъ организуется: будущее принадлежитъ намъ“.

Для соціальной системы С. Симона чрезвычайно характерно, что, исходя изъ взгляда на исторію, какъ на борьбу классовъ, онъ сталъ объяснять соціальное господство вліяніемъ двухъ причинъ: 1) знаніемъ правящаго класса и его способностью организовать общество; 2) принадлежностью этому знающему и правящему классу орудій производства [1]). Отсюда и вытекло его убѣжденіе, что знаніе, а потомъ и религія въ состояніи пересоздать міръ на новыхъ началахъ, когда руководящіе классы общества познаютъ, что существующая организація собственности и труда

1) Habitant de Geneve, стр. 24; обращаясь къ собственникамъ онъ пишетъ: „господа, въ сравненіи съ не-собственниками вы очень немногочисленны: какимъ же образомъ происходитъ, что они безпрекословно вамъ повинуются? Это зависитъ отъ превосходства вашихъ знаній, дающаго вамъ возможность создать такую комбинацію вашихъ силъ, которая вамъ обыкновенно даетъ преимущество въ борьбѣ; каковая, по самой природѣ вещей, существуетъ между ними и вами“. Въ Vue sur la propriété, стр. 240 онъ отмѣчаетъ, что интересы земледѣльцевъ и промышленниковъ солидарны „Соединитесь, пишетъ онъ, съ людьми, имѣющими одинаковые съ вами интересы, укрѣпите всю совокупность этихъ интересовъ всѣми средствами, которыми вы располагаете. Мы предлагаемъ вамъ очень простое и сильное средство, зависящее только отъ васъ: умѣйте (sachez) только столковаться другъ съ другомъ и умѣйте желать“. Въ томъ же мемуарѣ о собственности онъ старается доказать, что это учрежденіе постоянно мѣнялось въ исторіи и подлежитъ видоизмѣненію, „ибо индивидуальная собственность можетъ быть основана только на общественной и общей полезности пользованія этимъ правомъ, полезности, которая не можетъ не видоизмѣняться съ теченіемъ времени“.

есть только вредный пережитокъ стараго времени. Настала пора передать великую политическую власть въ руки „промышленниковъ“ для организаціи труда. Въ самомъ взглядѣ на знаніе С. Симонъ пережилъ замѣчательную эволюцію. Первоначально онъ полагалъ, что теологическій періодъ жизни окончился. Энциклопедія Дидро была уже антитеологіей (антибогословіемъ). На смѣну религіи пришла современная наука: по существу дѣла религія есть не что иное, какъ резюме всѣхъ научныхъ работъ каждой эпохи, резюме, которое представляется народу подъ священной формой. Всемірное тяготѣніе, открытое Ньютономъ, представляется ему открытіемъ закона всемірной солидарности. Такимъ образомъ, первоначально С. Симонъ держится какъ-бы пантеистическихъ взглядовъ Спинозы. Впослѣдствіи, однако, онъ начинаетъ упрекать своего ученика О. Конта въ „capacité aristocienne“, т. е. въ аристотелевскихъ способностяхъ, въ перевѣсѣ у него наклонности къ знанію, а не къ чувству долга и благорасположенія [1]). Въ первый періодъ жизни онъ хочетъ, поэтому, создать особый Совѣтъ Ньютона для организаціи труда. Съ теченіемъ времени эта позитивная религія исчезаетъ и въ своемъ послѣднемъ трудѣ „Новое Христіанство“ онъ выступаетъ уже какъ мессія новой обновленной религіи долга и чувства, которая требуетъ, чтобы „человѣку человѣкъ былъ братъ прежде всего“, и чтобы „все общество работало надъ улучшеніемъ нравственнаго и физическаго существованія наиболѣе бѣднаго и многочисленнаго класса“. Мистицизмъ этой религіи достигаетъ наивысшаго предѣла въ ученіи о бракѣ. Бракъ представляется ему не только наиболѣе полной ассоціаціей двухъ равныхъ, но различныхъ существъ: мужчины и женщины для совершенія какого либо дѣла, нравственнаго, научнаго и промышленнаго, но онъ является священной связью поколѣній. „Супругу и супругѣ исключительно принадлежитъ это святое состояніе, интимность сердца, разума и чувствъ, сфера мистическая, непроницаемая, гдѣ двѣ воли (spontanеités) сливаются и гдѣ жизнь производитъ жизнь“. По мнѣнію С. Симона и его учениковъ освобожденіе пролетаріата, будетъ сопровождаться и полнымъ освобожденіемъ женщины, а семья сдѣлается необходимой соціальной ячейкой. Такъ, по крайней мѣрѣ, истолковываетъ его ученіе Родригесъ [2]).

1) Впослѣдствіи, какъ извѣстно, ученикъ Сэнъ-Симона О. Контъ въ „Позитивной политикѣ“ пытался создать особую религію, основанную на любви къ человѣчеству, какъ цѣлому, и на чувствѣ долга. Девизомъ этой религіи должна была явиться формула: любовь, какъ принципъ, порядокъ, какъ основаніе и прогрессъ, какъ цѣль.

2) Ученіе другого ученика Сэнъ-Симона Анфантена о бракѣ и объ

Вейль остроумно замѣчаетъ, что систему С. Симона можно резюмировать словами: все для работника, ничего посредствомъ работника. Эта характеристика не совсѣмъ справедлива, но въ ней есть большая доля истины. С. Симонъ отъ всѣхъ требуетъ труда; мы видѣли даже, что онъ призываетъ рабочій классъ къ единенію для защиты своихъ интересовъ. Но въ то-же время онъ несомнѣнно хочетъ создать промышленную, ученую или религіозную „теократію“, которая призвана вести все общество по пути прогресса. Онъ готовъ обратиться ко всякому, въ комъ видитъ воплощеніе силы и знанія: къ Бонапарту, Людовику, совѣту Ньютона, но боится, что рабочими завладѣютъ „демагоги“. „Спокойствіе общества, пишетъ онъ [1]), не установится, пока въ основу общества не будетъ положена позитивная мораль; руководители промышленныхъ работъ — прирожденные покровители рабочаго класса; если мануфактуристы не образуютъ союза съ рабочими, если они не начнутъ въ своей политической дѣятельности говорить съ ними языкомъ, который можетъ быть ими понятъ, убѣжденія этого многочисленнаго, но еще очень невѣжественнаго класса не будутъ слагаться подъ руководствомъ своихъ естественныхъ вождей; рабочій классъ могутъ соблазнить тогда интриганы, которые захотятъ произвести революцію для захвата власти“.

освобожденіи плоти совершенно шло въ разрѣзъ съ представленіями большинства Сэнъ-Симонистовъ. Анфантенъ, исходя изъ ученія о необходимости упраздненія собственности и наслѣдованія, а также изъ представленія объ измѣнчивости человѣческой природы, пришелъ къ проповѣди свободной любви и свободнаго развода. Базаръ былъ самымъ рѣшительнымъ врагомъ этого ученія и оно послужило однимъ изъ поводовъ для оставленія имъ школы. Любопытно отмѣтить, что всѣ первые соціальные реформаторы заняты вопросомъ о реорганизаціи семьи и являются сторонниками женской эмансипаціи. Исключеніе составляетъ только Прудонъ, по мнѣнію котораго „женщина плохой товарищъ, существованіе котораго всецѣло покоится на самоотверженіи мужчины и стоитъ гораздо больше, чѣмъ приноситъ.“ Прудонъ, какъ увидимъ ниже, этотъ яростный защитникъ идеи равенства, исходя изъ недоказаннаго положенія о якобы существующемъ тройномъ превосходствѣ мужчины — въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніи надъ женщиной, стремится установить всеобщее равенство мужчинъ чрезъ всеобщее подчиненіе женщинъ. Такой же индивидуалистъ и суровый критикъ современнаго брака Фурье приходитъ къ совершенно иному выводу. Фурье вообще претитъ всякое равенство. Онъ также не желаетъ и того, чтобы женщина была равна мужчинѣ. По его мнѣнію, она должна быть выше мужчины, если въ умственномъ и нравственномъ отношеніи она выше мужа и наоборотъ. Женщина вообще должна быть автономной личностью и индивидуальная цѣнность каждой личности, а не полъ дастъ ей возможность занять то или иное положенія среди другихъ неравныхъ личностей.

1) Libéralisme et industrialisme, изд. Родр. стр. 221.

Самымъ способнымъ ученикомъ С. Симона былъ Базаръ. Въ его сочиненіи „Изложеніе системы С. Симона“ доктрина учителя не только изложена полно, но внесено много новаго и своего. Критика вредныхъ сторонъ конкурренціи полнѣе; идеалъ распредѣлительной справедливости будущаго, воплощенный въ формулѣ: всякому по его труду, всякой способности по ея дѣламъ, болѣе развить; съ большей опредѣленностью подчеркнуто, что предшествовавшая исторія была эксплоатаціей человѣка человѣкомъ и что будущее принадлежитъ братской ассоціаціи; указана даже первая реформа, которую возможно предпринять немедленно для осуществленія новаго строя: „устраненіе наслѣдственнаго права.“ Эта реформа сдѣлаетъ невозможнымъ существованіе нетрудящихся и въ то-же время внесетъ въ жизнь совершенно обезпеченный характеръ, ибо все общество будетъ заботиться о дѣтяхъ и о томъ, чтобы каждому досталась его доля продукта.

Мѣстами анализъ Базара блещетъ оригинальнымъ развитіемъ идей учителя. Такъ, онъ не только считаетъ собственность основой общества, но ясно различаетъ, что организація труда требуетъ изученія слѣдующихъ условій: a) технической стороны производства; b) организаціи труда, т. е. распредѣленія производительнаго труда соотвѣтственно нуждамъ потребленія и c) разумной формы отношеній рабочихъ къ собственникамъ орудій производства. Съ легкой руки С. Симонистовъ было введено также подраздѣленіе исторіи на періоды двоякаго рода: „критическіе“, когда идетъ разложеніе сложившейся ранѣе организаціи труда въ широкомъ смыслѣ этого слова (т. е. старыхъ формъ и системъ хозяйства, какъ говорятъ теперь) и „органическіе“, когда созидаются новые устои жизни, приводящіе ее въ состояніе равновѣсія. Самъ по себѣ этотъ пріемъ исторической классификаціи имѣетъ мало значенія. Разрушеніе и созиданіе вѣчно сопровождаютъ историческій процессъ: установившееся равновѣсіе или что тоже опредѣлившійся порядокъ въ экономическихъ и правовыхъ учрежденіяхъ вовсе не свидѣтельствуютъ еще о гармоніи жизни; вѣдь и самъ Базаръ, установивъ это подраздѣленіе, не постѣснился сказать, что вся исторія до его времени была періодомъ постоянной „эксплоатаціи“ человѣка человѣкомъ. Подраздѣленіе это ему нужно лишь для того, чтобы показать, что въ критическія эпохи господствуетъ эгоизмъ, въ органическія — альтруизмъ. Подраздѣленіе это по самому своему существу имѣетъ „романтическій характеръ“ [1]). „Всѣ вѣ-

1) Doctrine, l. c. т. I-ый, стр. 97—8, также стр. 22. Базаръ очень ясно опредѣляетъ свое отношеніе къ романтизму. „Мы знаемъ, пишетъ

рованія въ критическія эпохи утрачены, пишетъ онъ, всѣ общія чувства гаснутъ, священный огонь не имѣетъ своихъ весталокъ. Поэтъ не является божественнымъ пѣвцомъ, поставленнымъ во главѣ государства, чтобы служить истолкователемъ человѣка, чтобы ему давать законы, чтобы подавлять въ немъ реакціонныя желанія, чтобы открывать ему радости будущаго, поддерживать и возбуждать его прогрессивное развитіе; нѣтъ, поэтъ находитъ только грустныя пѣсни. То онъ берется за бичъ сатиры, то его стихи полны горькихъ упрековъ, онъ возстаетъ противъ всего человѣчества, онъ толкаетъ человѣка къ недовѣрію, къ ненависти по отношенію къ подобнымъ себѣ; то ослабѣвшимъ голосомъ онъ въ элегическихъ стихахъ воспѣваетъ прекрасныя стороны уединенія, онъ предается мистическимъ мечтаніямъ и рисуетъ индивиду счастье уединенія . . . Въ критическія эпохи на массы воздѣйствуютъ страхомъ, а не надеждой, ненавистью, но не любовью, интересомъ, а не чувствомъ долга, наконецъ, эгоизмомъ, но никогда чувствомъ самопожертвованія.“ Въ органическія же эпохи царитъ самопожертвованіе и любовь. Когда эта любовь вновь явится и побѣдитъ, создастся новое право, которое замѣнитъ право завоеванія и рожденія. Тогда человѣкъ не будетъ эксплоатировать человѣка, но человѣкъ, соединенный съ человѣкомъ, будетъ эксплоатировать міръ, находящійся въ его распоряженіи.

Такимъ образомъ, общій характеръ доктрины Базара такой же, какъ и у С. Симона. Онъ живетъ въ эпоху, когда господствуетъ романтизмъ стараго порядка, и хочетъ страстно увлечь человѣчество въ періодъ такого же романтизма будущаго.

Вся Сэнъ-Симоновская школа является не столько обращеніемъ къ рабочимъ классамъ, сколько къ правящимъ классамъ и интеллигенціи. Она стремится „морализировать“ классовую борьбу, вѣрнѣе, совершенно устранить ее созданіемъ позитивной или мистической морали. Среди рабочихъ классовъ доктрина С. Симонистовъ успѣха не имѣла: она не создала партіи работниковъ, но на владѣющіе классы она оказала сильное вліяніе. Первые христіанскіе соціалисты во Франціи, Англіи и другихъ странахъ несомнѣнно могутъ считать С. Симона и Базара своими отцами. То-же можно сказать отчасти и объ историко-этической школѣ

онъ, какова судьба людей, которые борятся противъ настоящаго оружіемъ прошедшаго. Страданія, которыя имъ приходится выносить, благодаря ихъ благородному самопожертвованію, въ насъ вызываютъ жалость, но мы также знаемъ и судьбу тѣхъ, которые ранѣе другихъ указываютъ своему вѣку путь далекаго будущаго; только для этихъ послѣднихъ мы посвятимъ свою любовь“.

Германіи, въ которой англо-французскія вліянія соединились съ традиціями Фихте и его школы[1]). Объ эти школы, однако, могли создаться только позднѣе, уже въ болѣе политически образованной и организованной средѣ буржуазіи и аристократіи; въ странахъ болѣе молодыхъ С. Симонизмъ чаще всего приводилъ къ коммунистическимъ чудачествамъ, которыми и закончилась исторія этой школы.

Самъ С. Симонъ въ ряды чистокровныхъ, хотя бы и утопическихъ соціалистовъ можетъ быть зачисленъ только съ большой натяжкой.

Еще менѣе можно это сказать объ Анфантенѣ, подъ руководствомъ котораго, послѣ ухода Базара, вызваннаго несогласіями по вопросу о бракѣ, школа С. Симонистовъ превратилась въ мистико-теократическій союзъ, окончившій свою исторію, какъ извѣстно, очень печально. Съ ноября 1831 г. по февраль 1832 г. Анфантенъ пытался создать новое ученіе. Онъ все сводилъ къ священной Троицѣ. Во всѣхъ своихъ ученіяхъ, повидимому, не зная вовсе Гегеля, онъ открываетъ два противоположныхъ положенія, которыя приводятся въ согласіе третьимъ. Наука и промышленность согласуются въ религіи, человѣкъ и міръ — въ Богѣ, я и не я — въ безконечности. Это согласованіе противоположностей идетъ все болѣе и болѣе усиливаясь. По его мнѣнію, Базаръ ошибался, подраздѣливъ исторію на эпохи органическія и неорганическія, какъ смѣны антагонизма — ассоціаціей. Исторія есть прогрессивное соединеніе тѣла и разума, промышленности и науки, востока и запада, мужчины и женщины. Для настоящаго времени надо установить новый авторитетъ; надо создать живой законъ, который замѣнитъ писаный. Любовь — вотъ что обезпечитъ власть отца-патріарха и повиновеніе низшаго. Нѣтъ натуръ порочныхъ; имѣются только натуры болѣе или менѣе склонныя къ прогрессу. Авторитетъ отца-патріарха сдѣлается особенно

---

1) Христіанскій соціализмъ послѣдующаго времени всегда имѣлъ двѣ основныхъ формы: a) представители одной формы воспринимаютъ соціалистическія ученія вполнѣ; такихъ очень немного; b) представители другой и болѣе всего распространенной формы, главнымъ образомъ члены разныхъ церковныхъ іерархій и представители консервативной соціальной партіи, сводятъ этотъ соціализмъ къ укрѣпленію церковнаго и государственнаго авторитета для развитія благопопеченія о рабочемъ классѣ путемъ самопомощи, законодательства и благотворительной поддержки со стороны владѣющихъ классовъ. О христіанскомъ соціализмѣ см. Nitti. Le socialisme catholique (1894). Вейль. Исторія соціальнаго движенія во Франціи (р. пер. 1906 г.); Göhre. Die evangelischsociale Bewegung (1896 г.). Л. Н. Толстой. Царство Божіе внутри насъ или христіанство не какъ мистическое ученіе, а какъ новое жизнепониманіе (пер. изд. Берлинъ, 1894). Основныя особенности соціализма будутъ указаны впослѣдствіи.

привлекательнымъ, когда появится патріаршица; патріархъ и патріаршица будутъ воздѣйствовать не только разумомъ, но и красотой.

Много чудачества было въ жизни этой школы и тѣмъ не менѣе она привлекла симпатіи массы интеллигенціи, изъ которой многіе сдѣлались, какъ, напр., Мишель Шевалье, художникъ Давидъ и друг. знаменитыми людьми и крупными дѣятелями. Эта группа объединившейся интеллигенціи подъ руководствомъ Анфантена хотѣла дать міру новый образецъ жизни. Всѣ они переселились въ Менильмонтанъ въ домъ Анфантена, который превратился какъ бы въ соціальный монастырь. Во главѣ его стоялъ Анфантенъ, какъ патріархъ, его помощниками были апостолы, имѣвшіе подъ началомъ сыновей. Каждый долженъ былъ выполнять особую работу; время дня было распредѣлено между работой, научными занятіями, бесѣдами, пѣснопѣніями... Такая райская жизнь продолжалась, однако, недолго. Сэнъ-Симонисты были отданы подъ судъ за составленіе противозаконнаго и нарушающаго нравственныя основы сообщества. 27 — 28 августа состоялся судъ. Родригесъ и Барро были подвергнуты штрафу въ 50 франковъ, Анфантенъ, Дюверье и Шевалье тюремному заключенію на годъ и штрафу въ 100 франковъ. Подъ проливнымъ дождемъ семья Анфантена вышла изъ залы суда, попробовала было пѣть свои религіозныя пѣсни, но патріархъ Анфантенъ приказалъ замолчать.

Чудаческій періодъ жизни школы окончился, но она продолжала существовать и многіе изъ ея членовъ были впослѣдствіи видными общественными дѣятелями въ области начальнаго и профессіональнаго образованія, въ дѣлѣ развитія мелкаго кредита, въ организаціи разныхъ общественныхъ предпріятій. Сэнъ-Симонизмъ — это первый неопытный порывъ интеллигенціи служить на пользу народа подъ вліяніемъ новыхъ соціальныхъ идей, отголоски которыхъ можно подмѣтить почти во всѣхъ странахъ Европы, въ частности у насъ въ видѣ народничества; для народничества въ первую эпоху его существованія историческія изслѣдованія о русской общинѣ послужили основой для цѣлаго ряда мечтаній о коммунистическихъ обществахъ и о такъ называемомъ сліяніи съ народомъ.

Герценъ оставилъ намъ указанія о впечатлѣніи, произведенномъ на интеллигенцію Россіи сэнъ-симонизмомъ. „Середь этого броженія, пишетъ онъ, середь догадокъ, усилій понять сомнѣнія, пугавшія насъ, попались въ наши руки сэнъ-семонистскія брошюры, ихъ проповѣдь, ихъ процессъ. Онѣ поразили насъ. Новый міръ толкался въ дверь, *наши души, наши сердца растворились ему.* Сэнъ-Симонизмъ легъ въ основу нашихъ убѣжденій и неизмѣнно остался въ насъ“.

Въ своемъ письмѣ къ Мишле (— Русскій народъ и соціализмъ, 1858 г.). Герценъ далъ нашему народничеству его программу и, надо признаться, совершенно неправильно перетолковавъ сэнъ-симонизмъ. „Въ народѣ, писалъ Герценъ, всегда истина. Жизнь народа не можетъ быть ложью. Природа создаетъ лишь то, что осуществимо при данныхъ условіяхъ... Община спасла русскій народъ отъ монгольскаго варварства и отъ императорской цивилизаціи, отъ вырощенныхъ по европейски помѣщиковъ и отъ нѣмецкой бюрократіи. Общинная организація, хоть и сильно потрясенная, устояла противъ вмѣшательства власти, она благополучно дожила до развитія соціализма въ Европѣ“ ... „Освобожденіе крестьянъ сопряжено съ освобожденіемъ земли, освобожденіе земли въ свою очередь, начало соціальной революціи, провозглашеніе сельскаго комунизма“. „Изъ всего этого Вы видите, какое счастіе для Россіи, что сельская община не погибла, что личная собственность не раздробила собственности общинной; какое это счастіе для русскаго народа, что онъ остался внѣ политическихъ движеній, внѣ европейской цивилизаціи, которая, безъ сомнѣнія, подкопала бы общину и которая нынѣ сама дошла въ соціализмѣ до своего отрицанія.“ „Человѣкъ будущаго въ Россіи — мужикъ, точно также какъ во Франціи работникъ.“ Далѣе этого наслѣдства русское народничество пошло лишь въ томъ отношеніи, что научилось понимать значеніе политическихъ учрежденій въ духѣ всенароднаго суверенитета [1]).

1) Протестъ Бакунина противъ этой наивной теоріи былъ оставленъ въ Россіи безъ всякаго вниманія. „Вы все готовы простить, писалъ въ 1866 г. Бакунинъ съ Исхіи Герцену и Огареву, — пожалуй, готовы поддержать все, если не прямо, такъ косвенно, лишь бы осталась ваша мистическая святая святыхъ — великорусская община, отъ которой мистически, не разсердитесь за обидное, но вѣрное слово, вы ждете спасенія не только для великорусскаго народа, но и для всѣхъ славянскихъ земель, для Европы, для міра. А кстати сказать, отчего вы не соблаговолили отвѣчать серьезно и ясно на серьезный упрекъ, сдѣланный вамъ: вы запнулись за русскую избу, *да и стоите вѣка въ китайской неподвижности со своимъ правомъ на землю.* Почему эта община, отъ которой вы ожидаете такихъ чудесъ въ будущемъ, въ продолженіи десяти вѣковъ прошедшаго существованія не произвела изъ себя ничего, кромѣ самаго гнуснаго рабства? Гнусная гнилость и совершенное безправіе патріархальныхъ обычаевъ, безправіе лица передъ міромъ и всеподавляющая тягость этого міра, убивающая всякую возможность индивидуальной инціативы, отсутствіе права не только юридическаго, но и простой справедливости въ рѣшеніяхъ того же міра и жестокая безцеремонность его отношеній къ каждому безсильному и небогатому члену, его систематическая притѣснительность къ тѣмъ членамъ, въ которыхъ признается притязаніе на малѣйшую самостоятельность и готовность продать всякое право и всякую правду за ведро водки, вотъ, во всецѣльности ея настоящаго характера великорусская крестьянская община.“ Только въ наши дни этотъ старый споръ будетъ разрѣшенъ торжествомъ.... индивидуализма....

§ 2. Всѣмъ извѣстно, что Пьеръ Жозефъ Прудонъ (1809—1865 г.) былъ человѣкомъ, который, если и не создалъ идею анархизма, то несомнѣнно болѣе всего содѣйствовалъ ея распространенію. Анархическія идеи Годвина въ Англіи и Макса Штирнера († 1856) получили извѣстность въ наше время [1]). Существуетъ распространенный взглядъ, будто анархизмъ представляетъ дальнѣйшее, только болѣе крайнее развитіе идей соціализма. Нѣтъ ничего неправильнѣе такого взгляда. Такое воззрѣніе сложилось отчасти по винѣ ученыхъ, отчасти благодаря обычному пристрастію широкой публики ко всякаго рода крайнимъ ученіямъ.

Вина ученыхъ состоитъ въ томъ, что, классифицируя соціальныя ученія, они нерѣдко клали въ основу этой классификаціи степень крайности доктрины во взглядахъ: 1) на государство и религію 2) на идеалы распредѣлительной справедливости. Съ этой точки зрѣнія анархизмъ и сталъ представляться, какъ самое крайнее, какъ бы конечное изъ соціальныхъ ученій, тогда какъ по исторіи своего происхожденія онъ долженъ быть признанъ непосредственнымъ и неизбѣжнымъ результатомъ индивидуалистической философіи конца 18-го и начала 19-го вѣка.

Кромѣ того, слабые успѣхи коммунизма и анархизма въ современномъ обществѣ и большое распространеніе соціалистическихъ идей породили какъ въ средѣ сторонниковъ анархизма и коммунизма, такъ и въ публикѣ, убѣжденіе, будто эти крайнія, самыя боевыя соціальныя ученія еще борятся за распространеніе и будто общество еще не подготовлено къ ихъ оцѣнкѣ.

Ученія Оуена, Томсона, Сэнъ-Симона, Фурье и др. по существу были коммунистическими. Они мечтали замѣнить индивидуализмъ коммунистическими ассоціаціями всякаго рода, исходя изъ взгляда на человѣческую природу, какъ исполненную альтруизма. Ихъ ученія были реакціей противъ индивидуалистическихъ взглядовъ на человѣческую природу. Индивидуализмъ эгоизма они хотѣли замѣнить индивидуализмомъ альтруизма, задачу распространенія котораго они возлагали на науку и религію, на „таинственную

1) Сочиненіе М. Штирнера. Единственный и его собственность появилось въ 1845 г. (рус. пер. 1906 г.) Объ анархизмѣ см. Garin. Die Anarchisten (1887); R. Stammler. Die Theorie des Anarchismus (1894). Маккэй. Максъ Штирнеръ (р. пер. 1907 г.). Prof. K. Diehl. P. J. Proudhon, seine Lehre und sein Leben (Jena, 1890 г.) Эльцбахеръ. Анархизмъ, (р. пер. 1906). Подробная библіографія и изложеніе ученій въ новѣйшемъ трудѣ проф. Гектора Цокколи. Анархизмъ (р. пер., 1908 г.) Изъ русскихъ анархистовъ изданы нынѣ два глав. сочин. П. Крапоткина. Рѣчи бунтовщика, Спб. 1906 г. и Завоеваніе хлѣба, Спб. 1906 г., о Бакунинѣ см. критическій очеркъ М. Драгоманова. М. А. Бакунинъ, Казань, 1906 г.

и чудную любовь". Они надѣялись на подчиненіе индивида новому авторитету. Физіократы вѣрили въ фаталистическую разумность личнаго интереса, С. Симонисты и Фурьеристы вѣрили также слѣпо въ альтруизмъ[1]). Соціальная гармонія будущаго должна была дать какой-то рай неподвижности. Какой то органическій періодъ для всѣхъ долженъ былъ создать сразу „вѣковѣчную гармонію", если отдѣльная личность пойметъ и прочувствуетъ всѣ ошибки предшествовавшей исторіи и начнетъ новую нравственную жизнь. Другими словами, даже историзмъ, напр., С. Симона въ атмосферѣ индивидуализма начала вѣка превращался въ индивидуалистическую соціальную мораль, какъ средство рѣшенія общественныхъ вопросовъ.

Прудонъ протестуетъ противъ этого рая неподвижности во имя свободной личности. Выражаясь словамя Энгельса, С. Симонисты, Оуениты и Фурьеристы хотятъ достигнуть царства соціальной необходимости, Прудонъ ищетъ царства „соціальной свободы", основанной на договорѣ и справедливости. На ряду съ любовью пришла и самодовлѣющая то эгоистическая, то справедливая и разумная личность. Карлъ Марксъ жестоко издѣвается надъ проповѣдниками „любви":

Sie war nicht in dem Thal geboren,
Man wusste nicht woher Sie kam:
Doch schnell war ihre Spur verloren,
Sobald das Mädchen Abschied nahm.

1) Исходная точка зрѣнія Фурье, напр., имѣетъ совершенно индивидуалистическій характеръ и доводитъ идеализацію природы человѣка до наивысшихъ предѣловъ, я сказалъ бы даже, до мистицизма. Фурье стремится, прежде всего, къ удовлетворенію потребностей личности. По его мнѣнію, всѣ человѣческія страсти исходятъ отъ Бога и, потому, хороши. Имъ надобно дать лишь свободу дѣйствія и тогда цѣль будетъ достигнута. Человѣкъ будетъ стремиться и желать, земля будетъ имѣть возможность удовлетворить всѣмъ желаніямъ. Фурье признаетъ три рода страстей: а) пять страстей чувствъ: вкусъ, осязаніе, зрѣніе, слухъ, обоняніе; б) четыре страсти нравственности — дружба, честолюбіе. любовь, семейственность, (чувство отеческой любви); три страсти распредѣляющія: интрига (cabaliste), перемѣнчивость (papillone) и увлеченіе (composite). Страсти чувствъ влекутъ къ труду; страсти нравственности способствуютъ образованію группъ (6—7 человѣкъ), серій и фалангъ (2000 челов.); увлеченіе, интрига возбуждаютъ соревнованіе, перемѣнчивость, заставляя человѣка переходить отъ одного занятія къ другому, отнимаютъ у труда его утомительность; фаланга заключаетъ въ себѣ 200 человѣкъ и во главѣ ея стоитъ унархъ. Это союзъ совмѣстно работающихъ и потребляющихъ людей, основанный на акціяхъ. Всѣ землевладѣльцы и капиталисты получаютъ, отказавшись отъ своихъ правъ, акціи. Имъ достается $^4/_{12}$ изъ общаго итога произведеній; $^5/_{12}$ затѣмъ идутъ на долю труда, $^3/_{12}$ на долю таланта. Вознагражденіе, смотря по роду труда: наибольшее — за необходимый, наименьшее — за пріятный, среднее — за средній трудъ. См. А. Бебель, Шарль Фурье (изд. Т-ва Просвѣщеніе); Otto Warschauer. Geschichte des Socialismus und Communismus, 2. Abt.

Т. е. она не родилась въ долинѣ; никто не зналъ откуда она пришла; но скоро всѣ слѣды ея потерялись, какъ только дѣвушка распрощалась". Ядовито онъ замѣчаетъ далѣе: „любовь есть абстракція — „дѣвушка изъ далека" безъ діалектическаго паспорта, а потому она и изгоняется изъ страны критической полиціей" [1]).

Анархизмъ явился такимъ же непосредственнымъ послѣдствіемъ индивидуализма начала 19-го вѣка и по простой причинѣ. Само дѣйствіе экономическаго механизма еще было совершенно не изучено, а, потому, казалось, что стоитъ послѣдовательно провести въ жизнь „революціонную идею свободы и равенства", какъ выражался Прудонъ, чтобы вся соціальная система пришла не только въ равновѣсіе, но въ безконечное и оживленное движеніе. Человѣческій разумъ необходимо долженъ былъ въ своихъ исканіяхъ пережить эти двѣ экономическихъ системы: индивидуалистическаго альтруизма и анархизма эгоизма или справедливости, увлеченный пышнымъ успѣхомъ такъ называемый „индивидуалистической анархіи", которая, провозгласивъ свободу промысла и труда, несомнѣнно содѣйствовала громадному росту производительныхъ силъ въ началѣ 19-го вѣка [2]).

Fourier, seine Theorie und Schule, 1893 г. В. И. Семевскій. Русскіе фурьеристы (Спб. 1905 г.).

1) Die heilige Familie, изд. Меринга, 1902, стр. 117.

2) Для системы анархизма чрезвычайно характерно, что она совершенно отрицаетъ утилитаризмъ Бентамитовъ. Она пытается построить свою индивидуалистическую мораль или на принципѣ абсолютной справедливости, постигаемой разумомъ, или на принципѣ эгоизма, какъ основномъ двигателѣ человѣческой природы. Представителемъ первой точки зрѣнія является Прудонъ и его послѣдователи, второй — М. Штирнеръ и его продолжатели. Въ текстѣ отмѣчена точка зрѣнія Прудона, мнѣ необходимо поэтому въ примѣчаніи отмѣтить и противоположную точку зрѣнія Штирнера и хотя бы одного изъ его продолжателей — Текера. „Я стремлюсь, пишетъ Штирнеръ, лишь къ собственному спокойствію. Любовь, какъ и всякое другое чувство зависитъ отъ моей личной воли и является моей собственностью. Пріобрѣтите ее и я буду любить васъ. Любовь моя не опирается на идею долга и не связываетъ себя ни съ своей совѣстью, ни съ клятвой. Я обезпечиваю себя такимъ образомъ отъ безумія религіозной любви, которая заставляетъ видѣть въ любимомъ предметѣ нѣчто священное. Для эгоиста не существуетъ настолько возвышенныхъ и абсолютныхъ объектовъ, чтобы заставить его обожать ихъ, жить исключительно для нихъ и жертвовать собою ради нихъ. Любовь эгоиста вытекаетъ изъ его выгодъ, развивается и кончается въ предѣлахъ его личныхъ интересовъ". Любопытенъ отвѣтъ Текера на слѣдующее возраженіе, сдѣланное его противникомъ: "Если анархія значитъ устраненіе всякаго закона и всякой власти за исключеніемъ закона управлять собою и умѣнія сдерживать себя, если вы думаете, что только съ помощью этихъ принциповъ человѣкъ воздержится отъ искушенія посягать на права другой личности, то какая разница была бы между вашимъ обществомъ и обществомъ которое управляется закономъ Евангелія преднисывающимъ любить Бога всѣмъ

Прудонъ такой же организаторъ труда, какъ и Сэнъ-Симонъ, но исходящій изъ противоположнаго принципа. Въ религію онъ не вѣритъ, хотя и считаетъ христіанство крупнымъ явленіемъ міровой исторіи; онъ преклоняется предъ разумомъ и справедливостью, постигнуть и воплотить которую можетъ только индивидъ — свободная, знающая личность.

Въ своемъ трактатѣ „De la justice, т. е. о справедливости" Прудонъ доказываетъ, что справедливость есть равенство и ея формула ему представляется очень простой и ясной: не дѣлай своему ближнему того, чего не желаешь, чтобы дѣлали тебѣ! Въ „Idee générale de la révolution" онъ отрицаетъ государство и сводитъ всѣ отношенія разумныхъ личностей къ договору. „Человѣкъ хочетъ нынѣ, пишетъ онъ, не только того, чтобы его фатализировали, но чтобы его механизировали. Истинная же тенденція должна заключаться въ дефатализаціи, въ дезорганизаціи и я осмѣливаюсь говорить объ этомъ тамъ, гдѣ пахнетъ фатализмомъ и механизмомъ".

Исходя изъ началъ философіи 18-го вѣка, Прудонъ[1]) и создалъ свою систему соціальной анархіи, т. е. общества,

---

сердцемъ своимъ, а ближняго, какъ самаго себя?" Текеръ отвѣтилъ: „Общество, отрицающее власть разнится отъ общества, признающее власть Христа, больше чѣмъ черное отъ бѣлаго. Господство надъ самимъ собою и существованіе власти — вещи несовмѣстимыя. Божеская же власть, также какъ и человѣческая намъ нежелательны въ равной мѣрѣ. Вторая же половина заповѣди любить ближняго, какъ самаго себя есть ничто иное, какъ совѣтъ, основанный на личномъ интересѣ и какъ таковой можетъ быть нами принятъ не потому, что онъ данъ отъ Бога, а внушенъ нашимъ эгоизмомъ". О Текерѣ см. Цокколи, русск. пер. стр. 224—225. Эльцбахеръ, рус. пер. 200—228. Физіократы и Смитъ, полагали, что общество иногда можетъ указать личности, въ чемъ ея разумно понимаемый интересъ, иногда личность должна обращаться для этого къ помощи Божества; утилитаристы сдѣлали счастіе наибольшей массы человѣческихъ существъ основоположеніемъ своей морали; многіе анархисты, начиная съ Годвина, вѣрятъ только въ разумъ и самоопредѣленіе свободной личности, стремятся дефатализировать личность и историческій процессъ; иррелигіозность, однако, не составляетъ основной черты анархизма. Какъ среди всѣхъ абсолютистовъ, среди нихъ нерѣдко и теистическое настроеніе. Къ числу таковыхъ принадлежитъ и Л. Толстой. Сочиненіе В. Тэкера: „Вмѣсто книги, написано человѣкомъ слишкомъ занятымъ, чтобы написать книгу" — переведено на русскій языкъ, Москва, 1908 г.

1) См. Что такое собственность, р. пер. Е. и И. Леонтьевыхъ, 1907 г. стр. 258 и 90; въ другомъ русскомъ изданіи переведены оба мемуара. Для пониманія системы Прудона необходимо изучить слѣдующія его сочиненія: 1) Выше отмѣченные два мемуара о собственности (первый появился въ 1840, второй въ 1841 г.); Système des contradictions économiques ou la philosophie de la Misère, т. е. система экономическихъ противорѣчій или философіи нищеты (2 t., 1846 г.); De la justice dans la revolution et l'Eglise, т. е. о справедливости въ революціи и церкви (4 t., 1858). Въ недавное время книгопродавцемъ Фламмаріономъ издано новое полное собраніе сочиненій Прудона.

основаннаго на договорахъ разумныхъ людей, но не остался, какъ увидимъ, послѣдовательнымъ. Не даромъ же Прудонъ пишетъ: „все относящееся къ области законодательства и политики является объектомъ науки, но не убѣжденій: законодательная власть принадлежитъ разуму, систематически изученному и обоснованному. Перломъ тиранiи слѣдуетъ считать присвоеніе какой либо власти права veto и санкціи. Справедливость и законность двѣ вещи такъ-же мало зависящія отъ нашего согласія, какъ и математическія истины... Всеобщее невѣжество влечетъ за собою всеобщую тиранію, между тѣмъ, какъ свобода мысли написана въ хартіи и той же хартіей предписывается, подъ названіемъ перевѣса большинства, рабство мысли". Онъ не вѣритъ въ утилитаризмъ Бентамитовъ, будто общество можетъ дать наибольшее счастіе наибольшему количеству существъ, не думаетъ, какъ чартисты, что всеобщее избирательное право создастъ правду и справедливость. „Развѣ, пишетъ онъ, простой подсчетъ голосовъ даетъ вашему разуму нѣчто болѣе разумное, болѣе очевидное, болѣе нравственное, чѣмъ вѣра и сила? Развѣ подача голосовъ вамъ кажется болѣе вѣрнымъ средствомъ, чѣмъ традиція и наслѣдственность? Руссо разглагольствуетъ противъ права сильнаго, какъ будто сила гораздо болѣе, чѣмъ подача голосовъ, способна къ узурпаціи захвату верховенства и власти. Но что такое число (т. е. число голосовъ, поданныхъ при избраніи въ депутаты)? Что доказываетъ оно, чего стоитъ оно, какое отношеніе существуетъ между болѣе или менѣе искреннимъ мнѣніемъ голосующихъ и той вещью, которая господствуетъ надъ всякимъ мнѣніемъ, надъ всякимъ голосованіемъ, надъ истинной, надъ правомъ? Что? Дѣло идетъ о томъ, что для меня дороже всего, о моей свободѣ, о моемъ трудѣ, о существованіи моей жены и дѣтей; и когда я желаю съ вами установить основныя положенія, вы отсылаете меня въ конгрессъ, образованный по капризу судьбы". „И когда я являюсь, чтобы заключить договоръ, Вы мнѣ говорите, что я долженъ избрать судей, которые, не зная меня, не выслушавъ меня, рѣшатъ мое освобожденіе или осужденіе. И когда этотъ конгрессъ, послѣ дебатовъ, въ которыхъ я ровно ничего не понимаю, возложитъ на меня свое рѣшеніе, какъ законъ, подастъ мнѣ его на концѣ штыка, вѣрно ли, что я буду составлять часть суверенитета, что станетъ съ моимъ достоинствомъ? Если я долженъ разсматривать себя обязавшимся, то гдѣ же договоръ? . . . Будемъ откровенны, всеобщая подача голосовъ, императивные мандаты, отвѣтственность представителей, система избранія способнѣйшихъ (système capacitaire — все это дѣтская игра; я не ввѣрю имъ ни своего труда, ни своего отдыха, ни своего состоянія; я

не рискну ни однимъ волосомъ своей головы для ихъ защиты“ [1]).

Прудонъ стремится доказать, что индивидъ составляетъ самоцѣль; разумная личность сама знаетъ, что ей нужно, что общество составляетъ лишь средство для ея цѣлей. Въ этой борьбѣ личности съ обществомъ, однако, въ конечномъ результатѣ у него побѣждаетъ общество, ибо цѣли индивида у него оказываются такими, которыя совпадаютъ съ цѣлями общества. Царство цѣлей разумной личности незамѣтно и все сильнѣе, въ особенности въ концѣ его жизни, обращается въ царство соціальныхъ цѣлей [2]).

Чтобы доказать эти соображенія мы должны внимательно изучить главныя основы системы Прудона. Его рѣзкая, исполненная сарказма критика эгоистическаго индивидуализма съ точки зрѣнія соціальнаго индивидуализма [3]) имѣетъ громадное значеніе: она открыла торную дорогу для историческаго міросозерцанія. Отсюда не слѣдуетъ, конечно, что мы съ возникновеніемъ историческаго міросозерцанія отказались окончательно отъ наслѣдства 18-го вѣка. Ученія о „естественномъ правѣ“ и объ „анархизмѣ“ еще тяготѣютъ надъ нами; они постоянно возрождаются въ новой формѣ; но въ настоящій моментъ они представляютъ лишь идеалистически-революціонный ферментъ, который лишенъ положительнаго творчества, но важенъ, какъ ученіе о самоопредѣленіи личности и какъ борьба за право личности противъ правъ общества.

Въ трудахъ Прудона главнѣйшее значеніе имѣетъ его критика собственности, государства и такъ называемая имъ „идея пропорціональности“. Эта послѣдняя идея уже нами разсмотрѣна при анализѣ теоріи Томсома о правѣ на полный продуктъ труда. Напомнимъ, однако, ея формулировку

1) См. Idée Générale de la Revol., н. изд., стр. 143 и слѣд.

2) Какъ увидимъ ниже, Прудонъ пришелъ даже къ мысли о необходимости федеративнаго устройства своихъ договорныхъ общинъ. До полнаго отрицанія политической организаціи общества онъ не дошелъ. Ему казалось, что въ тотъ моментъ, когда между волей отдѣльной личности и законами общества не будетъ противорѣчія, тогда исчезнетъ и необходимость всякаго суда, наказанія и государства: единственнымъ судилищемъ будетъ совѣсть, а основой жизни — договоръ, соблюдаемый во имя требованій справедливости. Послѣдователи Прудона изъ современныхъ анархистовъ дошли до полнаго отрицанія парламентаризма, утверждая, что при немъ неизбѣжно меньшинство (члены парламента) правятъ большинствомъ (народомъ) по своему произволу. По выраженію напр. Малатеста „всеобщее избирательное право при настоящемъ невѣжествѣ и экономическомъ рабствѣ — лишь постыдный торгъ совѣстью и слезами.“

3) Какъ увидимъ еще ниже, индивидуалистомъ въ полномъ смыслѣ этого слова Прудона назвать нельзя.

въ словахъ Прудона, ибо она лежитъ и въ основѣ его критики собственности [1]).

Прудонъ полагаетъ, что мы знаемъ цѣнность съ двухъ сторонъ: цѣнность потребительную и мѣновую, но мы не знаемъ ее „dans son tout“. Если бы мы могли пріобрѣсти эту новую идею, мы имѣли-бы цѣнность „абсолютную, ея законъ абсолютный, неизмѣнный“. Трудъ, какъ свобода, геній, любовь, честолюбіе есть вещь неопредѣленная и неопредѣлимая по своей природѣ, но которая качественно опредѣляется ея предметомъ, т. е. трудъ становится реальностью при посредствѣ своего продукта. Когда говорятъ: трудъ этого человѣка стоитъ пять франковъ въ день — это значитъ: продуктъ дня труда этого человѣка стоитъ пять франковъ. Особенность труда заключается въ постоянномъ стремленіи устранить „рѣдкость“ и „мнѣніе“, какъ конститутивные (образующіе) элементы цѣнности и, такимъ образомъ, трансформировать естественныя полезности или неопредѣленныя (присвоенныя или нѣтъ) въ полезности измѣримыя или соціальныя [2]). Соотвѣтственно этому анализу цѣнность, разсматриваемая въ обществѣ, которое естественно, благодаря раздѣленію труда и обмѣну, образуютъ производители, есть отношеніе пропорціональности продуктовъ, которые составляютъ богатство. Полезность обосновываетъ цѣнность, трудъ опредѣляетъ отношеніе. Цѣна съ извѣстными отклоненіями передаетъ это отношеніе. . . Пропорція, въ которой элементъ, т. е. продуктъ входитъ въ цѣлое, мы называемъ цѣнностью; „избытокъ“, который остается послѣ этой комбинаціи, есть „не цѣнность“ (non valeur) до тѣхъ поръ, пока привхожденіемъ нѣкотораго количества другихъ элементовъ (продуктовъ) онъ не скомбинируется, не размѣняется. Трудъ не становится гарантіей благосостоянія и равенства, если продуктъ каждаго индивида не пропорціоналенъ массѣ: ибо онъ не покупаетъ и не обмѣнивается никогда иначе, какъ на цѣнность равную той, которая въ немъ [3]).

1) См. Proudhon. Système des contradictions économiques, n. ed. t. I, De la valeur, стр. 59—103; сравни выше стр. 313 и слѣд. Dans son tout — значитъ во всемъ ея цѣломъ. Конституированіе цѣнности, т. е. превращеніе ее въ трудовую, нормальную цѣнность.

2) Прудонъ хочетъ сказать, что трудъ, постоянно создавая новый притокъ продуктовъ, стремится устранить ихъ „рѣдкость“ и то или иное „пристрастіе“ людей къ предметамъ. Если продуктовъ будетъ сколько угодно, если все ихъ количество и разнообразныя качества можно будетъ создавать трудомъ, то каждый будетъ цѣнить ихъ не по собственному вкусу или мнѣнію, не по рѣдкости ихъ, а просто по количеству труда, которое на нихъ затрачено.

3) Вся эта напыщенная тирада гласитъ: продукты обмѣниваются на продукты, продукты, поступающіе въ обмѣнъ становятся измѣри-

Аксіома, одинаково признаваемая всѣми экономистами, гласитъ, что трудъ оставляетъ избытокъ въ продуктѣ. Теперь за счетъ этого избытка нѣкоторые профитируютъ, но другіе погибаютъ (dépérissent). Если продуктъ будетъ принадлежать тому, кто его произвелъ, цѣнность конституируется, — „трудъ каждаго человѣка не будетъ имѣть другой возможности кромѣ покупки такой же цѣнности, которая заключается въ его продуктѣ и эта цѣнность будетъ пропорціональна услугамъ всѣхъ другихъ работниковъ“. Исходя изъ неравенства состояній, приходятъ къ мысли о несоизмѣримости цѣнностей. Эта основная антиномія, со всѣми ея послѣдствіями, уничтожается при признаніи положенія, что трудъ есть принципъ пропорціональности цѣнностей. Изъ этого положенія и его послѣдствій: всякій продуктъ цѣнится по столько, по сколько онъ стоитъ и что продукты покупаются продуктами, изъ того необходимаго предположенія, что конституированная цѣнность предполагаетъ въ равной степени „полезность и продажность“, неразрывно и гармонически связанными, что цѣнность есть отношеніе по существу соціальное и что только чрезъ посредство обмѣна мы пріобрѣли понятіе полезности. вытекаетъ догма „равенства состояній“. Вездѣ, гдѣ трудъ не соціализировался, т. е. гдѣ цѣнность не опредѣлилась синтетически, не конституировалась, имѣются пертурбаціи въ обмѣнахъ, въ производствѣ, въ обращеніи, въ потребленіи. Замѣтивъ, однако, что, напр., алмазъ продается очень дорого, хотя и полученъ отъ простого поднятія съ земли, онъ спрашиваетъ, почему онъ продается такъ дорого и отвѣчаетъ: „потому, что люди не свободны; общество должно урегулировать обмѣнъ и распредѣленіе, какъ самыхъ обыкновенныхъ, такъ и рѣдкихъ вещей, чтобы каждый могъ ими пользоваться. Что же такое цѣнность оцѣнки? Это ложь, несправедливость, кража! Что же мѣшаетъ тому, что такое конституированіе не устанавливается? собственность или что то же — отсутствіе свободы“.

По мнѣнію Прудона, „свобода есть равенство, ибо свобода возможна только при соціальномъ строѣ. Свобода есть безвластіе, т. е. анархія, ибо она не признаетъ власти воли, но только власть закона, т. е. необходимости. Свобода есть безконечное разнообразіе, ибо она въ предѣлахъ закона уважаетъ всякую волю. Свобода есть пропорціональность, ибо она даетъ пролный просторъ жаждѣ славы

мыми, соціальными цѣнностями, которыя измѣряются трудомъ. Обмѣнъ будетъ въ состояніи гармоническаго равновѣсія, если продуктъ будетъ идти за продуктъ т. е. общая масса ихъ будетъ другъ другу пропорціональна. Продукты, выброшенные на рынокъ и не находящіе своего пропорціональнаго продукта, потеряютъ цѣнность, т. е. мы имѣемъ здѣсь ничто иное, какъ старую идею Мальтуса.

и честолюбію, стремящемуся выдѣлиться при помощи заслугъ". Итакъ, исходная точка зрѣнія Прудона: „свобода, которая есть равенство, равенство, которое есть справедливость, справедливость — господство разума и признаніе человѣческаго достоинства". Посмотримъ же, какъ эта исходная точка зрѣнія отразилась на ученіяхъ о государствѣ, о собственности и объ организаціи хозяйства.

Въ сочиненіи „Общая идея революціи" [1]) Прудонъ противопоставляетъ современное государство, основанное на правительственной и церковной власти, своему идеальному общественному строю.

По его мнѣнію, современное государство построено на слѣдующихъ догматахъ: 1) первоначальная испорченность (perversité originelle) природы человѣка, 2) значительное неравенство состояній (l'inégalité essentielle), 3) постоянное существованіе антагонизма и войны. 4) фатальное, неизбѣжное существованіе нищеты. Откуда выводится: 5) необходимость правительства, самоотреченія и вѣры. При повсемѣстномъ признаніи этихъ принциповъ формы власти опредѣляются сами собой, а именно: а) раздѣленіе народа на классы или касты, соподчиненные другъ другу, связанные и образующіе пирамиду, на вершинѣ которой появляется, какъ Божество на алтарѣ, какъ король на тронѣ, ВЛАСТЬ, б) административная централизація, в) судебная іерархія, г) полиція, д) церковъ. Къ этому надобно прибавить въ странахъ, гдѣ восторжествовали демократическія начала: е) раздѣленіе властей, ж) вмѣшательство народа въ управленіе путемъ избранія представителей, з) безконечное разнообразіе избирательныхъ системъ, начиная отъ выборовъ по сословіямъ, какъ въ средніе вѣка, и до всеобщаго, равнаго и тайнаго избирательнаго права, какъ въ настоящее время, и) система двухъ палатъ, к) голосованіе законовъ и установленіе налоговъ народными представителями, л) преобладаніе большинства.

Совершенно иныя принципы, полагаетъ Прудонъ, должны лежать въ основѣ идеальнаго общества, а именно: 1) безконечное усовершенствованіе индивида и человѣческаго рода, 2) уваженіе къ труду, 3) равенство состояній, 4) единство интересовъ, 5) прекращеніе антагонизма, 6) всеобщее благосостояніе, 7) суверенитетъ разума, 8) абсолютная свобода человѣка и гражданина. Главныя же средства для осуществленія этого порядка: а) раздѣленіе труда, основанное на классификаціи людей не по классамъ, а по профессіямъ, б) созданіе коллективной силы посредствомъ

1) l. c., стр. 254—258.

рабочихъ компаній, а не посредствомъ арміи, в) торговля съ реальнымъ выраженіемъ ея въ ДОГОВОРѢ, замѣняющемъ ЗАКОНЪ, г) равенство обмѣновъ, д) соперничество, е) кредитъ, централизующій интересы въ замѣнъ повиновенія, которое централизовало ранѣе правительственную іерархію, ж) равновѣсіе въ цѣнностяхъ и въ собственности. Этотъ новый строй, основанный на самопроизвольномъ дѣйствіи промышленности, согласующійся съ разумомъ соціальнымъ и индивидуальнымъ, составитъ новое *Человѣческое Право.*

Первый мемуаръ о собственности Прудона раздѣляется на двѣ неравныя части. Въ первыхъ трехъ главахъ Прудонъ подвергаетъ критикѣ ученіе о собственности индивидуалистической школы. Во второй части приводитъ аргументацію, на основаніи которой онъ не считаетъ возможнымъ существованіе собственности. Наиболѣе любопытна и самостоятельна первая часть; на ней одной мы и сосредоточимъ свое вниманіе. Для юристовъ и историковъ она наиболѣе поучительна[1]). Методологически онъ построяетъ свою аргументацію слѣдующимъ образомъ. Онъ утверждаетъ, что собственность можно защищать только какъ учрежденіе „справедливое“. При такомъ взглядѣ не трудно убѣдиться, по его мнѣнію, что всѣ какія бы то ни было разсужденія, придуманныя для защиты собственности и для объясненія ея происхожденія, приводятъ къ „равенству“, т. е. къ отрицанію собственности. Справедливость и равенство всегда оказываются тождественными. Слѣдуетъ, поэтому, пересмотрѣть всѣ ученія, созданныя индивидуалистической школой. Прудонъ берется доказать, что собственность есть кража.

I. Римское право, а за нимъ и всѣ современныя законодательства, опредѣляютъ собственность, какъ право употреблять свою вещь, и даже злоупотреблять своимъ правомъ надъ нею. Правда, кодексъ Наполеона дѣлаетъ нѣкоторыя ограниченія. Собственность, согласно ему, есть право пользоваться и располагать вещами самымъ абсолютнымъ образомъ, съ тѣмъ, однако, чтобы имъ не пользовались вопреки законамъ; но это ограниченіе имѣетъ цѣлью не ограничить собственность, но воспрепятствовать одному собственнику мѣшать другому. Въ то же время въ собственности различаютъ два момента: собственность — право властвовать и владѣніе — право пользоваться. Изъ различія между владѣніемъ и собственностью возникаютъ двоякаго рода права: jus in re — право надъ вещью, на основаніи котораго я могу требовать пріобрѣтенную мною собственность,

1) Съ критикой самаго механизма капиталистическаго хозяйства мы ознакомимся при изложеніи ученій Родбертуса и Маркса.

въ чьихъ бы рукахъ она не находилась. И jus ad rem — право на вещь, на основаніи котораго я могу сдѣлаться собственникомъ. Благодаря своему положенію „пролетарія“, говоритъ Прудонъ, не пользуясь ничѣмъ, я требую jus in re на основаніи jus ad rem. Я предъявляю искъ о собственности къ обществу, требуя, чтобы она была уничтожена для всѣхъ. Для этого требуется доказать, что ни одна теорія индивидуалистической доктрины не пригодна для обоснованія собственности. Такихъ теорій создано пять.

а) Одна изъ этихъ теорій обосновываетъ собственность „на естественномъ правѣ“. Она провозглашена декларацією правъ, которая указала на четыре естественныхъ и неотчуждаемыхъ права человѣка: права на свободу, равенство, собственность и безопасность. При установленіи этихъ правъ законодатели дѣйствовали безъ всякаго метода, по вдохновенію. Три первыя права установлены ими абсолютно; собственность же явилась какимъ то страннымъ правомъ. Оно нарушается на каждомъ шагу. При уплатѣ налоговъ съ богатаго берутъ больше, чѣмъ съ бѣднаго, почему? Говорятъ, потому, что онъ имѣетъ больше. Тутъ нѣтъ равенства, слѣдовательно, нѣтъ и справедливости. Наконецъ, утверждаютъ, что налоги платятся, чтобы создать учрежденія, служащія для общественной пользы и развлеченій. Такъ неужели же защита свободы и жизни богатаго стоитъ дороже? Кто при вторженіяхъ непріятеля, при голодовкахъ и эпидеміяхъ причиняетъ больше хлопотъ? Крупный ли собственникъ, спасающійся отъ опасности, не ожидая помощи отъ государства или крестьянинъ, остающійся на добычу бѣдствіямъ? Развѣ порядочный буржуа болѣе угрожаетъ порядку, чѣмъ ремесленникъ и фабричный рабочій?.. Оказывается, что свобода есть абсолютное право, ибо безъ равенства нѣтъ общества: безопасность есть абсолютное право, потому что для каждаго человѣка жизнь его и свобода такъ-же дороги, какъ жизнь и свобода другого... Собственность же законодатели 1789 г. обложили налогами всякаго рода, присвоили себѣ право платить меньше по національному долгу и т. п. Они сдѣлали собственность одновременно правомъ и неабсолютнымъ, и абсолютнымъ. Если-бы они были послѣдовательны, они должны были-бы сказать: собственность есть принадлежащее человѣку право располагать самымъ безусловнымъ образомъ общественнымъ имуществомъ; собственность же и общество — двѣ вещи безусловно несоединимыя: заставить двухъ собственниковъ соединиться такъ же невозможно, какъ заставить два магнита соединиться одинаковыми полюсами. Если собственность абсолютна для всѣхъ, это значитъ, что каждый можетъ только „владѣть“, собственность же принадлежитъ только всему обществу, т. е. не

существуетъ. Съ обычнымъ своимъ презрѣніемъ къ женщинѣ, Прудонъ иллюстрируетъ свою мысль о разницѣ между собственностью и владѣніемъ такъ: „мужъ — это собственникъ, любовникъ — это владѣлецъ“.

b) Тогда придумали для защиты этого права „теорію завладѣнія“, какъ основу собственности. Право захвата (оккупаціи) есть право, проистекающее изъ дѣйствительнаго физическаго реальнаго обладанія вещью. Если право на жизнь равно для всѣхъ, то также равны и права на захватъ. Изъ этого слѣдуетъ, что право собственности вовсе не естественное, а пріобрѣтенное право; слѣдовательно, въ немъ нѣтъ ничего абсолютнаго, а потому, захватъ, будучи фактомъ случайнымъ, не можетъ сообщить этому праву неизмѣнности, какою онъ не обладаетъ самъ. Человѣкъ умираетъ, общество остается. Со всякой смертью и при новомъ размноженіи населенія можетъ наступить новый захватъ Другими словами, такъ можетъ образоваться только владѣніе, а не „право“ собственности. Сэ утверждаетъ, что земля захвачена и раздѣлена въ собственность, „такъ какъ всякое поле есть пространство опредѣленное и неизмѣнное.“ „Я понимаю, говоритъ Прудонъ, что вещь опредѣленная и не обладающая подвижностью, какова земля, „легче“ доступна присвоенію, но вѣдь дѣло не въ томъ, что легче или труднѣе. Земля есть благо, которое человѣкъ не создалъ и которое природа даетъ ему даромъ. Поэтому пользованіе землею, количество которой меньше, чѣмъ другихъ элементовъ, должно быть регулировано не ради немногихъ и захватившихъ, но въ интересахъ безопасности всѣхъ, ибо равенство правъ доказывается равенствомъ потребностей.

c) Третьи защищаютъ собственность, исходя „изъ потребностей человѣка, изъ всеобщаго соглашенія и признанія“. Такъ, Дестю де Траси утверждаетъ, что собственность есть потребность нашей человѣческой природы. Эта потребность ведетъ къ непріятнымъ послѣдствіямъ, но эти послѣдствія неизбѣжное зло, ничего не говорящее противъ самаго принципа. Прудонъ возражаетъ: потребность есть свойство человѣка: человѣкъ имѣетъ свойство или особенность (propriété) способности (propriété) быть собственникомъ (propriétaire) [1]). Дестю де Траси не замѣтилъ, что человѣкъ не является даже собственникомъ своихъ способностей; человѣкъ обладаетъ силами, качествами, способностями. Природа дала ему ихъ, чтобы онъ могъ жить, познавать и любить. Онъ не обладаетъ полнымъ господствомъ надъ ними и является по отношенію къ нимъ только узуфруктуаріемъ; свое право

1) Игра словъ, не передаваемая на русскомъ языкѣ.

пользованія онъ можетъ осуществить, только сообразуясь съ законами природы. Пусть онъ пользуется произведеніями природы, но пусть же онъ откажется отъ притязаній собственника и пусть помнитъ, что это названіе — только метафора. Кузенъ и его ученики говорятъ: моя свобода, чтобы проявиться во внѣ, нуждается въ аренѣ для дѣятельности или матеріалѣ, иными словами, въ собственности или въ вещи. Разъ человѣкъ прикоснулся къ какимъ либо вещамъ, говоритъ одинъ изъ учениковъ Кузена, онѣ пріобрѣтаютъ отъ него характеръ, измѣняющій и очеловѣчивающій ихъ. Я, говоритъ Прудонъ, не вѣрю въ такое волшебство и нѣтъ ничего менѣе святого, чѣмъ человѣческая воля. Но къ чему приводитъ эта теорія? Не слѣдуетъ ли изъ нея, что разъ для человѣка необходима вещь, разъ свобода не можетъ мѣшать другой современной ей свободѣ присвоить себѣ такую же вещь, какою обладаетъ она, то она тѣмъ болѣе не можетъ лишать будущія свободы, ибо индивидъ погибаетъ, но совокупность сохраняется и законъ вѣчнаго цѣлаго не можетъ зависѣть отъ его временной части. Не слѣдуетъ ли изъ этого выводъ, что каждый разъ, когда является на свѣтъ новое существо, одаренное свободой, старыя должны потѣсниться?

Всеобщее соглашеніе, если-бы таковое даже существовало, какъ нѣчто выраженное опредѣленно въ договорѣ или какъ молчаливое соглашеніе, также не оправдываетъ собственности. Такой договоръ, если-бы его даже составили Гроцій, Монтескье и Руссо, даже если-бы на немъ были подписи всего рода человѣческаго, былъ бы незаконенъ и безусловно равенъ 0. Человѣкъ не можетъ отказываться отъ труда такъ же, какъ и отъ свободы; признаніе же права земельной собственности есть отказъ отъ средствъ труда, „отказъ отъ естественнаго права и человѣческаго достоинства“. Но пусть это молчаливое или формальное право существуетъ. Что изъ этого вытекаетъ? Повидимому, что отказы были взаимные: никто не отказывается отъ права, не получая взамѣнъ чего-либо равноцѣннаго. Всеобщее признаніе собственности можетъ, поэтому, осуществиться только признаніемъ ея равенства для всѣхъ, т. е. равенствомъ мы вынуждены оправдывать неравенство условій собственности. Получается очевидный заколдованный кругъ.

d) Говорятъ: „законъ создалъ право собственности.“ Дѣйствительно, чтобы оградить слабаго отъ вторженія сильнаго, чтобы предупредить грабежи и убійства, обманы, необходимо было установить между владѣльцами постоянныя разграниченія. Съ каждомъ годомъ населеніе возростало и жадность увеличивалась. Такимъ образомъ, земля сдѣлалась собственностью, благодаря потребности „въ равен-

ствѣ", необходимомъ для общественной безопасности и для того, чтобы каждый могъ пользоваться плодами своего труда. Но древніе основатели господства собственности не предвидѣли, что вѣчное и абсолютное право сохранять свое наслѣдственное достояніе, право, которое казалось имъ уравнительнымъ, потому что оно было общимъ, влечетъ за собою право отчуждать, продавать, дарить, терять и пріобрѣтать; что оно „влечетъ за собой уничтоженіе равенства," ради котораго его установили. Старые взгляды не могутъ считаться для насъ символомъ вѣры и „новымъ закономъ" мы можемъ уничтожить собственность. Ссылаются на давность. Но когда законъ заявляетъ, что промежутокъ времени превращаетъ владѣльца въ собственника, онъ допускаетъ, что право можетъ быть создано безъ всякой вызывающей его причины. Время равно для всѣхъ и не можетъ создать ничего. Общественный порядокъ и безопасность требовали только гарантіи владѣнія, зачѣмъ же законъ создалъ собственность? Институтъ собственности, твореніе разума невѣжественнаго, можетъ быть упраздненъ разумомъ болѣе развитымъ.

е) Собственность, утверждаютъ наконецъ, „создана трудомъ." Человѣкъ, однако, не создаетъ матеріи. Допустивъ даже, что человѣкъ своимъ трудомъ измѣняетъ свойства матеріи и, такимъ образомъ, готовитъ продукты, мы еще не можемъ обосновать собственность на орудія труда, напр., землю, которую трудъ не создалъ. Такъ какъ производство по необходимости коллективно, то рабочій имѣетъ право на участіе въ продуктахъ и прибыляхъ соразмѣрно выполненному имъ труду. Но земля такъ-же, какъ и накопленный капиталъ, будучи собственностью общественною, не могутъ быть объектомъ собственности. Капиталъ накопляется, вѣдь, только потому въ рукахъ собственника, что работникъ получаетъ для своего пропитанія заработную плату, но онъ же создаетъ и средства производства, которыя составляютъ постоянную гарантію производства въ будущемъ. Этими средствами производства и прибылью завѣдываетъ капиталистъ. Въ этомъ и заключается то, что удачно названо эксплоатаціей человѣка человѣкомъ. Собственность — дочь труда! иронически восклицаетъ Прудонъ, но что же такое право на приростъ, на наслѣдство, на дареніе, какъ не право дѣлаться собственникомъ путемъ прямой оккупаціи?

f) Неравенство способностей и, какъ результатъ его, большая производительность, по мнѣнію Прудона, также не могутъ служить основаніемъ для доказательства правомѣрности собственности. „Въ сообществѣ людей, пишетъ Прудонъ, функціи ихъ не похожи одна на другую; должны, поэтому, существовать и разныя способности. Даже болѣе, нѣкоторыя функціи требуютъ большей интеллигентности и

знаній; существуютъ, поэтому, субъекты большаго разума и таланта. Ибо дѣло, которое надо совершить, необходимо находитъ работника: потребность создаетъ идею, а идея создаетъ работника. То, что теперь называютъ неравенствомъ способностей, при болѣе счастливыхъ условіяхъ, будутъ называть разнообразіемъ способностей . . . Подобно тому, какъ созданіе каждаго орудія производства является результатомъ коллективной силы, такъ-же точно талантъ и наука въ человѣкѣ являются результатомъ всеобщей интеллигентности и всеобщаго знанія, медленно накопленнаго массою мастеровъ и при помощи массы болѣе низменныхъ промысловъ. Человѣкъ таланта далъ возможность создать изъ себя полезное орудіе: онъ является совладѣльцемъ. Въ немъ заключенъ свободный работникъ и накопленный соціальный капиталъ: какъ работникъ онъ приставленъ для пользованія орудіемъ, какъ руководитель машины, которой являются его собственныя способности; какъ капиталъ, онъ не принадлежитъ себѣ; онъ эксплоатируетъ себя не для себя, а для другихъ . . . . Каковы бы, слѣдовательно, ни были способности человѣка, разъ онѣ созданы, онѣ ему болѣе не принадлежатъ". Создавая больше, чѣмъ другіе, онъ обязанъ помнить, что онъ самъ — созданіе общества. . .

Исходя изъ такой соціальной точки зрѣнія, Прудонъ требуетъ единства и равенства вознагражденія. Вотъ какъ онъ обосновываетъ это равенство заработныхъ платъ. „Поскольку работники, трудящіеся въ сообществѣ, равны, было бы противорѣчіемъ, чтобы одинъ оплачивался болѣе, чѣмъ другой. Такъ какъ продуктъ одного работника оплачивается только продуктомъ другого работника, то, если оба продукта неравны, остатокъ или разница большаго или меньшаго не будетъ пріобрѣтенъ обществомъ, а, слѣдовательно, не поступивъ въ обмѣнъ, не окажетъ никакого вліянія на равенство заработныхъ платъ. Отсюда проистечетъ, если угодно, для болѣе сильнаго работника неравенство естественное, но не неравенство соціальное, причемъ никто не пострадаетъ отъ его силы и его производительной энергіи. Другими словами, общество обмѣниваетъ только равные продукты, т. е. оплачиваетъ только работы, сдѣланныя для него, слѣдовательно, оно „одинаково" оплачиваетъ всѣхъ работниковъ. То, что работники производятъ внѣ общества такъ-же мало его касается, какъ различіе голосовъ и волосъ работниковъ. Можетъ показаться, что я самъ устанавливаю принципъ неравенства: совершенно наоборотъ. Сумма работъ, которыя могутъ быть выполнены для общества, т. е. работъ, которыя могутъ подлежать обмѣну, будучи, при данномъ фондѣ эксплоатаціи, болѣе обширными въ зависимости отъ увеличенія числа работниковъ и по задачѣ, предоставленной каж-

дому, болѣе ограниченными, вызываетъ, какъ свое послѣдствіе, то обстоятельство, что они нейтрализуются по мѣрѣ расширенія ассоціаціи. Большое количество потребляемыхъ цѣнностей производится соціально: такимъ образомъ, единственное обстоятельство, которое могло бы возстановить неравенство, заключалось бы въ правѣ оккупаціи, въ правѣ собственности. Такъ предположимъ, что дневная соціальная работа, оцѣниваемая въ обработкѣ земли: въ паханіи, въ собираніи урожая и т. п. на двухъ декаметрахъ въ среднемъ требуетъ семь часовъ: одинъ работнихъ окончитъ ее въ шесть съ половиной, другой въ восемь часовъ. Большинство потратитъ только семь часовъ, но лишь бы каждый поставилъ необходимое количество часовъ, какое бы количество онъ ни потратилъ, онъ имѣетъ право на равное вознагражденіе. Работникъ, могущій окончить свою задачу въ шесть часовъ, имѣлъ-ли право подъ предлогомъ своей силы и большей производительности захватить работу работника менѣе способнаго и, такимъ образомъ, лишить его труда и хлѣба? Кто можетъ поддерживать такой поступокъ? Пусть тотъ, „который ранѣе оканчиваетъ, отдыхаетъ, если желаетъ, пусть предается, для поддержанія своихъ силъ и для образованія своего разума, другимъ полезнымъ упражненіемъ и работамъ. Онъ можетъ такъ поступать, не совершая вреда ни для кого: но пусть онъ воздержится отъ своихъ услугъ, вызванныхъ интересомъ.“ „Сила, геній, прилежаніе и всѣ личныя преимущества, которыя вытекаютъ изъ этихъ свойствъ, являются фактомъ природы и отчасти индивида: общество оцѣниваетъ ихъ, поскольку эти свойства того заслуживаютъ. Но вознагражденіе, которое общество даетъ пропорціонально не тому, что эти люди могутъ, а тому, что они производятъ, т. е. продуктъ каждаго ограничивается правомъ всѣхъ“ [1]).

1) Въ Heilige Familie Марксъ смѣется надъ Прудономъ; сохраняя систему и свободу договора, говоритъ онъ, ему приходится убѣждать талантъ получить равную плату; онъ хочетъ обратить въ дѣйствительность то, что у буржуазныхъ экономовъ только номинально и иллюзорно, l. c. 147—8. Проповѣдывая равное вознагражденіе, Прудонъ, какъ видимъ, приходитъ къ мысли о необходимости нормировать количество труда, которое каждый можетъ затратить для приготовленія продуктовъ, поступающихъ въ обмѣнъ, т. е. его анархія свободнаго договора въ концѣ концовъ ведетъ къ общественной регламентаціи производства. Выше см. стр. 323 п. 3. мы дали уже анализъ схемы, которая утверждаетъ, что при пропорціональности производства цѣнности необходимо эквиваленты, какъ количества заключеннаго въ нихъ труда, теперь мы можемъ продолжить этотъ анализъ. Эта абстрактная и по существу безполезная схема предполагаетъ слѣдовательно наличность слѣдующихъ условій; а. трудъ является единственной производительной силой, въ дѣйствительности же капиталъ и земля имѣютъ такое же значеніе; б. при равенствѣ труда по производительной силѣ, каждый долженъ рабо-

Свою систему соціальной анархіи Прудонъ разсчитывалъ установить путемъ „особой системы взаимности“ (отсюда и названіе мутуализмъ) чрезъ посредство „народнаго банка“. Основнымъ принципомъ банка являлась безвозмездность кредита и обмѣна; назначеніемъ же — не производство, а обращеніе цѣнностей, средствомъ — соглашеніе между производителями и потребителями.

Я не имѣю надобности останавливаться на организаціи того банка, который пытался создать Прудонъ. Это было лишь второе, исправленное изданіе схемы Р. Оуена. Къ тому же, хотя 2 февраля 1849 года Прудонъ открылъ дѣйствія своего банка, хотя очень скоро число пайщиковъ достигло до 12000 и подписка на акціи дала 36 т. франковъ, но самъ основатель его былъ подвергнуть тюремному заключенію на три года и потому долженъ былъ передать руководительство банкомъ въ другія руки. Банкъ просуществовалъ два мѣсяца и, не совершивъ ни одной операціи, закрылся.

Для оцѣнки такой крупной и сложной личности, какъ Прудонъ, и всей его литературной и общественной дѣятельности понадобилось бы цѣлое изслѣдованіе. Сказаннаго выше, однако, достаточно, чтобы понять основныя особенности его міросозерцанія. Необходимо только правильно истолковать сдѣланныя нами цитаты [1]), какъ методологически, такъ и по существу.

Сочиненіе о собственности является однимъ изъ пер-

тать одинаковое количество часовъ. При большей же производительности труда какого либо работника (см. ниже) онъ долженъ трудиться меньшее количество часовъ при изготовленіи продуктовъ, которые онъ пускаетъ въ обмѣнъ. Такъ если два портныхъ создаютъ по два сюртука каждый, одинъ земледѣлецъ 10-ть пудовъ хлѣба, а другой 20-ть въ день, то для сбалансированія продуктовъ согласно съ изложенной ранѣе схемой необходимо, что бы второй земледѣлецъ работалъ только полъ дня. Тогда каждый изъ работниковъ получитъ по пяти пудовъ хлѣба и по одному сюртуку. в. Прудонъ боится, что, создавъ еще 10-ть пудовъ хлѣба, этотъ второй землевладѣлецъ броситъ ихъ на рынокъ и создастъ пертурбацію въ обмѣнѣ. Поэтому онъ и требуетъ, чтобы такой болѣе производительный работникъ трудился только для себя, но не для обмѣна, чтобы онъ не созидалъ соціальныхъ цѣнностей. Отсюда положеніе: право на трудъ ограничивается правомъ всѣхъ, т. е. другими словами, свобода производства обращается въ мифъ и вся система производственной договорной анархіи сводится къ общественной регламентаціи производства.

1) При изученіи политической философіи демократіи и теорій Прудона необходимо имѣть въ виду еще слѣдующія сочиненія: E. Fournière. Les Theories socialistes aux XIX siécle de Babeuf à Proudhon (1904 г.); въ особенности глава: индивидъ и государство, Д. Маккэй. Максъ Штирнеръ (р. пер. 1907 г.) Lecky. Democracy and Liberty (2 т. 1900 г.). Брайсъ. Исторія американской демократіи (3 т. р. пер. изд. Солдатенкова). Dupont White. L'individu et l'Etat (1865).

выхъ работъ Прудона, сочиненіе о справедливости — одной изъ его крупнѣйшихъ работъ послѣдняго періода жизни, когда соціальныя начала окончательно поглотили его индивидуализмъ. Между этими произведеніями много общаго, но замѣтно и коренное различіе. По своему методу Прудонъ „діалектикъ“. Онъ ставитъ опредѣленныя положенія и старается разрушить ихъ, стоя на точкѣ зрѣнія противника, но почти никогда не остается на такой позиціи. Незамѣтно для самого себя онъ переходитъ постоянно на совершенно противоположную сторону и опровергаетъ противника уже совершенно иными доводами, заимствованными изъ совершенно другого круга философскихъ идей. Онъ разсуждаетъ то съ точки зрѣнія личности, то съ точки зрѣнія всего общества. Я уже отмѣтилъ выше, что Прудона нельзя считать чистокровнымъ индивидуалистомъ. Провозгласивъ основнымъ принципомъ общественной жизни договорныя начала между индивидами, указавъ, что государство не нужно, что экономическая жизнь должна разбиться на общины, онъ въ послѣдующемъ развитіи своихъ идей дошелъ до „федераціи“ этихъ общинъ, которая регулируетъ взаимныя отношенія общинъ и ихъ составныхъ элементовъ. По мѣткому замѣчанію Фурьера, онъ „индивидуализировалъ не для того, чтобы раздѣлять, а чтобы соединять“ [1]). Въ этомъ отношеніи его соціальная философія кардинальнымъ образомъ отличается отъ соціальной философіи Р. Оуена, С. Симона, съ одной стороны, и М. Штирнера съ другой. Оуенъ проникнутъ мыслью, что человѣкъ представляетъ собою результатъ окружающихъ его условій. Прудонъ вѣритъ въ разумъ и справедливость. Идея справедливости формулирована у Прудона очень неясно, но ему представляется, что онъ открылъ ея основной законъ, а самоопредѣляющаяся разумная личность, при современномъ состояніи науки, не можетъ не признать, что справедливость законъ абсолютный и что она тождественна съ полнымъ равенствомъ, съ сознаніемъ собственнаго достоинства и равноцѣнностью этого достоинства въ другихъ людяхъ. Идея справедливости есть универсальный принципъ: основное правило добраго и злого, критерій (опредѣляющее начало) очевидности, цѣль всякаго знанія, всего нашего существованія. Философы вѣчно искали эту идею справедливаго, абсолютнаго и находили одно и то-же только подъ разными названіями. Это противорѣчивое сочетаніе „самоопредѣляющагося разума“, разумной личности съ вѣрой въ абсолютныя начала этого разума, сопровождается указаніемъ, что прежде когда то разумъ былъ слабъ и не-

1) l. c. стр. 191.

вѣжественъ; отождествленіе интересовъ личности и всего общества также характерно для всей системы Прудона и дѣлаетъ поучительнымъ его ученіе о собственности, которое изложено выше.

Не мудрено, однако, что послѣдовательный индивидуалистъ М. Штирнеръ совершенно отрицательно отнесся къ этому соціальному индивидуализму Прудона. Въ своемъ отрицаніи Штирнеръ категориченъ. По его мнѣнію, всѣ теоріи о томъ, что истинное бытіе человѣка заключается въ жизни и дѣятельности для человѣчества, для служенія идеѣ общаго блага, для почитанія Бога — простой остатокъ старинныхъ, закоренѣлыхъ суевѣрій. Всѣ эти теоріи ничто иное, какъ господство надъ человѣкомъ „идеи“ или другими словами „клерикализмъ“ (Pfaffenthum) въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. „Вамъ внушили, пишетъ онъ, что вы уже не эгоисты, а идеалисты т. е. достойные люди . . . Откажитесь отъ этого имени! Перестаньте стремиться къ самоотреченію, ищите свое „я“, становитесь эгоистами; пусть каждый изъ Васъ обратится во „всемогущее я“! Энгельсъ также, какъ мы видѣли выше [1]), издѣвался надъ „идеей абсолютной справедливости и равенства“ Дюринга — Прудона, доказывая, что „равенство — это все, что угодно, но только не вѣчная истина“. Сторонниковъ абсолютныхъ началъ и исторической относительности примирить невозможно. . . .

Штирнеръ — смѣется и надъ различіемъ, которое Прудонъ дѣлаетъ между „собственностью и владѣніемъ“. „Говорятъ, пишетъ онъ, что я только владѣлецъ. Нѣтъ! Владѣльцами люди были и прежде, и обладаніе какимъ нибудь участкомъ земли обезпечивалось за нимъ тѣмъ, что и другимъ было уступлено владѣніе участкомъ. Но отнынѣ все будетъ принадлежать мнѣ: я собственникъ всего того, что мнѣ необходимо и чѣмъ я въ силахъ владѣть. Если соціалистъ мнѣ говоритъ, что общество надѣлитъ меня всѣмъ, что мнѣ необходимо, то эгоистъ мнѣ говоритъ, что я самъ долженъ присвоить себѣ все, что мнѣ необходимо. Если въ коммунистѣ сказывается жалкій „оборванецъ“, то въ эгоистѣ сказывается собственникъ . . . „Коммунизмъ, по его мнѣнію, реализуетъ мѣщанскую гражданственность, по которой каждый долженъ быть владѣльцемъ. При коммунизмѣ всякая индивидуальная забота о достиженіи желаемаго прекращается и каждый надѣленъ всѣмъ, что ему необходимо: это босяцкая мораль.“

По мнѣнію Штирнера собственность не слѣдуетъ и невозможно упразднить. Собственность это не вещь,

1) См. выше, стр. 50 и слѣд.

это то, что обрѣтается въ моей власти. Я имѣю право на всякую собственность, каковою могу завладѣть . . . Вопросъ о собственности нельзя разрѣшить, такъ, какъ полагаютъ соціалисты и даже коммунисты. Вопросъ этотъ можетъ разрѣшить только „война всѣхъ противъ всѣхъ". „Мыслима-ли кража, если не существуетъ собственность? Что никому не принадлежитъ, того нельзя похитить. Воду я не похищаю, если черпаю ее изъ моря. Поэтому *не собственность есть кража, а только благодаря собственности возможна кража.* Къ тому же долженъ былъ придти и Вейтлингъ, который все считаетъ собственностью всѣхъ; если данная вещь представляетъ собственность всѣхъ, то, слѣдовательно, совершаетъ кражу и отдѣльное лицо, которое присваиваетъ ее себѣ;" слѣдовательно, съ точки зрѣнія Штирнера добавимъ отъ себя, и владѣлецъ, котораго такъ обожаетъ Прудонъ, — воръ.

Вотъ какъ думаетъ послѣдовательный индивидуализмъ-анархизмъ [1]).

Безъ сомнѣнія, между „собственностью и владѣніемъ" существуетъ большое различіе, но, исходя изъ его индивидуалистическаго принципа, нельзя обосновать и владѣнія. Владѣніе только временная собственность для прочныхъ вещей; для потребляемыхъ же вещей оно тождественно съ собственностью. Владѣть — значитъ потреблять, но въ какой мѣрѣ, въ какой части — вотъ въ чемъ вопросъ. Самъ Прудонъ долженъ былъ придти къ отрицанію полнаго права на продуктъ труда, какъ это ясно видно изъ предшествовавшаго (см. п. e и f), а также и было показано выше при анализѣ идеи права на полный продуктъ труда [2]). Прудонъ, поэтому, неизбѣжно долженъ былъ впасть въ противорѣчіе, какъ и указываетъ Штирнеръ, и требовать организаціи труда изъ опасенія возникновенія „войны всѣхъ противъ всѣхъ".

Громадная историческая заслуга Прудона заключается въ томъ, что всей своей ѣдкой критикой собственности онъ пришелъ только къ отрицательному результату; онъ доказалъ, что обосновать право собственности на какихъ бы то ни было „абстрактныхъ" началахъ чисто индивидуалистическаго или соціальнаго характера невозможно. Столь-же невозможно утверждать, что разумъ для всѣхъ и во всѣ историческія эпохи можетъ открыть единое начало жизни. Самодовлѣющая разумная личность Штирнера провозглашаетъ войну всѣхъ противъ всѣхъ, смѣется надъ любовью, кото-

1) См. М. Штирнеръ. Единственный и его собственность, р. пер., 1907 г., стр. 168—192.

2) См. выше, глава 4-я, стр. 323, 325.

рая, исходя изъ идеала распредѣлительной справедливости, хочетъ всѣхъ сдѣлать вседовольными оборванцами. Что за аргументъ можетъ противопоставить альтруистъ эгоисту? Можетъ ли умѣренно-аккуратный человѣкъ, соединяющій равномѣрныя порціи альтруизма и эгоизма, примирить непримиримыхъ сторонниковъ этихъ двухъ противоположныхъ моральныхъ началъ? Что можетъ Прудонъ сказать противъ разумной личности Штирнера, если онъ не считаетъ „личность“ созданіемъ окружающаго общества, если онъ вѣритъ, что разумъ — послѣдняя и все рѣшающая инстанція? Почему свой разумъ онъ долженъ поставить превыше разума Штирнера? На какомъ основаніи имъ осуждается все законодательство предшествовавшаго, какъ результатъ разума слабаго, если эгоистъ Штирнера хочетъ вести войну противъ всѣхъ, вѣруя, что въ этомъ не борьба смерти, а борьба жизни и освобожденія? Вѣдь Штирнеръ говоритъ бѣдняку: „Вы станете свободными и имущими собственниками только тогда, если осмѣлитесь: возстаньте, сами постарайтесь возвысить свое положеніе“; но въ то же время на вопросъ: какъ же быть тогда, когда неимущіе осмѣлятся, онъ отвѣчаетъ: „вопросъ этотъ равносиленъ требованію, чтобы я предсказалъ ребенку его будущность по расположенію тѣхъ звѣздъ, какія видны были въ моментъ его рожденія. Что станетъ дѣлать рабъ, когда онъ разобьетъ свои оковы, — это будетъ тамъ видно“. Перспектива — не утѣшительная. . . .

Яростный поклонникъ Штирнера Д. Г. Маккэй пишетъ: „подъ вліяніемъ Штирнера распрямляются согбенныя спины. Онъ вкладываетъ мечь въ ослабѣвшія руки. Благодаря ему мы лишены вѣры, но за то обладаемъ теперь у в ѣ р е н н о с т ь ю. Онъ напомнилъ намъ о нашихъ собственныхъ интересахъ, интересахъ обыденныхъ и личныхъ, исключительныхъ. Онъ зоветъ насъ слѣдовать имъ вмѣсто того, чтобы жертвовать собой для идеальнаго, святого, чужого, для общаго блага. Онъ вернулъ намъ счастье жизни, казалось, навсегда нами утерянное. Онъ вскрылъ намъ сущность правоваго государства, соціалистическаго общества, сущность человѣчества въ представленіи гуманистовъ и мы увидѣли въ нихъ преграду нашей самобытности. Онъ разрушилъ авторитеты, господствующую волю большинства, волю массы и ея привилегіи; и на мѣсто гражданина, рабочаго, человѣка встало Я. Духъ отрицанія смѣнился живымъ созданіемъ“ [1]).

Какъ видимъ, разумная личность Прудона устраняетъ государство, право и проч. во имя всеобщей истины и

1) Маккэй, l., см. стр. 147—8.

справедливости, Я — Штирнера провозглашаетъ борьбу эгоизма, силы и самобытности, утверждая, что если всѣ будутъ одинаково эгоистичны и самобытны, всѣ будутъ равны и счастливы; и оба одинаково не правы . . .

Самоопредѣленіе личности, забота о ней — великое дѣло, но общество развѣ оно не имѣетъ своей силы, своего закона? Штирнеръ кончилъ свою жизнь жалкимъ паріемъ, забытымъ, заброшеннымъ, угнетеннымъ. Какъ бы ни сильна была личность, но она не можетъ жить внѣ общества и полнаго равенства личностей, а, слѣдовательно, и равновѣсія въ ихъ борьбѣ быть не можетъ; столкновеніе личностей со всѣми ихъ свойствами, какъ съ ихъ альтруистическими, такъ и эгоистическими наклонностями не можетъ не вести къ стремленію урегулировать общую и личную жизнь, но полное освобожденіе „я“ также утопично, какъ и отвратительно полное подчиненіе „я“ обществу.

Найти рѣшеніе всей этой проблемы т. е. согласовать интересы личности и общества — великая задача будущаго: неоцѣнимая заслуга всякаго индивидуализма: и буржуазнаго, и анархическаго — въ этомъ опасеніи за право личности предъ надвигающимся призракомъ обыкновеннаго большинства. Законодатели революціи 1789 г. не были такъ наивны, какъ думаетъ Прудонъ: они знали, что дѣлали: впервые провозгласивъ начала народнаго суверенитета въ политической области, въ частной собственности личности они искали противовѣса деспотизму большинства: и въ этомъ отношеніи заслуга великой декларациіи правъ 18-го вѣка никогда не будетъ забыта [1]).

Какія силы найдетъ человѣчество для урегулированія правъ надъ личностью, если когда либо политическій суверенитетъ народа приведетъ къ упраздненію частной собственности, это покажетъ лишь будущее. Быть можетъ предъ нами эпоха глубокаго кризиса, демагогіи и, только переживъ ее, человѣчество создастъ новыя учрежденія, которыя принесутъ

1) Извѣстный Дайси справедливо замѣчаетъ: „какъ бы по самому своему существу ни была логически нелѣпа доктрина естественныхъ правъ 18-го вѣка, но она имѣетъ значеніе, ибо полагаетъ нѣкоторый предѣлъ деспотизму большинства. Безъ всякаго сомнѣнія эта доктрина представляетъ собой весьма слабую защиту противъ проявленій народной тираніи. Французская декларація правъ не спасла ни одного изъ тысячъ тѣхъ гражданъ, которые пали жертвами революціоннаго трибунала. Американская декларація правъ не дала свободы ни одному негру. Но эти примѣчательные документы были все таки формальнымъ провозглашеніемъ того, что верховная власть не можетъ обращать силу въ право. И безъ сомнѣнія они оказали вліяніе на общественное мнѣніе. Во Франціи декларація правъ поддерживала убѣжденіе, что національное собраніе не должно обладать безграничной властью; нѣкоторыя статьи американской конституціи, проникнутыя духомъ декларацій, служили поддержкой для индивидуальной свободы“. . . .

свѣжій разцвѣтъ жизни, большее счастье и спокойствіе. Частная собственность была и до сихъ поръ является могущественнымъ средствомъ соподчиненія людей, какъ это понялъ еще Смитъ, и отчасти противовѣсомъ противъ возрастающей власти государства. Чистый анархизмъ навсегда останется утопіей, но это не мѣшаетъ намъ понимать двѣ его особенности, несомнѣнно имѣющія историческое значеніе.

Прудонъ, какъ мы выше отмѣтили, рѣзко и рѣшительно протестуетъ противъ государства, какъ власти, опирающейся на организованное меньшинство или даже на большинство. Въ эпоху, когда вся соціальная атмосфера была проникнута раціонализмомъ индивидуалистической доктрины, онъ пытается создать свой новый „соціальный раціонализмъ.“ Онъ старается найти основы той высшей справедливости, которой должны подчиниться и индивидъ, и общество, и государство, поскольку онъ сохраняетъ его, какъ проэктированная имъ федеральная организація. Если бы современные представители идеалистической доктрины, и въ особенности сторонники новаго естественнаго права, болѣе были знакомы съ экономической доктриной, они видѣли бы въ Прудонѣ своего перваго учителя.

Другая сторона анархическихъ ученій не менѣе важна, хотя имѣетъ уже болѣе подчиненный характеръ. Мы знаемъ, что средневѣковая жизнь характерна по своей раздробленности власти. Она основана на соединеніяхъ, корпоративныхъ союзахъ, колеблющихся договорахъ. Система естественной свободы хотѣла противопоставить личность непосредственно государству, уничтоживъ право союзовъ для защиты своихъ общихъ экономическихъ интересовъ. Она стремилась вручить государству только охрану собственности, договоровъ и властное завѣдываніе лишь „общими“ интересами людей. Средина и конецъ 19-го вѣка стали все болѣе и болѣе расширять это понятіе „общихъ интересовъ“ и государство мало по малу стало обнаруживать тенденцію сдѣлаться владыкой всей нашей политической и экономической жизни. Этотъ процессъ расширенія государственнаго вмѣшательства въ экономическую и соціальную жизнь несомнѣнно пока задерживается тѣмъ, что представительство въ парламентахъ принадлежитъ еще владѣющимъ классамъ, что власть и ея бюрократія принадлежатъ къ тому же классу. Прудонъ, чувствуя приближеніе господства демократіи, боится этого наростающаго вліянія государства. Немудрено поэтому, что его такъ ненавидѣлъ Марксъ. Марксъ и всѣ его продолжатели „централисты“ по убѣжденіямъ, государственники, вѣрующіе въ благодѣтельность всенароднаго суверенитета и его основы всеобщаго избирательнаго права.

Анархизмъ федералистиченъ, онъ какъ бы стремится

къ новому возрожденію средневѣковаго строя самоуправляющихся союзовъ и индивидовъ[1]). Въ *договорѣ* Прудонъ, его сподвижники и продолжатели видятъ замѣну *закона*. Безъ конца, напр., и Штирнеръ твердитъ, что „государство священно, ассоціація же, будучи моимъ созданіемъ, лишена какой либо священной власти и по отношенію ко мнѣ. Вступая въ ассоціацію съ другими людьми, я жертвую лишь частью своей свободы, но не для всеобщаго благосостоянія, а лишь для личнаго блага.“ Въ этой проповѣди ассоціаціи и договора есть часть истины, но еще больше утопизма. Развитіе союзныхъ началъ необходимо, оно совершается все сильнѣе на нашихъ глазахъ, но полное раздробленіе по ассоціаціямъ, какъ и въ средніе вѣка, можетъ еще болѣе, чѣмъ теперь, поработить личность. Безконтрольныя ассоціаціи путемъ свободнаго договора, а также и отдѣльныя индивиды путемъ того же договора могутъ создать такое рабство, о которомъ и не снилось современному государству. Кажущаяся свобода вступленія и выхода изъ такихъ ассоціацій и договоровъ можетъ обратиться въ фикцію, въ насмѣшку надъ человѣческой личностью. Эта свобода и благодѣтельность договора предполагаетъ полное преобразованіе человѣческой природы, о которомъ, какъ указано, и говоритъ Прудонъ. Но кто заставитъ насъ вѣрить въ это райское время, когда восторжествуетъ разумъ и справедливость надъ невѣжествомъ и зломъ?

Вѣра въ великое соціальное значеніе государства была сильно поколеблена въ эпоху первой французской революціи. Въ періодъ революціи 1848 г. партія Луи Блана опять обновила эти надежды и ученія Прудона считались ею глубоко противорѣчащими интересамъ начинавшаго организовываться пролетаріата: слѣдуетъ признать, что ученія его въ эпоху второй Имперіи какъ бы свидѣтельствовали снова о признанной безплодности надеждъ путемъ политической реформы обновить соціальный строй общества. Въ наши дни (въ ученіи такъ называемыхъ революціонныхъ синдикалистовъ) оживленіе интереса къ идеямъ Прудона вызывается, наоборотъ, вновь возродившимися надеждами съорганизовавшихся профессіональныхъ союзовъ рѣшить соціальный вопросъ внѣ политической диктатуры пролетаріата путемъ всеобщей стачки и самопроизвольной организаціи рабочаго класса, перестающаго вѣрить въ эволюціонизмъ политической соціалъ-демократіи. Какъ извѣстный показатель настроенія народныхъ массъ ученія Прудона

1) Любопытно отмѣтить, что, совершенно не зная русской общины, Прудонъ былъ ея защитникомъ. Онъ думалъ, что рѣшенія ея основаны на договорѣ, а не опредѣленіяхъ по большинству голосовъ.

den Gouvernements der Propaganda Seliwanows selber, Orjol, Tula, Tambow, in denen es sich während seiner Gefangenschaft weiter ausgebreitet hat, sind die angrenzenden Kursk, Kaluga, Rjaśan, Saratow, Simbirsk und Moskau gekommen. Wenn es überall zum Ende des Jahrhunderts hin — nach der relativen Reichlichkeit der Nachrichten im Vergleich zu der Spärlichkeit derselben über die zweite Hälfte der siebziger und die achtziger Jahre [1]) zu schliessen — einen Aufschwung genommen hat, so muss, wenn nicht der irgendwie vermittelte direkte Einfluss Seliwanows, so doch die Kunde, dass er lebe und der Zar Peter III. sei, zu seiner Erklärung angenommen werden. Nadeśchdin (S. 52) teilt aus dem Skopzenprozess des Chersonschen Gouvernements vom Jahre 1805 (Anm. 65: Akte im Archiv des Justizministeriums 1805 № 4015) mit, es habe sich hierbei ergeben, dass dort unter den Skopzen die Überzeugung verbreitet war, dass „der Herrscher Pjotr Fedórowitsch", von welchem „man sagt, dass er gestorben sei, jetzt in Petersburg sei und in derselben Sache befindlich, wie auch sie" (d. h. ebenso verschnitten). In ein so weit von Petersburg entferntes Gebiet mag in der Tat auch 1805 noch nicht der persönliche Einfluss Seliwanows gereicht haben, sondern nur das Gerücht von ihm gedrungen sein. Diese Auffassung des Wortlauts der Akte, meine ich, wird ihm ammeisten gerecht. Dann aber war bis 1805 das Skopzentum noch ohne Seliwanows direkten Einfluss fasst bis in den äussersten Süden gedrungen. Nach Melnikow (Die weissen Tauben S. 220 unter Berufung auf die Akte des Archivs des Justizministeriums über die Olwiopolschen Skopzen von 1805, № 4015) war es im Gouv. Cherson im Olwiópolschen Kreise aufgetreten. Vor 1806 ist es vielleicht auch in Odessa vorhanden (a. a. O. S. 227; Berufung auf den Allerhöchsten Befehl vom 25. Juli 1806 an den Odessaer Generalgouverneur de Richelieu, auch von Nadeśchdin zitiert, der freilich allgemein die Entdeckung von Skopzen im Chersonschen als seinen Anlass angibt, S. 48).

Es wird sich in diesen von dem Verbreitungsgebiet des Skopzentums so weit abgelegenen Orten um einen aus besonderen Gründen zu erklärenden vereinzelten Vorstoss handeln, wie in Riga. Die Erklärung bietet m. E. die bereits von P. Sürku zi-

1) Diese erklärt sich freilich wohl auch z. T. daraus, dass die Regierung nach der Verschickung der Anstifter sich zunächst in Sicherheit gewiegt hat.

tierte (Die russischen mystischen Sekten in Rumänien, Christliche Lektüre 1879 I. S. 33) Bittschrift von acht Skopzen in Jassy auf den Allerhöchsten Namen, in welcher „sie erklärten, dass sie sich seit längstvergangenen Jahren ins Ausland begeben und jenseits der Donau sich in den Fürstentümern Moldau und Walachei niedergelassen hätten". Die Akte, die die (abschlägige) Antwort des Kaisers Nikolai I. enthält, ist freilich erst vom 19. März 1837 datiert (abgedruckt in der Sammlung von Verordnungen auf dem Gebiete des Raskol I., S. 175 f., bei Melnikow 1873, 1. B. S. 164 f.), also wird die Bittschrift nicht viel älter sein. Dennoch wird Sürku mit seiner Behauptung recht haben, dass „die Skopzen, natürlich in sehr geringer Zahl, seit dem Beginn des Jahrhunderts, wenn nicht früher nach Rumänien überzusiedeln begannen". Denn in der Akte erklären die Skopzen des weiteren, dass „sie nach dem Allergnädigsten Manifest vom 30. August 1814 wieder in Russland eingetroffen und einige von ihnen bereits als Bewohner des Bessarabischen Gebiets angeschrieben worden seien, aber hernach, und zwar im Jahre 1815, seien sie über die Grenze zurückgeschickt und seitdem nicht mehr in die Gebiete Russlands hineingelassen worden" . . . . Ist der Grund jener Übersiedelung nach Rumänien Verfolgung seitens der russischen Regierung gewesen, so wird man annehmen dürfen, dass flüchtige Skopzen aus dem von uns umrissenen Verbreitungsgebiet auf dem Wege nach Rumänien im Chersonschen und in Odessa Propaganda getrieben haben (auch Krementschug, vergl. oben S. 112, liegt auf diesem Wege). Eine Bestätigung dieser Annahme scheint folgender Passus in der allerhöchst bestätigten „Verfügung des Mimisterkomitees vom 11. Mai des Jahres 1815 über von jenseits der Grenze her erscheinende Leute, die sich verschnitten haben" (abgedruckt in „Vollständige Sammlung von Gesetzten etc." XL. B. Beilage zu B. XXXIII unter № 25844, S. 96—98) zu bieten: . . . . „denn in vergangenen Jahren waren solche Leute im Chersonschen Gouvernement entdeckt worden, aber infolge der angewandten Massregeln . . . wurde diese Sekte kraft des Ukaśes vom 8. Okt. 1808 vernichtet; ja auch im Bessarabischen Gebiete wurden einige Leute, die sich verschnitten hatten, nachgewiesen, welche dorthin während der zweiten Kampagne gegen die Türken gekommen und sich in vielen Orten zum Wohnen niedergelassen hatten. Von diesen Leuten wünschten vier infolge der Unwissenheit der dortigen Verwaltung hinsichtlich ihrer Verschneidung mit erhaltenen Pässen sich in das Chersonsche Gouvernement auf Arbeit zu begeben; aber als sie die Dubosarüsche Quarantäne erreicht und in sie eingetreten waren, wurden sie bei der Besichtigung als verschnitten erfunden. Deswegen wurden sie infolge des erfolgten Verbotes des Chersonschen Kriegsgouverneurs Duc de Richelieu wieder nach Bessarabien zurückgeschickt". — Ist die „zweite Kampagne gegen die Türken"

Katharinas zweiter Türkenkrieg (1787—92), so hatte demnach 1815 die russische Regierung Kunde davon, dass in so früher Zeit zahlreiche Skopzen in das damals türkische Bessarabien geflüchtet und einige von ihnen im Anfang des 19. Jahrhunderts vergeblich nach Russland (ins Chersonsche) zurückzukehren versucht. Das entschiedene Vorgehen Richelieus gegen sie war wohl eine Folge des Befehls vom 25. Juli 1806 an ihn (vergl. oben S. 113 und unten), die Skopzen als „Feinde der Menschheit" etc. anzusehen, welcher seinerseits wohl Folge einer Schrift des Moskauer Metropoliten Platon (siehe unten) war. — Das Zitat zeigt aber auch, dass nach 1808 wiederum Skopzen im Chersonschen entdeckt worden waren; dadurch dass man sie unter die Rekruten steckte (gemäss dem Ukaśe vom 8. Okt. 1808), glaubte man aber das Gouvernement von der Sekte gereinigt zu haben.

Wir wenden uns schliesslich dem Nordwesten und Norden zu.

Riga.

Wie die polizeiliche Aufsicht über die in ihrer Heimat belassenen Skopzen nicht genügend war, die weitere Propaganda zu verhindern, so auch nicht die Bewachung der nach Riga zu Zwangsarbeit verschickten. Nach allen Darstellungen hat hier der Hauptgehilfe Seliwanows Aleksandr Jwanow mit grossem Geschick und Erfolg die Sekte ausgebreitet und geleitet. Wir bieten die Mitteilungen aus Akten, auf welche jene sich reduzieren lassen. Wir sind hier z. T. deswegen besonders gut orientiert, weil die Kaiserin Katharina II. selbst — fast zwanzig Jahre nach dem ersten Prozess — sich zum anderen Mal mit der ihr eigenen Energie um die Aufdeckung und Bestrafung der Skopzen gekümmert hat.

Die von uns bereits (oben S. 16f.) referierte Akte von 1800, die das Verhör von vier nach Riga verschickten Sosnowkaer Skopzen über ihre und ihrer Schicksalsgefährten Vergehen und Strafe enthält, bietet zum Schluss (der sich an das oben Gebrachte unmittelbar anschliesst) auch eine Mitteilung über ihre dortige Propaganda, als deren Hauptträger Aleksandr Iwanow ausdrücklich bezeichnet wird: „In Riga wurden der Diakon Aleksejew und Retiwoi als Alphabeten zu schriftlichen Arbeiten benützt, aber die übrigen arbeiteten in der Schmiede bis zum Jahre 1789, als auf sie, besonders aber auf Aleksandr Iwanow der Verdacht fiel, dass sie ihren Glauben unter den Wachtsoldaten und Weibern verbreiten. Dafür wurden sie

von neuem mit Stockschlägen bestraft und in die Festung von Dünamünde übergeführt zu Gefangenhaltung in endlosem Kerker auf ewig."

In gleichzeitigen Akten ist erst von einem Verdacht auf Propaganda die Rede, der nach der Überführung Aleksandr Iwanows nach Dünamünde entstand, und zwar in Petersburg. Nach dem dortigen Verhör vom 13. November 1791 teilte zunächst der Schreiber der Gräfin Skawrónskaja Maksím Priwálow aus dem (bei Petersburg gelegenen) Landgute Slawjánskaja dem Geheimrat Scheschkówski u. a. folgendes mit (abgedruckt in dem Artikel „Zur Geschichte der russischen Geheimen Sekten am Ende des 18. Jahrhunderts" S. 30 f.; Referat bei Melnikow, Materialien etc. 1873, 1. B. S. 10): „Im vergangenen Augustmonat . . . als er in der Stube bei (Iwan) Schilow [1]) war, fand er in einem Tischchen Briefe, die an Schilow geschrieben waren, inbezug auf welche er Schilow fragte, von wem er diese Briefe erhalten habe; worauf er antwortete: diese Briefe seien an ihn von dem in Riga unter geheimer Bewachung gefangen gehaltenen Bauern Aleksandr Iwanow geschrieben worden, er sei aber dafür eingesetzt, dass er verschnitten sei; ja er habe auch viele zu Verschnittenen gemacht, wie er auch ihn, Schilow zu einem Verschnittenen gemacht habe; aber solches habe er dazu gemacht, um das Reich Gottes zu sammeln [2]) und damit Gott zu dienen".

In demselben Verhör gab „der verabschiedete Soldat Iwan, Pjotrs Sohn, Schilow" u. a. an: „Aus Riga habe er durch die Post die drei oder vier Briefe (welche ihm hierbei vorgewiesen worden waren) vom erwähnten Aleksandr Iwanow erhalten, aber um deswillen hätte er gemäss der alten Liebe zu ihm gewünscht, umständlich sich zu erkundigen, in welcher Lage er sich dort befinde, um weswillen er auch die auf dem erwähnten Erbgute (Slawjánka) lebenden Mädchen Dárja Klímowa und Akulína Iwánowa gebeten habe, dass sie nach Riga fahren und sich nach Aleksandr Iwanow erkundigen möchten, und wenn es möglich sein sollte, sich auch mit ihm sehen möchten; nachdem er für sie zwei Pferde vom Bauern Iwan Phrolów gemietet, entsandte er sie mit dessen Sohne Jákow nach Riga; in Riga und unterwegs verweilten diese Mädchen an fünf Wochen; nachdem sie zurückgekehrt, fragte er jene Mädchen, ob sie Aleksandr Iwanow gesehen, aber sie sagten ihm, dass sie ihn nicht sehen konnten, aber es sei nur das Gerücht, dass er in der Festung von Dünamünde gefangen gehalten werde. Mit diesen Mädchen hatte er zu jenem Iwanow einen Brief geschickt, in welchem er ihm nur einen Gruss geschrieben, aber als sie zurückkehrten und ihm den Brief wiedergaben, so habe er ihn verbrandt".

„Am 14. November gab der Schilow an, dass obgleich er gestern in seinem Verhör angegeben habe, als hätte er mit Aleksandr

---

1) Vergl. oben S. 63, 69 u. unten 124 f.

2) In der Übersetzung nicht wiederzugebendes Wortspiel: skopítj heisst sowohl verschneiden, als auch ansammeln.

Iwanow nicht in Briefwechsel gestanden, sondern (sic!) er hätte solches angegeben, weil er Strafe dafür gefürchtet habe, dass er mit einem solchen verdächtigen Menschen in Briefwechsel gestanden; aber jetzt bekenne er aufrichtigen Herzens, dass er mit jenem Iwanow in Briefwechsel gestanden durch Vermittelung des Rigaer Kaufmannes Timophé Artamónow, und obgleich er ihn von Angesicht nicht kenne, so denke er, Schilow, dass auch der Artamonow von derselben Glaubensgemeinschaft sei, wie er der Schilow, und um deswillen habe der Artamonow, wie er denke, dem Aleksandr Iwanow seine Briefe abgegeben, und von ihm zu ihm gesandt; in ihrer Lehre aber sei auch das festgesetzt, dass sich auch die Weiber mit den Männern nicht fleischlich vereinigten, sondern wie Brüder lebten; in den Briefen aber schrieb er an Iwanow die Vertröstung, dass er auf die Gnade Gottes hinsichtlich seiner Freiheit hoffen möge; denn, habe er gedacht, sobald der Gnadenukaś zur Zeit des Friedens [1]) zustande käme, so werde man ihn möglicher Weise freilassen. worauf Iwanow seine Hoffnung setze".

Bereits drei Tage nach dem Verhör verfügte die Kaiserin in einem Briefe an den Grafen N. Saltüków (siehe unten) die Bestrafung Iwan Schilows und vierzehn Tage später in einem Briefe an den livländischen und estländischen Generalgouverneur Graf S. Brown (vom 27. Nov. abgedruckt in „Zur Geschichte etc." S. 33 f. und in den „Materialien etc." S. 12 f.) die nötigen Massnahmen zur Verhinderung jeglicher Beziehung der Dünamünder Gefangenen zur Aussenwelt und ferner die nähere Erkundigung nach den Verhältnissen des in Riga lebenden Kaufmanns Timophé Artamonow, die strenge Beaufsichtigung seiner Aufführung und Korrespondenz.

Nach den („Zur Gesch. etc." S. 34 f. und „Materialien etc." S. 13 und 26 f. im Auszuge mitgeteilten) Meldungen Browns an die Kaiserin vom 6. und 9. Dezember 1791 war Artamonow verhaftet worden, wobei man in seinem Hause ein von Aleksandr Iwanow geschriebenes Heft (mit der Notiz: „Dieses Heft ist im Jahre 1789 geschrieben") fand, welches 13 Lieder enthielt [2]).

---

1) d. h. anlässlich des damals bereits in Aussicht stehenden Friedensabschlusses mit den Türken (Friede zu Jassy Januar 1792).

2) Abgedruckt a. d. a. O. S. 37—46 und S. 13—26. Kutepow hat bereits mit Recht bemerkt (S. 156), dass sie „rein chlüstischen Inhalts" sind. Und zwar tragen sie dabei altertümliches Gepräge, die Sektierer werden z. B. als „gläubige Gerechte" bezeichnet (vergl. B. I, S. 690, Nachtrag zu S. 347). № 3 ist eine Variante des „Gebetes Jesu" (vergl. B. I. S. 265 Anm.), № 7 ist z. T. aus Stücken der von uns B. I S. 394, 395 und S. 651 (oben) mitgeteilten zusammengesetzt, № 9 enthält (nur ein wenig variiert) die S. 276 (unten), № 10 die S. 273 und № 13 die S. 360 (unten) abgedruckten Verse. Auch die übrigen sind auch sonst bekannte Chlüstenlieder.

„Nachher beim Verhör gestanden sowohl der Artamonow als auch der in seinem Hause lebende Poschechonsche Bürger (Iwan Kisljátnikow) ein, dass sie eine Bruderschaft haben und dass sie den erwähnten Verbrecher (Aleksandr Iwanow) als den allergesegnetsten Taufvater (der sie) aus der Finsternis heraus (-gehoben) und Vater verehrten, d. h. als einen solchen, der den geraden und wahrhaftigen Weg zur Errettung zeigt."

Graf Brown gibt zum Schluss den Rat, die beiden nur zeitweilig gefangen halten zu lassen, aber keine gerichtliche Untersuchung zu verhängen „um nicht dadurch die andern Raskolniken in Erregung zu versetzen, denn es gibt deren in Riga viele [1])". Er habe befohlen, nach dem Verbrecher (Aleksandr Iwanow) streng zu sehen und zuwidere Versammlungen zu überwachen.

Die Kaiserin befahl in ihrem zweiten Briefe an Brown vom 13. Januar 1792 (a. d. a. O. S. 36 und S. 29), die beiden Häftlinge nur in dem Falle aus der Haft zu entlassen, wenn sie sich nicht als verschnitten erweisen, im andern Falle aber bis zu einem besondern Ukaśe gefangen zu halten; den Verbrecher Iwanow unter so strenger Bewachung zu halten, dass ihn niemand sehen und er an niemand schreiben könne.

Zum Schlusse enthält der Brief den Befehl, den flüchtigen verschnittenen Dünaburger Bürger Alekse Wasíljew, falls er in Riga erscheine, zu verhaften.

Über diesen letzteren, dessen Verhaftung in Slawjanka auf eine weitere Spur der Verbindungen Aleksandr Iwanows geführt hatte, ist aktenmässig folgendes bekannt (Zur Geschichte etc. S. 34[2]): „Hier gab der Dünaburger Bürger Wasiljew an, dass er in der hiesigen Stadt [3]) mit einem aus Dünaburg gegebenen Passe lebe und Austräger von Äpfeln u. a. aus den Läden bei einem hiesigen Kauf-

---

1) Bis zum heutigen Tage ist die Moskauer Vorstadt von Riga von vielen Tausenden von Staroobrjadzen bewohnt, deren Vorfahren sich im 17. Jahrhundert vor der Verfolgung in diese damals zu Schweden gehörende baltische Stadt gerettet.

2) Hier sind fälschlicher Weise die Mitteilungen über ihn in den „Extrakt aus den Meldungen des Grafen Brown" mitten eingeschoben. Ihr Inhalt aber zeigt, dass sie nicht in Riga, sondern in Petersburg bei einem Verhör gewonnen wurden. Melnikow wird daher recht haben, wenn er sein Referat über sie mit der Bemerkung einleitet (Materialien etc. S. 26), dass Alekse Wasiljew gleichzeitig mit Iwan Schilow in Slawjanka verhaftet wurde. Offenbar ist auch er vom Geheimrat Scheschkowski (vergl. oben) verhört worden.

3) Damit kann nur Petersburg gemeint sein, da im Weiteren eine Reise von hier nach Riga erwähnt wird.

mann war; er erwies sich als verschnitten und sagt, dass ihn sein Vater im Kindesalter verschnitt, so dass er nicht einmal sich (dessen) erinnere; sein Vater aber sei aus Tula nach Polen entflohen, wo er auch bis zu seinem Tode blieb; aber als er starb, da kehrte er, Wasiljew, zurück und liess sich in der angegebenen Stadt in die Bürgerliste einschreiben, von wo er in verschiedenen Erwerbszweigen nach Riga zu fahren pflegte, wo er auch mit den dorthin verschickten Verschnittenen Bekanntschaft machte, von denen er auch von dem erwähnten Verbrecher Iwanow erfuhr, aber darauf wurde er auch mit dem Kaufmann Kisljátnikow bekannt. Ihre Sekte oder Bruderschaft besteht darin, dass die Männer und Mädchen nicht heiraten dürfen. Von dem nach Solówki verschickten Verschnittenen (Iwan Schilow) erfuhr er deswegen, weil sein Wirt sehr sein Leben lobte, und gerade dieses veranlasste ihn, ihn kennen zu lernen, mit welchem er auch bekannt war, aber hernach drang (zu ihm) das Gerücht, dass man ihn aus dem Dorfe der Gräfin Skawrónskaja gefangen weggebracht; aber deswegen, weil der in jenem Dorfe lebende Bauer Phrolów seinem Wirte schuldig war, ging er zur Einkassierung der Schuld in jenes Dorf, wo er auch gefangen genommen wurde."

Leider wird das Alter Wasiljews nicht angegeben. Aber angenommen auch, dass sein Vater wirklich zu den Tulaschen Erstverschnittenen gehörte, so ist doch aus der ersten Propaganda Seliwanows nicht nachzuweisen, dass er auch Kinder verschneiden liess (vergl. oben S. 72). Die Erklärung, dass man im Kindesalter verschnitten sei, und die andere, dass der Verschneider bereits gestorben sei, ist in der Folgezeit eine stereotype Lügenkombination bei den Skopzen, die den Zweck hat, die eigene Schuld auf einen anderen abzuwälzen, ohne dass solches diesem schaden könnte. Obgleich sich Wasiljew bei dem weiteren Verhör als mit seiner Verstümmelung unzufrieden gab, sich vor dem Petersburger Bischhof mit Erfolg als treuen Sohn der Kirche hinstellte, der den Raskol verabscheue, und fleissig in die Kirche zum Singen ging, entfloh er doch bei dieser Gelegenheit den ihm zur Bewachung beigegebenen Soldaten. Da auch Artamonow wie Kisljatnikow, die bis dahin in Riga gelebt, sich als verschnitten erwiesen [1]), so wird man nach allem Beigebrachten vielleicht annehmen dürfen,

1) Von Melnikow a. a. O. S. 29 ohne genauere Angabe der Akte, der er diese Nachricht entnommen, mitgeteilt. Beide seien bloss unter polizeiliche Aufsicht gestellt, letzterer zu dem Zwecke in seine Heimatstadt Poschechón im Gouvernement Jarosláwl zurückgesandt worden. Artamonow habe in den ersten Jahren des 19. Jahrhunderts bereits in Petersburg gelebt, wo sein Haus eines der Versammlungsorte der Skopzen war.

dass auch Wasiljew erst infolge seiner Bekanntschaft mit den Rigaer Skopzen die Verschneidung angenommen.

Die gleichzeitigen Akten machen uns demnach nur mit einigen wenigen dauernd oder zeitweilig in Riga wohnenden Proselyten der Tulaer und Sosnowkaer Verschickten bekannt — nur solcher, die mit Iwan Schilow in Verbindung standen, der in der Nähe Petersburgs lebte, wo die Wachsamkeit der Regierungsorgane weit schärfer gewesen zu sein scheint, als in der Provinz. — Dass aber der Umfang der Propaganda Aleksandr Iwanows und seiner Genossen ein viel grösserer gewesen, das kam erst viel später an den Tag — bei einem Moskauer Skopzenprozess im Jahre 1835, der mit dem Detail dessen bekannt machte, worüber die Akte von 1800 nur eine kurze allgemeine Mitteilung bietet.

Bei dem Verhör vom 21. Februar 1835 (mitgeteilt von Melnikow, Materialien etc. 1872, 3. B. S. 190 ff.) gab der verabschiedete (84-jährige) Unteroffizier Denís Archípow u. a. an: „Als das Noteburger Reiterregiment in der Stadt Riga in Quartiere gelegt war, im Jahre 1788, so wurden zu dieser Zeit unter Arrest 7 Mann Skopzen gehalten und unter ihnen der für einen Profeten gehaltene Bauer des Gutsbesitzers Maslow aus dem Tulaer Gouvernement Aleksandr Iwanow, und es traf sich so, dass ich bei ihnen auf Wache zu stehen hatte. Sie, aber besonders Aleksandr Iwanow, bemühten sich, uns Soldaten zur Verschneidung zu bewegen, indem sie mit der Heiligen Schrift bewiesen, dass dieses Opfer Gott angenehm sei; denn durch solches würden wir die Jungfräulichkeit bewahren und die körperliche Makellosigkeit, wofür wir auch auf Erden Glück erhalten würden, aber im Himmel das ewige Leben mit den Gerechten. Ich achtete auf seinen guten Rat und Lehre, erklärte mich mit der Verschneidung einverstanden und wurde nach dem Willen Aleksandr Iwanows im Jahre 1789 von dem in Riga lebenden Ingenieur-Unteroffizier Sawéli Kaśútkin durch die Wegnahme der Hoden allein verschnitten. Hernach, als die wunde Stelle geheilt war, begann in mir die Begierde nach Beiwohnung sich wieder zu erzeugen. Ich sagte davon mit zerknirschtem Herzen meinem Leiter Aleksandr Iwanow, der mir auseinandersetzte, dass man nach den Worten des Heiligen Evangeliums zur Errettung der Seele sich des verführenden Gliedes berauben müsse. Ich gab dazu mein Einverständnis und ward von demselben Kaśutkin auch der Rute beraubt. Mit welchem Instrument diese Verschneidung gemacht wurde, kann ich nicht sagen, da zuvor verboten worden war, auf solches zu blicken, damit man nicht den Mut verliere. Nach der Verschneidung war an der Zeugungsstelle ein unerträglicher Schmerz nach dem Ausfluss des Blutes spürbar, aber als ein Verband gemacht worden war, hörte der Schmerz allmählich auf und ich war nur ungefähr zwei Wochen nach jeder Operation in der Kompagnie krank, aber darauf verheilte es ganz. In dem Noteburger Regiment wurden unsrer im Ganzen 12 Mann im Jahre 1789 ver-

schnitten, aber dieses wurde bald aufgedeckt, und wir wurden alle ohne Gericht mit Stöcken gestraft. In Riga hatten wir damals geheime Versammlungen im Hause des Bürgers Degterjów, grösstenteils an den Feiertagen, nach Bestimmung unseres Leiters Aleksandr Iwanow, wohin auch er, unser Väterchen, mit den Gefährten geheim zu kommen pflegte; denn man hielt sie überaus nachlässig gefangen. In diesem Bethause kleidete sich, wem es möglich war, in lange weisse Hemden, welche die leibliche und seelische Reinheit bezeichneten, und umgürtete sich mit seidenen Gürteln. Aleksandr Iwanowitsch lehrte uns, uns des Fleisches und des Weines zu enthalten, nach dem Beispiel der H. Gottesknechte, arbeitsliebend, bescheiden zu sein, treu zu dienen und niemand zu beleidigen; erklärte uns auch Leben und Leiden des „ersten Lehrers der Skopzen", genannt „Erlöser" von uns Sündern, weil er für seine Lehre litt, gestraft und nach Sibirien verschickt ward, wie in dem von mir weggenommenen Buche beschrieben ist. Darauf sangen alle Skopzen einstimmig Verse ihm zu Ehren, dem „Vater-Erlöser", die in demselben Buche angegeben sind"...

Melnikow teilt in einer Anmerkung (202) zur Akte mit, dass Archipow in einem andern Verhör angegeben, dass er „während des Dienstes im erwähnten Jahre, im Jahre 1779, unter Gericht für sich Verschneiden lassen war und vor der Aufstellung mit Stöcken gestraft wurde". Offenbar handelt es sich hier nur um einen Schreibfehler in der Akte. Denn die Angabe 1789 der mitgeteilten Akte stimmt ja genau mit dem Zeugnis der Akte von 1800 zusammen, dass in diesem Jahre auf Aleksandr Iwanow und seine Gefährten der Verdacht fiel, dass sie ihren Glauben unter den Wachtsoldaten verbreiten [1]). Auch stimmt ja nur zu dieser Jahreszahl die Angabe unsrer Akte, dass das Noteburger Regiment im Jahre 1788 nach Riga kam. Ferner zeigt sie nicht nur, dass die Skopzen unter den sie bewachenden Soldaten Propaganda trieben, was zu ihrer Aufdeckung führte, sondern dass sie schon zuvor solches mit so grossem Erfolge unter den Rigaer Bürgern getan, dass in dem Hause des einen von ihnen bereits eine skopzische Betstube hatte eingerichtet werden können, in der förmliche Tanzgottesdienste stattfanden, welche Aleksandr Iwanow leitete. Bei dieser Gemeinde versah das Amt eines Verschneiders der Neophyten der in Riga lebende Unteroffizier Kaśutkin. Nun aber beweist der Umstand, dass dieser auch die vollständige Verstümmelung im Jahre 1789 vollzog, dass auch die Rigaer Skopzen, vor allem Aleksandr Iwanow, — wohl durch Vermittlung der Sosnowkaer — Beziehungen zu Seliwanow in Sibirien gehabt hatten oder noch hatten. Denn

1) Fügt die Akte hinzu: „und unter Weibern", so ist von letzteren freilich in unsrer Akte garnicht die Rede.

dieser war ja erst auf dem Wege nach Sibirien auf die vollständige Verstümmelung verfallen. Das würde durch den andern Umstand bestätigt werden, dass schon damals Leben und Leiden Seliwanows Gegenstand gottesdienstlicher Erläuterung war — es gibt kein Zeugnis für eine noch weiter zurückliegende Zeit —, wenn aus dem Wortlaut entnommen werden könnte, dass dabei die bekannte Schrift Seliwanows zugrunde gelegt wurde. Denn dann müssten die Rigaer Skopzen schon vor 1789 die „Leiden" aus Sibirien, wenn auch auf Umwegen, erhalten haben. Aber die Worte besagen ja nur, dass das von Aleksandr Iwanow erläuterte Leben und Leiden des „Vater-Erlösers" in dem von Archipow 1835 weggenommenen Buche beschrieben sei, nicht dass jener sie nach einem Buche erläuterte. Freilich ausgeschlossen ist letztere Deutung nicht. Immerhin ist es wahrscheinlicher, dass erst nach der Rückkehr Seliwanows aus Sibirien die „Leiden" verfasst und verbreitet worden sind, aber als Grundlage für die demnach bereits zuvor übliche gottesdienstliche Erläuterung.

Man wird annehmen dürfen, dass nach Überführung Aleksandr Iwanows und seiner Gefährten in die Festung Dünamünde ihre Beteiligung an den Gottesdiensten in jenem Bethause nicht mehr möglich war. Dass aber schriftliche und sonstige Beziehungen zu seinen Anhängern von Aleksandr Iwanow auch weiterhin gepflegt werden konnten und wurden, haben uns die Akten von 1791—92 gezeigt. Erst seitdem mag so gut wie jede Beziehung aufgehört haben, wenn nämlich der Befehl der Kaiserin wirklich genau erfüllt wurde. Aber die weitere Verbreitung des Skopzentums war auch dann durch das Vorhandensein des Skopzenschiffes, welches im Hause Degterjóws sich versammelte, gewährleistet. Dass sie wirklich und zwar im stärksten Masse erfolgt ist, darüber besitzen wir ein aktenmässiges Zeugnis aus dem Jahre 1806.

Nach der „schriftlichen Meldung", welche dem Moskauer Militärgouverneur Bekleschów am 7. Mai 1806 vorgelegt wurde (abgedruckt bei Melnikow, Materialien etc. 1872, 3. B., S. 218 ff. [1]), hatte der 27-jährige Bauer aus dem Dorfe Grjaśnówka des Gouvernements Jaroslawl Sergé Michailow, genannt Saltüków diesem u. a. gemeldet, dass er nach seiner Verschneidung im Moskauer

1) Nach Reutski S. 156 im Moskauer Gouv.-Archiv in der Skopzen-Prozessakte des Jahres 1806 unter № 181198 befindlich. Diese Nummer wird in 185198 zu korrigieren sein (vergl. unten S. 126).

Bethaus des Kaufmanns Fedór Masón (Kolésnikow) im August 1804 [1]) zu Handelszwecken auch nach Riga gereist sei. Über die Rigaer Skopzen gab er folgendes an: Als Häupter oder sogenannte Meister seien ihm „in Riga in der Vorstadt" bekannt: „8) [2]) in der Steinstrasse bei der steinernen Säule der Wohlgeborene Michailo Antónowitsch Pischtschúlin, der in der Polizei über Wege und Brücken Dienst hat; 9) in der Románowka-Strasse der dortige Kaufmann Iwán Wasíljew Mázkow; eben dort die vermöglichen Kleinbürger: 10) Jemelján Pachómow und 11) Jákow Jákowlew". Ferner gab er an, dass er einmal bei Pischtschulin bei einer Verschneidung zugegen gewesen sei.

Diese Angaben (ausser der letzten) sind wiederholt in dem „Alleruntertänigsten Rapport des Moskauer Militärgouverneurs vom 23. Mai 1806" (abgedruckt bei Melnikow, a. a. O. S. 225 ff.).

In einem Zeitraum von 17 Jahren sind demnach aus dem einen Rigaer Skopzenschiff deren vier geworden. Denn es wird anzunehmen sein, dass die vier Häupter oder „Meister" diese Titel führten, weil ein jeder von ihnen einem besonderen Bethause vorstand (so fasst auch Reutski die Aussage Saltükows auf, S. 156). Wird Degterjow nicht mehr erwähnt, so wird Pischtschulin [3]) oder einer der anderen an seine Stelle getreten sein. Wird Aleksandr Iwanow in seiner seit 1792 so verschärften Haft keinen wesentlichen Einfluss auf diese Ausbreitung gehabt haben, zumal er 1796 in die Festung Schlüsselburg bei Petersburg verbracht wurde, wo er 1799 starb, so fällt dieser Aufschwung zu einem grossen Teil, wenn nicht ganz, bereits in die Zeit, da Seliwanow von Petersburg aus die Oberleitung der skopzischen Propaganda in die Hand nahm. Bei der verhältnismässigen Nähe Rigas zu Petersburg wird sie sich hier früh geltend gemacht haben.

---

1) In der Einleitung zum Verhör wird mitgeteilt, dass er zuvor in der Polizei angegeben, er sei vom Mitauschen Kaufmann „Iwán Jákowlew" verschnitten worden. Melnikow macht nirgends auf einen Widerspruch aufmerksam. Also bekleidete dieser wohl im Bethause Kolesnikows das Amt des Verschneiders.

2) Die früheren Nummern nennen solche in Petersburg und Moskau, siehe unten.

3) In den „Weissen Tauben" (S. 250), wo er bereits die Akte im Auszuge mitgeteilt hatte (S. 249, 2. Anm.), sagt Melnikow unter Berufung auf dieselbe, dass Pischtschulin nach der Überführung Aleksandr Iwanows nach Schlüsselburg Steuermann des rigischen Schiffes wurde. Ich finde diese Angabe nicht in der Akte.

St. Petersburg (Ingermannland).

Was schliesslich das Skopzentum in Petersburg und seiner Umgebung vor der Rückkehr Seliwanows aus Sibirien anlangt, so finden sich die ältesten datierten Nachrichten darüber eben in den Akten, aus denen allein als aus gleichzeitigen wir über die Beziehungen Aleksandr Iwanows in Riga etwas erfahren (vergl. oben S. 116 ff.). In dem Verhör vom 13. Nov. 1791 berichtet Iwan Schilow zunächst, wie er aus dem Tulaschen Gute seines Herrn nach Slawjanka gekommen (Fortsetzung des oben S. 63 Gebotenen), dann über seine hiesige Propaganda: „. . . aber als im Jahre 776 der Gutsbesitzer aus Sibirien zurückkehrte und von Iwanows Handlungen erfuhr und über ihn, dass er von ihm verschnitten sei, steckte er ihn unter die Soldaten; und er ward zuerst in das Schlüsselburger Reiterregiment eingestellt, aber im Jahre 784 wegen seiner Krankheiten verabschiedet und auf eine Bescheinigung des Medizinal-Kollegiums dem Magazinaufseher Michaila Guśchów übergeben; aber als sich im gegenwärtigen Jahre 791 im Aprilmonat der Guśchow von der Unterhaltung seiner durch seine Bescheinigung lossagte, so wurde er auf Verfügung des Kriegskollegiums auf Bescheinigung dem Geschworenen der Stadt Sophija Matwé Gorjátschkin übergeben und hatte seinen Wohnsitz in dem Erbgute der Gräfin Skawrónskaja, genannt Slawjánka; während seines Lebens dortselbst hatte er die Aufsicht über die Schneide- und Mahlmühle. Mädchen, Weiber und Männer pflegten zu ihm des Abends, sobald sie von der Arbeit freigeworden, zu kommen, und er pflegte ihnen das Wort Gottes vorzulesen und zu erklären, indem er sie unterwies, dass sie keusch leben und die Mädchen ihre Jungfräulichkeit bewahren möchten, wobei er ihnen auch aus dem Evangelisten Matthäus die Worte von den Verschnittenen erklärte, die sich um des Reiches Gottes willen verschnitten hatten; jedoch hätte er keinen einzigen Menschen verschnitten . . .“ (es folgt das oben S. 116 f. Mitgeteilte).

Über die Propaganda Iwan Schilows hatte am selben Tage zuvor der Schreiber von Slawjanka Maksím Priwálow (vergl. oben S. 116) beim Verhör folgende Angaben gemacht: „Im vergangenen Augustmonat kam zu ihm, Priwalow, der Bauer des angegebenen Landgutes Gerasím Tichanow und sagte zu ihm: bei dem auf ihrem Erbgute lebenden verabschiedeten Soldaten Iwan Schilow — pflegen in den Nächten Zusammenkünfte in seiner Stube zu sein, und zwar kommen zu ihm Mädchen und junge Weiber und Bauern, aber zu welchem Zwecke, sei unbekannt. Er, als er davon hörte und weil damals auf dem Erbgute kein Verwalter war, erachtete es für nötig, nach den erwähnten Zusammenkünften Nachforschungen anzustellen, und um deswillen ging er zu jenem Soldaten zur Nachtzeit in die Stube, aber als er kam, so traf er bei ihm zwei Mädchen und ein Weib an, welche er fragte, zu welchem Zwecke sie hierher gingen,

und sie antworteten ihm: „Uns unterrichtet Schilow im Guten, wie man leben soll"; da aber Schilow nicht im Hause, sondern bei dem Bauern Phrolow war, so sandte er nach ihm, er möge zu ihm kommen; aber als er zu ihm kam, da fragte er ihn, Schilow: „Zu welchem Zwecke denn kommen zu dir in den Nächten Mädchen?" Darauf sagte er: „Ich unterrichte sie in guten Werken". . . Aber als er von der angegebenen Zusammenkunft (noch) von vielen Bauern hörte, so wünschte er die genauen Umstände der Zusammenkunft zu erfahren" . . . . (es folgt das oben S. 116 Mitgeteilte).

Beim Verhör des nächsten Tages gab Iwan Schilow selber noch an (Fortsetzung und Schluss des oben S. 116 f. Gebrachten): „Während seines Lebens auf dem Landgute der Gräfin Skawronskaja pflegte er zur Kirche zu gehen und hatte zum Beichtvater Christoljúb Iwánow, beichtete alljährlich und kommunizierte an den heiligen Sakramenten, aber bei der Beichte sagte er dem Beichtvater nicht, dass er ein Verschnittener sei, fürchtend, er möchte ihn zuweilen vor den Leuten rügen; denn davon, dass er ein Verschnittener sei, wusste niemand auf dem Landgute, wo er lebte".

Drei Tage nach diesem Verhör erfolgte bereits durch einen Brief an den Grafen N. Saltükow (17. Nov. 1791) der Befehl der Kaiserin, Iwan Schilow in das Solowezki-Kloster zu verbannen, zu seinen Kräften entsprechender klösterlicher Arbeit, wobei keinerlei Beziehung zu den dorthin kommenden Pilgern zugelassen werden solle.

Bei dem Verhör Wasiljews, das bald darauf stattfand [1]), war dieser Befehl schon vollzogen (vergl. oben S. 119 [2]).

---

1) Das Datum gibt weder der Artikel „Zur Geschichte" etc., noch Melnikow an. Da aber am 6. Januar Wasiljew entfloh, zuvor aber einige Zeit regelmässig die Kirche besucht hatte (vergl. oben S. 119), so wird es wohl noch im November gewesen sein. Demnach wurde Schilow wohl nur wenige Tage nach dem Befehl nach Solowki verschickt.

2) Melnikow teilt eine „Verfügung des H. Sinods vom 1. Juli 1797" mit (Materialien etc. 1872, 3. B. S. 50 f.), wonach der Bitte Iwan Schilows um Zulassung zur Kommunion noch nicht willfahrt wird, da sich der H. Sinod nach dem solches befürwortenden Rapport des Archimandriten des Solowezki-Klosters von der Aufrichtigkeit seiner Bekehrung noch nicht hatte überzeugen können, — sondern nur für die Zukunft in Aussicht gestellt wird. Melnikow sagt in einer Anmerkung zur Akte: „In der Folgezeit verliess er die Skopzenhäresie (heuchlerischer Weise, natürlich) und wurde befreit. Er lebte in Petersburg und starb am Anfang der vierziger Jahre in hohem Alter". . . . — Nach Nadeschdin (S. 46 u. Anm. 56) war er ganz unabhängig von seiner Stellung zur rechtgläubigen Kirche 1800 von der Kommission zur Durchsicht früherer Kriminalverbrechen nebst 12 anderen Skopzen

Dass aber mit der Verbannung Iwan Schilows das Skopzentum in Slawjanka nicht erlosch, beweist der Umstand, dass es dort und in dem nahegelegenen Páwlowsk zur Zeit des Petersburger Aufenthaltes Seliwanows nicht nur in vollem Flore stand, sondern von Jakow Phrolow, mit dem jener in Beziehung gestanden (vergl. oben S. 116, und noch einem andern Phrolow) geleitet wurde, was sich in den Prozessen von 1806 und 1807 herausstellte. Man wird demnach die Behauptung Schilows, dort niemand verschnitten zu haben, für eine lügnerische halten müssen, es sei denn, dass sie dahin zu verstehen wäre, dass er wohl die dortigen Leute zur Sekte bekehrt, ein anderer aber (etwa einer der aus Riga zu ihm Angereisten, später Phrolow) sie verschnitten habe.

In Petersburg selbst wäre gleichzeitig mit Slawjanka oder noch früher das Skopzentum aufgetreten, wenn Reutski mit seiner Behauptung (S. 119) recht hätte, dass „sich um 1790 an der Spitze des Petersburger Skopzenschiffes folgende Skopzen befanden: die Revaler Bürger Gawríla Matwéjew und Michaíla Sawéljew, die verschnittenen Chlüsten Sidor und Iwan Jákowlew Nenástjew, die ein Haus in der Starokonjúschennaja- (Alt-Stallhof-) Strasse hatten, der Kaufmann André Kostrów, der nahe bei der Schestiláwotschnaja- (Sechsläden-, jetzt Nadéschdinskaja-) Strasse ein Haus hatte, und Aleksé Danílow Ogoródnikow, der ein Haus beim „Moskauer Schlagbaum“ hatte. — Reutski beruft sich (Anm. 41) hierfür auf die „Prozessakte über die im Jahre 1806 entdeckten Skopzen № 185198“. Wie aber die Zitate auf S. 133, Anm. 59 und S. 156, Anm. 74 beweisen, ist das die auf das Verhör Serge Michailows, genannt Saltükow, bezügliche Akte (vergl. oben S. 122 u. 1. Anm.), obgleich an der letztern Stelle die № 181198 steht. Das kann nur Druckfehler sein (denn hier sind genau dieselben Rigaschen Skopzen und ihre Wohnorte genannt, wie in jenem Verhör). Die auf die Petersburger Skopzen bezügliche Stelle der Akte lautet (bei Melnikow a. a. O. S. 221 und fast gleichlautend S. 226, doch hier mit falscher Interpunktion): „In St. Petersburg die dortigen Skopzen, wohnend in eigenen hölzernen Häusern in der Stáraja Konjúschennaja (der Alten Stallhof- scil. Strasse), zwei Brüder: 4) Sidor und 5) Iwan Jakowlew (Nenastjew); 6) bei den Schestj Láwotschki (sechs Läden, dim.) Andre Iwanow Kostrow; 7)

in die „Liste“ (befindlich im Reichsarchiv bei der Akte von 1800 № 23) der zu begnadigenden aufgenommen und nach deren Bestätigung durch Alexander I. nach Petersburg entlassen worden, wo er nach dem Zeugnis dortiger Skopzen still bis zu seinem Tode (c. 1830) lebte.

beim Moskauer Schlagbaum Alekse Danilow Ogorodnikow". — Es ist klar, dass Reutski seine Mitteilung — abgesehen von den beiden bei ihm zuerst genannten Personen — dieser Stelle entnommen hat. Hier aber bezieht sie sich auf die Zeit nach dem August 1804 (wann Saltükow verschnitten wurde, vergl. unten). Die Mitteilung über die beiden Revaler Bürger, die sich in der Akte nicht findet, wie die ihr vorausgehende Behauptung, dass das Skopzentum aus Riga über Reval nach Petersburg gekommen sei, wird auf folgende Notiz Nadeschdins (S. 43, Anm. 52) zurückgehen: „Gawrílo Matwejew war Revalscher Bürger und befand sich zur Zeit seiner Arretierung als Gast bei Agéjew und Sawéljew; Saweljew war gleichfalls aus Reval gebürtig und gehörte zur Revalschen Bürgerschaft, aber lebte beständig in Petersburg. Wie dieses, so vergewissern auch andere Umstände dessen, dass das Skopzentum nach Petersburg z. T. über Reval gekommen, wohin es sich aus Riga verbreitet hatte".

Da die genannten 1796 (oder spätestens Anfang 1797) in Petersburg verhaftet wurden, so reicht auch diese Notiz nicht aus, um die Existenz des Skopzentums in Petersburg um 1790 festzustellen. In Reval ist es erst um 1808 aktenmässig bezeugt (siehe unten) und über die „anderen" Umstände, auf die Nadeschdin sich stützt, ist sonst nicht bekannt. Von ihnen abgesehen könnten jene beiden Revaler Bürger ja auch erst in Petersburg sich dem Skopzentum angeschlossen haben. Reval besass keine kompakte russische Bevölkerung und Skopzen können daher dort nur vereinzelt vorhanden gewesen sein. Freilich berichtet Nadeschdin (S. 87, Anm. 111) nach der Erzählung Saweljews, dass Gawrilo Matwejew von den Petersburger Skopzen erst 1796 aus Reval in gegebener Veranlassung (siehe unten) hinübergerufen worden sei.

Besitzen wir demnach keine ausdrückliche Nachricht über Skopzen vor 1796 — ausser jener über den dort vor 1791 hausierenden Alekse Wasiljew (vergl. oben S. 118 f.[1]) —, so ist es doch a priori wahrscheinlich, dass es auch hier in der Tat schon seit einiger Zeit Wurzel gefasst hatte. Vor allem scheinen die beiden Nenastjews schon vor der Rückkehr Selwianows aus Sibirien (1797) in ihrem Hause in der Alten Stallhofstrasse (jetzt Baskow-Gasse) ein Skopzenbetstube eingerichtet und an der Spitze eines wohlorga-

1) Vielleicht ist auch der Kaufmann, in dessen Dienst er stand, als Skopze in Anspruch zu nehmen, da er Iwan Schilows „Leben sehr lobte" (a. a. O).

nisierten Skopzenschiffes gestanden zu haben[1]). Aber noch andere erst später nachweisbare Petersburger Schiffe mögen schon damals existert haben[2]) Aus Moskau, aber auch direkt aus dem südlich von Moskau gelegenen ältesten Verbreitungsgebiete, wie auch aus Riga, werden frühzeitig Skopzen nach Petersburg gekommen sein (vergl. oben S. 98, 109, 119).

Die Verhaftung jener Petersburger Skopzen im Jahre 1796 stand im Zusammenhang mit der Transportierung Aleksander Iwanows aus Riga nach Petersburg, von der die Akte von 1800 berichtet. Danach geschah sie auf allerhöchsten Befehl. Nadeschdin gibt als Datum dieses Befehles den 2. Dezember 1796 an unter Berufung (Anm. 110) auf den „offiziellen Brief des Kommandanten von Dünamünde an den Generalprokureur Oboljáninow vom 19. April 1800“ (der Akte von 1800 beigefügt). Also erging er bald nach der Thronbesteigung Pauls I. (am 6. November). Zur Erkläruug dieses Befehles verweisen Nadeschdin (S. 101), Melnikow (in der „Denkschrift über Aleksandr Iwanowitsch Schilow

---

1) Wenn Kutepow (S. 158) für seine Behauptung, dass die Nenastjew's „von selbst, ohne jegliche Hülfe von seiten anderer zum Skopzentum gelangt, nur dazu angeregt durch die bekannte chlüstische Ansicht von der Ehe“, sich auf Suschkow's „Denkschriften über das Leben Philarets“ S. 75 beruft, so steht hier nichts derartiges. Die Behauptung ist auch an sich sehr unwahrscheinlich. Auch dass sie früher Chlüsten waren, steht hier nicht, sondern nur, dass sie schon bevor sie sich dem Skopzentum anschlossen, sehr fromm waren (so hat Melnikow die Stelle richtig gedeutet: „Die weissen Tauben“ S. 251 und 2. Anm.), und dass zu ihrer Gesellschaft auch Nichtverschnittene gehörten. — Woher die Nenastjew's stammen, ist nach Melnikow (a. a. O.) unbekannt, doch lässt sich ein Schluss auf ihre Herkunft daraus ziehen, dass sie am Anfang des 19. Jahrhunderts zum Kaufmannsstande des Wiborger Gouvernements gehörten, welches damals ein unmittelbarer Bestandteil des russischen Reichs war (bis zur Eroberung Finnlands 1808).

2) Melnikow behauptet (Die weissen Tauben S. 413, 3. Anm.) es ausser von dem Hause Nenastjews auch von dem Kostrows, dass in ihm eine skopzische Betstube eingerichtet war, ohne eine Quelle anzugeben. — Eine blosse Verallgemeinerung scheint es zu sein, wenn er ferner behauptet (S. 251), das Petersburger Skopzenschiff habe sich hauptsächlich aus Sosnowkaer und Morschansker Auswanderern gebildet. Denn nennen kann er als aus Sosnowka stammend nur die Frau Kostrows Aphrosinja Popowa, die Tochter des Sofon Popow und Schwester der Profetin und Gottesmutter Anna Sofonowna (S. 413; vergl. oben S. 103 u. Anm.), ohne übrigens ausdrücklich anzugeben, dass sie schon vor Seliwanows Eintreffen in Petersburg dort lebte.

von 1845, korrigiert und ergänzt 1857, Materialien etc. 1872, 3. B. S. 183 f., „Die weissen Tauben“ S. 414) auf die Erzählung der Skopzen, dass Aleksandr Iwanow dem Kaiser längst bekannt war, da er bereits im Jahre 1776 als Grossfürst zweimal mit ihm in Dünamünde gesprochen. Diese Erzählung sei nicht unwahrscheinlich, da Paul auf der Freite nach seiner zweiten Gemahlin in der Tat zweimal, Ende Juni und in den ersten Tagen des August 1776 in Riga gewesen, damals wirklich die Kasematten der Festung Dünamünde besichtigt und dabei wohl auch Schilow und seine Gefährten gesehen haben werde, die damals erst vor kurzem dort eingetroffen waren. Aber dabei vergessen sie, dass nach ihrer eigenen Darstellung(nach der Akte von 1800) Schilow nebst Gefährten erst 1789 nach Dünamünde übergeführt worden ist. Es ist ja freilich möglich, dass sie, die ja zu Festungsarbeiten nach Riga verschickt worden waren, dort zeitweilig beschäftigt waren (freilich erwähnt die Akte solches nicht), ferner dass der Kronprinz in Riga die auf Befehl seiner Mutter dorthin verschickten seltsamen Sektierer zu sehen gewünscht. Aber es kann doch kaum angenommen werden, dass er sie zwanzig Jahre lang im Gedächtnis behalten. Melnikow nimmt an (Die weissen Tauben S. 410 f.), dass Paul bei seinem Regierungsantritt wie überhaupt das Los der Raskolniken und Sektierer, so auch das der Skopzen erleichtern wollte: Schilow, der in Dünamünde mit Festungsarbeiten beschäftigt war, wurde nach Schlüsselburg übergeführt, wo er guten Unterhalt mit allerlei Bequemlichkeiten erhielt. Aber diese Erleichterung hätte er doch auch in Dünamünde erhalten können, dazu brauchte er nicht nach Petersburg, resp. Schlüsselburg gebracht zu werden. Auch stimmt zu der Annahme Melnikows nicht, dass, wie er selbst berichtet, gleichzeitig fünf Petersburger Skopzen und der Moskauer Fedor Kolesnikow, genannt Mason, die bis dahin auf freiem Fusse gelebt, ebenfalls in Schlüsselburg interniert wurden. Dass in der Tat der Kaiser irgend ein besonderes Interesse an den Skopzen überhaupt, oder wenigstens an Schilow genommen haben muss, zeigt ein diesbezüglicher Bericht in den „Denkschriften“ Lubjanówskis, des damaligen Adjutanten des Feldmarschalls Fürsten Répnin (Russisches Archiv 1872, S. 150 f.): „Bald nach der Ankunft des Fürsten Nikolai Wasiljewitsch (Repnin) in die Hauptstadt befahl der Kaiser ihm, nach zwei Arrestanten zu schicken, welche in Dünamünde gefangen gehalten wurden; es war befohlen, sie von der Reise direkt in den Palast zu Seiner Majestät zu bringen. Direkt dorthin brachte sie auch im Anfang des Dezember des Jahres 1796 Jegor Jegórowitsch Gine (Hühne), in der Folgezeit Präsident

des Livländischen Oberhofgerichts. Sie waren Skopzen aus der Zahl der Hauptlehrer dieser Denomination. Nach der Erzählung Gines hat der Kaiser ziemlich lange, aber leise mit ihnen im Kabinet gesprochen; darauf wandte er sich an Gine und befahl ihm, sie dem damaligen Kriegsgouverneur Archarow zu übergeben, ihm selber aber, solange er in Petersburg bleibe, sie zu besuchen und über das Nötige dem vorzutragen, welchem es sich gehöre“ [1]). . . .

Die Forscher sind darüber uneins, wer der andere Skopze neben Aleksandr Iwanow war, mit dem der Kaiser damals gesprochen. Melnikow meint, Seliwanow selber (Materialien etc. 1872, 3. B. S. 49, 184, Anm. 190). Aber auch abgesehen davon, dass nach allen sonstigen Nachrichten, auch Melnikows, Seliwanow damals noch nicht in Petersburg eingetroffen war und nach seinem Eintreffen allein dem Kaiser vorgestellt wurde, so könnte er doch nicht aus Riga dorthin gebracht worden sein. Reutski meint (S. 122), es sei Aleksandr Iwanows Genosse, der Sosnowkaer Erstverschnittene Sofon Popow gewesen. Aber nach der Akte von 1800 wurde dieser mit den anderen überlebenden Sosnowkaern erst im April 1800 nach Petersburg gebracht (vergl. oben S. 63 f.; das hat bereits Kutepow [S. 166 Anm.] Reutski entgegengehalten). Nun teilt Nadeschdin mit (S. 87), dass nach dem Ukase vom 2. Dezember 1796 zur Entgegennahme Aleksandr Iwanows (aus der Festung Dünamünde) nach offizieller Nachricht dorthin express irgend ein Bauer Iwan Phrolow geschickt wurde, und nennt (Anm. 110) als seine Quelle den „offiziellen Brief des

1) Lubjanowski teilt solches mit um der folgenden Weissagung der beiden Skopzen willen: „Gine verlebte mit mir drei Wochen in einem Zimmer; an einem Abend kehrte er in so erregtem Geisteszustande zurück, mit einem so verwirrten Gesichtsausdruck, dass ich ihn nicht wiedererkannte; beeilte sich, sich zur Reise fertig zu machen, schickte nach den Pferden, erwartete mit Ungeduld den Fürsten von der Kur, verabschiedete sich und fuhr schnell davon. Erst nach einigen Jahren sagte er mir, indem er sich an das Vergangene erinnerte, weswegen er damals fast verrückt geworden und abzureisen sich beeilt habe. Die Skopzen hätten sich an jenem Abend bei ihm über Archarow beklagt, aber für sich selbst hätten sie nicht gebeten, sondern hätten ihn, Gine (da sie keinen andern Zugang zum Herrscher hätten), angefleht, Seiner Majestät zu sagen, er möge geruhen sich vorzusehen, wenn er aber nicht auf seiner Hut sein werde, so werde er ein Ende nehmen, wie es ihm nicht in den Sinn komme — und solches sei nicht weit. Mit solcher Zuversicht, sagte Gine, hätten sie es vorausgesagt, dass ihm die Haare zu Berge gestanden; er hätte nicht gewusst, wozu er sich entschliessen solle, an Frau und Kinder gedacht, Mund, Augen und Ohren geschlossen und sei davongefahren“.

Kommandanten von Dünamünde an Generalprokureur Oboljaninow vom 19. April 1800“ (der Akte vom 1800 beigefügt). Das wurde ihm durch die Angabe des gleichzeitig in Petersburg verhafteten Skopzen Saweljew bestätigt, der auch mitteilte, dieser Bauer aus dem gräflichen Slawjanka sei seit langem beim (grossfürstlichen) Garten in Pawlowsk angestellt gewesen und sei daher Paul aus seiner grossfürstlichen Zeit bekannt gewesen. Nun freilich fügt Nadeschdin hinzu, dass dieser Phrolow selber nicht Skopze gewesen sei, sondern erst seine Kinder hätten sich verschneiden lassen. Aber es liesse sich annehmen, dass diese letztere Mitteilung unrichtig ist. Nach dem oben (S. 125 u. 116) mitgeteilten Verhör stand ja dieser Iwan Phrolow in naher Beziehung zu Iwan Schilow, dieser hält sich des Nachts bei ihm auf und nimmt von ihm Pferde zu einer Fahrt, die er allen Grund hatte zu verheimlichen. Man wird annehmen dürfen, dass nicht erst sein Sohn Jakow Phrolow, der bei jener Fahrt als Kutscher diente, Leiter der Slawjankaer Skopzen war (vergl. oben S. 126), sondern zuvor schon er. Nach Lubjanowski waren es ja zwei „Skopzen aus der Zahl der Hauptlehrer dieser Denomination“, die dem Kaiser vorgestellt wurden. Würde demnach möglicher Weise diese Kenntzeichnung auch zu Phrolow stimmen, so passt nicht auf ihn die andere Angabe Lubjanowskis, dass es „zwei Arrestanten“ gewesen seien, „welche in Dünamünde gefangen gehalten wurden“. Aber nach der Akte von 1800, dem Zeugnisse der andern in Dünamünde gefangenen Skopzen, war 1796 Aleksandr Iwanow nach Petersburg geschickt worden, diese andern kamen erst 1800 dorthin. Da die beiden Skopzen von Hühne aus Riga nach Petersburg gebracht worden waren, würde sich die fälschliche Annahme Lubjanowskis, dass beide Dünamünder Gefangene seien, leicht erklären.

Warum aber wurde denn Iwan Phrolow nach Aleksandr Iwanow geschickt? Es hätte doch der Ukas, letzteren aus Dünamünde nach Petersburg zu senden, genügt. Iwan Phrolow hat mit Iwan Schilow in Verbindung gestanden, durch ihn wird er von Aleksandr Iwanow gewusst haben. Offenbar kam es darauf an, gerade diesen dem Kaiser vorzustellen, welchen also Phrolow aus der Zahl der Tulaer und Sosnowkaer Deportierten herausfinden sollte. Dann aber wollte der Kaiser, der ja nach dem Zeugnisse Lubjanowskis sich mit den vor ihn gebrachten beiden Skopzen allein in seinem Kabinette leise unterredete, von ihm eine Auskunft haben, die er nur von ihm oder von ihm am besten erhalten konnte. Diese wird sich auf Seliwanow bezogen haben.

Das geht daraus hervor, dass (nach Nadeschdins Mitteilung S. 87, Anm. 111) nach den offiziellen Angaben Aleksandr Iwanow gerade so lange in Petersburg gefangen gehalten wurde (nach Melnikow „Die weissen Tauben“ S. 414 im Hause Oboljaninows an der Ecke des Newaquais und der Moschkówgasse in nächster Nähe des kaiserlichen Palais) — und zwar ohne jedes Verhör und Untersuchung (Nadeschdin a. a. O., zusammen mit den vier in Petersburg verhafteten Skopzen) —, bis Seliwanow in Petersburg eingetroffen und vor den Kaiser gestellt worden war. Zwei Tage nachher (am 29. Januar 1797) wurde er in der Festung Schlüsselburg interniert. Gleichzeitig traf dasselbe Los die vier in Petersburg verhafteten Skopzen, Iwan Phrolow und Fedor Kolesnikow, welcher letztere bei der Überführung Seliwanows nach Petersburg eine Rolle gespielt hatte. Er wurde mit Aleksandr Iwanow in demselben Wagen nach Schlüsselburg gebracht. Diese Bestrafung war offenbar Folge des Gesprächs des Kaisers mit Seliwanow. Man wird daher annehmen dürfen, dass Gerüchte über Seliwanow wie die Ursache der Transportierung Aleksandr Iwanows nach Riga, so auch der Verhaftung jener fünf gewesen waren. Wahrscheinlich hatten sie diese Gerüchte in Umlauf gesetzt, die (mit oder ohne ihre Absicht) zu den Ohren des Kaisers gedrungen waren [1]). Welcher Art diese Gerüchte waren, werden wir des näheren zu untersuchen haben, wenn wir auf die Rückkehr Seliwanows aus Sibirien zu sprechen kommen.

So befanden sich denn die alten Genossen der Tulaer und Sosnowkaer Propaganda nach 22-jähriger Trennung wieder — wenn auch nur auf einige Tage — an demselben Orte. Ob sie sich in Petersburg gesehen, darüber findet sich keine Nachricht.

1) Nach Nadeschdin (S. 43, Anm. 52) waren es ausser den bereits genannten (oben S. 126) Revaler Bürgern Gawrilo Matwejew und Michailo Saweljew die in Petersburg ansässigen Michailo Agejew (Kaufmann) und Alekse Danilow. Nach den Erzählungen der 1844 noch in Petersburg lebenden Saweljew und Agejew an Nadeschdin (Anm. 52, 110 u. 111) war damals Gawrilo Matwejew express aus Reval nach Petersburg gerufen worden und war bei ihnen zu Gast, als er mit ihnen arretiert wurde. Ein Verhör oder eine Untersuchung hätte während ihres Arrestes nicht stattgefunden (das bestätigten nach Nadeschdin auch die Akten). Aus den Erzählungen Saweljews sei ersichtlich, dass sich die Petersburger Skopzen damals in irgend einer besondern Erregung und Erwartung befunden hätten, hervorgerufen durch die Thronbesteigung des Kaisers. Mit Dünamünde hätten sie damals in regen Beziehungen gestanden. Dorthin sei nicht nur Iwan Phrolow, sondern auch Alekse Danilow gesandt worden.

Es ist deswegen nicht wahrscheinlich, da auch die skopzische Legende davon schweigt. Diese hätte sonst eine derartige Zusammenkunft gefeiert und ausgeschmückt. Da aber Aleksandr Iwanow noch 2 Jahre, bis zu seinem Tode, in der Nähe von Petersburg, in Schlüsselburg gefangen sass, so wird bei der Gewandtheit der beiden in solchen Dingen anzunehmen sein, dass er mit dem in Petersburg in einem Irrenhause inhaftierten Seliwanow Beziehungen unterhalten hat [1]).

Dieser Hauptgehülfe Seliwanows starb im Kerker, nachdem

1) Über die Verschlagenheit Aleksandr Iwanows bringt der Skopze Iwan Andrejanow in seiner „Meldung etc. an den Kaiser Aleksandr Pawlowitsch vom 16. Februar 1825“ folgende Erzählung (von Waradinow ausgelassen, von Melnikow nach der Akte von 1826 № 16 in den „Materialien etc. 1872, 3. B. S. 180 f. mitgeteilt, vergl. oben S. 88, 3. Anm.): „Als sich die Skopzen im Jahre 1824 aus verschiedenen Gegenden nach Susdal zur Anbetung versammelt hatten, so erzählte ein in ihrer Mitte befindlicher aus Petersburg eingetroffener Skopze den übrigen Skopzen und Gottesleuten über Aleksandr Iwanowitsch folgendes: Aleksandr sass in der Festung in der Stadt Schlüsselburg geheim. Und über sich sagt er, dass auch er in dieser Zeit in derselben Festung ebenfalls geheim sass, aber getrennt von Aleksandr Iwanowitsch, und in den Nächten pflegte er zu ihm zu gehen; denn der Soldat, der vor der Tür seines Zimmers stand, liess ihn heraus. Einmal lief er zu ihm hinüber durch den Korridor, und der Wachtsoldat, der vor der Tür des Zimmers Aleksandr Iwanowitschs stand“ (und wohl beiseite gegangen war, aber alsbald zurückkehrte), „hörte dieses und wartete an der Tür auf das Herauskommen des dorthin Hineingegangenen; und der Skopze merkte, dass der Wachtsoldat sein Hineingehen gehört hatte, und er fürchtete sich, wie er in sein Zimmer hinüberlaufen solle, aber Aleksandr Iwanowitsch sagte zu ihm: „Zage nicht: nichts wird passieren!“ und er befahl dem Skopzen und den übrigen, dass sie alle dasselbe sagen möchten, und er sagte über seinen Wachtsoldaten, dass man ihm dass Pelzfutter ausklopfen werde; und so öffnete denn“ (gemäss der Anweisung Aleksandr Iwanows) „der Skopze plötzlich die Tür, aber selbst zögerte er, und der Wachtsoldat schlug beim Auffliegen der Tür stark mit dem Gewehr an die Tür an, und zerbrach den Schaft, aber der Skopze lief in diesem Augenblick durch den Korridor hinüber und legte sich auf seine Schlafbank. Der Soldat aber, der bei dem Zimmer des Skopzen stand, hatte sich erschreckt; denn jener Wachtsoldat fing sofort zu schreien an. Zuguterletzt kam der Kommandant der Wache und fragte Aleksandr Iwanow: „Wirt, was ist bei dir geschehen?“ denn so nannte man ihn. Aber er antwortete dem Kommandanten: „Verzeihen Sie, bei uns ist garnichts geschehen; aber dieser Soldat beunruhigt uns oft, aber zuweilen schreit er aus irgend einem Grunde“. Und seine übrigen Gefährten antworteten ebenso. Und der Kommandant glaubte ihren Worten und befahl jenen Wachtsoldaten, der den Schaft zerbrochen, zu strafen, und man schlug ihn mit Stöcken.“

er seine kurze Propaganda mit fast 25-jähriger Haft gebüsst hatte. Aber auch diese Haft hat er zu weiterer Propaganda mit Erfolg zu benützen verstanden. Über die grosse Verehrung, die er bei den Skopzen geniesst und über die Legenden, die sich über ihn und insbesondere über sein Begräbnis und seine Gebeine bei ihnen gebildet, über den Kult, der hier getrieben wird, wird später zu handeln sein. In Schlüsselburg haben sie ihm ein Grabdenkmal errichtet, das Liprandi 1844 besichtigt, beschrieben und abgebildet hat (diese im „Rapport Liprandis an den Minister der Innern Angelegenheiten vom 11. April 1844 unter № 297" befindliche Beschreibung und Abbildung bietet Nadeschdin S. 104 f. und unter № 7 der seinem Buche beigelegten 12 Zeichnungen [1]).

Die Grabinschrift lautet:

Im Namen des Vaters und Sohnes und Heiligen Geistes Amen
Unter diesem Denkmal
Ist begraben der Leib des Gottesknechtes
Aleksandr Iwanowitsch
Schilow
Er übergab seinen Geist in die Hände Gottes
Im Jahre 1799 am 6 Januar, zu
Mitternacht um 2 Uhr, sein Leben
War 87 Jahre, gebürtig
aus dem Tulaer Gouvernement
dem Dorfe Maslowo
Dieses Denkmal ist errichtet
im Jahre 1829

Da man nicht annehmen kann, dass die Skopzen auf dem Denkmal des von ihnen so hoch verehrten Mannes etwas Falsches haben angeben wollen, so ist sie für die Feststellung der Data seines Lebens von grosser Wichtigkeit. Demnach ist Aleksandr Iwanow im Jahre 1712 geboren, also auch wenn die höchste Altersangabe richtig ist (vergl. oben S. 26, 2. Anm.), noch immer acht Jahre älter als Seliwanow; war er bei seiner Bekehrung zum Skopzentum demgemäss 61 Jahre alt (vergl. oben S. 63 u. 69), so stimmt dazu seine Aussage in den „Leiden" (S. 22), dass er auf jenen 40 Jahre gewartet habe. Er hiess wirklich Schilow und nicht Fomitschow, unter welchem Namen er in der Festung Dünamünde

1) Diese sind heute äusserst selten. Im Verlage der „Russischen freien Presse" in London, in welchen das Werk Nadeschdins übergegangen ist, waren 1906 nur noch zwei Exemplare, je zu dem Preise von 145 Mark vorhanden. Zehn der (farbigen) Zeichnungen sah ich in der Bibliothek der Geistlichen Akademie zu Kasan. Das Bild des Grabmals Schilows trug hier die № 4.

bekannt war (vergl. oben S. 64 u. Anm.), wofür ja auch spricht, dass er mit Iwan Schilow in so nahen Beziehungen stand, der also sein Verwandter war (die russischen Forscher bezeichnen ihn als seinen Neffen, doch finde ich keine aktenmässige Angabe darüber bei ihnen). Sein Geburtsort lag im Tulaer Gouvernement (vergl. oben S. 63, 40) und hiess Maslowo; also führte nicht nur sein Gutsbesitzer den entsprechenden Namen (Maslow, vergl. oben S. 63, 72 f.). Auch für die Angabe des Todesjahrs entscheidet sich Nadeschdin als die richtige, da sie von den Skopzen, die mit ihm zusammen in Schlüsselburg gefangen sassen, bestätigt werde, obgleich die offiziellen Nachforschungen das Jahr 1800 nennen (S. 101, Anm. 130; für letztere beruft er sich auf die „Relation des St. Petersburger Kriegsgouverneurs an den Minister der Innern Angelegenheiten vom 13. März 1844, unter № 292“ [1]).

Als im April 1800 seine überlebenden Sosnowkaer Genossen von Dünamünde nach Petersburg gebracht wurden (vergl. oben S. 16 f., 63 f.), war Aleksandr Iwanow Schilow in jedem Falle schon tot. Sie wurden ebenfalls in Schlüsselburg interniert, aber nach der Thronbesteigung Alexanders I. in Klöster der Petersburg-Nowgoroder Eparchie verteilt, wo mehrere von ihnen (z. B. Safon Popow) unter die Mönche aufgenommen wurden (Nadeschdin S. 46, Anm. 56, Melnikow, Materialien etc. 1872, 3. B. S. 66; letzterer nennt fälschlicher Weise die Peterpaulsfestung als Ort ihrer Haft; in der „Liste“ der am 15. Mai 1802 begnadigten Skopzen [vergl. unten] ist Schlüsselburg als der Ort ihrer Haftentlassung genannt [2]).

1) Von welchen Personen das Denkmal im Jahre 1829 errichtet worden, konnte er trotz aller Anstrengungen nicht mit Sicherheit erfahren. Nur folgende Gerüchte konnte er sammeln (S. 104 f.). Drei Jahre nach seinem Tode sei auf seinem Grabe eine geräumige hölzerne Kapelle errichtet worden. Später aber sei auf Veranlassung der Skopzen selber diese Kapelle abgebrochen worden und an ihrer Stelle von den Petersburger Skopzen Kaufleuten Borisow und Schemétow zuerst ein starkes steinernes Fundament und hernach darüber das prächtige Denkmal errichtet worden. Dieses liegt ungefähr anderthalbhundert Saschen von der Friedhofskirche zur Erscheinung Christi entfernt, von welcher Nadeschdin (S. 104) als Tatsache berichtet, dass sie ebenso wie das sich neben ihr befindende steinerne Haus von demselben Petersburger Ehrenbürger Borisow im Jahre 1818 erbaut sei. — Ob das Denkmal noch gegenwärtig existiert, oder auf Befehl der Obrigkeit zerstört worden ist, darüber habe ich keine Angaben gefunden.

2) Die auf Sofon Popow bezügliche Verfügung des h. Sinods vom 17. Sept. 1802 druckt Melnikow ab (Materialien etc. 1872, 3. B. S. 210). Als „Vater Sawwáti“ habe er — sagt M. (a. a. O. S. 189 u. 210) — das Skopzentum unter den Mönchen des Selenezki-Klosters verbreitet.

§ 2. Der Aufschwung der Sekte.

a. Die Rückkehr des Stifters und seine Freilassung.

Zuerst hat Melnikow (Die weissen Tauben S. 406 Anm.; Materialien etc. 1873 1. B. S. 46 ff., 66, 112, 219 Anm., 229) die Behauptung aufgestellt und zu begründen gesucht, Seliwanow sei aus Sibirien entflohen und nicht lange darauf im Jahre 1797 in Moskau wegen seiner Prätension, Peter III. zu sein, verhaftet und nach Petersburg vor den Kaiser gebracht worden [1]). Das Gewicht der entgegenstehenden einhelligen Erklärungen der Skopzen, Seliwanow sei vielmehr auf kaiserlichen Befehl aus Sibirien direkt nach Petersburg geholt worden, sucht Melnikow durch Berufung auf das Zeugnis eines Skopzen aus der nächsten Umgebung Seliwanows, Alekse Gromows, in der „Meldung" seines Schülers Iwan Andrejanow (vergl. oben S. 88, 3. Anm.) zu entkräften. Denn hier sei ja ausdrücklich von der Flucht Seliwanows aus seiner Irkutsker Haft die Rede. Aber auch abgesehen von der von uns (a. a. O.) nachgewiesenen Unglaubwürdigkeit dieses „Zeugnisses", spricht ja dieses nur von einem Umherwandern Seliwanows im Irkutsker Gouvernement [2]), nicht von einer Flucht von dort nach Europa, vielmehr ist im Weiteren gerade davon die Rede, dass er aus Irkutsk direkt nach Petersburg gebracht worden sei (siehe unten). Für seinen angeblichen Aufenthalt in Moskau nach der Flucht und seine Verhaftung dortselbst vermag sich Melnikow nur auf die „Angabe des Bauern Iwan Gawrilow vom 16. Febr. 1797" [3]) zu berufen, der in der Tat mit einem auf seine Veran-

1) Ihm sind Pelikan, Übers. S. 8), Kutepow (S. 124, 160 ff., 169), Roschdestwenski (S. 86 f.), Iwanowski (S. 228) u. a. gefolgt.

2) Kutepow identifiziert (S. 161 f.) vermutungsweise, aber ohne jeden wirklichen Anhaltspunkt, den „jungen General", mit dem Seliwanow nach Gromow im Irkutskischen umherwanderte, mit dem Kaufmann Kolesnikow (vergl. unten).

3) Befindlich in der „Akte des Departements der Allgemeinen Angelegenheiten beim Ministerium der Innern Angelegenheiten vom Jahre 1827, № 3", abgedruckt in den Materialien etc. 1872, 3. B. S. 46—48. Da die Melnikow in der fraglichen Annahme folgenden Forscher kein weiteres Zeugnis beibringen, also von der Beurteilung der Akte allein die Beantwortung der Frage abhängt, so bringe ich sie hier in Übersetzung: „Des Jahres 1797, am 16. Februar erklärte der Bauer Iwan Gawrilow aus dem Kreise Nikitsk des Moskauer Gouvernements, aus dem der Ökonomie-Verwaltung gehörenden Kirchdorf Durnicha das unten folgende: „Anfangs lebte in der Nähe unserer Ansiedlung

lassung in Moskau verhafteten Pseudopeter kurz zuvor nach Petersburg gebracht worden war.

Mit Melnikows Identifizierung dieses Pseudopeters mit Seliwanow stehen schon in Widerspruch seine eigenen sonstigen Angaben, dass letzterer bereits am 27. Januar 1797 dem Kaiser Paul vorgestellt wurde, während ersterer erst nach dem 16. Februar, dass jener gleich darauf in ein Irrenhaus eingesperrt wurde, dieser in die Peterpaulsfestung (Die weissen Tauben S. 406 Anm.). —

auf dem Erbgute Ismailows im Dorfe Bükowo bei dem Glockenturm ein Büsser als Sprachloser mehr als zwei Jahre lang, welcher an sich eiserne Ketten auf dem Leibe und an den Füssen hatte. Seine Mühen und (asketischen Helden-) Taten sehend hatte auch ich mit den andern Anhänglichkeit zu ihm; mehrere Mal ging ich und verehrte seine Mühe als heilig und bat ihn, den Büsser, er möge über sich sagen, welchen Standes er sei, und mit der Zunge sprechen, und es geschah das vor etwa einem Jahr. Jedoch auf keinerlei Bitten offenbarte er sich mir, sondern begann mich schriftlich zu bitten, ich möchte für ihn ein Gefährt mieten, um ihn nach Starodúb in das Staro-obrjadzische Kloster zur Mönchsweihe zu bringen. Ich liess mich anfangs lange nicht zu seiner Bitte bewegen, aber darauf kam er mit dem Bauern Aleksé Wenedíktow aus dem Kirchdorfe Koloméz des erwähnten Herrn Ismailow nachts zu mir ins Haus angefahren und begann unter Tränen durch Winke zu bitten und mir und dem anderen Bauern zu Füssen zu liegen, welcher bei mir im Hause war, Fomá Iwánow aus demselben Kirchdorfe; da versicherten wir ihm infolge seines vielen Bittens, wir würden für ihn ein Paar (Pferde) nach Starodub mieten, aber darauf begannen wir alle ihn eifrig zu bitten und uns vor ihm fussfällig zu verbeugen und weinten mit Tränen, weil wir seine grossen Mühen für Gott gesehen, er möge uns erklären, wer er denn sei, aber er gab nur durch Winken, nicht mit der Zunge, sondern immer nur mit den Fingern, zu verstehen: „Geduldet auch ein wenig, ich werde mich erklären“. . . (folgt Erzählung von einigen Wundern des Büssers, wie er die Frau des Zeugen geheilt und Kwas in Wasser verwandelt). „Und so kam noch grössere Furcht über uns. Und darauf begannen wir noch weiter unter Tränen zu bitten und verbeugten uns nun schon oft vor ihm fussfällig, er möge sich uns durch die Sprache offenbaren und sagen, wes Standes er sei, und wir nannten ihn von uns aus in Herzenseinfalt: „Bist du der Profet Ilijá oder Jenoch oder Joann der Theologe?“ Im Gegensatz zu dieser unsrer Bitte, zur Ablehnung des angegebenen Standes, begann er mit Bekümmernis zu Gott zu beten, mit einer andern Sprache sprechend, sodass uns nichts verständlich war. Und darauf begann er mit seinem Finger auf seiner Brust etwa Kreuze oder Sterne darzustellen, und machte mit den Händen etwa den Gewehrgriff und zog gleichsam den Degen. Wir verstanden ihn nach diesem Beispiel nicht, begannen ihn noch mehr zu bitten, indem wir hierbei hinzufügten: „Solltest du gemäss deiner grossen Mühe wirklich nicht vom Herrn erbitten können, mit uns mit der Zunge zu reden?“

Ferner spricht durchaus gegen die Identifizierung, dass jener nach der Akte in ein Raskolnikenkloster (in Starodub) einzutreten wünschte, also wohl selbst Raskolnik war [1]), wie sich denn auch der Zeuge und sein Moskauer Verwandter um Rat in dieser Angelegenheit an eines der Häupter der Raskolniken wenden. Den Wunsch jenes Mannes als einen blossen Vorwand anzusehen, um vielmehr mit den für ihn gemieteten Pferden nach Moskau zu kommen, geht nicht an, da Starodub sehr weit vom Moskauschen entfernt liegt (im Tschernígowschen Gouvernement), es wohl verständlich ist, dass er so flehentlich als um ein grosses Opfer die Fahrgelegenheit dorthin erbat, das Dorf, in dem er lebte, aber sich ganz nahe von Moskau befindet, welche Stadt auch zu Fuss leicht zu erreichen war. Wenn er alsbald im Polizeiamte eines Moskauer Stadtteils aufgefunden wird, so ist er offenbar garnicht an das Ziel seiner Reise gelangt, sondern unterwegs (noch im Moskauschen), wohl weil er sich nicht ausweisen konnte, aufgegriffen

Und so erklärte er sich denn vor seiner Abreise nach Starodub bei mir im Hause als den Herrscher Pjotr Feódorowitsch und hierbei verpflichtete er uns durch einen Schwur, dass wir bis zu der Zeit, „wann der Herrscher, mein Sohn, die Krönung empfängt", niemandem diesen Namen sagen würden; aber „wenn ihr jemandem sagen werdet, so wird für euch Todesstrafe (die Folge) sein". Und aus Angst um deswillen, aber noch mehr aus Herzenseinfalt — ich entschuldige mich vor Gott und dem allergnädigsten Herrscher — fürchtete ich mich damals, es der Obrigkeit anzuzeigen, aber als ich ihn schon mit gemietetem Anspann nach Starodub entlassen hatte, im Zweifel, ob nicht dadurch in Russland irgendeine Unordnung entstehen könnte, sagte ich es, damit er mir riete, meinem Vetter, dem Moskauer Kaufmann Nikolai Alekséjew, und wir beide sagten unverzüglich dasselbe dem Moskauer Einwohner Iljá Aleksejewitsch" (nach einer Anmerkung Melnikows: Kowülin, der Begründer des Preobraśchensker Kirchhofes der Fedoséjewzen in Moskau). „Ilja Aleksejewitsch aber sagte uns, dass man unbedingt jenen Menschen suchen müsse, wir machten davon Mitteilung dem Herrn Iwan Petrowitsch Archárow, und in diesem Anlass fuhren wir auch, (ich) zusammen mit dem Vetter Nikolai Alekseiew und mit einem von Iwan Petrowitsch Archarow bestimmten Offizier, in die Starodubschen Klöster, um ihn im Geheimen zu suchen, und dort fanden wir ihn nicht, aber nachdem wir nach Moskau zurückgefahren, fanden wir ihn auf ein Gerücht hin in Moskau in einem Polizeiamte, welcher Büsser von dem Herrn Archarow zuerst zu ihm ins Haus genommen und von ihm mit mir jetzt nach Petersburg vorgestellt wurde."

1) Auch kann er sich bei seinem angenommenen Stummsein durch Schreiben verständlich machen, wessen Seliwanow wohl kaum kundig gewesen ist (siehe unten).

und nach Moskau eingebracht worden. Dass er sich für Peter III. ausgab und zugleich ein schweigender Büsser war, kann aber allein noch nicht berechtigten — wie Melnikow zu meinen scheint —, ihn mit Seliwanow zu identifizieren. Denn wie die Thronbesteigung Katharinas der Anlass des Auftretens einer grossen Zahl Pseudopeter war (vergl. oben S. 68 Anm., auch Seliwanows), so konnte die Thronbesteigung des Sohnes Peters III. diese sonderbare Prätension leicht wiederaufleben lassen. In der Tat sagt ja die Akte, dass jener Büsser verboten habe, vor der Krönung des Kaisers von seinem Anspruch zu reden. Offenbar hoffte er, dass von den Gnaden, die an solchem Tage vom Throne herabregnen, auch ihm als dem verschollenen Vater des Kaisers etwas zugute kommen werde. Jene Prätension aber hing so sehr mit religiösen Vorstellungen zusammen, dass es nicht weiter verwunderlich ist, dass sie gerade von Asketen erhoben wurde; ein charakteristischer Zug derselben ist aber in Russland überaus häufig das freiwillige Schweigen. Wäre jener schweigende Büsser wirklich Seliwanow gewesen, so würde sicher sein Verschnittensein alsbald an den Tag gekommen sein. Davon redet aber die Akte nicht.

Fällt demnach auch Melnikows Begründung seiner Behauptung der Verhaftung Seliwanows in Moskau im Jahre 1797 völlig dahin, so ist doch die Akte, der er sie entnimmt, für unsere Frage nicht ganz wertlos. Denn sie zeigt, dass der Anspruch, Peter III. zu sein, für den, der ihn erhob, damals sofort seine Vorstellung nach Petersburg zur Folge hatte. Melnikow führt freilich nicht ausdrücklich eine Stelle der Akte an, nach welcher jener schweigende Büsser dem Kaiser vorgestellt wurde. Aber man hat den Eindruck, dass ihn gerade eine derartige Notiz zu jener Identifizierung veranlasst hat. Warum wäre er auch sonst gerade nach Petersburg geschafft worden? Es hätte ihm ja auch in Moskau der Prozess gemacht werden können.

Ist es nun nichts mit der Behauptung der Flucht Seliwanows aus Sibirien nach Moskau und seiner Verhaftung hierselbst und Überführung nach Petersburg, so sieht man sich für seine Rückkehr aus Sibirien nach Petersburg zunächst auf die ältere Darstellung Nadeschdins zurückgeworfen, die sich freilich fast ausschliesslich auf die Aussagen von Skopzen gründet. Denn offiziell sei nur bekannt, dass er am 27. Januar 1797 in dem Stadtkrankenhause interniert wurde (S. 86). Die Skopzen versicherten, dass er nach Petersburg auf Befehl des Kaisers Paul I.

direkt aus Irkutsk durch einen extra zu diesem Zwecke gesandten Kurier geholt worden sei, infolge der Angabe des Skopzen Fedór Jewséjew Kolésnikow, genannt Masón oder Masónow. Der gegenwärtig (1844) noch lebende St. Petersburger Kleinbürger Skopze Sawéljew (vergl. oben S. 126 f.) sage mit Bestimmtheit, dass er mit eigenen Augen gesehen, wie Mason, zu dem er in engsten Beziehungen gestanden, bald nach der Thronbesteigung Kaiser Pauls I. von weiter Reise nach Petersburg gekommen und in sibirischem Reisegewande mit irgendwelchen geheimnisvollen Paketen, die in rotes Tuch eingewickelt waren, sich direkt in den Palast begeben habe. Gleich darauf sei er, Saweljew, und noch drei andere Skopzen, die zu ihm in besonderen Beziehungen standen, ebenfalls unter Arrest genommen (vergl. oben S. 127) und nach Irkutsk ein expresser Kurier nach Seliwanow geschickt worden.

Nadeschdin bemerkt dazu (S. 87, Anm. 111), dass, da jedenfalls die Herbeischaffung Seliwanows aus Irkutsk nach Petersburg mit der Aleksandr Iwanowitsch Schilows aus Dünamünde im Zusammenhang stehe (vergl. oben 129 ff.), diese aber erst am 2. Dezember erfolgte, der Kurier, wenn er gleichzeitig geschickt wurde, in nicht vielmehr als $1^1/_2$ Monaten (doch sind es ja fast 2 Monate!) mehr als zehntausend Werst habe zurücklegen müssen, was freilich nicht ausserhalb jeder Möglichkeit liege. Doch könne ja der Kurier auch früher nach Irkutsk geschickt worden sein, da Paul I. bereits am 6. November den Thron bestieg. Saweljew hätte seiner Erzählung noch hinzugefügt, dass dem Kurier befohlen worden war, möglichst schnell zu fahren und zu einem bestimmten Termin zurück zu sein, den er aber mit fünf Tagen überschritten. Melnikow [1]) hat auch die Möglichkeit bestritten, dass ein Kurier in der Zeit vom 6. Nov. bis zum 27. Dez. nach Irkutsk hin- und zurückfahren könne, aber zweifelsohne mit Unrecht, mit der Tendenz, für die Flucht Seliwanows aus Sibirien nach Moskau einzutreten (Materialien 1872, 3. B. S. 48 f., in seiner Anmerkung zu der Akte über den schweigenden Büsser im Moskauschen, siehe oben S. 136, 3. Anm.). Er berichtet übrigens (a. a. O. S. 112, 219, Anm. 229, 1. B. S. 90, Anm. 5), dass nach den Erzählungen der Skopzen bereits Katharina II. von Kolesninow als Geheimnis erfahren, dass Peter III. lebe und sich in Irkutsk befinde, und

1) Reutski (S. 121 f.) wiederholt in gedrängter Form die ganze Darstellung Nadeschdins, nur drückt er sich viel bestimmter aus, nicht mit der Nadeschdin eigenen Vorsicht.

ihm den Auftrag gegeben, ihn dort aufzusuchen. Als er zurückgekehrt, sei die Kaiserin bereits tot gewesen und er hätte sich mit seiner Kunde zu ihrem Nachfolger begeben, der sofort einen Kurier nach Seliwanow gesandt habe[1]).

Nadeschdin weiss (S. 89, Anm. 112) von Fedor Kolesnikow zur Erklärung der Rolle, die er bei der Befreiung Seliwanows spielt, noch zu berichten, dass er der Kaiserin Katharina und Paul persönlich bekannt war. In Moskau lebend sei er oft in Kommission des Moskauer Kaufmanns Schigarjow, der grossen Handel mit Kjachta hatte, nach Sibirien gefahren, wobei er Aufträge auch von der Kaiserin und dem Thronfolger erhielt. Erstere habe ihn zum Scherz „Mason" genannt (wohl weil sie seine Zugehörigkeit zu einer geheimen Genossenschaft ahnte). Doch scheint Nadeschdin als Quelle auch dieser Notizen nur die Erzählungen von Skopzen gehabt zu haben.

Eine von Nadeschdin (und Melnikow) noch nicht gekannte Nachricht über die Rückkehr Seliwanows aus Sibirien, — und zwar bereits aus dem Jahre 1802, — enthält der von G. Jésipow (im Historischen Boten von 1880, II. B. S. 198) abgedruckte „schriftliche Rapport" des Staatssekretärs Troschtschinski, der vom Kaiser Alexander I. in das Irrenhaus, in dem Seliwanow damals immer noch sass, geschickt worden war, um sich persönlich zu vergewissern, was für ein Mensch dieser „geheime Arrestant" sei. Hier heisst es (Fortsetzung des oben S. 45 bereits Mitgeteilten): „. . . seit jener Zeit[2]) befand er sich in Irkutsk, von wo er, da er nach Angeberei eines ihm unbekannten Verschickten (welcher oft zu ihm kam und ihn beredete, sich Kaiser zu nennen) angeblich sich diesen hohen Titel angeeignet, auf allerhöchsten Befehl des verstorbenen Herrscher Kaisers hierher gebracht und persönlich von seiner Majestät befragt worden; nach seiner verneinenden Antwort auf letzteres und nach seinem Eingeständnis des ersteren[3]) ward er in das geheime Zuchthaus gesandt, mit dem Verbot, mit jemand von diesen Umständen zu sprechen unter Androhung des Verlustes der Zunge".

---

1) Merkwürdiger Weise behandelt Melnikow die fernere Erzählung der Skopzen, dass der Kaiser sich über Kolesnikow geärgert, weil er in sibirischer Pelzkleidung vor ihm erschienen, und ihn dafür in die Schlüsselburger Festung habe einsperren lassen, als glaubwürdig, während er sich von seinen Voraussetzungen aus doch zu der ganzen Darstellung der Umstände der Rückkehr Seliwanows seitens der Skopzen ablehnend verhalten müsste.

2) Der Verschickung.

3) Seiner Verschneidung, vergl. oben S. 45.

Wie dieser Abschnitt, so zeigt auch das Übrige des „Rapports", dass Troschstschinski seine Notizen von Seliwanow selber erhalten.

Wenn wir von den eigentlichen Legenden der Skopzen noch absehen, die die Rückkehr Seliwanows aus Sibirien und sein Gespräch mit dem Kaiser reich ausgeschmückt haben, so kommen hier noch folgende Aussagen von Skopzen gegenüber obrigkeitlichen Personen und Behörden in Betracht. Iwan Andrejanow bietet in seiner „Meldung" an den Kaiser Alexander I. vom 16. Februar 1825 als Erzählung seines Lehrers Alekse Gromow folgendes (Fortsetzung des oben S. 88, 3. Anm. Mitgeteilten, bei Waradinow S. 251, bei Melnikow, Materialien etc. 1872, 3. B. S. 300, genauer im 2. B. S. 53 u. 55 nach der Akte von 1826 № 15: das nur hier Befindliche setzen wir in Klammern): „(Einige Zeit hernach, als der Erlöser aus Irkutsk weggefahren war), erfuhr irgend ein Petersburger Kaufmann irgendwie (über den Erlöser), wo der Erlöser lebe (und) fuhr nach ihm (dorthin) und brachte ihn (nach Petersburg) in sein Haus [1]), wo er (und bei ihm) (der Erlöser) lange (Zeit) lebte, aber um irgendetwas willen verzürnte er sich über ihn und fuhr (ging) zu einem andern über, bei welchem (und beim andern) lebte er (noch) bis zu (seiner) Verschickung nach Susdal".

In der „Erklärung des Stabskapitäns des 34. Jägerregiments Boris Petrowitsch Sosonówitsch" vom 14. Januar 1827, die er nach seiner Rückkehr zur Rechtgläubigkeit im Solowezki-Kloster, wo er gefangen sass, dem Archimandriten Dosifé Némtschinow abgab, heisst es (abgedruckt bei Melnikow, Materialien 1872, 1. B. S. 83 ff.: die betreffende Stelle S. 90 ff., schon in den Weissen Tauben S. 410

1) Melnikow sagt in einer Anmerkung zur kürzern Rezension (281): Gemeint sei Kostrow, der ihn von Nenastjews geholt. Aber das Haus der Nenastjews war ja das erste Skopzenhaus, in welchem Seliwanow in Petersburg lebte, aus dem er in der Tat später zu den Kostrows überging; hier aber ist gesagt, dass ihn der Kaufmann aus Sibirien in sein Haus brachte. Im Gegensatz zu dieser Anmerkung sagt Melnikow im selben Bande seiner Materialien (S. 49) in der Anmerkung zu der „Angabe des Bauern Iwan Gawrilow" (siehe oben S. 136, 3. Anm.), der Usurpator sei im Hause Kolesnikows oder Masons in Moskau gefunden worden. Wenn sich Melnikow dadurch in Widerspruch zu der Akte setzt, die vielmehr sagt, dass er in einem Moskauer Polizeiamte gefunden wurde, so tut er es offenbar in Erinnerung an die „Meldung" Iwan Andrejanows (nach der kürzeren Rezension). Denn ist der hier gemeinte Kaufmann in Übereinstimmung mit allen sonstigen skopzischen Mitteilungen Kolesnikow, so müsste Seliwanow in der Tat aus Sibirien nach Moskau gebracht worden sein, da nur dort Kolesnikow ein Haus besass. Aber in der genaueren Rezension steht ja ausdrücklich, dass er nach Petersburg gebracht wurde.

zitiert: „Nach der Thronbesteigung des Herrscher Kaisers Páwel Petrówitsch, wurde gemäss der Angabe eines gewissen Moskauer Kaufmanns Mason, der von dem Herrscher aus der Einkerkerung befreit worden war, als wenn sein Vater Pjotr Fedórowitsch sich am Leben befinde, jener Usurpator aus Sibirien nach St. Petersburg zurückgebracht, und als der Herrscher fragte, ob er wirklich sein Vater sei, so habe er geantwortet: „Wann du meine Sache, d. i. die Verschneidung annimmst, so werde ich dich als Sohn ansehen"; und gleicherweise wurde auch der erwähnte Vorläufer jenes Lügenchristus, Aleksandr Iwanow Schilow, zu jener Zeit aus der Einschliessung befreit. Aber da der Herrscher Pawel Petrowitsch sie nicht für die Personen hielt, als welche sie ihm vom Kaufmann Mason genannt worden waren, so habe der Herrscher den Usurpator Peter aus geheimer Einschliessung in eine gewisse Wohltätigkeitsanstalt unter (Zuerkennung von) Pension bringen lassen, aber der bezeichnete Lügenvorläufer wurde in die Schlüsselburger Festung verschickt". . .

Der gleichzeitig mit Sošonowitsch im Klostergefängnis zu Solówki gefangen gehaltene Blinde Iwan Kudímow, der von ihm zur Skopzensekte bekehrt worden, aber noch vor der Verschneidung wieder abgefallen war, gab am 8. Dezember 1826 [1]) u. a. an (a. a. O. S. 69): „Aus Sibirien wurde er vom Kaiser Pawel I. nach St. Petersburg zurückgeholt und von diesem Herrscher gefragt, ob er tatsächlich sein Vater sei, habe er geantwortet: „Wenn du meine Sache annimmst, erkenne ich dich als Sohn an". Hierauf wurde er in einer gewissen gottgefälligen Anstalt untergebracht unter Empfang von Pension" . . .

Sošónowitsch nennt (S. 89) als Quelle seiner Mitteilungen die Belehrungen des Petersburger Kleinbürgers Semjon Kónonow, der aus der nächsten Umgebung Seliwanows hierher verschickt worden war (siehe unten). Auch Kudimow sagt (S. 64), dass er seine Kenntnis der Skopzensekte dem verdanke, dass er sich immer bemüht habe, sich mit Sošonowitsch und am meisten mit Semjon Kononow zu unterhalten.

Der verabschiedete Unteroffizier Denis Archipow gab beim Verhör vom 21. Februar 1835 in Moskau an (Fortsetzung des oben S. 120 f. Mitgeteilten): „Als aber der Kaiser Pawel Petrowitsch gesegneten Angedenkens Zar wurde, so tauchten im Volke verschiedene Meinungen über den Herrscher Kaiser Peter III. auf, und als wenn der erwähnte Aleksandr Iwanowitsch über ihn erzähle. Um deswillen wurde er mit den Gefährten Semjon, Iwan, Jemeljan, Safon

1) So steht am Schluss seiner Angabe a. a. O. S. 82 zu lesen, im Vorworte zum I. Bande aber gibt M. das Jahr 1827 an; erstere Angabe ist wohl die richtige.

und einen andern Iwan [1]) aus Riga in die Schlüsselburger Festung gebracht, und, wie die Gerüchte besagten, wurde aus Sibirien unser besagter Erlöser, dessen Namen ich nicht weiss, eingefordert, aber im Jahre 1805, als ich während meiner Verabschiedung in Petersburg war, sah ich ihn im Hause des dortigen Kaufmanns Sidor Jakowlew Nenastjew, der in der Liténaja (-Strasse) wohnte, unterhielt mich mit ihm, und hörte aus seinem, unseres Erlösers Munde, dass man ihn nach seiner Rückkehr aus Sibirien dem Herrscher Kaiser Pawel Petrowitsch vorgestellt, welcher ihn gefragt, „warum er sich seinen Vater nenne, wie das Volksgerede sage". Aber er, unser Väterchen, erwiderte Seiner Majestät, dass wenn er sich einverstanden erkläre, die Reinheit anzunehmen, d. i. sich zu verschneiden, so werde er sein Sohn sein. Seine Majestät erzürnte sich darüber und sandte ihn in irgend eine — ich erinnere mich nicht, was für eine — Wohltätigkeitsanstalt unter Aufsicht, von wo er durch den Kaiser Aleksandr Pawlowitsch gesegneten Angedenkens befreit wurde".

Die mitgeteilten Aussagen widersprechen sich hinsichtlich der Internierung Seliwanows nach seinem Gespräch mit dem Kaiser. Tatsächlich wurde er in der Irrenanstalt des Obuchower Krankenhauses, welche „Zuchthaus" genannt wurde, interniert und erst 1802 nach der Thronbesteigung Alexander I. von dort in die Wohltätigkeitsanstalt des Smolnaklosters übergeführt (vergl. unten). Aber Sośnowitsch weiss noch von einer „geheimen Einschliessung" vor der Unterbringung in die Wohltätigkeitsanstalt, nur dass er fälschlicher Weise sie auf Befehl Pauls I. geschehen lässt. Derselbe Irrtum liegt bei Denis Archipow vor, der aber richtig angibt, dass er durch Alexander I. befreit wurde. Dass aber die Wohltätigkeitsanstalt mit dem Obuchower Krankenhause verwechselt wurde, besonders von Personen, die nicht Petersburger waren, ist leicht begreiflich. Denis Archipow sagt ausdrücklich, dass er sich nicht mehr erinnere, in was für eine Wohltätigkeitsanstalt er gebracht worden. Übereinstimmend unter sich und mit den Aussagen der Skopzen Nadeschdins aber sind sie in der Hauptsache, dass er auf Befehl des Kaisers aus Sibirien gebracht und ihm vorgestellt worden, der ihn gefragt, ob er Peter III. sei, — abgesehen von dem Zeugnis Iwan Andrejanows, in welchem von einem Befehl des Kaisers nicht die Rede ist, sondern nur davon,

1) Die hier Genannten sind zweifelsohne mit Semjon Aleksejew, Iwan Semükin, Jemeljan Retiwoi, Safon Popow der Akte von 1800 (vergl. oben S. 64) identisch, der andere Iwan wird Iwan Phrolow sein (vergl. oben S. 130 f.). Freilich wurden die vier nach jener Akte und den sonstigen Nachrichten nicht zusammen mit Schilow, sondern erst 1800 nach Schlüsselburg gebracht.

dass ein Petersburger Kaufmann ihn im Irkutskischen aufgefunden und in sein Haus gebracht. Ist nach den sonstigen Aussagen die Angabe des Moskauer Kaufmanns Kolesnikow oder Mason über Peter III. als Ursache des kaiserlichen Befehls angegeben, so nennt Troschtschinski die Angeberei eines unbekannten Verschickten, Denis Arhipow das Volksgerede über Peter III. überhaupt und (wenn auch nicht ganz deutlich) die Erzählungen Schilows über ihn im besonderen. Zumal da letztere in erster Linie als Ursache der Sendung Schilows selber nach Petersburg erscheinen, so brauchen sie die Richtigkeit der anderen Angabe nicht auszuschliessen (vergl. oben S. 128 ff.). Geht die Mitteilung Troschtschinskis auf Seliwanow selbst zurück, so mochte dieser den Namen Kolesnikows nicht nennen wollen, um ihm nicht zu schaden. Übrigens war nach der Angabe Sośonowitschs Kolesnikow in der Tat eingekerkert gewesen und hernach befreit worden. Man könnte annehmen, dass Kolesnikow als Skopze ebenfalls nach Sibirien verschickt worden war und daher Seliwanows Aufenthaltsort kannte, wenn man es nicht vorzieht, seine Geschäftsreisen nach Sibirien, von denen die Skopzen erzählen, als genügende Gelegenheit dazu anzusehen.

Schliesslich scheinen aber alle Aussagen über Seliwanows Zurückbringung aus Sibirien und sein Gespräch mit dem Kaiser auf Seliwanow selber zurückzugehen. Denn Iwan Andrejanow beruft sich auf seinen Lehrer Alekse Gromow, Sośonowowitsch und Kudimow auf Semjon Kononow — beides Männer aus der nächsten Umgebung Seliwanows in Petersburg —, Denis Archipow gar auf ein Gespräch mit Seliwanow selber. Stimmen nun die Aussagen der drei letzteren gegenüber dem ersteren zusammen, so wird man eben aus dem Grunde, dass alle auf dieselbe Quelle zurückgehen, nicht die der drei für falsch, die des einen für richtig erklären können. Dann aber wird anzunehmen sein, dass Iwan Andrejanow sich hier der Mitteilungen seines Lehrers nicht mehr genau erinnert hat: er hat Kolesnikow und Nenastjew mit einander konfundiert, wie er denn auch darin irrt, dass nach ihm Seliwanow bis zur Verschickung nach Suśdal nach einander bei zwei Kaufleuten gewohnt hat, während es tatsächlich ihrer drei waren (Nenastjew, Kostrow, Solodównikow [1]).

1) Freilich lagen die Häuser der beiden letzteren neben einander, so dass der Irrtum sich leicht erklärt.

Wenn nun aber die Nachricht, dass Seliwanow auf den Befehl Kaiser Pauls I. aus Sibirien nach Petersburg gebracht und vor ihn gestellt worden, um nach seiner Prätension, Peter III. zu sein, befragt zu werden, auf Seliwanow selber zurückgeht, kann man ihr trauen? Könnte sie nicht, ebenso wie jene Prätension, nur zu dem Zwecke von ihm erfunden sein, um sich in den Augen seiner Anhänger zu erhöhen? Könnte man nicht vielmehr annehmen, Seliwanow sei tatsächlich aus Sibirien entflohen und aus eigenem Antriebe nach Petersburg gekommen? — Gegen eine derartige Annahme und für die Glaubwürdigkeit jener Nachricht sprechen folgende Data. Seliwanow sass infolge kaiserlichen Befehls seit dem 27. Januar 1797 in der Irrenabteilung des Obuchow-Krankenhauses, genannt Zuchthaus („schriftlicher Rapport" Troschtschinskis von 1802, vergl. oben S. 141 u. unten S. 148). Im Dezember 1796 waren in Petersburg vier Skopzen arretiert worden und am 2. Dezember wurde ein fünfter, Iwan Phrolow, auf allerhöchsten Befehl nach Riga nach Aleksandr Iwanow Schilow geschickt (Brief des Dünamünder Kommandanten an den Generalprokureur Oboljaninow vom 19. April 1800, bei der Akte von 1800, Reichsarchiv № 48, vergl. oben S. 128), dieser nach Petersburg gebracht und dem Kaiser vorgestellt, der mit ihm leise in seinem Kabinete sprach (Memoiren Lubjanowkis, vergl. oben S. 130). Bis zum 29. Dezember wurde er ohne jedes Verhör und Untersuchung in nächster Nähe des kaiserlichen Palais gefangen gehalten. An diesem Tage (zwei Tage nach der Internierung Seliwanows) wurde er, jene fünf Skopzen und der Moskauer Skopze Kolesnikow in die Festung Schlüsselburg gebracht (Nadeschdin S. 87, Anm. 11 nach offiziellen Angaben, vergl. oben S. 129, 132). — Zwischen diesen beiden Internierungen muss doch ein Zusammenhang bestehn. Nun gibt einerseits Denis Archipow als Grund der Transportierung Schilows nach Petersburg an, dass das Gerücht vorhanden gewesen sei, er wisse von Peter III. zu erzählen (vergl. oben S. 143), anderseits steht fest, dass im Februar 1797 aus Moskau ein Pseudopeter nach Petersburg gebracht und dem Kaiser vorgestellt wurde (vergl. oben S. 136). Mitten inne liegt die von Seliwanow behauptete Vorstellung an den Kaiser, und die Frage an ihn, ob er Peter III sei. Ich meine, das berechtigt, auch diese für tatsächlich zu halten. Paul I. hat demnach die Marotte gehabt, die bei der unberechenbaren Launenhaftigkeit dieses Herrschers nicht weiter auffällig wäre, die Pseudopeter, von denen er hörte, selbst zu sehen und auszufragen.

Dem Anscheine nach aber zwiespältig sind die Aussagen über die Antwort Seliwanows an die vom Kaiser an ihn gestellte Frage. Troschtschinski (vergl. oben S. 141) hat er erklärt, dass er sie verneint habe; dem Skopzen Denis Archipow aber, dass er dem Kaiser gesagt habe, er werde ihn als Sohn anerkennen, wenn er seine Reinheit annehme, welche Antwort Denis wie alle andern Skopzen als Bejahung auffasst, als welche sie Seliwanow auch ohne Zweifel hat aufgefasst wissen wollen. Denn es hätte doch sein Ansehen in den Augen seiner Anhänger herabgesetzt, wenn er zugestandenermassen seine Prätension dem Kaiser selbst gegenüber nicht aufrecht erhalten. Aber eine wirkliche Bejahung enthält ja die Antwort keineswegs. Wenn Seliwanow nur unter einer Bedingung den Kaiser als Sohn anerkennen wollte, so gab er sich doch nicht als seinen leiblichen Vater. Und auch sonst nannte ja Seliwanow jeden seinen Sohn, der von ihm die Verschneidung annahm (Die geh. h. Schrift der Skopzen S. 21 f., 24, 30, 33). Nun war ja freilich Seliwanows Prätension nicht im Sinne der persönlichen Identität mit Peter III. gemeint (vergl. oben S. 84), wurde aber von den Skopzen so verstanden und Seliwanow scheint sie darin nicht korrigiert zu haben. Er hätte also in der Tat die Frage des Kaisers, die in diesem Sinne gemeint war, verneinen können, ohne seinen Anspruch zu verleugnen. Freilich kann man seine Mitteilung hierüber an Troschtschinski nicht für glaubhafter ansehen, als die an seine Anhänger, zumal er ja durch ihn hoffte, aus dem Irrenhause freizukommen, also jeden Verdacht auf irgendwelche politisch klingende Prätensionen vermeiden musste. Doch hat er auch sonst obrigkeitlichen Personen gegenüber seine Prätensionen völlig verleugnet (auch seinen messianischen Anspruch, vergl. oben S. 29f.). Das Wahrscheinlichste wird sein, dass er dem Kaiser auf seine Frage auf so verblümte Weise geantwortet hat, dass dieser ihn überhaupt nicht verstehen konnte, wohl noch verblümter, als er seinen Anhängern angegeben.

Für ausgeschlossen halte ich es, dass er den Kaiser direkt aufgefordert habe, sich verschneiden zu lassen. Er wird wohl nur in der skopzischen Geheimsprache den Gedanken ausgedrückt haben, dass die Verschnittenen seine Söhne seien. Dieses unverständliche Reden, wie der Augenschein, dass der vor ihn gestellte Pseudopeter ein einfacher Bauer sei, wird den Kaiser zur Meinung veranlasst haben, er habe einen Geisteskranken vor sich, und zu dem entsprechenden Befehl. Die andern, Schilow, Kolesnikow und jene fünf Petersburger Skopzen wird die weit

strengere Strafe der Internierung in das Gefängnis für politische Verbrecher getroffen haben, weil sie zugestandenermassen an die Kaiserwürde jenes Mannes geglaubt [1]) und davon geredet.

Gleichzeitige offizielle Nachrichten über die Internierung Seliwanows in das Irrenhaus gibt es nicht, sondern wie der bereits mehrfach zitierte „schriftliche Rapport" Troschtschinskis beziehen sich auch die sonstigen vorhandenen auf seine Entlassung von dort, welche in Zusammenhang steht mit der Begnadigung inhaftierter Sektierer nach dem Regierungsantritt Alexanders I. Nur gelegentlich ist in ihnen von dem Beginn seiner Haft die Rede, von seinem Aufenthalte dortselbst nur bei Troschtschinski. Sein „schriftlicher Rapport" beginnt: „Der im Zuchthause [2]) auf allerhöchsten Befehl seit dem 27. Januar des Jahres 1797 gefangen gehaltene geheime Arrestant ist der Bauer des Fürsten Kantemir aus dem Dorfe Stolbowo des Orjoler Gouvernements Kondrati Seliwanow"... (vergl. zum Namen oben S. 24 f.; das weiter folgende S. 45 und S. 141); und schliesst: „Seit jener Zeit befindet er sich hier, beträgt sich sehr bescheiden, still und gottesfürchtig; wegen der Milde seiner Gemütsart wird er sogar als Aufseher für seinen unruhigen Nachbar, den bekannten Rode, verwandt. Er ruft die Barmherzigkeit des Monarchen an — ihn in irgend ein Armenhaus bringen zu lassen, wo er die übrigen Tage seines Lebens in Busse und in heissen Gebeten zu Gott um langes Leben für den regierenden barmherzigen Zaren Aleksandr und um Erlass seiner Versündigungen verbringen könnte". — Auf dem Papier steht, gleichfalls von der Hand Troschtschinskis, die Resolution: „Ihn aus dem gegenwärtigen Ort zu befreien und in das hiesige Armenhaus bringen zu lassen" (ein Datum fehlt, das Jahr steht nur in der Überschrift des Jesipowschen Artikels: „Schriftliche Meldung des W. G.-R.'s Troschtschinski über den skopzischen Häresiarchen Kondrati Seliwanow [des Jahres 1802]").

Über Seliwanows Aufenthalt im Irrenhause [3]) finde ich in der Literatur überhaupt nur noch folgende Bemerkungen Melni-

---

1) Wären Seliwanow und die übrigen als Skopzen bestraft worden, so wäre die Art ihrer Bestrafung eine andere gewesen. — Ist der andere (Moskauer) Pseudopeter in ein Gefängnis für politische Verbrecher eingesperrt worden (in die Peterpaulsfestung), so muss der Kaiser von diesem Manne nicht den Eindruck erhalten haben, er sei verrückt.

2) Es liegt hier im russischen Text eine Tautologie vor, wie sie auch sonst beim Gebrauch deutscher Worte im Russischen vorkommt. „Zuchthaus" heisst „smiritelnü dóm"; hier steht: smiritelnü Zucht-gauś.

3) Das das „Zuchthaus" beim Obuchow-Hospitale ein Irrenhaus war, sagt Melnikow ausdrücklich in seiner „Denkschrift" von 1857 (Materialien etc. 1872, 3. B. S. 67). Damals wurden Geisteskranke ja überall noch wie gefährliche Verbrecher gehalten.

kows (Die weissen Tauben S. 254 [1]): „Im Zuchthause des Obuchow-Hauses empfing Seliwanow die Besuche der Petersburger Skopzen, hier wurde Jelénski (vergl. unten) mit ihm bekannt, glaubte an seine Göttlichkeit und, nachdem er sich hatte verschneiden lassen, begann er die Glieder des Petersburger Schiffes zu verschneiden.“ — Diese Bemerkungen machen an sich den Eindruck, auf Kombination zu beruhen, auch bringt Melnikow in der reichen Sammlung von Auszügen aus Akten in seinen „Materialien“ etc. keinerlei Belege für dieselben. Aber man wird annehmen dürfen, dass diese Kombination im Wesentlichen richtig ist. Genoss Seliwanow im „Zuchthause“ solches Vertrauen, dass man ihn zum Aufseher für einen gefährlichen Geisteskranken bestellte, so wird er auch die Möglichkeit gefunden haben, zu seinen Anhängern in Beziehung zu treten. Doch wird man annehmen dürfen, dass diese Beziehungen immerhin sehr erschwert waren. Denn der Wunsch Seliwanows, von dem Troschtschinski redet, von hier in ein Armenhaus übergeführt zu werden, erklärt sich doch wohl in erster Linie aus der Hoffnung, in einem solchem weniger gehindert zu sein, jene Beziehungen zu pflegen.

Wie es zur Überführung Seliwanows aus dem Irrenhause des Obuchow-Hospitales in das Armenhaus des Smolnaklosters gekommen, darüber bietet des näheren eine aktenmässige Darstellung Nadeschdin (S. 45 f.). Der nach dem Regierungsantritt Alexanders I. eingesetzten Kommission zur Durchsicht der früheren Kriminalprozesse wurde auch befohlen, von neuem eine Untersuchung über die an verschiedenen Orten gefangen gehaltenen Skopzen anzustellen. Die Kommission beschloss, die, welche anderne verschnitten, in der bisherigen Haft zu belassen, die, welche von andern verschnitten worden, an ihre Wohnorte zurückzusenden, aber auch das Schicksal der ersteren zu erleichtern, wenn ihre Verbrechen nicht bewiesen worden. Diese letztere Kategorie betreffend wurde eine Liste von dreizehn Personen aufgestellt, in welche Zahl auch ein in Petersburg selbst im Zuchthause des Stadtkrankenhauses gefangen gehaltener Mensch aufgenommen wurde, über den in diesem Verzeichnis nur bemerkt ist, dass er hierher im Januar des Jahres 1797 vom St. Petersburger Oberpolizeimeister Tschulków für Verschneidung seiner selbst und anderer unter dem Namen des „Unbekannten“ geschickt worden,

1) Kutepow sagt ausdrücklich, dass „uns sein Leben im Obuchow-Hause unbekannt sei“ (Troschtschinskis „Rapport“ hat er nicht gekannt).

dass keinerlei Akten über ihn in der Geheimen Expedition vorhanden waren und dass er in das Verzeichnis nach den Registern des Rathauses eingetragen worden, wo er „infolge Anfrage“ [1]) unter dem Namen Semjón Seliwanow aufgeführt war[2]). Noch vor der Bestätigung des Verzeichnisses durch den Kaiser (am 15. Mai 1802) wurde infolge allerhöchsten Befehles Seliwanow am 6. März 1802 ins Armenhaus übergeführt. Die erstere von den beiden von Nadeschdin erwähnten diesbezüglichen Akten hat Melnikow abgedruckt (Die weissen Tauben S. 411, Materialien etc. 1872, 3. B. S. 55): „Vorschrift des St. Petersburger Kameral-Departements an den Aufseher des Armenhauses beim Smolnakloster, den Kollegienrat Bélkin, vom 6. März des Jahres 1802. № 189. In Erfüllung des Allerhöchsten Namentlichen Befehls Seiner Kaiserlichen Majestät hat der hiesige Kriegsgouverneur, General der Infanterie Golenischtschew-Kutúsow diesem Departement den Antrag gestellt: „Den im Zuchthause gefangen gehaltenen geheimen Arrestanten, den Bauern aus dem Dorfe Stolbowo des Orjoler Gouvernements Kondrati Seliwanow zu befreien und ins Armenhaus bringen zu lassen“. Die andere Akte bezeichnet Melnikow (Die weissen Tauben S. 411, 2. Anm.) näher als „Relation des Aufsehers des Stadtkrankenhauses

---

1) Nadeschdin erklärt diesen Ausdruck mit: „infolge eigener Angabe des Arrestanten“. Der desertierte Skopze Budülin gab in seiner „Anzeige über die Skopzen, 8.—11. Febr. 1829“ ausdrücklich an: „. . . er wurde durch Vermittlung der Skopzen während der zarischen Regierung des Herrscher Kaisers Pawel Petrowitsch seligen Angedenkens nach Petersburg (aus Sibirien) zurückgebracht und fälschlicher Weise als Petersburger Kleinbürger angeschrieben“ (vergl. auch oben S. 20, 23 f.).

2) Semjon Seliwanow steht in der Liste (befindlich im Reichsarchiv bei der Akte № 123 von 1800) unter № 6. Unter № 1 steht Iwan Schilow im Solowezki-Kloster (vergl. oben S. 125, 2. Anm.); unter № 2—5 Semjon Aleksejew, Sophon Popow, Kuśma Toporkow und Iwan Semükin, die bereits 1801 infolge des Gnadenmanifestes bei der Thronbesteigung Alexanders I. aus der Festung Schlüsselburg in Klöster übergeführt worden waren (Nadeschdin S. 44, Anm. 54, vergl. oben S. 63 f.). Alle Genannten ausser Seliwanow wurden nach Bestätigung des Verzeichnisses durch den Kaiser am 15. Mai 1802 völlig freigelassen. Es fehlen in dem Verzeichnis die Namen der gleichzeitig mit dem unterdes verstorbenen Aleksandr Schilow nach Schlüsselburg verschickten vier Petersburger Skopzen und des Moskauer Kaufmanns Kolesnikow. Reutski (S. 124) erwähnt ihre Freilassung im Zusammenhang mit der der andern Skopzen. Aber Nadeschdin sagt von Kolesnikow (S. 89, Anm. 112), dass er noch unter Paul I. freigekommen (siehe unten).

Solodownikow [1]) an den Aufseher des Armenhauses beim Smolnakloster Kollegienrat Belkin vom 6. März 1802, № 176". Aus ihrem Inhalt teilt Melnikow (Materialien a. a. O. S. 55) den Satz mit: „Seliwanow in das Armenhaus zu schicken, in die erste Sorte".

Nadeschdin sagt (S. 46), dass es unbekannt geblieben sei, warum Seliwanow noch vor der allerhöchsten Bestätigung jenes Verzeichnisses zur Überführung ins Armenhaus begnadigt worden sei. Er weiss zur Erklärung nur „die Versicherung der Skopzen" anzuführen (S. 90), „dass der Herrscher Kaiser ihn persönlich bei der Besichtigung des Hauses der Verrückten zu sehen geruht und ihn dessen gewürdigt, mit ihm zu sprechen: infolge wessen auch angeblich der Allerhöchste Befehl über seine Befreiung erfolgt sei". Nadeschdin führt dafür (Anm. 113) „die schriftlichen Angaben des Skopzen Saweljew" an, „gemacht vor der Kommission über die Skopzen am 13. und 16. März 1844". Der Kaiser sei danach damals von dem Grafen Stroganow begleitet gewesen. Melnikow behandelt (Die weissen Tauben S. 411, Materialien a. a. O. S. 55) diesen Besuch als Tatsache, ja datiert ihn ebenfalls auf den 6. März 1802, sagt, dass der Kaiser in Begleitung seines jungen Ratgebers, des Grafen P. A. Stroganow das Obuchowsche Krankenhaus mit allen bei ihm befindlichen Anstalten besucht habe. Dennoch hat man den Eindruck, als ob ihm ausser jenen Mitteilungen Nadeschdins keine weiteren Belege dafür vorgelegen haben. Jener Behauptung des Skopzen Saweljew widerspricht die offenbar aktenmässige Angabe, die in der Einleitung zu dem von Jesipow abgedruckten „schriftlichen Rapport" des Wirklichen Geheimrats Troschtschinski steht, dass der Kaiser letzteren ins Zuchthaus geschickt habe, zur persönlichen Vergewisserung, was für ein Mensch jener „geheime Arrestant" sei. Also nicht ein Besuch des Kaisers selber, sondern Troschtschinskis Nachforschungen, insbesondere auch sein Gespräch mit Seliwanow, und seine Mitteilungen darüber an den Kaiser waren die direkte Veranlassung seiner Überführung ins Armenhaus (vergl. die Resolution am Ende der Akte, oben S. 148). Die Phantasie der Skopzen beschäftigt sich viel zu sehr mit den kaiserlichen Personen und sucht sie in Zusammenhang mit ihrem „Erlöser" zu bringen, als dass man ihren diesbezüglichen Behauptungen ohne weiteres

1) Melnikow notiert (Materialien a. a. O. S. 55), dass dieser ein Verwandter des skopzischen Kaufmanns Solodownikow war, in dessen Hause Seliwanow später lebte. Man wird annehmen dürfen, dass er auch bei der Erwirkung der Begnadigung Seliwanows eine Rolle gespielt hat.

Glauben schenken dürfte. Doch was die Entsendung Troschtschinskis veranlasst hat, ist bisher unbekannt geblieben. Vielleicht kann man annehmen, dass die reichen Petersburger Skopzen irgend eine dem Hofe nahestehende Persönlichkeit veranlasst haben, direkt oder vermittelt eine Fürbitte für Seliwanow vor den Kaiser zu bringen. Die Überführung in das Smolnaer Armenhaus, die ja auf die Bitte Seliwanows selber geschah, darf wohl kaum als eine Art milder Inhaftierung angesehen werden, sondern nur als Gnadenerweis. Bat Seliwanow um diesen statt um völlige Freilassung , so wird er gemeint haben, ihn eher erreichen zu können, als jene. Aber ein Entweichen aus dem Armenhause war wohl sehr leicht zu bewerkstelligen und Nadeschdin berichtet (S. 90), dass „nach der Versicherung von Augenzeugen Seliwanow dort zur Zeit des Gottesdienstes in der Kirche beim Armenhause ruhig mit einer Büchse umherging . . . . um die Gaben der Betenden einzusammeln" (Berufung wie oben S. 150: in Anm. 115). Das ist die einzige Nachricht über den freilich bloss dreiundeinhalbmonatigen Aufenthalt Seliwanows dortselbst. Die Tatsache, dass die übrigen zu der Petersburger Gemeinde in Beziehung stehenden Skopzen, die in die oben (S. 149) erwähnte Liste aufgenommen worden waren, infolge der am 15. Mai 1802 erfolgten Bestätigung völlig freigelassen wurden, wird jene skopzischen Kaufleute veranlasst haben, solches auch für Seliwanow zu erwirken. Das scheinen sie ohne Schwierigkeit erlangt zu haben. Am 21. Juli 1802 reichte der polnische Edelmann Staatsrat Aleksé Michails Sohn Jeljánski ein Gesuch an das Kollegium der allgemeinen Fürsorge ein, in dem er bat „Seliwanow ihm zur Ernährung und Unterhaltung zu übergeben, unter der Verpflichtung, dass er mit jeglicher Wohlanständigkeit unterhalten und zu keinerlei schlechten Handlungen zugelassen werden werde" (nach Nadeschdin S. 90 f., dem diese Bittschrift vorgelegen). Bereits am 23. Juli 1802 erfolgte „die Vorschrift des Kollegiums der Allgemeinen Fürsorge an den Kollegienrat Belkin unter № 312" (abgedruckt bei Nadeschdin S. 90, Melnikow, Die weissen Tauben S. 411, 3. Anm., Materialien 1872, 3. B. S. 55 f.): „Es wird Euer Hochwohlgeboren vorgeschrieben, den in dem Ihnen anvertrauten Armenhause befindlichen Bauern aus dem Dorfe Stolbowo des Orjoler Gouvernements Kondrati Seliwanow an den (darum) Bittenden, den Staatsrat Jeljanski zu entlassen". Jeljanski quittierte den Empfang Seliwanows mit folgender sonderbaren Unterschrift: „Früher Kammerherr des Polnischen Hofes wurde ich im Jahre 1793 umbenannt in einen Staatsrat des Russischen Hofes. Infolge meiner Erwerbung demütigen Lebens, legte ich freiwillig die Patente nieder.

entsagte dem Zivildienste, erhalte infolge Ukaśes des Allergnädigsten Monarchen Pension, 500 Rbl. jährlich, aus dem Kabinette, aber ich selbst, im Besitze eines Quartieres im Newski-Kloster befindlich, nenne mich: „Polnischer Edelmann Alekse Jeljanski“ [1]). — Mehrere Forscher halten sich darüber auf, dass, wie es scheint, die Entlassung Seliwanows aus dem Armenhause ohne Allerhöchste Erlaubnis geschehen sei. Kutepow (S. 183) bemerkt wohl mit Recht, dass die Entlassungen aus dem Armenhause überhaupt ohne Einholung der Allerhöchsten Willensäusserung erfolgen. Warum sollten auch Arme nicht aus einem sei es auch staatlichen Armenhause ohne weiteres entlassen werden, wenn jemand sich findet, der die Fürsorge für sie mit ihrem Einverständnis übernimmt? — Seliwanow siedelte aber nicht zu Jeljanski, sondern in das Haus der skopzischen Kaufleute Nenastjew über und war somit nach fast 27 Jahren wieder auf völlig freiem Fusse.

Exkurs (I.) über den Skopzen früheren Kammerherrn Staatsrat Jeljanski.

Die Angaben Jeljanskis über sich selbst in dem oben wiedergegebenen Schriftstück erwiesen sich nach Nadeśchdin (S. 91) als richtig, als das Ministerium der Innern Angelegenheiten („neuerdings“) Nachforschungen über ihn anstellen liess. Er war auf Allerhöchsten Befehl gemäss der Relation des Generalprokureurs Bekleschów an den

1) Das letztere Schriftstück befindet sich nach Melnikow (Die weissen Tauben S. 411, 3. Anm.) in den Akten des Armenhauses, aber wohl auch die beiden früheren und das vom 6. März 1802 über die Überführung Seliwanows ins Armenhaus (vergl. oben S. 150). Denn in den „Materialien etc.“ a. a. O. sagt Melnikow, dass bezeugte Kopieen der drei Schriftstücke (das Bittgesuch Jeljanskis erwähnt Melnikow nicht) sich in der Akte des Ministeriums der Innern Angelegenheiten über die Skopzen vom Jahre 1844 befinden. Liprandi, der sich damals als Beamter des Ministeriums der Innern Angelegenheiten infolge Auftrags des Ministers Grafen Perówski mit Nachforschungen über die Skopzenhäresie beschäftigte, habe sie aus dem St. Petersburger Kollegium der Allgemeinen Fürsorge eingefordert. Er, Melnikow, habe sie nach einer ihm von W. Dahl, der damals beim Grafen Perowski die wichtigsten Akten geführt, verschafften Abschrift abgedruckt. Nadeśchdin, der die Materialiensammlung Dahls für sein Werk benutzt hat (vergl. oben S. 1, Anm.), haben wohl jene Kopieen (unter ihnen auch eine jener Bittschrift) vorgelegen (er beruft sich Anm. 114 auf die „Relationen des St. Petersburger Kollegiums der allgemeinen Fürsorge vom 8. April 1844 und des Kontors der St. Petersburger Städtischen Armenhäuser vom 1. April 1844“).

damaligen Mitropoliten Amwrósi vom 29. Januar des Jahres 1802 in das Aleksandr-Newski-Kloster gesandt worden unter Verfügung der Auszahlung von freilich nur 250 Rbl. jährlich an ihn[1]). Vom Metropoliten wurde der Klosterkanzelei vorgeschrieben, ihm eine angemessene Zelle anzuweisen und in dem, wessen er bedürftig wäre, alle mögliche Unterstützung zu erweisen.

Über sonstige Beziehungen zu den Skopzen, ausser denen, die sich daraus erschliessen lassen, dass er Seliwanow aus dem Armenhause freibat, gibt es aktenmässige Nachrichten erst wieder aus dem Jahre 1804 (bei Nadeschdin S. 92 f.). Am 12. Mai dieses Jahres schrieb Jeljanski einen Brief an den Moskauer Mitropoliten, in welchem er sich für den suspendierten früheren Schatzmeister des Bogojawlénski-Klosters, den Hieromonachen Geórgi verwendete, der der Zugehörigkeit zur „Christowschtschina" überführt worden war; und sich darüber beklagte, dass zwei dienende Brüder des Aleksandr-Newski-Klosters, die sich als Skopzen erwiesen hatten, auf Anordnung der Klosterobrigkeit nicht zur Kommunion zugelassen worden waren. Eine Kopie dieses Briefes sandte der Vikar des Moskauer Mitropoliten an den (St. Petersburger) Mitropoliten Amwrosi. Ein Rapport des Klosterpropstes vom 23. Juli an die Kanzelei sprach von wiederholter eigenmächtiger Abwesenheit Jeljanskis vom Kloster, die zwei und drei Tage dauerte, und von andern anstössigen Handlungen. Am 8. August wurde ein Sinodalukas ins Kloster gesandt in Anlass eines Rapportes des Archimandriten des Solowétzki-Klosters über aufgedeckte nahe Beziehungen des zu diesem Kloster gehörenden Mönches Feophán zu Jeljanski, welcher früher als Bauer Fedor Okúlow in der Schlüsselburger Festung eingeschlosseu gewesen und dessen überführt worden war, einige dienende Klosterbrüder zur Verschneidung bewogen zu haben.

Das bisher Mitgeteilte ist aber auch alles, was über die Vergangenheit Jeljanskis und seine Petersburger Beziehungen aktenmässig bekannt ist. Alles sonstige, was die Forscher darüber bringen, ist nur erschlossen, vermutet oder gründet sich auf unkontrollierbare Gerüchte. Jeljanski soll ursprünglich Katholik gewesen und erst später um die Zeit seines Überganges in den russischen Staatsdienst auch zur Rechtgläubigkeit übergetreten sein (zuerst Reutski S. 126). Schon in seiner litauischen Heimat soll er in sektiererischer Verbindung mit der von eben daher nach Petersburg gekommenen Obristin Tatárinowa (vergl. B. I, Anm. zu S. 153), ferner mit ihren von dorther stammenden Anhängern, dem Staatsrat Urbanówitsch-Pilézki und Anna Franz gestanden haben (zuerst Melnikow, Die weissen Tauben S. 253, 2. Anm.), durch der ersteren Vermittlung in Petersburg mit den Nenastjews und durch diese mit Seliwanow bekannt geworden sein (a. a. O. und Reutski S. 126), während er seinerseits die (Pro-

1) Aber vielleicht war diese Summe in Silber berechnet, während Jeljanski seine Angabe nach Assignationen macht, deren wechselnder Kurs in der Tat zu Zeiten bis auf die Hälfte des Silberrubels sank. — Es ist doch nicht anzunehmen, dass Jeljanski die ihm zuteil werdende Unterstützung als grösser angab, als sie war.

fetin) Wera Nenastjewna (vergl. unten) zu „seiner Tante Tatarinowa“ in nahe Beziehung brachte. Vor seiner Übersiedelung ins Aleksandr-Newski-Kloster habe er sich selbst verschnitten (Melnikow, Materialien etc. 1872, 3. B. S. 56, Anm. 28., S. 214) und begonnen, auch andere zu verschneiden (S. 214), sei von hier aus mit den Petersburger Mystikern, dem Fürsten Golizün, Kóscheljów, Lábśin u. a. in Beziehung getreten (a. a. O.). Die Nenastjews hätten sich seiner bedient, um Seliwanow aus dem Armenhause zu befreien (zuerst Nadeśchdin S. 92 f.), hernach hätte er mehr als anderthalb Jahre lang in beständigen, fast täglichen Beziehungen zu ihm gestanden (Melnikow, Die weissen Tauben S. 257) — bis zu seiner Verschickung.

Gegen Beziehungen Jeljanskis zur Tatarinowa spricht, dass letztere (auch nach Melnikows Darstellung, vergl. unten) erst 1815, als Jeljanski seit 11 Jahren aus Petersburg verschwunden und bereits gestorben war, nach Petersburg kam und erst seit 1817 ihre ekstatischen Zusammenkünfte abhielt. Dass Jeljanski andere verschnitten habe, darüber gab es noch lange nach seinem Tode Gerüchte oder es wurde von Skopzen behauptet, die ihn als ihren Verschneider angaben: Nadeśchdin sagt (S. 92, Anm. 115), es sei nach Gerüchten bekannt, dass der noch gegenwärtig (1844) in Petersburg lebende Kaufmann Wasíljew während seines Aufenthalts im Aleksandr-Newski-Kloster von Jeljanski verschnitten worden sei, und Liprandi (im Vorwort zur „Akte über den Skopzen Kammerherrn Jeljanski“, Lesungen etc. 1867, 4. B., S. 63) teilt mit, dass einige alte Skopzen vor der 1843 unter seinem Vorsitz begründeten Kommission auf Jeljanski als auf ihren Verschneider verwiesen. Aber es ist ein sehr bekannter skopzischer Trick, längst verstorbene Mitglieder ihrer Sekte als Verschneider anzugeben. Ja nicht einmal, dass Jeljanski selbst verschnitten war, ist ausdrücklich bezeugt. Dennoch aber wird bestimmt letzteres, möglicher Weise aber auch ersteres, wie überhaupt die oben zusammengestellten Vermutungen — ausser der einen abgewiesenen — der Wirklichkeit entsprechen. Denn die beiden Schriftstücke, die er mit einem Begleitschreiben (abgedruckt bei Liprandi a. a. O. S. 66; bei Melnikow, Die weissen Tauben S. 257 Anm.) an den Gehilfen des Justizministers, N. N. Nowosílzew zur Übergabe an den Kaiser zu senden die Kühnheit besass (März 1804) und die für ihn die Verschickung ins Suśdaler Klostergefängnis zur Folge hatten, zeigen einen Mann, der von skopzischen Anschauungen ganz durchtränkt ist. Auch dass er verschnitten war, geht aus ihnen hervor. Lediglich auf den Eindruck, den diese Schriftstücke machen, ist wohl das Urteil Melnikows über Jeljanski gegründet, „er sei wenn auch nicht ein im gegenwärtigen Sinne des Wortes gebildeter Mensch gewesen, so doch ein belesener“ . . . Jedenfalls überragte Jeljanski in beiderlei Hinsicht weit die übrigen Skopzen und seine Schriften beanspruchen daher ein besonderes Interesse, weil sie die einzigen sind, in welchen ein immerhin gebildeter Mann aus den höheren Ständen mit Überzeugung die skopzische Lehre vorträgt und verteidigt. Besonders kommt hier das Schriftstück in Betracht, das die Überschrift trägt „Teil der Nachricht, worauf das Skopzentum sich

gründet". (Zuerst von Liprandi a. a. O. S. 72—82 mitgeteilt; später im Auszuge, resp. mit beurteilenden Bemerkungen von Melnikow, Die weissen Tauben S. 258—265, Materialien etc. 1872, 3. B. S. 216, Reutski S. 132—133, Roschdestwenski S. 95—97, Kutepow S. 184, 189—194 u. a.). Wir teilen es hier mit, für den Zusammenhang und sonst Entbehrliches weglassend:

„Es ist kein anderer Name, der genannt wird unter dem Himmel, welcher ist der Herr Jisús Christós zur Ehre Gottes des Vaters (Apostelgesch. 4, 12). Lebendig ist der Herr Jisús Christós, lebendig die Kirche Christi, lebendig Sein Bild, lebendig Sein Wort, aber alles dieses ist nicht in den Toten sondern in den Lebendigen vorhanden (Matth. 22, 32) . . . .

Die wahrhafte Kirche Christi, die belebt ist nicht von lebendigem, sondern von lebendigmachendem Wasser, ist auch geschmückt mit allen Tugenden, wie eine Braut; sie ist allgemein, gesammelt aus den verschiedenen Geschlechtern der Menschen, in welcher der Vater der Lichter selbst durch den Herrn Jesum Christum anwesend ist. Und sie ist gebaut aus Einigglaubenden und Einmütigen, gegründet auf die Apostel, begründet durch die Profeten und die übrigen himmlischen Mächte (1. Kor. 12, 27—29), die allerreinste, weder Makel noch Fehler habend, abgewaschen durch das Bad der Wiedergeburt (Ephes. 5, 27), und der Eingang in sie ist dem gemäss Adam gefallenen Wesen verboten; denn die gemäss Adam Lebenden sterben, aber die gemäss Christo, leben, und aus der Verwesung in die Unverweslichkeit verwandelt gehen sie in die ewige Wohnung über . . .

Das ursprüngliche Iśrail . . . beschäftigte sich immer mit der Stimme Gottes, verkündigt von Profetenlippen, wie sie denn zur Zeit Moises, Jisus Nawins, Gedeons und aller Iśraelitischer Zaren von himmlischer Stimme geleitet wurden. Zum Ende der Zeiten schrieb man, indem man der Gelehrsamkeit unter den Leuten Vorschub leistete und eine ausreichende Wissenschaft besass, Bücher, es verstärkte sich die Priesterschaft, und sie verachteten die Profeten uud lehnten damit die himmlische Stimme ab, indem sie sich an den Büchern Moises und der Profeten genügen liessen, sie stellten Gesetze, Riten, Ordnungen zusammen und nannten sie Überlieferungen der Väter, und sie begannen mit diesen Handlungen eignen Ruhm und Ehre zu suchen, aber den Ruhm Gottes zu verwerfen, und sobald Profeten, die durch den Heiligen Geist redeten, auftraten und ihre Werke rügten, so hörten sie nicht nur nicht die Profeten, sondern verfolgten sie und schlugen sie deswegen tot, weil sie von der Wahrheit und dem lebendigen Gott abgewichen waren und sich der Eitelkeit ergeben hatten, und so weit erhob sich das Iśraelitische Priestertum, dass ohne himmlische Leiter, ohne irdische Zaren die Hohepriester selbst das Iśraelitische Volk lenkten und das Zarentum verloren.

In Erfüllung der Verheissungen durch den profetischeu Geist liess der unerforschliche Vater der Lichter, auf Erden die Hungersnot an Gotteswort erblickend, inkraft des geheimnisvollen Ratschlusses, vom Heiligen Geiste Fleisch und von der Jungfrau Marija Mensch werden Seinen Sohn, Sein von Ewigkeit her gewesenes Wort, durch welchen „alles ist und (ohne den) nichts ist, was ist, und in ihm ist Leben und Licht für die Menschen". Ja bleibe ein wenig stehen, Leser, dringe ein in des Herrn Geheimnis, wie auch jetzt Jisus vom Heiligen Geist geboren zu werden und wie er auch jetzt in der allerreinsten Marija (in der Seele) Mensch zu werden pflegt, wie er in der Krippe geboren zu werden pflegt, darauf nach Egypten flieht, dort das von Menschenhänden Gemachte zerstört, von Egypten in das Galiläische Gebiet zurückkehrt, in die ehrlose Stadt Naśaret, in Mühen erzogen wird, zur Taufe auszieht, darauf das Himmelreich predigt, für solche wahrhafte Predigt und Überführung leidet der geistliche Sohn von den Oberpriestern, den Ältesten, Gesetzesmenschen, Schriftgelehrten und Pharisäern, von dem kirchlichen Stande.

Dieses Licht für die Menschen befreit durch seine Lehre von der eitlen Väterüberlieferung, von den gesetzlichen Riten, von Aberglauben und Un-

glauben (1. Petri 1, 18, 19), von dem fleischlichen Leben gemäss Adam, von der äusserlichen Weisheit, von der Befriedigung des Fleisches (Joh. 1, 13), ja erachtet sogar die fleischliche Verwandtschaft selbst für nichts, sprechend: wer ist meine Mutter und meine Brüder und Schwestern? (Matth. 12, 49). Das sind die, welche das Wort Gottes hören und tun. Die verführenden Glieder des Leibes haue ab, zerbrich (lomai; Matth. 18, 8- 9), nur Gottes Werk beobachte (sobljudai). Und so erfüllt Er durch Seine Fleischwerdung das Gesetz, aber von dem Gesetz, wie von der Gewalt eines Vormundes (Gal. 3, 23) befreit er das menschliche Geschlecht, schafft ein neues Geschöpf und erneuert durch den heiligen Geist, vollendet himmlische Männer und nennt sie Kinder, das Unbekannte und Geheime der Allweisheit des Herrn offenbarend wiedergebiert er durch den Heiligen Geist.

Zur Vergewisserung der Leute, dass das allmächtige Wort des Vates Wunder tut, den Stummen die Lippen, den Tauben die Ohren, den Blinden die Augen öffnet Tote auferweckt (Matth. 11, 5), spricht er auch noch: wer in meiner Lehre bleibt, der wird nicht nur dieses alles tun, was ich tue, sondern wird Grösseres, als dieses tun (Joh. 14, 12) . . . (folgt Berufung auf Joh. 14, 17, 21, 23, 15, 5). Zur Bestätigung dieser Verheissung sandte er die Gnade des Heiligen Geistes auf seine Schüler herab, indem er die himmlischen Gaben verteilte, den einen Aposteltum, den andern Profetentum gebend und die übrigen Seligkeiten nach der Begründung der allgemeinen Kirche, in welcher Gott selbst seine Wohnung auf Erden zu haben begehrte, aber nicht eine solche, wie Solomon ihm einen Tempel baute, aber der Höchste lebt nicht in mit Händen gemachten Kirchen (Apostelgesch. 7, 47) und nimmt nicht von menschlichen Händen Gefälligkeit an; es ist klar, Kirchen kann niemand mit Händen bauen. Und so bauten die kirchlichen auserwählten Gefässe durch ihre Predigt die allgemeine Kirche auf der Grundlage der neuen Gnade, (sie) durch den Heiligen Geist befestigend. Auch auf die ihrer Predigt Glaubenden kam sichtbar der Heilige Geist herab, und viele empfingen die Gabe des Profetentums, wie ausführlich die Bücher des Neuen Testaments bezeugen . . . (Berufung auf Apostelgesch. 21, 8—10, 11) und in allen Städten, wo Christliche Versammlungen waren, befanden sich Profeten (20, 23); aber wie es immer Lästerer des Heiligen Geistes gab (Matth. 12, 31 u. 32), und die Welt ihn nicht annehmen konnte, so bewahrten (ihn) die Apostel und ihre Nachfolger vor der Welt geheim, einzig aus Menschenliebe und Gehorsam gegen den Herrn, welcher gebot, die Perlen zu bewahren und nicht umherzuwerfen (Matt. 7, 6), damit nicht die Weltliebhaber, indem sie Lästerung über den Heiligen Geist bringen, sich ewige Bestrafung zuziehen; ferner nannten sie ihn in ihren Sendschreiben, List anwendend, Salbung, Verlobung und mit ähnlichen Bildern (1. Joh. 2, 27), und der Herr selbst Jisus Christos bezeichnete ihn als lebendiges Wasser, in das ewige Leben fliessend (Joh. 4, 14) . . . (Berufung auf 7, 38 f, 6, 56, 63). Und um des willen verbargen, von Gott belehrt, die wahrhaften Christen seit den Zeiten der Apostel das Profetentum im Geheimen; auch der Apostel Pawel . . . (1 Kor 14) . . . bemerkt, dass das Erscheinen der sonderbaren Sprachen um der Ungläubigen willen (geschehe), sie zu vergewissern, aber das Profetentum um der Gläubigen willen, (ihnen) zu offenbaren, und profezeie mehr, als dass du Sprachen redest, und ebenda ist gesagt: (folgt v. 24—25). Ebenso ist es auch jetzt in der geheimen Kirche, wann sich alle zuhauf versammeln, so sind auch ihre Handlungen sichtbar; denn der Neue Bund ist nicht schriftlich, sondern geistlich: die Schrift tötet, aber der Geist macht lebendig (2. Kor. 3, 6). Der Herr aber ist der Geist, aber wo der Geist des Herrn ist, da ist Freiheit. Daher kennen auch wir schlechterdings niemand im Fleische, obgleich wir auch dem Fleische nach Christum verstanden haben, aber jetzt verstehen wir ihn nicht auf diese Weise (5, 16). Ja die Apostel redeten auch zu niemand in der Welt, wenn sie den Glauben eröffneten, von der Verwandtschaft oder dem Geschlechte Christi, sondern nur von Leiden, Lehre und Auferstehung, aber die Geburt muss jeder, der an Christum glaubt, in sich selbst und im profetischen Worte Christi empfinden: denn Gott war in Christo die Welt sich selber versöhnend (5, 19); und solchen auserwählten Christen ist gesagt: ihr gerade seid die Kirchen des lebendigen Gottes . . . (6, 16). Und ein solches Vertrauen habend,

reinigten wir uns von jeder Befleckung des Fleisches und Geistes, das Heilige tuend in Gottesfurcht (7,1).

Die Bücherschrift verstehen wir gemäss der Offenbarung des Heiligen Geistes genügend (Luk. 24, 45) und zur Ueberführung und Befestigung derer, die zu Christum kommen, halten wir an ihr, aber zum Dienste Gottes und zum Erorben des Himmelreiches bemühen wir uns, in Sanftmut und Demut das zu erfüllen, was der Geist Gottes befiehlt; denn alle Seelen, vom Kleinen bis zum Grossen, beiderlei Geschlechts, spüren in sich die Berührung des Heiligen Geistes, aber einige fühlen ihn als sich im ganzen Fleische ergiessend und von der äusseren Stimme aus Profetenlippen hören wir Trost und Ueberführung unseres Gewissens; denn wie diese Gabe Gottes Aller Werke offenkundig macht, so gibt sie Kraft zur Besiegung der fleischlichen Taten und lässt die Seelen wachsen, wie sie (denn) die wahrhafte Speise für die Seelen ist.

Die anfänglichen Christen zur Zeit der Apostel und nach ihnen wurden vom Heiligen Geist geleitet; denn . . . . (Röm. 8, 9).

In der Offenbarung Joanns des Gottesgelehrten (2, 7) ist gesagt, dass der Geist zu den Kirchen spricht, aber nicht ein Buch, und der Herr hat nicht ein einziges Buch auf Papier geschrieben, sondern nur auf die Herzen schrieb er durch den Geist, und eine äussere Kirche hat er nicht gegründet, ja sogar der des Solomón keinen Stein auf dem andern gelassen (Matth. 24, 2), die sichtbaren Kirchen nannte er Gebetshaus, aber nicht seine Wohnung, seine Schüler lehrte er und lehrt, in ihrem Innern das Reich Gottes zu bauen, und einen jeden, eine Kirche zu sein.

Es ist deutlich genug, wodurch der erste Räuber vom Kreuze ins Paradies eingeführt worden ist (Luk. 23, 40—44), wodurch die Märtyrer ins Himmelreich schritten, sehr bald nach Christo, ohne gesetzliche Riten machten sie sich Gott zu Söhnen, durch das Hören des Glaubens und durch die Anteilnahme [1]) am Heiligen Geist, entflammten (ihre) Herzen durch Liebe zu Gott und nachdem sie (ihre Herzen) hingegeben, gaben sie auch das Leben hin und befreiten sich für die Ewigkeit.

Hernach begannen die Christen selbst, gewöhnt an die weltlichen götzenbilddienerischen Riten, (jene) durch geringen Unterschied verändernd, Riten zusammenzustellen, den Glauben und die Werke des Glaubens auf Gesetz zu gründen, damit alles sichtbar sei . . . .

Nicht schwer ist es, diese Wahrheit zu sehen, dass die Christen sich dem alten Israil gleichmachten, den lebendigen Gott verloren: Geist ist Gott (Joh. 4, 24), die Himmelsstimme, die durch Profetenlippen verkündet, verloren, das Sakrament [2]) des Heiligen Geistes verloren, sich mit Büchern abzugeben begannen, aber nicht mit dem Geiste (Matth. 6, 9 [3]) alle geheimnisvollen Gebete, den Auserwählten Gottes vom Herrn Jesu Christo überliefert, trugen sie in die Welt, und den vollkommenen Glauben der Heiligen Dreiheit bekennen sie, aber die reinen und makellosen Werke Christi haben sie abgelehnt und nehmen sie nicht an. Die Priesterschaft nannte sich Nachfolger der Apostel, aber nach den Werken sind sie (ihnen) fremd, den (Opfer-) Priestern, Schriftgelehrten und Pharisäern gleich geworden . . . (Matth 23, 13 ff.). So entstand ein niedriges und billiges Christentum, gleichwie alle von Gott Abgefallenen und schlimmsten Weltliebhaber, Unzüchtige, Trunkenbolde, sich Christen nennen, aber anfangs hatten die Christen den Namen von Heiligen und Söhne Gottes heissen sie alle (Röm. 1, 7).

Sich von dem lebendigen mit Werken (verbundenen) Glauben entfernend begannen sie sich mit Riten zu begnügen, mit der Ueberlieferung der Heiligen Väter, um soviel wie möglich Bücher zu lesen, machten ein geistliches Gesetz, mechanisches Beten, und alles das ist von den Konzilien auf Eide gegründet, infolgedessen der kirchliche geistliche Stand, nachdem er

---

1) Russ. pritschástije, sonst = Kommunion.
2) Russ. táinstwo = μυστήριον.
3) Diese Berufung ist wohl versehentlich hierher geraten, gehört vielmehr zum nächsten Satzteil.

den heiligen Geist verloren hatte, nur durch die Kleidung sich von der Welt unterscheidet (Feophilakt von Bulgarien, Vorwort zum Evang. des Matth.).... wie schwächlich und unenthaltsam ihr Leben ist, soweit sind sie von der Gnade des Heiligen Geistes entfernt. . . .

. . . . wenn ein Lehrer nicht mit dem eigenen Leben lehrt, sondern mit fremden Bücherabschnitten lehrt und den Weg predigt, so verführt ein solcher Lügenprofet und Lügenchristus viele . . . . (Matth. 24, 24) . . . .

Die wahrhaften Nachfolger Christi sind: das auserwählte Geschlecht, die Zarische Weihe, die heilige Sprache, Leute der Erneuerung, Gott fürchtend, den Zaren ehrend und sich den Gewalten unterordnend .... (1. Petr. 2, 9).

Unsere Gesellschaft erwächst auf den wahrhaften Worten Christi: niemand kommt zu mir, wenn ihn mein himmlischer Vater nicht zieht; so sind wir von allen Gegenden der Erde nicht durch Menschen, sondern durch den Heiligen Geist selbst gesammelt worden (folgt Joh 3, 8). Der Beamtete und der Einfache — alle sind gleiche Kinder des Vaters der Lichter durch den Herrn Jesum Christum und so dem Willen des himmlischen Vaters unterworfen, gleichwie niemand sein Eigentum sein nennt, sondern alles Gottes des Vaters, und nicht unser (Apostelgesch. 4, 32). Und wenn etwas rein und keusch ist, so ist es nicht unsere, sondern Gottes Wirkung, aber unser sind die eigenen Schwächen und Unvermögen, mit denen wir im Fleische behaftet sind, unsere Pflicht ist es, uns an den Willen Gottes auszuliefern, aber seine Kraft vollendet sich in unseren Unvermögen.

Uns zum Worte Gottes versammelnd bemühen wir uns alle, Gotte versöhnt zu sein, in Glaubenseinigkeit und Einmütigkeit, in ungeheuchelter Liebe, in Einfalt des Herzens, aber was wir beten, wissen wir niemals, sondern der Geist Gottes befiehlt, für wen und wie zu beten und zu fasten sei; so bemühen wir uns nur, von Herzen unaussprechliche Seufzer auszustossen; das rituelle Leben aber ist nicht im Gebrauch, wir gebrauchen keinerlei Bücher, doch meiden wir sie auch nicht; denn wir überlegen, dass alle Bücher durch denselben Heiligen Geist geschrieben sind, welcher mit uns ist, aber er der wahrhafte ist für uns das lebendige Buch, aber in den Büchern ist kein Geist, dort ist Papier und Tinte, tote Buchstaben, gehören den toten Schriftgelehrten und Pharisäern, alle Bücher sind nicht um Gottes willen, sondern um der Menschen willen da, aber der Mensch soll Gottes Buch sein.

Wir beschäftigen uns mit geheimnisvollen Psalmen, Gesang von Sionsliedern, welche auf der fremden Erde nicht gesungen werden; Zymbeln, Harfen, Saiten, Orgeln [1]) setzen wir in Bewegung, gleichwie David vor des Herrn Lade springend und spielend und tanzend war, und als die unverständige Melchola lachte, so sprang und spielte er noch mehr (2.[2]) Könige 6); so lacht auch heute dieselbe Melchola[3]) und schmäht, aber die Gottesknechte springen und spielen im Davidshause noch mehr, gleichwie begnadete Kinder, vom neuen Biere trunken, das hochwürdige Passah ist bei uns beständig.

Aber auch das geschieht in der Welt, wie auf den sanftmütigen David und den nach dem Herzen auserwählten Mann und Zar der Israeliten ein einfacher Bauer, Semé, Gestein schleudert und schimpft und schmäht. Aber jener selbe auserwählte David, der die Sünden zu unterdrücken versteht, geht vorüber und leidet schweigsam. Ihr habt Geduld nötig, ja tut den Willen Gottes; nicht ist Gott im (leidenschaftlichen) Aufflammen, nicht ist Gott im Stolze, nicht ist Gott in Trunksucht, in Schandgerede und faulem Gerede, sondern in feinem und reinem Geiste, da verweilt Gott und da ruht seine heilige Gnade, und zum Beweise: es kamen zu Christo alle ruchlosen Sünderinnen, aber nachdem sie ihn kennen gelernt und von der einen Taufe zum Erlass der Sünden [4]) gehört, wandten sie sich nicht zu ihren früheren Werken zurück, sondern blieben in Heiligkeit, ihrem Lehrer nachahmend. Der Apostel Pawel bekräftigt das noch stärker: (es folgt 1. Kor. 5, 11, 6, 10 f.). Siehe

1) Mit diesem Worte verrät sich der frühere Katholik.
2) Die Russen zählen nach den LXX.
3) Gemeint die rechtgläubige Kirche.
4) d. h. von der Verschneidung, vergl. unten.

wo man den Antichristen finden kann und den wahrhaften Christen mit den Früchten des Glaubens finden kann, denn es ist richtig: indem du solches sagst, ärgerst du auch uns.

Dies ist kein Geheimnis: jeder, der sich dem Altertum zukehrt, kann sehen, wie der gesetzliche Ritus sich bildete, wie sie sich dem Aberglauben unterwarfen, und als sie die Gnade des Heiligen Geistes verloren, der im Neuen Bunde durch Profetenlippen sich äussert, wie sie einen leeren Glauben nachbehielten, in Häresieen, Zwistigkeiten, Zänkereien, Streitigkeiten und Spaltungen fielen, es trennten sich die Griechen von den Römern und Armeniern, die Römer von den Lutheranern, die Lutheraner von den Kalvinisten, aber wieviel kleine Häresien uud Meinungsverschiedenheiten gibt es noch in jeder Religion und in jedem Reiche! Und sie sind zahllos, aber sie alle, da sie von fleischlicher, irdischer Klügelei sind, hassen die wahrhaften geistlichen Leute, welche im Geheimen sich mit himmlischem Manna vom Emmanuil nähren . . . (folgt Hinweis auf Kain und Abel, Esau und Jakob, Gal. 4, 29–31, ferner Joh. 18, 39 f.); ebenso wird auch heute mit den geistlichen Leuten verfahren, aus Hass der fleischlichen Weltliebhaber.

Die Wahrheit ist unbestreitbar, dass nötig sind die sichtbaren Kirchen: nötig sind die Riten, nötig ist die Priesterschaft um der fleischlichen Leute willen, die da irdisch sind und an dem sichtbaren Irdischen haften; so war es in allen Zungen und in der ganzen Welt, so ist es auch jetzt, aber wenn sie nur die sich am Himmelsgeiste nähren, die wahrhaften Christen, frei vom Aberglauben liessen; denn nach dem Zeugnis des Neuen Testamentes müsste es den wahrhaft Verständigen aufgehen und sie es merken, ob jemand den andern mit Gewalt erretten kann, und je mehr Verfolgung über die Knechte Gottes kam, desto mehr vermehrten sie sich in allen Gegenden: (folgt Joh. 16, 2–3). So verfährt mit uns die weltliche irdische Priesterschaft, indem sie den wahrhaften Geist Christi hasst. Siehe zu, ob nicht die Geistlichkeit auf Erden die Gewalt bildet, von der ausführlich das Evangelium zeugt: (folgt Matth. 23, 2 und 24, 35). Wo Gesetz ist, da ist nicht die Gnade des Heiligen Geistes, und wo Christi Geist nicht ist, da ist keine einzige christliche Tugend, weder wahrhafte Liebe zu Gott, noch Sanftmut, noch Demut, noch Enthaltsamkeit, noch Liebe zum Nächsten.

Dieses Gebieten Christi wird stets durch den Geist bestätigt: (folgt Matth. 5, 44 und Luk 6, 36).

Es wird die geistliche Reinheit in höchster Demut verfolgt: suchet nicht Weisheit, sondern Sanftmut: (folgt 1. Petri 5, 5 b.; 1. Kor. 14, 20).

Die Reinheit des Fleisches ist von Kopf bis zu Fuss und aus den Lippen geht niemals ein faules Schimpfwort oder ein Schwurwort hervor, sondern ruhige und bescheidene Reden, ja es frommt nicht einmal, den Namen des dunklen Feindes Gottes zu erwähnen, in keinerlei Gespräch, jeglicher Art berauschende Getränke sind verboten und Kaffee wird nicht gebraucht, demgemäss dass er Entflammung des Fleisches verursacht, und (was) von Essen mit Kunst (hergestellt ist) davon essen sie nicht, wovon Winde erweckt werden und die Begierde gegen die Seele in den Kampf zieht, meistenteils halten sie sich vom Fleischessen fern; doch wird es nicht als Sünde angerechnet, wenn jemand in der Not isst, aber berauschende Getränke sind unter Anrechnung als Sünde verboten, gleichwie sie nicht aus Not, sondern aus Schwäche (genossen werden). Es wird nicht erlaubt, auf Schmausereien, auf Hochzeiten, zu Komödieen, auf Maskeraden, zu Schaukeln zu gehen und dem ähnliche Versammlungen sind verboten, demgemäss, dass sie nicht von Christo, sondern von der Welt eingeführt worden sind; besser ist es, in die sichtbare Kirche zu gehen, die Liturgie anzuhören, demgemäss, dsss sie unser ist und vom wahrhaften Geist vom Himmel zusammengestellt ist, und das übrige Lesen und Singen: denn, indem man von ihren Schriften nimmt, kann man sogar ihre Schriftgelehrten der Nichterfüllung und des Missbrauchs überführen. Es wird nicht erlaubt, den Nächsten zu belügen, es ist verboten, irgendwie Menschen offensichtlich zu betrügen, aber man hat listig und schlau zu sein, wie die Schlange (Matth. 10, 10), indem man des Herrn Sache verbirgt, um im Geheimen zu verbergen die Fasten, Gebete, Almosen (6, 16) und alle geistlichen Tugenden; in solcher Sache kann man um Gottes willen lügen, wie

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

выходятъ съ 1893 г. въ неопредѣленные сроки, не менѣе 4 разъ въ теченіе года.

Ученыя Записки распадаются на два отдѣла: оффиціальный и научный.

Въ оффиціальномъ отдѣлѣ помѣщается годовой отчетъ Университета, актовыя рѣчи, отзывы о диссертаціяхъ, обозрѣніе лекцій и т. п.

Въ научномъ отдѣлѣ помѣщаются работы преподавателей Университета; изъ студенческихъ же работъ печатаются (по возможности въ извлеченіи) лишь сочиненія, удостоенныя золотой медали.

Научныя статьи **Ученыхъ Записокъ** печатаются какъ на русскомъ языкѣ, такъ и на одномъ изъ болѣе распространенныхъ западно-европейскихъ языковъ, а также на латинскомъ, по выбору автора.

Подписка принимается Правленіемъ Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Подписная цѣна 6 руб. въ годъ.

Редакторъ **Д. Кудрявскій.**